Ф. Р. Дунаевский

К вопросу о грядущей индустриализации сельского хозяйства[1]

1. Факты и перспективы

Смешно спорить о словах. Но когда приходится бороться за реальности, и слово может иметь известное значение, хотя бы в качестве знамени. Некоторые товарищи, еще не забывшие о выдвинутой в 1924 году Харьковским Институтом Труда идее „полеводственной промышленности" и о последовавшей затем дискуссии[2] относительно своевременности ее, иногда поспешно отождествляют то, что делается у нас сейчас в области тракторизации, с осуществлением идеи „полеводственной промышленности". Такое смешение не только неверно, но и вредно. То, что делается у нас, и то, что делать намечено, имеет значение гигантское, неизмеримо большее, чем многие предполагают. В отношении полеводственной промышленности — это огромный шаг вперед, в значительной степени предрешающий ее создание. Но подлинной полеводственной промышленности и даже надлежащего осознания этой идеи у нас еще, конечно, нет и быть не может.

Если никакие непредвиденности не помешают развитию того, что зачалось, то будущие историки будут отмечать 1927 год, как решающий год для начала новой эры в советской экономике. Этот год был первым годом опытного хозяйства, построенного на применении минимальных требований рационального использования новой техники полеводства — требований комплексности операций и укрупненного масштаба хозяйства, первым годом обработки крестьянских полей по договорам, исходящим из этих же начал, и годом ответственнейших решений коммунистической партии, придавших должный размах и уверенность дальнейшим работам в этом направлении.

---

[1] Интересная работа Ф. Р. Дунаевского содержит ряд дискуссионных моментов и критически заостренных положений. Тем не менее, мы считаем безусловно полезным печатание ее без редакционных изменений. Ред.

[2] См. „Полеводственная промышленность", Харьков. 1925. „О своевременности индустриальной поправки к нашей сельскохозяйственной политике"—„Плановое Хозяйство", 1925 г., № 11. „Полеводственная промышленность и реализм"—„Плановое Хозяйство", 1926 г., № 7. „Механизация полеводства и генеральное планирование"—„Плановое Хозяйство", 1927 г., № 12.

Нынешний год является уже первым годом признанного развертывания крупного комплексного тракторного хозяйства по всем трем основным формам его, какие были намечены в „Полеводственной промышленности“ (стр. 42) — государственные хозяйства, подрядные организации, укрупненные коллективы. Благодаря исключительной энергии и незаурядному практическому чутью А. М. Маркевича, наибольшее внимание привлекла к себе вторая из этих форм — подрядные отряды. Значение и размах, которые придаются строительству новых механизированных совхозов, характеризуются цифрами: 4 млн. десятин, 1,7 млн. тонн зерна, 350 млн. руб. на капитальные затраты на протяжении 4—5 лет. Цифры, которые, конечно, могут вызвать сомнение относительно реально достижимого в такой короткий срок качества предстоящей работы, но которые недвусмысленно выявляют обозначившийся масштаб и характер предстоящих преобразований — масштаб и характер глубочайшей технической революции.

Было бы непростительным педантизмом отрицать крупнейшее историческое значение всех этих практических начинаний на основании тех или иных их промахов или дефектов. Разумеется, ни колонны совхоза Шевченко, ни кооперативные отряды, снабженные плохо рассчитанными прицепками и спешно организованные, не могут дать той технической эффективности, которую можно было бы получить при более тщательной организации. Разумеется, вновь организуемые совхозы большого масштаба принесут не мало горьких сюрпризов вследствие отсутствия подготовленных руководителей и сложности нового дела. Несомненно, что много ошибок делается и будет делаться таких, которых можно было бы избегнуть уже и теперь при большей вдумчивости и меньшем бюрократизме. Эти отдельные ошибки подмечать и с отдельными заблуждениями бороться можно и необходимо. Но не в них, разумется, суть.

Требовать от революции, чтобы она происходила по „рациональному“ расписанию, с наименьшей тратой сил, на деле означает быть против революции. То, что правильно относительно революций политических и социальных, в значительной мере применимо и к революциям технико-экономическим.

Чем более отстала, чем менее культурна историческая почва, на которой приходится строить, тем менее живучими для первого момента являются ростки „рациональности“. В организации, так же, как и в садоводстве, при нашей некультурности оказываются полезными дички, т.-е. предприятия более грубые и примитивные, пусть более дорогие, чем предприятия „рациональные“, но более осуществимые и более понятные для окружающей культуры и потому более способные пустить корешки и выжить в окружающем организационном бурьяне.

Все это необходимо подчеркнуть здесь, чтобы предотвратить лжетолкования, которые можно было бы сделать из того, что будет сказано дальше. И украинские мероприятия, и намечаемые совхозы,— это и есть тракторизация. При благоприятных условиях они могут явиться „дичками“ для полеводственной промышленности.

Тракторизация есть, повидимому, тактически неизбежная форма для акклиматизации полеводственной промышленности в суровом климате нашей теперешней культуры. Своевременно, однако, заострить вопрос и о стратегии, т.-е. самой полеводственной промышленности.

Можно мириться с исторической неизбежностью „дичков“, если одновременно будут закладываться питомники для взращивания культурных прищепок. Но если „дички“ останутся единственным путем сельскохозяйственного строительства, то мы получим от такого дикого строительства совсем не тот эффект, какой возможен и нужен.

Какой эффект от механизации полеводства возможен и нужен?

В 1925 году приходилось еще убеждать в самой осуществимости сплошь механизированного полеводства (утверждали, например, что трактором нельзя производить ранний посев и т. д.) и доказывать экономическую выгодность его, необходимость крупного масштаба хозяйства и т. д. Поэтому приходилось намечать перспективы с известной осторожностью, ограничивая утверждения, распространять их, во избежание лишних споров, только на зерновое хозяйство и только на экстенсивное полеводство. Эта осторожность, правда, не уберегла меня от лестных наименований „фантазера“, „прожектера“ и т. д., на которые не скупились иные дальновидные персоны. Но все же никто до сих пор не опроверг ни одного из сделанных тогда основных утверждений.

То, что приходилось доказывать несколько лет тому назад, теперь уже не нуждается в доказательствах. Это не значит, конечно, что все, что нужно, усвоено и принято. Но все же очень многое теперь относительно основ механизации полеводства и теории и практики сельского хозяйства могут усвоить без нарушения основной склонности своей — считать реальным только то, что уже осуществилось. И хотя эта „пассеистическая“ или, для любителей русских корней,—„прошлистская“ склонность не помешает снова именовать „фантазерством“ и „прожектерством“ разговоры о том, чего еще не было и что только должно быть,— все же опыт этих лет, вероятно, побудит многих к большей осторожности в своих негативных предсказаниях и к большей серьезности по отношению к перспективам.

Поэтому можно рассчитывать уже на некоторое внимание и к более развернутой постановке проблемы.

Основной технической реальностью нашего времени является то, что „пределы“ применения тракторов в сельском хозяйстве, которые им ставили разные ученые и неученые „прошлисты“, преодолены и преодолеваются один за другим на наших глазах.

Пока наши скептики устраивали экономические состязания трактора с лошадью, американцы строили такой трактор, который не мог в этих состязаниях не победить. Мы рассуждали об аграрном вопросе — инженеры создавали предпосылки для его разрешения. И вот, то, что давно было совершенно ясно всякому человеку, сколько-нибудь смыслящему в основных тенденциях технического развития, теперь становится все более очевидным и для всякого непредубежденного зрителя. Не только технически, но и экономически машина вытесняет живую силу во всех операциях массового характера. Вслед за механизацией экстенсивных культур приходит механизация интенсивных. Уже у нас на Одессщине, в совхозе им. Шевченко и в Зиновьевке работают тракторы Farmall, приспособленные к хождению по междурядьям и к выполнению пропашных операций. И, конечно, опыты с подобными орудиями решат проблему „тракторного районирования“ Союза гораздо убедительнее, чем глубокомысленнейшие соображения самых лучших с.-х. экономистов.

Однако, механическая пропашка далеко не есть еще самое замечательное и самое значительное для перспектив полеводственной промышленности. На наших глазах вырастает в Америке новая отрасль сельского хозяйства, имеющая значение, быть может, не меньшеее, чем любая другая техническая культура,—культура каучука.

Значение этой культуры не требует пояснений для всех, кто не проспал общеизвестных фактов о росте автомобилизма в индустриальных странах и о каучуковой войне между Америкой и Англией. Культура каучука принадлежит к числу культур во всяком случае более интенсивных, чем любая из тех культур, на которые взирают у нас, мечтая об интенсификации полеводства. В отличие от наших „интенсивных“ подсолнухов, кукурузы и т. д., она требует не только пропашки, но и рассады. И вот, все эти операции производятся теперь механически. Специальные машины проходят между рядами молодых каучуковых кустов, высасывая созревшие семена без малейшего повреждения кустов. Затем эти семена машиной же засеваются в питомники рассады и тракторный же трансплантер производит посадку этой рассады на полях. Этот процесс уже настолько усовершенствован, что американцы приступили к развертыванию плантаций в Калифорнии в широчайшем масштабе. Они получают уже теперь 25.000 фунт. каучука на 1 рабочего, т.-е. в 16 раз больше, чем в состоянии выработать в Старом Свете эксплоатируемые англичанами, голландцами и французами кули. Американцы подчеркивают, что они далеки еще от полного усовершенствования этого процесса. Мы имеем здесь, таким образом, первую из отраслей сельского хозяйства, которая от рождения своего в данной стране уже является отраслью механизованной, промышленной. И не случайно, что это как раз не экстенсивнейшая, а одна из самых интенсивных культур.

В связи с этим далеко не столь фантастичными представляются опубликованные недавно в нашей общей прессе сведения о грядковой культуре пшеницы. Массовое применение трансплантеров на плантациях каучуковых (а также табачных, капустных и т. п.) позволяет считать механическую трансплантацию зерновой рассады в достаточной степени реальной вещью. Но вряд ли многие понимают, что означает эта возможность для судеб народного хозяйства.

До сих пор последней надеждой „прошлистов“ в аграрном вопросе была застойная культура Китая. Бунаков открыто высказывался в том духе, что вовсе не обязательно сельскому хозяйству надеятся на машину: вот же живет Китай грядковой культурой. И наиболее откровенные из наших советских идеологов „трудоемкости“ не отрицали, что последовательное применение этого спасительного принципа ведет к китайским грядкам.

Трансплантеры наносят последний удар этим надеждам превратить русского крестьянина в кули.

Развитие техники идет сейчас быстрее, чем мы в состоянии осознавать значение даже сделанных уже завоеваний. Разумеется, пока мы успеем очухаться и осознать, что произошло, техника откроет еще более яркие перспективы. Значит, надо быстрее очухиваться. Реальное решение аграрного вопроса требует сейчас совсем иных действий и иного темпа действия, чем пережевывание старой „экономической“ жвачки. Пора сказать открыто: с.-х. экономисты будут полезнее для констатаций и анализов уже совершившегося решения аграрного вопроса, чем для самого решения его.

Почему крупнейшие умы, авторы классических исследований аграрного вопроса не могли прийти до сих пор к убедительному решению его? Потому, что отсутствовали технические предпосыки для такого решения его, которое соответствовало бы развитию остальных отраслей хозяйства, а предугадать тенденцию технического развития и оторваться от отсталого уровня техники мысль была бессильна.

Теперь эти технические тенденции в значительной мере превратились уже в техническую реальность. Имеем ли мы право и теперь все-таки ограничиваться уже достигнутым уровнем техники в своем экономическом прогнозе, вместо предвосхищения и сознательного активного развертывания технических тенденций?

Но если даже мы остановимся на уровне уже достигнутом, что означает он? Надо сказать полным голосом и со всей резкостью, что он означает. Он означает для полеводства тот же процесс механизации, укрупнения, концентрации, уничтожения мелких хозяйств и трестирования, какой охватил все прочие отрасли хозяйства.

Мир стоит накануне нового фронта социальной революции. Социальная революция неизбежна там, где развитие производительных сил встречает препятствия в пережиточных формах социальных.

Таким же препятствием, каким являлось для рождавшегося капитализма крепостничество, каким является для зрелого индустриализма частная собственность на средства производства, — таким же препятствием является теперь мелкая собственность на землю для развития производительных сил в полеводстве.

Генри Джордж, Лев Толстой и наши народники были не пророками грядущей революции, а лебедиными певцами крестьянского земледелия. Действительная же революция начинается только теперь, и она произойдет в совершенно другом направлении.

Есть две страны в мире, в которых она должна произойти в первую очередь, хотя и разными путями, — Советский Союз и С. Америка. Можно сколько угодно спорить о разных причинах кризиса фермерского хозяйства. Но есть одна причина, которую не устранить уже никаким кон'юнктурам: Моргановское механическое хозяйство обходится вдвое дешевле на акр, чем среднее фермерское. Эта причина стоит, однако, тысячи других. Она создает небывалое внутреннее давление в сельском хозяйстве. Этому давлению упорно противостоят закостенелые перепонки мелкой собственности, разделяющей фермы. Но чем дальше будет итти развитие, тем сильнее будет становиться давление на перепонки. Если сейчас еще есть предохранительный клапан для фермера — в интенсивных культурах огородничества, то тракторные окучиватели, трансплантеры и т. д. закроют скоро и этот клапан. Сел.-хоз. экономисты и кон'юнктуристы будут захлебываться в изображении темпа, в каком эти перепонки отдельных форм будут лопаться. Может быть, некоторым из них удастся даже предсказать вероятные сроки катастрофы. Но трестовый капитал, сосредоточивающий в своих руках заводы тракторов и с.-х. машин, мельницы, элеваторы и жел. дороги, вероятно уже рассчитал эти сроки точнее экономистов. Произойдет ли в С.-А. С. Ш. нечто, подобное английскому „огораживанию", происшедшему, когда земли английских крестьян понадобились ленд-лордам, чтобы разводить овец, будут ли они скуплены банками за бесценок после массовых банкротств, искусственно вызванных резким понижением цен на зерно, или же будут просто брошены, когда крупный капитал развернет свои зерновые фабрики на новых территориях (кстати сказать, давно уже предусмотрительно скупленных),—это уже детали. Отличие этого вида концентрации от обычной промышленной будет в том, что для нее не понадобится овладение инвентарем концентрируемых предприятий. Ни лошади фермеров, ни их конские плужки, ни даже постройки не понадобятся новому хозяину.

Этот процесс будет жесток и болезненен в С.-А. С. Ш., как только может быть он жесток в стране предельной частнохозяйственной алчности. Он может задержаться под влиянием тех или иных причин на годы, десятки лет. Но надо быть „прошлистом" и ничего не понимать в законах развития техники, чтобы не видеть неизбежности этого процесса.

В Советском Союзе этот процесс должен пойти иначе. У нас нет таких социальных перепонок, которые надо было бы болезненно разбивать (если только не считать перепонок в отсталых умах). Опыты Шевченковского совхоза показали с достаточной очевидностью, что как только были осуществлены требования, вытекающие из самого существа новой техники, — комплексность, крупный масштаб, более или менее налаженное обслуживание орудий, — оказалось вполне возможным осуществить и социальную форму внедрения, не только безболезненную, но и выгодную для крестьянства. Но такая форма мыслима только при советском строе. Только при советском строе возможна концентрация не в результате борьбы социальных сил, а в результате союза индивидуальных интересов крестьян с интересами социалистического строительства. И в этом — колоссальнейшее наше преимущество по сравнению с Америкой перед лицом наступающей революции в полеводстве.

Но еще большим нашим преимуществом будет, если нам удастся использовать эту безболезненность перехода к высшей технике полеводства, чтобы совершить его раньше, чем его удастся совершить Америке, и чтобы использовать выгоды „новой" отрасли для целей социалистического строительства (см. об этом мои статьи, „Плановое Хозяйство", 1927 г., № 12, 1928 г., № 2).

Что означет перспектива этой революции для судеб полеводства в смысле экономическом? Вместе с концентрацией, с разделением труда, специализацией, с более полным использованием машин, с более щедрым применением удобрений, с более систематическим применением завоеваний техники и науки придет неизбежно р е з к о е п о н и ж е н и е с е б е с т о и м о с т и х л е б а.

Уже сейчас, при самой грубой „дичковой" организации этого дела, крестьяне в Одесском округе тратят на обработку десятины по договорам с Совхозтрестом $^1/_4 — ^1/_3$ урожая плюс несколько дней труда. За несколько дней труда они будут получать 0,7 — 1,0 тонны зерна. Возможно, конечно, что первое время эти условия окажутся несколько убыточными для Совхозтреста. Но в основе своей, для налаженного хозяйства они вполне реальны. По мере же рационализации, по мере более рассчетливого и полного использования тракторов и наиболее совершенных орудий, по мере уничтожения засоренности почвы и повышения ее культурности, количество необходимого труда могло бы быть сведено до 1 — 2 дней на десятину, и тогда этой трети урожая хватало бы все в большей мере не только на оплату горючего, амортизации и ремонта машин, но и на оплату всей себестоимости обработки земли вообще.

Можно уже сказать с достаточной уверенностью, что современный уровень техники позволяет — при рациональной организации — добиться понижения себестоимости зерна втрое против нынешних цен на него, т. е. до 18 — 24 руб. за тонну. Применение

удобрений — при массовом рациональном их производстве — отнюдь не должно этой себестоимости повысить.

Таковы реальные перспективы, если даже оставить пока в стороне тот переворот, который произвело бы изменение самой системы полеводства (переход на рассаду, ирригация и т. д.). Техническая революция полеводства означает прежде всего дешевый хлеб.

Проблема дешевого хлеба не занимала до сих пор сколько-нибудь заметно умов наших с.-х. экономистов. Это было совершенно естественно при господствующей предпосылке относительно неизменности технического уровня полеводства. Совершенно естественно при этой предпосылке, что понижение цены на хлеб представлялось гибельным явлением, угрожавшим реальному доходу большинства населения, понижение же себестоимости вообще стояло вне кругозора. Совершенно естественно, что не вокруг себестоимости, а вокруг обилия хлеба, вокруг увеличения посевной площади и повышения урожайности сосредоточивались все вожделения и идеалы сельскохозяйственной мысли. Не случайно, что и трактор в связи с этим воспринимался вначале, главным образом, как средство расширения посевной площади — при недостатке тягловой силы он выступал, как заместитель лошади, а в глазах некоторых даже как временный ее заместитель.

Но представим себе, что путем рационального вложения крупных средств в механизацию и химизацию полеводства удалось бы преодолеть все возможные затруднения (в том числе и социального порядка) и получить от этого применения современной науки и техники полный эффект, какой такое применение может, вообще говоря, дать, т.-е. не только изобилие, но и резкое удешевление продуктов полеводства.

Что означало бы это резкое удешевление и изобилие продуктов полеводства? Прежде всего оно означало бы,— как это бывает и при удешевлении любого другого продукта,— возрастание потребления. Возрастание потребления продуктов полеводства вовсе не однозначно с возрастанием непосредственного потребления хлеба. В этом отношении цифры, которые любят приводить, относительно падения зернового хозяйства при поднятии народного благосостояния, не являются возражением, ибо, несмотря на уменьшение непосредственного потребления хлеба, богатеющие страны начинают потреблять больше мяса, масла, молока, усиленное производство которых требует усиленного производства кормов, а также больше сахара, растительных масел, текстильных товаров и т. д.

Дешевые и обильные продукты полеводства означают возможность возрастающего развития скотоводства и птицеводства и одновременно уменьшение себестоимости и, следовательно, и цены продуктов скотоводства и птицеводства.

Далее, дешевый хлеб и дешевые, благодаря дешевым кормам, мясо, масло, птица и т. п., а также дешевые, благодаря удешевлению технических культур, сахар, полотно и проч. означают удешевление жизни вообще, т.-е. в переводе на индустриальный язык — рост реальной зарплаты рабочего.

Не меньшее значение имела бы дешевая птица и для смягчения остроты безработицы в переходный период. Государство получило бы возможность оказывать социальную помощь более обильную и реальную, чем ныне, и сокращение работы в связи с техническим прогрессом явилось бы тем, чем оно должно быть в социалистическим государстве, — не страшным призраком, тормозящим смелое развитие техники и рационализации, каким оно достаточно часто является ныне, а благословенным этапом к общему уменьшению рабочего времени.

Наконец, изобилие и дешевизна пищевых продуктов и технических культур открывали бы экспортные возможности и перспективы конкуренции на мировом рынке, о каких мы для старых промышленных производств не можем и мечтать. Возражения, которые приходится по этому поводу слышать, относительно таможенных кордонов, какими капиталисты Запада отгородятся от нашего дешевого хлеба, вряд ли серьезны. Ибо экономическое давление — давление цен — есть сила, и, встречая сопротивление, эта сила из экономической превращается в социальную. Вряд ли возможна более властная демонстрация преимуществ социалистического строя перед капитализмом, чем напор дешевого социалистического хлеба на таможенные барьеры капитализма.

Таковы возможности, открываемые нынешнем уровнем техники в полеводстве. Что мешает осуществить эти возможности? В обществе буржуазном — господство корыстных интересов, которое выгоды для одних связывает с гибелью для других, частная собственность на средства производства. В обществе советском — рутина, социальная инерция, которая не только укрепляет сторонников старого, но и сохраняет туман в головах многих искренних сторонников нового.

Эта социальная инерция и есть та главная сила, которая задерживает превращение тракторизации полеводства в полеводственную промышленность.

Промышленность в ее современном смысле есть применение наиболее современной техники к производству, со всеми вытекающими отсюда последствиями: с научным расчетом производства, со строгой диференциацией и специализацией труда, с смелым использованием научных изысканий для каждой мелочи, с вытекающими отсюда тенденциями к широчайшему росту продукции, к концентрации, к удешевлению себестоимости, к полному вытеснению более отсталых производственных форм. В применении к полеводству это означало бы тенденцию к государственной сети хозяйств, по десятку — другому тысяч десятин каждое, оборудованных на началах полнейшего использования и тяговой силы трактора, и прицепных орудий,

и искусственных удобрений, и селекции, и т. д., руководимых сведущими агрономами-инженерами, обеспеченных подобранной и тренированной рабочей силой, избегающих всякой немашинной работы, которая удорожает продукт. Охватывая постепенно всю пахотную площадь страны, отстраняя крестьянина от отсталого индивидуального полеводства, эта сеть должна обеспечить ему взамен более доходные хозяйственные возможности.

Только в этом смысле полеводство стало бы промышленностью и только в этом случае оно обеспечило бы в полной мере те выгоды, экономические и социальные, о которых сказано выше.

Не только такой промышленности, но и осознанного стремления к ней мы еще не имеем. То, что мы сейчас имеем в так называемой „тракторизации“,—это обыкновенное дряхлое крестьянское полеводство, ковыляющее на тракторных костылях в так называемых „колхозах“, плетущиеся в хвосте недоусвоенной западной техники совхозы и отдельные недодуманные опыты чего-то нового, тонущие в жиже невылазной лошадно-прошлистской идеологии. Это и есть то, что называется у нас „тракторизацией“ и что надо решительнейшим образом противопоставлять „полеводственной промышленности“, как невежественную карикатуру ее.

Повторяю, для внедрения в наши пустыни и топи хозяйственной некультурности ростков новой культуры необходимы прежде всего организационные „дички“.

Однако, надо строжайшим образом разграничивать задачи тактические—соблюдение реальной пропорции старого с новым, которое предохранило бы от крушения,—и задачи стратегические, т.-е. подготовку и упорное систематическое осуществление этого нового.

Для правильной стратегии надо прежде всего ясно знать, в чем именно цель борьбы и где именно и под какими масками скрывается враг.

Поэтому анализ противодействий полеводственной промышленности и возможностей устранения их является первым условием для стратегического ее обеспечения.

2. Основные пути противодействия полеводственной промышленности

Путей и форм маскировки социальных сопротивлений полеводственной промышленности много. Я остановлюсь здесь лишь на трех, особенно ярких и частых: на идеологиях „консервативной трудоемкости“, „уравнительства“ и „упрощенчества“.

Мотив консервативной трудоемкости есть мотив, с наибольшей самоуверенностью открыто противопоставлявшийся „прошлистами“ в дискуссии. Сущность этого мотива не в том, чтобы расширять сферу применения крестьянского труда. Относительно необходимости „занять“ крестьянина споров быть не может. Но спор идет о том, каким способом можно лучше его занять: путем повышения техники, повышения производительности и народного богатства, или путем

торможения технического прогресса, задержки в росте производительности. Поэтому я называю этот мотив мотивом „трудоемкости консервативной“. В общей форме мне пришлось разоблачать реакционные корни этого мотива уже не раз (см. упомянутые выше статьи в „Плановом Хозяйстве“). Выдвигать этот же аргумент от „консервативной трудоемкости“, открыто противопоставлять его идее широкой механизации полеводства вообще — теперь уже неудобно. Поэтому он находит себе выражение не в дискуссиях, а в действиях, и именно так, что самому осуществлению механизации пытаются придавать направление, диктуемое этой погоней за „консервативной трудоемкостью“.

Одним из проявлений такой погони может легко явиться основная идея так называемого „районирования“ тракторизации. Согласно этой идее, Союз делится на две зоны, для одной из которых главная ставка делается на механизацию, для другой же—на удобрение. На первый взгляд эта идея выглядит очень убедительной: там, где земли и значит хлеба достаточно, но недостает тяговой силы, надо в первую очередь дать трактор. Там, где земли мало, надо в первую очередь повысить урожайность. При такой осторожной формулировке возражать против подобного районирования первых очередей реконструкции не приходится.

Но, разумеется, только для первых очередей, пока будет мало и тракторов и удобрений. Разумеется, с точки зрения развернутой полеводственной промышленности многоземельный Восток не может иметь перед перенаселенным Западом преимущества в механизации. И, наоборот, с точки зрения народного хозяйства в целом, искусственные удобрения для степей могут иметь не меньшее значение, чем для всяких других районов.

И вот, когда опираясь на эти идеи, правильные тактически для ближайших лет, начинают забывать о задачах стратегических, о подготовительных мерах для механизации культур интенсивных „консервативно трудоемких“ и о химизации степей, ссылаясь на то, что в районах перенаселенных механизация вредна,—тогда под флагом тактической практичности начинает одолевать стратегическая близорукость и обыкновеннейшая социальная косность. Ибо только длительные опыты могли бы показать об'ективно, не окажется ли совокупный эффект от улучшения обработки полей, от рационального применения удобрений в общественном севообороте и от сокращения лошадиных кормов значительнее и для перенаселенных районов, чем одна лишь раздача удобрений при сохранении обычного типа лошадиных хозяйств.

И нечего уже и говорить о том, что никакое серьезное понижение цен на с.-х. продукты в стране невозможно, пока сохраняются районы, в которых главным доходом крестьянства остается полеводство и в которых производительность труда задерживается на дотракторном уровне.

Другим проявлением той же идеологии „консервативной трудоемкости“ являются договоры Маркевича.

Тактически деятельность Маркевича имеет значение гораздо большее, чем могли бы иметь тысячи лучших расчетов и рассуждений. И деятельность эта требует, конечно, всяческой поддержки и защиты не только от врагов, но и от всяческих головотяпских подражателей.

Суть этих договоров заключается в том, что с преимуществами крупного тракторного хозяйства, невозможными для отдельных хозяев или мелких коллективов, но вполне осуществимыми при общественном севообороте и тракторных отрядах,— с преимуществами этими совмещаются индивидуальные права землепользователя на полный продукт полей и возможность непосредственного применения его рабочей силы. Именно в этом последнем и заключается единственная специфическая особенность осуществляемой Маркевичем формы, так как все остальное — и сплошность обрабатываемого массива, и укрупненный масштаб, и комплексный охват всех полевых операций—является применением как раз тех основных принципов, которые были доказаны для всякого серьезного механического полеводства вообще.

И вот, как раз в этой специфической особенности формы, осуществляемой Маркевичем, и сказывается влияние „консервативно-трудоемкой“ идеологии.

Как можно оценить это непосредственное трудовое участие крестьян в тракторных отрядах? С точки зрения основных требований рационального хозяйствования, польза его весьма сомнительна. Передавать трактор через каждые несколько дней из одних неумелых рук в другие — не значит обеспечивать ему наилучшее использование и сохранность. И фактически это и не делается. Фактически в Шевченковских отрядах на тракторе сидит все время один и тот же рулевой, который, отработав свои десятины, работает на чужих за деньги. От обязательности натурального трудового участия на тракторе пришлось отказаться. Оно сохраняется только для таких работ, как доставка воды (при чем особой пользы для бесперебойности водоснабжения от этого не наблюдается), очистка культиваторов от корневищ (необходимо только при поднятии перелогов) и, главным образом, для работы по уборке урожая.

При этом предполагается, что такая работа будет иметь все преимущества работы „у себя“ — как в смысле ее качества и добросовестности, так и в смысле отсутствия претензий на ограничение рабочего времени, высокую оплату и т. д. Комплектование же рабочей силы производится по наряду, каждому назначается, когда сколько рабочей силы поставить из своего двора, при чем назначение это является обязательным, отказаться от него нельзя, за отказ или опоздание полагается штраф, а при повторении штрафов возможно и исключение.

Что все это означает конкретно? Общее количество рабочего времени, по подсчету Маркевича, составляет в этом случае 6 дней на одну десятину. При этом на вспашку уходит (с трактором типа „Интернационал“) около 0,3 дня, на посев с бороньбой—около 0,1 дня, на обработку пара — 0,3 — 0,4 дня, на жатву сноповязалкой — 0,2 дня, а всего вместе около одного дня. Остальные же 5 дней идут в счет подвозки воды, охраны и т. п., главным же образом — в счет работ уборочных, которые производятся в данном случае способами весьма отсталыми, с устарелыми молотилками, ручной кладкой снопов, конной подвозкой снопов, десятками людей у молотилки и т. д. Применение более совершенных орудий (тракторные молотилки, пушгедеры, комбаны) сводит всю затрату труда по уборке, молотьбе и отвозке зерна в амбар к нескольким десятым рабочего дня на десятину. Полтора рабочих дня для озимых и один рабочий день для яровых хлебов можно считать вполне реальной при рациональной организации затратой труда. (У Кембела уходит еще меньше времени).

Не трудно представить себе, какие „удобства“ для организации хозяйства представит использование натуральной рабочей силы по $1—1^1/_2$ дня на каждую десятину, т.-е. по 6—7 дней на двор (в степи). Ради чего же это делается? В чем преимущества этой формы договора перед обыкновенным порядком, при котором тракторный отряд принимал бы на себя и заботу о рабочей силе? Это преимущество видят в том, что таким образом дается выход избыточной рабочей силе крестьян. Однако, надо засвидетельствовать, что тракторные отряды отнюдь не осаждаются предложением рабочей силы. Наоборот, обеспечение их рабочей силой не обходится без некоторых усилий. И понятно. Не может быть иначе. Несколько дней работы с тракторами не дают никакого решения проблеме безработицы ни в масштабе государственном, ни в масштабе индивидуального хозяйства. Больше того, эта необходимость в назначенные дни, по наряду обязательно выйти на работу воспринимается уже теперь не всегда, как благо, крестьянином, а зачастую — как досадная помеха. Он часто уже теперь охотно откупился бы от этих выходов соответственным числом пудов из урожая. Ибо, освобождаясь от тягот и от забот своего полеводства, крестьянин обычно находит другое применение своим силам. А каждая работа имеет свои притязания относительно времени и сроков. Невозможность полностью располагать своим временем из-за нарядов на тракторные работы действует дезорганизующе, она тормозит хозяйственную инициативу крестьянина, задерживает его отход от полеводства к другим отраслям. Чем больше крестьянин занят работами новыми, тем это натуральное трудовое участие будет для него тяжелее. С точки зрения народнохозяйственной его надо считать скорее вредным, чем полезным.

Я привел только два примера. Конечно, их можно было бы найти и больше. Идеология „консервативной трудоемкости“, бессильная остановить победу техники, будет всячески стремиться помешать

ей исподтишка, под всякими благовидными „практическими“ предлогами. И это будут делать вовсе не плохие люди, даже крепко преданные революции люди, и вовсе не ради вредительства, а просто от недомыслия.

Другой формой враждебной полеводственной промышленности идеологии — формой менее опасной, чем идеология „консервативной трудоемкости“, но практически не менее опасной, является идеология уравнительства. Наиболее яркое свое выражение она находила до сих пор в практике с.-х. кооперации, в частности—в колхозном строительстве.

К сожалению, несмотря на многие десятки миллионов, истраченных на колхозы, не нашлось до сих пор нескольких десятков тысяч, чтобы толком исследовать, какова реальная эффективность тракторных колхозов и каковы факторы этой эффективности. Имеющиеся данные, разрозненные, случайные, не позволяют обосновать сколько-нибудь общезначащих выводов.

Я позволю себе, однако, на основании имеющихся данных высказать утверждение, что если надежные статистические данные получить удастся, они будут далеко не утешительны. Не могут они быть утешительны, ибо единичные тракторы, распыленные на больших расстояниях от центров технической помощи и снабжения, без комплексно подобранных прицепных орудий, по существу не могут дать того эффекта, какой возможен лишь при крупном технически высоко организованном хозяйстве. Эта мысль все больше осознается в последнее время. Однако, это не мешает и до сих пор распылять тракторы по отдельным единотракторным колхозам и при том даже эти колхозы не сосредоточиваются в небольшом числе центров, а рассеиваются, „чтобы никому обидно не было“, по щепотке каждому округу, каждому району.

Из тракторов, которые в 1928 г. пришли на Украину, снова подавляющее большинство было распылено по одному трактору на об'единения, — так же, как и в прежние годы. И попрежнему остается невозможным ни надлежащее техническое обслуживание, ни полнота хозяйственного использования тракторов.

К чему это ведет? К непроизводительной растрате капиталов и к дискредитации самой идеи механизации. Конечно, и здесь бывают тактические необходимости. Но не заслоняют ли эти тактические необходимости основных перспектив стратегических?

Третьим из проявлений враждебной полеводственной промышленности идеологии, и, быть может, наиболее вредной, является идеология, которую я — литературности ради и чтобы не дразнить гусей — назову упрощенческой.

Суть этой идеологии заключается в том, что люди не только берутся решать сплеча вопросы, которые даже при наличном нашем уровне культуры и запасах квалификации в стране можно было

бы решить более обоснованно и удачно, и не только противятся всяким попыткам углубленного обоснования решения, но даже возводят в принцип такой метод действия, усматривая в нем „истинно-революционный“ и „истино-практический“ подход.

Согласно этой идеологии, можно, например, издеваться над „академическими“ советами, завести на триста рублей динамограф („у нас не опытная станция“) и благодаря этому цеплять к трактору дорогие американские многолемешники, отнимающие полную мощность трактора и дающие 5 десятин в день вместо 10 десятин, которые на той же самой обработке пара дают дешевые русские букера Токмакского завода. Согласно этой идеологии, можно самоуверенно смеяться над требованиями поставить изучение орудий для обработки пара („ведь это и так само собою ясно“) и заказывать их без расчета, а потом убеждаться, — когда уже поздно, — что трактор тянет два букера, а не один, и мог бы дать с двумя 10—11 десятин на нормальной 2 скорости вместо 6—7, которые дает с одним на вредной 3 скорости. Согласно этой идеологии, можно гоняться за дешевизной рабочей силы и обходиться с минимальной квалификацией, а потом недоумевать, почему капитальный ремонт одного трактора обходится в 130 рублей, а другого, того же возраста — в 500 рублей.

Согласно этой же идеологии можно, гоняясь за „обобществлением“, насаждать многотракторные коллективы при „земгромадах“, не потрудившись обеспечить их ни техническим, ни организационным руководством, а затем, когда они потерпели финансовый, и что еще хуже, моральный крах — не разобравшись в причинах, валить все на „неудачную форму“. Согласно той же идеологии, можно под впечатлением чужих успехов поторопиться с „учетом опыта“ тракторных колонн и заключать договоры на тысячи десятин, не позаботившись сначала создать те условия, которые обеспечили бы этим колоннам реальный и прочный успех. Можно тратить дни и недели на заседания, статьи, конференции, наполненные схоластическими рассуждениями о преимуществах той или иной организационной формы, не замечая, что эта вера во всеспасительную силу формы — независимо от реального организационного содержания — есть бесплоднейшее идолопоклонство перед пустейшим бюрократическим фетишом.

Согласно этой же идеологии, можно ораторствовать о смычке труда и науки и жалеть сотню рублей на перевод инструкции, приложенной к новой, „для опыта“ выписанной американской молотилке: „не можем же мы ради одной молотилки инструкцию переводить“. А в инструкции на первой странице сказано, что, не изучив ее, молотилкой правильно пользоваться невозможно.

Дело не в отдельных таких казусах, которых можно было бы привести томы. Дело в общей установке, в стиле. В течение ряда лет мы не можем добиться осуществления исследовательского центра,

в котором все эти вопросы техники, экономики и организации полеводственной промышленности нашли бы свое об'ективное освещение. Почему не можем добиться?

Виновных нет. Каждый по-своему прав. Но в общем дело тонет в трясине ведомственных самолюбий и высокопоставленных „некогда". Почему? Потому что нет понимания необходимости исследования для действительно практического хозяйствования. Спрашивать отчета о „практических результатах" исследования всякий умеет, но для того, чтобы не только обеспечить это исследование, даже использовать уже полученные результаты его для практики, попросту понять эти результаты,— для этого не хватает времени.

Какая-то стихия своеобразного слепого самомнения. Я назвал бы его,— выражаясь мягко,— практ-чванством. Выражаясь мягко, ибо это — чванство не подлинно своей практичностью, а поверхностной видимостью практичности. Ибо такие вещи, как реконструкция хозяйства, без глубокого и смелого развертывания исследования и экспериментов подлинно практично осуществляться не могут.

И пока этим идеологиям „консервативной трудоемкости", „уравнительства" и „упрощенчества" мы не дадим категорического, конкретного и закрепленного отпора, до тех пор серьезно об индустриализации с.-х. производственных процессов не может быть речи.

3. О конкретных мероприятиях по обеспечению перспектив полеводственной промышленности

Осуществление полеводственной промышленности обеспечивается, вообще говоря, двумя основными факторами: экономическим давлением нового технического уровня и волевой готовностью соответствующих социальных сил. Экономическое давление конкретизируется успехом опытов, демонстрировавших и осуществимость и рентабельность механического хозяйства. Волевая готовность нашла себе выражение и в решениях коммунистической партии и в той охоте, с какой пошло крестьянство на договоры.

Однако, одни и те же технические ресурсы могут дать совершенно разный эффект, в зависимости от того, как они будут использованы. Добьемся ли мы хотя бы через пару десятков лет дешевого хлеба или потопим наши перспективы в трясине невежественной безалаберности,— это отнюдь не предрешается ни уровнем мировой техники, ни категоричностью нашей воли к механизации.

Мы подвергли анализу,— по тем данным, которыми удалось располагать,— степень технического использования трактора в единотракторных владениях (коллективы, машинно-тракторные товарищества и т. п.). Современное состояние нашего учета не позволяет, к сожалению, как я уже упоминал, делать какие-либо окончательные выводы. Но есть все же данные достаточно показательные. Это — условная занятость трактора, т.-е. частное от деления всего

числа проработанных за сезон часов на число отчетных дней (деление это необходимо было произвести для приравнения неравных отчетных периодов). Колебания этой условной занятости дали кривую от 1 до 11 ч. в день, а если брать средние для 20% худших и 20% лучших,— от 2,5 до 7,5 часов в день. Это значит, что в 20% случаев трактор работал в среднем за сезон втрое больше, чем в других.

Подобные колебания свойственны однако не только однотракторным хозяйствам. Совхозы дают несколько меньшие колебания, но все же достаточно резкие (по отдельным совхозам от 4 до 11 часов в среднем работы в день).[1]

Даже в том совхозе, который и для Совхозоб'единения, а может быть и для всего Союза можно считать образцовым — для совхоза Шевченко,— анализ отчетных данных за 1927 год показал возможность произвести ту же самую работу и в те же самые сроки количеством тракторов на 33% меньшим, чем имелось. Этот вывод нельзя считать окончательным вследствие дефектности отчетных данных, но масштаб величин все же достаточно вероятен. Это значит, что одни и те же затраты капитала на оборудование могут дать работу в одних случаях в 3—4 раза большую, чем в других. Даже в лучшем случае мы могли бы получить, повидимому, в $1^1/_2$ раза большую эффективность, чем получили,— если бы только с большей расчетливостью подобрали оборудование и с большей расчетливостью пользовались им.

Земгромада Сычавка, на которую возлагали столько надежд наши кооператоры, надеявшиеся своими благочестивыми рассуждениями на тему об общественности заменить реальное обеспечение организационно-технических предпосылок,— дала в прошлом году убыток в несколько тысяч рублей. Другая земгромада — Константиновская — на втором году своей работы не только дала убыток в 3.000 рублей, но и обнаружила понижение хозяйственных коэфициентов (расход керосина на 1 десятину поднялся с 30 *кг* до 32 *кг*, при повышении платы за вспашку до 9 р. и при уменьшении общего количества работы втрое: поднято 700 десятин вместо 2.100, которые были подняты в 1926 году).

Что это значит? Это значит, что в нашем колхозном строительстве мы получаем от затраченных средств на машиноснабжение не тот эффект, который могли бы получить, а эффект гораздо меньший, и при том неизвестно, насколько меньший — может быть в $1^1/_2$, может быть в 2, может быть в 3 раза.

Но если рубль, затраченный на машинное оборудование, мог бы дать продукцию на 2 рубля, как показывают некоторые осторожные расчеты, и вместо этого дает 1 р. 30 коп., 1 р. или

---

[1] См. В. Шнейдер. „Исследования успешности работы трактористов". „Труды" Института Труда, Вып. 2, Харьков, 1928 г.

70 коп.— это значит, что из каждого затраченного рубля мы 33 к., 50 к. или 66 к. выбрасываем на ветер.

Есть ли у нас гарантии, что из этих гигантских ассигнований, которые ныне намечаются на колхозное и новое совхозное строительство, ни один миллион, ни один десяток миллионов, ни одна сотня миллионов не будут выброшены на ветер? Никаких.

Хуже того. Мы не только не гарантированы, что треть, половина, а может быть и больше средств не будут выброшены на ветер, мы не только не осознали, что надо сделать, чтобы это предотвратить, мы даже не будем знать, сколько именно денег мы выбросили на ветер. Ибо ни один человек в Союзе не знает вполне достоверно, сколько продукции должен дать рубль оборудования и сколько должна стоить одна десятина обработки при надлежащей ее организации в тех или иных условиях. Мы имеем много разных расчетов и прикидок. Мы имеем много разных „средних", но настоящего, делового, на уровне современной техники стоящего учета производительности и себестоимости, который дал бы достоверные основания для расчетов, мы не имеем нигде.

Еще хуже: как правило, мы даже не осознали еще, что мы этого не имеем. Мы даже не осознали еще, что мы вынуждены строить великое новое дело в значительной степени вслепую, что еще ни один из основных вопросов о том, как это новое строить, не освещен в достаточной мере. И потому мы не имеем никакого понятия и о том, как освещение этих вопросов обеспечить.

Мы имеем, правда, на Украине Акимовскую опытную станцию, ту самую, которая была об'ектом длительной борьбы двух республик и которая вышла из этой борьбы почти совершенно разгромленной. Но эта станция имеет 600 десятин земли, составляющие жалкую часть той территории, которая необходима для испытания даже имеющихся уже на этой станции 11 тракторов. В результате, когда прибыла комбайна, испытание ее могло быть поставлено на территории всего лишь 8 десятин (при 10—12 десятинах производительности за один только день). Станция эта имеет бюджет столь нищенский, что без непрерывных договоров с отдельными богатыми заказчиками,— разумеется, в ущерб основному плану работ,— она вообще существовать не может.

Мы имеем далее „опытный совхоз" им. Шевченко в Одесском округе. После годов борьбы было решено, наконец, что опытное хозяйство нужно, и на исследовательские работы было ассигновано 3.000(!) рублей в год. Но жизнь показала с достаточной очевидностью, что совмещение интересов инициативного научного исследования с интересами уверенной в своей непогрешимости практики не более осуществимо, чем крыловская упряжка из лебедя с щукой.

Да не будет это принято в обиду соответственными лицами, делающими большое и нужное практическое дело, но там, где приходится год добиваться индивидуальных загонок для отдельных тракторов, разбивки территории на клетки или постановки метеорологической станции, там, где исследование эффективности оборудования высмеивается, как праздная академическая задача, там, где разумный резерв оборудования не умеют отличать от нерасчетливости в оборудовании,—там говорить о серьезной постановке научного исследования не приходится.

То, что остается у нас не осознанным в этом деле,— это своеобразное положение зачинающейся полеводственной промышленности в ряду других отраслей промышленности. Какую бы из старых отраслей промышленности мы ни взяли — металл, электричество, химию — мы имеем уже на Западе достаточно разработанные образцы предприятий, имеем кадры инженеров, специальные ВУЗ'ы и т. д. Уже этих одних предпосылок достаточно, чтобы создавать у нас соответственные предприятия, стоящие на уровне современной техники, эффективности и рентабельности. Однако, и в этих старых отраслях специальные исследовательские учреждения являются непременным условием не только для дальнейшего развития, но даже для обеспечения толкового копирования.

Совершенно иначе обстоит дело с промышленностью полеводственной. Не только специалистов-исследователей, но даже профессоров и инженеров полеводственной промышленности у нас нет. У нас есть отличные агрономы и отличные с.-х. машиноведы, но специалистов по полеводственной промышленности, охватывающих всю совокупность относящихся к ее построению знаний и умений, У нас нет. Нет их в должном количестве и на Западе, ибо и самой полеводственной промышленности еще почти нет. Хозяйство Кембела еще только-только выходит из стадии хозяйства опытного, но и Кембел в своих письмах больше всего жалуется на недостаток квалифицированных работников.

У нас нет ВУЗ'а, который готовил бы инженеров полеводственной промышленности, у нас нет ВУЗ'а, который готовил бы агрономов полеводственной промышленности. Готовой квалификации нет, и нет для этой квалификации питомника. Мы могли бы создать уже несколько лет тому назад такой питомник, но инерция лошадиной стихии затормозила это дело, и мы подходим сейчас к величайшему и важнейшему строительству почти безоружными. Мы не только вынуждены теперь строить дички вместо культурных хозяйств, но мы не имеем и обеспеченных прищепок для этих дичков в будущем.

Что может получиться из этих дичков, если не будет для них прищепок? Не только дешевого хлеба, не только полеводственной промышленности не получится,— нет уверенности, что даже элементарная коммерческая рентабельность будет соблюдена. И тогда тракторизация, вместо дичка для полеводственной промышленности, станет ее смертельным врагом.

Как можно представить себе питомник для полевод-

ственной промышленности? Меньше всего вопрос мог бы быть решен созданием отдельных исследовательских институтов. Эти исследовательские институты, и существующие, и замышляемые ныне, необходимы, конечно. Но питомником полеводственной промышленности должно быть нечто совершенно иное.

Об'ект изучения в полеводственной промышленности — не трактор, не отдельные орудия, не отдельные только процессы, а целостные комплексы: комплекс машинный, т.-е. взаимно пригнанная совокупность орудий, которую мы оценивали бы по эффективности ее в смысле количества, качества, своевременности, стоимости всего комплекса полевых операций в его целом; комплеке механического хозяйства,— т.-е. не только совокупность машинных комплексов, но и определенный размер этой совокупности, определенная территория, снабжение, техническое обслуживание, подбор персонала, распорядок работ, набор культур, севооборот и прочие факторы, которые определяют эффективность вложений в себестоимость тонны продукции не только каждый в отдельности, но и степенью своей согласованности, скомпанованности в единое целое; наконец, комплекс социальный, т.-е. совокупность и мероприятий по обеспечению технической и организационной рациональности хозяйственных комплексов, и мероприятий по организации крестьянских об'единений, общественных севооборотов и т. п., и мероприятий по кооперированию, по кредитованию крестьянства, по с.-х. просвещению и т. д. Все такие мероприятия, а также сосредоточение всех этих мероприятий в одном районе и в одно время, обеспечение бесперебойности работы, завоевание доверия крестьян к прочности нового порядка и т. п. определяют собою эффект социальный не только и даже не столько каждое в отдельности, сколько именно в своей взаимно пригнанной согласованности.

Мы можем иметь великолепные измерения мощности и прочности тракторов, великолепные эксперименты опытных станций, великолепные анализы эффективности механизированных колхозов, диференциации на селе и т. д. Но если мы не подвергнем изучению комплексы — машинный, хозяйственный и социальный, в их целом, мы самого важного знать не будем.

Можно, конечно, ждать, пока, пробуя и спотыкаясь, исправляя свои ошибки, практика нащупает постепенно сама собой нужные комплексы. Через 4 года после того, как вопрос о полной загрузке трактора был выдвинут, мы все еще не знаем, какие культиваторы, сеялки, сноповязалки цеплять к трактору, и даже не осознали значения этого вопроса. Может быть, еще через ряд лет дело это „утрясется" само собой.

До сих пор мы не имеем ни оптимального размера хозяйства, ни твердых оснований для оценки эффективности, ни даже норм выработки и не можем обеспечить не только дешевого хлеба, но даже безубыточности хозяйства (в громадах, совхозах). Может быть, само собою, путем годов растрат и разочарований, и это утрясется.

До сих пор мы не знаем, ведет ли единотракторный коллектив к росту или к упадку хозяйства, к нивеллированию или диференциации, до сих пор перспективы механизации для проблемы перенаселения определяются схоластическими догадками, а не фактами. Может быть, в конце концов и это утрясется.

Но имеем ли мы в своем распоряжении столько средств и уделяет ли нам история на реконструкцию столько времени, чтобы мы могли позволить себе роскошь такого „утряхивания" вслепую, вместо решительной и экономной постановки всех этих вопросов перед широким сосредоточенным научным исследованием?

Пора понять, что торопливое практ-чванство ускоряет лишь момент решения, но не момент искомого эффекта. Ждать, пока тракторизация сама собою, „практически", без широких интенсивных исследовательских мероприятий вырастет в полеводственную промышленность,—не значит ускорять ее рост. Там, где на 5 лет намечены миллионы десятин и сотни миллионов рублей, там выделение сотни тысяч десятин и десятка миллионов рублей на задачи исследования отнюдь не является чрезмерной щедростью. Даже коммерчески такая затрата окупится—при надлежащей постановке—многократно, не говоря уже о том, что на ставку поставлены здесь ценности неизмеримо более существенные, чем результат коммерческий.

Конкретно, надо теперь же, не откладывая дела и не потопляя его в пустынях междуведомственных мытарств, отвести один (а затем и более) крупный новый совхоз под опытное хозяйство. Сосредоточить в этом совхозе лучшие организаторские и лучшие исследовательские силы, людей знания и людей конструктивно-хозяйственной инициативы. Снабдить совхоз оборудованием, рассчитанным по имеющимся данным для сформирования оптимального хозяйственного комплекса, ремонтными мастерскими, лабораториями и проч. Устроить при совхозе же опытную станцию для испытания новых типов тракторов и орудий. Обеспечить и станцию и совхоз всеми существующими измерительными приборами, учетными механизмами и т. д. Считать расходы на оборудование и ведение как хозяйства, так и станции первоочередными расходами из тех средств, которые ассигнуются на тракторизацию. Предоставить этой исследовательской организации иметь за границей своих постоянных научных представителей и право непосредственного приобретения за границей необходимого инвентаря и приборов (под контролем Наркомторга, но непосредственно). Поставить перед этим исследовательским центром три основные задачи: установление оптимального комплекса машинного, хозяйственного и социального.

Для решения первой задачи, помимо испытания отдельных тракторов и орудий в отношении тяги, производительности, прочности и т. п., подвергнуть сравнительному испытанию различные заранее спроектированные комплексы орудий, наблюдая за их работой непрерывно в течение всего сезона.

Только так можно получить результаты не лабораторные (как в малых опытных станциях), а статистические, с компенсацией влияния различий почвенных, различий в личности тракториста и т. д.

Это исследование должно дать,— при надлежащей постановке и масштабе,— уже в первый год необходимые предварительные данные об оптимальном комплексе прицепок.

Для решения второй задачи (хозяйственный комплекс) использовать те же массовые первичные данные, какие будут добыты для решения первой, но сверх того поставить—в соответственно укрупненном масштабе—опыты относительно влияния личности тракториста, норм оплаты, распорядка работ и т. д. на производительность и себестоимость, а также опыты относительно влияния разных факторов на урожайность. При крупном механическом хозяйстве, укрупненных клетках и автоматической регистрации процессов открываются новые статистические возможности для анализа сравнительной роли различных факторов. Здесь большое число наблюдений, собранных в один и тот же год, но в разных местах и в разных условиях может для некоторых тем заменить наблюдения многолетние.

Все эти исследования и должны дать освещение сравнительного влияния отдельных факторов и отдельных комплексных сочетаний на эффективность затрат и на себестоимость продукции.

Обе эти задачи (и комплекс машинный и комплекс хозяйственный) могут найти решение в опытных совхозах. Но, по мере развития работы, к ней должны привлекаться и данные, которые могут быть получены в обычных совхозах, в колхозах, в тракторных отрядах и т. д. Для этого будет достаточно снабжать их тракторы специальными работомерными приборами, автоматически фиксирующими время работы, скорость ее, простои, перерывы и холостые ходы. (Такие „работомеры“ отнюдь не дороги,—они обойдутся у нас рублей в 120—140 штука, они испробованы уже нами в совхозе Шевченко и, по всем данным, при известных условиях, могут быть достаточно практичны и надежны).

Если уже для решения второй задачи привлечение материала извне опытного совхоза полезно, то для решения третьей задачи (комплекс социальный) распространение исследования на широкую сеть обычных хозяйств является условием необходимым. Преимущества опытного совхоза в исследовании этого вопроса в том, что он сумел бы прослеживать социальный эффект разных кредитно-кооперативных комплексов и разных форм (отряды, коллективы) при уравненном комплексе машинном и хозяйственном и при одной и той же методике фиксации фактов. При увеличении числа опытных совхозов и расположении их в разных районах этим путем могли бы быть получены выводы, во всяком случае более достоверные, чем при нынешних разрозненных и случайных пробах, производимых при весьма разном уровне комплексов машинных и хозяйственных и при почти отсутствующей методике наблюдения.

Но, как бы ни была велика бахрома крестьянских механизаций вокруг опытных совхозов, для полного освещения проблемы понадобятся материалы более обширные, хотя бы и худшего качества. С этой целью должны быть поставлены широкие исследования статистические, но опять-таки не устарелого кустарного типа и масштаба, а исследования массовые, с применением современных механических орудий и при фиксации первичных данных и при их разработке. Этого рода исследования могут быть производимы и другими исследовательскими центрами, но в обязательной программной и методологической согласованности с опытными совхозами.

То же надо сказать и о необходимой постановке повышенного типа статистики во вновь организуемых совхозах. Здесь „работомеры“ и статистика могут явиться не только орудиями для исследования, но и орудиями непосредственного регулирования путем своевременного получения основных показателей успешности, характеризующих методы управления отдельных совхозов или организационные достоинства администраторов их.

Только так мы могли бы подняться в вопросах о „трудоемкости“, о формах и методах кооперирования, о реальности перспектив реконструкции сельского хозяйства и т. д. от того уровня кустарных исследований и схоластических словопрений, на каком мы прозябаем ныне, до действительного уровня современной науки.

Так можно представить себе в общих чертах задачи и характер „питомника“ полеводственной промышленности. Дискуссия и деловое обсуждение компетентных лиц могли бы все это скорректировать, конкретизировать и уточнить. Нужно только решиться и дать толчок самому возникновению подобного центра.

И еще одно очень существенно.

„Прошлисты“— не только те, кто не отрицает своей склонности к прошлому. „Прошлистами“ часто становятся и вчерашние „новаторы“—когда они застывают на осуществленном уровне „нового“. От этой опасности не гарантированы и будущие опытные совхозы, если их задачи будут ограничены тем, что сказано выше.

Чтобы обеспечить их от этой опасности, надо дать им с самого начала соответственную установку. Установку не на „проверку“ технических ресурсов, а на их создавание.

У нас до сих пор принято упирать на „сравнение работы трактора с работой лошади“. Исследование выступает как бы в роли судьи в этом случае. Вряд ли есть смысл продолжать такое судоговорение после того, как приговор уже произнесен. Но есть большой смысл осознать, чем был определен приговор.

Отличие конструктивного подхода от прошлистко-экономического заключается в том, что во втором случае болтают с ученым видом о „границах“ и „пределах“, в первом же — напрягают все усилия для действенного преодоления этих границ путем новых конструкций.

Старая Англия надменно рассчитывала держать в своих руках Америку ценами на каучук. Америка сосредоточила гигантские усилия, селекционные, инженерно-конструктивные, не жалела средств на работы, длившиеся четырнадцать лет, и вот теперь родилась новая полеводственная промышленность, механизованная культура, которая будет конкурировать (при американских ценах на рабочую силу!) с дешевым трудом азиатских кули.

Было бы величайшей опасностью думать, что конструировать дальше нечего. Каждый год приносит новинки, открывающие новые перспективы.

Питомник полеводственной промышленности не будет живым, если в ядре его не будет бить ключ инициативы и конструирования. Машиноиспытатели должны работать там рука об руку с машиностроителями и с изобретателями. Только тогда наши заводы научатся строить то, что надо, и такое, какое надо.

Но особенность современного конструирования состоит в том, что оно побеждает, только разрывая грани специальностей. Я писал об этом уже в своей предыдущей статье в этом журнале [1], где говорил о необходимости интегрального центра технического конструирования.

Идея такой интегральности, конечно, встретит у нас не меньше косности, чем встретила в свое время идея полеводственной промышленности. Но в данном случае необходимость такой интегральности, хотя бы частичной (т.-е. в пределах комплекса проблем сельского хозяйства) должна скоро стать очевидной.

Не только машиностроитель должен работать рука об руку с машиноиспытателем, и оба вместе—с агрономом, с экономистом, с специалистом по организации,—но и селекционер, но и специалист по удобрениям. Новая техника ставит новые требования во всех областях. Уже селекционер поставил себе новые требования в Америке—долгостойкость колоса (которая решает окончательно вопрос об уборке комбайной). Спорный сейчас вопрос о применимости удобрений в степях мог бы получить неожиданное решение при совместной работе с химиками. То же можно сказать и о проблеме использования соломы. Мы не можем даже предвидеть всех новых перспектив, какие открылись бы при совместной работе над единой целью всех этих различных специалистов.

И потому надо равнять на комплекс опытные совхозы не только в отношении об'ектов изучения, но и в отношении сосредоточения в них специальностей. Они должны быть учреждениями не только исследовательскими, но и конструктивно-изыскательскими, и не в одной специальности, а в интегральном сочетании специальностей. Может быть, этим путем удалось бы сделать первый шаг [к решению той проблемы, о которой я писал в предыдущей статье.

---

[1] „Плановое Хозяйство“, № 2, 1928 г.

С. Г. Струмилин

Процессы ценообразования в СССР [1]

6. Методы калькуляции

Мы уже видели, что доля прибавочного продукта составляет у нас в рыночной цене промизделий в среднем около 30%. Это не малая величина. Тем не менее вся она, распределяясь весьма неравномерно между разными отраслями производства, регулируется отнюдь не законом трудовых затрат, а той или иной политикой цен.

Но, может быть, по крайней мере остальные 70% рыночной цены целиком определяются только трудовыми затратами? Это было бы, конечно, вполне целесообразно, ибо для целей перераспределения достаточно было бы планомерного регулирования размеров прибыли и налоговых изъятий. Однако, этого нет. И, при существующих методах калькуляции рыночных цен, быть не может.

Это следует уже из того, что расценка материалов, топлива и энергии при учете затрат дается в наших калькуляциях по рыночным их ценам, часто весьма далеким от трудовой их ценности. Поскольку здесь речь идет прежде всего о таких материалах, как металл, каменный уголь, лес, то их цены, как мы уже видели, устанавливаются у нас ниже ценности. Возможно, что это отчасти уравновешивается преувеличенными нормами амортизации, но в какой именно степени — это нам неизвестно. Далее, в издержки производства входит заметной статьей оплата железнодорожных тарифов, которые, отражая ту или иную тарифную политику, тоже отнюдь не совпадают с законом трудовых затрат на транспорте. Наконец, особо существенное влияние на определение стоимости производства тех или иных товаров оказывает метод распределения так называемых накладных или „пропорциональных“ расходов.

Издержки производства допускают много классификационных подразделений в зависимости от их назначения. Но деление на прямые и накладные расходы в калькуляционных целях является основным. К прямым затратам можно отнести лишь те материалы и тот живой труд, которые непосредственно обращаются на производство данного рода и сорта изделий. Сюда относятся, стало быть, лишь индивидуально разложимые по ступеням производства и конкретным видам изделий основные материалы и

[1] Продолжение. См. „Плановое хозяйство“ №№ 5 и 6, 1928 г.

производственная зарплата. Но благодаря общественному характеру современного крупного производства, ряд трудовых процессов и материальных затрат обслуживают производство целого ассортимента изделий или даже ряд производств, взятых в целом. Разнести эти затраты по отдельным ступеням производства и конкретным видам изготовляемых товаров можно лишь на основании тех или иных условных допущений, т.-е. косвенным путем. Их-то и называют накладными.

По определению официальной инструкции НК РКИ, „накладными расходами считаются все расходы предприятия, которые не идут непосредственно на изготовление продукции и по характеру своему не могут быть разнесены прямым путем на изделия". [1] Эта формула содержит в себе слишком много негативных элементов, чтобы быть вполне определенной. Но инструкция содержит подробнейший перечень всех накладных расходов, не оставляющий никаких сомнений по своей определенности. Из этого перечня явствует, что к накладным расходам следует отнести: 1) цеховые, т.-е. накладные расходы производственных цехов, 2) все издержки вспомогательных цехов (силовых станций, ремонтных цехов, лабораторий и т. п.) и 3) общезаводские накладные расходы. В частности, сюда входит оплата всего обслуживающего персонала, вспомогательные материалы, топливо и энергия, ремонт, амортизация, страхование, транспортные и др. услуги, налоги, аренда, проценты, начисления на зарплату, накладные на рабсилу и т. д.

Бухгалтерия ВСНХ, повидимому, еще не провела в жизнь этой инструкции РКИ, согласованной с ВСНХ. По крайней мере, по форме № 11 Сводного отчета, в „прямые расходы" по какой-то совершенно непонятной причине включаются и ремонты, и амортизация, и налоги и вообще все что угодно. [2] При чем как курьез отметим, что эта форма, по указанию источника, в свою очередь согласована с НК РКИ. И таким образом, очевидно, только аппарат РКИ остается в существенном разногласии с самим собою.

Можно было бы еще допустить, что с 1925 г. по 1927 г. в бухгалтерской науке произошли какие-то большие сдвиги и РКИ вынужден был отказаться от своих заблуждений 1925 г. Однако, и этого не было. Инструкция РКИ и поныне стоит на высоте бухгалтерских достижений. И мы можем ей вполне довериться в указанном отношении.

Следуя инструкции РКИ, насколько позволяет имеющийся у нас отчетный материал, мы получили следующее разложение рыночных цен учтенной нами продукции на прямые затраты и накладные расходы плюс прибыль, включение которых в цену товара происходит

[1] „Организация учета и отчетности произв. предприятий". Изд. НК РКИ СССР. М. 1925 г. стр. 125 и сл. Курсив мой.— С. С.

[1] „Формы годового отчета и баланса". Изд. ВСНХ СССР. М. 1927 г., стр. 35.

у нас на таких же основаниях, как и начисление налогов и акцизов, т.-е. вне всякой прямой зависимости ее от трудовых затрат, овеществленных в данной продукции.

Таблица 10

Прямые затраты и накладные расходы в % % рыночных отпускных цен продукции 73 трестов за 1925/26 г.

Отрасли производства	Отпускная цена в млн. руб.	Прямые затраты			Накладные расходы				Прибыль (m')	Итого
		Материалы	Труд	Итого	Материалы амортиз. и проч. (c)	Труд (v)	Акцизы, налоги и проч. (m')	Итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Текстильная .	1.450,8	30,8	15,3	46,1	19,7	11,8	8,0	39,5	14,4	100
Электротехн. .	138,7	30,2	15,9	46,1	17,4	16,3	5,1	38 8	15,1	100
Металлическ.	830,4	21,2	18,9	40,1	33,4	19,4	3,2	56,0	3,9	100
Химическая .	212,4	23,9	10,8	34,7	34,5	9,9	7,0	51,4	13,9	100
Угольная . .	265,0	0,9	32,8	33,7	42,2	13,2	5,8	61,2	5,1	100
Сахарная . .	583,7	23,0	2,6	25,6	18,2	5,0	44,1	67,3	7,1	100
Лесная . . .	94,9	4,6	20,4	25,0	30,8	14,1	34,6	79,5	4,5	100
Бумажная . .	68,3	6,8	12,6	19,4	37,8	10,0	6,3	54,1	26,5	100
Пищевая . .	544,9	13 3	0,8	14,1	6,0	3.2	69,7	78,9	7,0	100
Нефтяная . .	313,9	1,4	10,1	11,5	50,6	10,7	9,4	70,7	17,8	100
Итого . . .	4.503,0	20,9	13,4	34,3	24,9	11,1	19,6	55,6	10,1	100

Из приведенной таблицы видно, что прямые затраты в среднем по всем учтенным нами трестам составляют не свыше 38% от себестоимости, или 34% от полной отпускной цены продукции, включая прибыль. По отдельным трестам этот последний процент падает и гораздо ниже, до 11%, и ни в одной отрасли не поднимается выше 46%. Таким образом, если бы мы достигли даже полной точности в определении прямых затрат овеществленного и живого труда, падающих на тот или иной товар, мы еще очень далеки были бы от полного учета его трудовой стоимости.

Накладные расходы называют еще „пропорциональными", ибо они обычно разносятся пропорционально тем или иным измерителям данного ассортимента товаров. Прежняя калькуляционная практика была чрезвычайно многообразна в выборе таких измерителей для распределения накладных расходов. Нынешняя советская практика более унифицирована. Согласно инструкции РКИ, разбивка цеховых накладных расходов должна осуществляться пропорционально производственной зарплате, а общезаводских — пропорционально полной цеховой стоимости данных изделий. [1]

[1] Ср. „Организация учета и отчетности". НК РКИ. М. 1925 г., стр. 148—9, и „Методы калькуляции в промышленности", под ред. проф. С. П. Белова. ВСНХ вып. 1—XII. М. 1926—1928 гг.

Однако, фактическая практика органов ВСНХ, повидимому, все же гораздо пестрее. Так, например, в инструкции ВСНХ для металлических трестов цеховые расходы рекомендуется еще распределять пропорционально следующим измерителям: „1) по производственной зарплате, 2) по весу годных изделий, 3) по топливу, идущему в калошу (для доменных производств), 4) по общей сумме основных грузов (шихта, топливо, чугун), 5) по времени, затраченному установкой на данную работу", т.-е. по пяти различным признакам. Но в то же время из инструкции для металлообрабатывающей промышленности, выпущенной годом позже, мы уже узнаем, что калькуляционная конференция этой отрасли отказалась от множественности признаков для разнесения цеховых расходов и остановилась на одном — производственной зарплате. Правда, это делается со следующей оговоркой: „Метод разнесения этих расходов пропорционально только одному измерителю—производственной зарплате, нельзя признать вполне точным, но, как указано выше, необходимость упростить учет и до некоторой степени унифицировать его заставила конференцию остановиться на нем".[1] Из этой оговорки видно, что наши практики не очень охотно идут на эту „унификацию", видят в ней только техническое „упрощение", т.-е. совсем не чувствуют новой идеологической установки в этой директиве, но все же понемногу ее осуществляют.

Названная конференция калькуляторов металлообработки приняла в 1927 г. метод разнесения накладных расходов пропорционально прямым затратам производственной зарплаты не только в отношении цеховых, но и для общезаводских расходов.[2] В инструкциях другим отраслям промышленности мы имеем несколько иные формулировки. Общезаводские расходы рекомендуется разносить пропорционально полной „цеховой стоимости" фабрикатов „за вычетом основных материалов", или „пропорционально прямым расходам минус сырье и полуфабрикаты, или пропорционально стоимости переделов" и т. д.[3] Несмотря на единство редактора всех этих инструкций, мы не находим в них единства идеи, ясности мысли и сколько-нибудь отчетливой ее формулировки. Однако ясно, что в этом пункте ВСНХ не следует за инструкцией РКИ, рекомендующей разносить общезаводские расходы пропорционально цеховой стоимости изделий без всяких вычетов затрат на материалы.

Иначе относится ВСНХ к распределению так называемых административных и торговых расходов правлений, куда помимо зарплаты аппарата трестов включаются такие крупные статьи, как налоги и сборы, транспортные расходы и т. п. Общеадминистративные расходы правления, проценты за кредит и торговые расходы,

[1] „Методы калькуляции", вып. VIII, М. 1927 г., стр. 31 — 32, вып. XI, М. 1928 г. стр. 5.

[2] Там же, вып. XI, стр. 23 и 27.

[3] Там же, вып. V, стр. 33, вып. VIII, стр. 33. вып. XII, стр. 21,

согласно инструкций ВСНХ, распределяются между отдельными видами и сортами продукции „пропорционально их заводской себестоимости или пропорционально полной себестоимости" выпущенной и проданной продукции.[1]

Наша калькуляционная практика развивается вне всякой ее связи с экономической теорией. И почему именно в одном случае следует те или иные затраты распределять по одному признаку, а в другом—по другому, нам не об'ясняет ни одна инструкция. Но если вдуматься в суть этой практики и обобщить ее основные тенденции, то можно притти к таким выводам. Накладными затратами, вообще говоря, мы называем такие затраты, которые в результате общественного характера нашего производства могут быть отнесены только на целый более или менее сложный ассортимент изделий за раз. Но в зависимости от характера этих затрат, одни из них относятся к более узкому, другие к более широкому кругу производимых изделий и операций, одни теснее связаны с их производством, другие — менее тесно. Например, цеховые расходы находятся в более тесной связи с непосредственным производственным процессом, общезаводские — в менее тесной, а трестовские и вовсе слабо с ним связаны. В связи с этим все накладные затраты делятся на зависящие от размеров данного производства, мало зависящие и вовсе от них не зависящие. И уже вследствие этого различия накладных расходов можно ожидать известной модификации и в методах их условной разверстки по отдельным видам и сортам продукции.

Но принцип этой разверстки,—если мы не хотим быть эклектиками,—должен быть все же единым. Если фактором, образующим ценность, мы признаем только трудовые затраты, если мы не хотим путем произвола в условной разверстке накладных затрат исказить те безусловные соотношения между разными товарными ценностями, какие вытекают из заведомо овеществленного в них труда, то косвенная разверстка общественных производственных затрат, именуемых накладными расходами, должна осуществляться в точном соответствии с прямыми индивидуальными затратами на производство конкретных изделий данного ассортимента. Итак, первое обобщение, вытекающее из требований закона трудовых затрат в применении к калькуляции, гласит: накладные расходы следует распределять пропорционально прямым затратам, или, говоря иначе, не поддающийся точному разложению труд подлежит разверстке в соответствии с трудом точно разверстанным.

Прямые затраты однако складываются, как известно, в общем из двух элементов — основных материалов и производственной зарплаты, или, говоря иначе, из мертвого труда, привнесенного из других производств, и из труда живого, овеществленного в данном

[1] Там же, вып. VI, стр. 59, вып. VII, стр. 26, вып. VIII, стр. 40.

производстве. Пропорционально каким же из этих затрат следует распределять те или иные из учитываемых нами накладных расходов? Мы уже видели, что наша практика одну часть накладных расходов (цеховые) без всяких колебаний распределяет пропорционально только одному из этих элементов, т.-е живому труду, а другую часть (трестовские) — пропорционально полной заводской себестоимости, т.-е. всей массе учтенного живого и мертвого труда. В отношении же общезаводских расходов, занимающих промежуточное положение между цеховыми и трестовскими, наблюдаются известные колебания. Инструкции ВСНХ решают этот вопрос по аналогии с цеховыми, а инструкция РКИ — по аналогии с трестовскими накладными расходами.

В чем же здесь зерно истины? И чем можно об'яснить отмеченные колебания?

Мне кажется, что теоретически правильным было бы такое положение. Зависящие от размеров работы данного производства накладные расходы должны бы распределяться в соответствии только с теми прямыми затратами труда, которые характеризуют собою данное производство, т.-е. в соответствии только с живым трудом, без всякого учета привнесенной сюда извне стоимости материалов и т. п. затрат. И наоборот: независящие или малозависящие от работы данного производства накладные расходы, очевидно, определяются условиями всего общественного производства в целом, а не только специальными условиями данной ступени производства. А потому их надлежит разверстывать пропорционально полной трудоемкости данной группы товаров или, говоря иначе, пропорционально полной сумме учтенных затрат в данном ассортименте изделий. Конечно, деление накладных расходов на зависящие и не зависящие от размеров работы данного производства в достаточной степени условно. Всегда найдутся такие затраты, которые будет трудно отнести без колебаний к той или иной категории. Но во всяком случае, такое деление с интересующей нас точки зрения было бы гораздо более плодотворно, чем чисто формальное деление затрат по месту их производства на цеховые, общезаводские, общетрестовские и т. д.[1] Несомненно, в каждой из этих категорий затрат, хотя и в разной пропорции, найдутся и зависящие и не зависящие от нагрузки предприятия накладные затраты. Вот почему для них до сих пор еще не установлено твердого критерия разверстки. И калькуляторы-практики, нащупывая его эмпирически, от случая к случаю, не могут найти по этому вопросу между собою общего языка и вполне унифицированного мнения.

[1] Кстати сказать, „деление накладных расходов на зависящие от нагрузки предприятий и не зависящие от таковой" предусматривалось уже с первых шагов советской калькуляционной практики. (См. „Материалы по себестоим. продукции промышленности" в сборн. „На новых путях", изд. СТО, вып. IV. М. 1923 г. стр. 19). Но за отсутствием ясного сознания цели такого подразделения и установленного перечня тех и других расходов, оно до сих пор не вошло еще в жизнь.

Еще труднее положение наших калькуляторов-практиков в тех производствах, где условной разверстке подлежат не только второстепенные накладные, но и основные производственные затраты. А это случается вовсе не редко. Такой случай имеет место везде, где результатом единого производственного процесса является не один, а несколько разнокачественных рыночных продуктов, или на ряду с основным продуктом появляется та или иная побочная продукция, или так называемые полезные отходы, угары, брак и т. п. Чаще всего мы наблюдаем это в химических производствах, где одна и та же реакция разменного разложения дает всегда по меньшей мере два различных продукта. Другой типичный случай представляет добыча и обработка полиметаллических руд, например, серебросвинцовых, добыча и аффинаж платины от ее многочисленных спутников и т. д. Наконец, назовем еще для примера процесс нефтеперегонки, где из одного и того же материала в одном и том же процессе получается последовательно целая серия весьма разноценных возгонов. Что же касается полезных отходов, угаров, брака и т. п. побочных продуктов, то они являются обычными спутниками основной продукции почти во всех производствах.

По какому же принципу разверстываются по отдельным продуктам общие затраты в таких комплексных производствах?

Изучая инструкции ВСНХ, мы находим в них такие довольно беспомощные указания. В инструкции химическим трестам на случай одновременного производства двух и более фабрикатов рекомендуется: „В этом случае, по установленным общим правилам, калькулируется смесь этих фабрикатов, и продукция расценивается пропорционально коэфициентам, устанавливаемым Главхимом по соглашению с калькуляционным п/отделом ВСНХ СССР". Но исходя из какого принципа будет устанавливать эти коэфициенты Главхим?— спросит читатель, не удовлетворяясь этой досадной отсылкой от Анны к Кайяфе. Исходя из „колебаний продажных цен, в связи с которыми строятся коэфициенты" — весьма кратко сообщает нам инструкция.[1]

Итак, для того, чтобы определить себестоимость своих изделий, Главхиму надлежит обратиться за справкой не в свой калькуляционный отдел, а на рынок — к прейскуранту продажных цен. Но хуже всего то, что и обращение к рынку в условиях советской экономики, где рынок уже не диктует бесконтрольно своих цен, а во все большей степени воспринимает их от Наркомторга, не сулит никаких плодотворных результатов. Главхим будет через рынок обращаться к Наркомторгу, а Наркомторг, если он не захочет строить своих цен с потолка, неизбежно обратится к Главхиму. И таким образом, следуя инструкциям наших калькуляторов, мы никогда не вышли бы из этого заколдованного круга.

[1] Там же, вып. V, стр. 20—21.

Апелляция к рынку в инструкциях по калькуляции себестоимости тем не менее отнюдь не случайна. Она повторяется с теми или иными модификациями каждый раз, как только калькуляционный отдел того или иного предприятия подходит к таким моментам ценообразования, которые при общественном характере производства могут и должны выходить за пределы данного предприятия.

Чтобы иллюстрировать эту мысль примером, обратимся хотя бы к металлургии полиметаллических руд. При одновременном получении, скажем, серебра и свинца из одной и той же руды калькуляция данного производства может дать лишь суммарные затраты по добыче и разделению данной группы металлов. Расчленение же этих затрат между серебром и свинцом она рекомендует производить по рыночным коэфициентам. В этом есть известный смысл, ибо кроме сложных серебросвинцовых руд, в природе находятся и раздельные руды каждого из этих металлов. Ценность каждого товара определяется к тому же не индивидуальными затратами на данном руднике или заводе, а всей суммой их по всему общественному производству данного товара в целом. Отсюда ясно, что если учтенные прямые затраты на добычу *кг* серебра в масштабе всей страны значительно выше, чем на выплавку *кг* свинца, то и в отношении тех затрат, которые не поддаются точному расчленению в смешанном серебросвинцовом производстве, мы можем условно допустить разложение их, пропорциональное известной уже нам трудовой ценности этих продуктов в раздельных производствах. Но для этого нужно апеллировать не к рынку, где в цене находят свое отражение не только затраты труда и материалов, но и рентные и налоговые и всякие иные новообразования, а непосредственно к производственной отчетности других родственных трестов и предприятий.

Такой путь, разумеется, закрыт для капиталистических предприятий, ибо для этого им пришлось бы проникать в коммерческие „тайны“ своих конкурентов. И потому они ориентируются на рыночные цены. Но для нас открыты все пути, ибо в социалистическом производстве не существует более коммерческих тайн. Вот почему советская калькуляционная практика делает ошибку, апеллируя к отживающему свой век рынку. Однако, чтобы изжить такого рода ошибки, наша калькуляция должна далеко выйти за пределы простейших ее элементов заводской или даже трестовской калькуляции. Ей предстоит расширить свои рамки до калькуляции произведенных затрат по изготовлению тех или иных взаимно заменимых благ в масштабе всего общественного их воспроизводства в целом.

Проблема заменимости благ в общественном их производстве имеет весьма существенное значение для процессов образования не только цен, но и ценности. Допустим, что какой-нибудь цели, например, повышению урожая с десятины посева на 100 *кг* пшеницы, одинаково удовлетворяют различные количества навоза, фосфоритной муки, томасшлака или иных искусственных удобрений. В таком

случае мы все эти удобрители независимо от всех других их качеств будем считать взаимно заменимыми для данной цели и расценивать относительно друг друга не по сравнительной величине затрат на их производство и доставку к месту использования, а по сравнительной эффективности их в этом использовании. Говоря иначе, производства заменимых благ мы должны рассматривать как единое производство и расценивать по средним для всех этих производств затратам, падающим на единицу производимого ими эффекта, т.-е. на единицу их общественной полезности.

Этот момент не находит однако надлежащего отражения в нашей калькуляционной практике. Во всех случаях, когда дело идет о расценке на ряду с основной продукцией каких-либо производств побочной их продукции, в частности, так называемых полезных отходов или угаров, брака и т. п., наши калькуляторы рекомендуют вычитание из общих издержек производства стоимости отходов для получения себестоимости основной продукции. Но когда дело доходит до указаний, по какому же принципу надлежит расценивать при этом вычитаемые отходы, то мы не находим в инструкциях ВСНХ никакой идеологической отчетливости и определенности. Например, оценка угаров льняной промышленности „производится применительно к скале, выработанной комиссией по расценке угаров при ВТС“, в силикатной промышленности рекомендуется вычитать „стоимость отходов по цене возможного использования (?)“, в металлообработке точно так же оценивается брак — „в зависимости от возможности его использования“ и т. д.[1] Все эти указания не блещут теоретической определенностью и явно недостаточны для практического их использования. И лишь в одной инструкции мы находим директиву, идеологически вполне определенную. „Цена отходов,— читаем в этой инструкции,— устанавливается правлением треста по предельной их полезности.[2]

Недавно тов. Бессонов отмечал влияние австрийской школы политической экономии на идеологию наших тарификаторов из НКПС. Мы думаем, что он несколько переоценил это влияние. Но все же отрицать его никак не приходится. Десять лет диктатуры пролетариата в нашей стране не прошли, конечно, бесследно. Коммунистическое руководство и транспортом и промышленностью осуществлялось твердой рукой таких испытанных марксистов, как Ф. Э. Дзержинский и другие ветераны Октябрьской революции. И все же в щелях нашего социалистического транспорта и последовательно-социалистической промышленности и по сей день можно еще открыть весьма явственные следы совершенно чуждой нам чистобуржуазной идеологии.

Конечно, нам не угрожают особыми опасностями эти осколки потерпевшей крушение идеологии. Но все же им не следовало бы

[1] „Методы калькуляции“ вып. II, стр. 21, вып. XII, стр. 22, вып. XI, стр. 35.

[2] Там же, вып. V. М. 1927 г. стр. 25.

столь откровенно выползать из своих щелей и красоваться в виде хозяйственных директив трестам на страницах официальных инструкций ВСНХ СССР. Тем не менее, это все же иной раз случается, благодаря той величайшей идеологической беспризорности, в которой пребывают наши калькуляционные ячейки и тому подобные практические хозяйственные органы. Калькуляционные инструкции составляются у нас, конечно, весьма компетентными инженерами. Но трактуемые ими проблемы выходят довольно далеко за пределы чисто-технической компетенции инженеров. Конечно, даже очень хороший калькулятор-практик из инженеров не может теоретически осмыслить свою работу без помощи экономиста-теоретика. Если же спросить ВСНХ о его инструкциях по калькуляции: заглядывал ли в них когда-либо хотя бы мимоходом сколько-нибудь компетентный в вопросах экономической теории марксист,—то ответ получится заведомо отрицательный. Иначе ведь не получилось бы такого конфуза, как проповедь архибуржуазной теории предельной полезности от имени ВСНХ Союза Социалистических Республик.

Было бы большой ошибкой думать, что инженера Войтехова, пустившего в ход директиву о пользовании теорией предельной полезности в калькуляции, или проф. Белова, одобрившего в качестве редактора эту работу, можно обвинить в особом пристрастии к одиозной для нас теории австрийской школы. Ничего подобного. Можно с уверенностью сказать, что скорей всего они просто младенчески „невинны“ по части всяких экономических теорий. И лучшим доказательством этого может послужить тот факт, что категория „предельной полезности“, к которой они отсылают в своей инструкции тресты, увы, отнюдь им в их калькуляционных затруднениях никакой пользы представить не может.

Чтобы уяснить инж. Войтехову всю практическую бесполезность теоретического понятия „предельной полезности“ в деле калькуляции, заметим лишь следующее.

Исходя из суб'ективных оценок потребителем полезности для него различных благ в зависимости от степени насыщения той или иной его потребности, австрийская школа определяет высоту ценности благ величиной „предельной“ их полезности, т.-е. наименьшей пользы, какую можно извлечь из единицы данного рода благ в данном хозяйстве при заданном их количестве. Однако, если дело идет о благах, производимых специально для сбыта, то из них в данном хозяйстве нельзя извлечь никакой иной пользы, кроме выручки той или иной денежной суммы в результате их реализации на рынке. Таким образом, предельная полезность этих благ, именуемая австрийцами „субституционной“ пользой, всецело определяется рыночной ценой таких благ.[1] Иными словами, ценность их определяется предельной полезностью, а эта последняя — рыночной ценою. И, стало быть, инженер Войтехов, предлагая трестам руководствоваться при оценке отходов этой мещански убогой „теорией“, не дает им, в сущности, никакого практически годного рецепта. Рыночные цены не даются ведь нашим трестам в готовом виде. Их еще требуется определить. А инж. Войтехов не мог бы для этой цели извлечь из арсенала австрийской школы ничего более вразумительного, чем весьма вульгарное указание, что оценка товаров покупателем определяется „степенью относительной редкости“ этих товаров, или, говоря иначе, соотношением спроса и предложения.

[1] См. Е. Бем-Баверк. „Основы теории ценности хозяйственных благ“. СПБг. 1903 г., стр. 176—177.

Однако, эта весьма подержанная обывательская премудрость как раз меньше всего пригодна в наших советских условиях планового регулирования цен. И во всяком случае, она ровно ничего не может дать для калькуляции цен, строящихся на базе трудовых затрат и трудовой ценности хозяйственных благ. Лишь теория Маркса могла бы в этом деле оказать существенную пользу нашим калькуляторам. Но, к сожалению, до сих пор они еще слишком мало уделяли ей внимания.

В свете теории Маркса проблема трудовой оценки отходов разрешается довольно просто. Мы знаем, что согласно этой теории, слиток золота, найденный без всякого труда на дороге, представляет собою такую же ценность, т.-е. содержит в себе столько же овеществленного труда, как и золото, добываемое из рудников в нормальных условиях воспроизводства данного хозяйственного блага. И вообще трудовая ценность каких-либо благ определяется не фактическими затратами труда в том или ином конкретном предприятии, а средними общественно-необходимыми затратами на их воспроизводство в масштабе всего народного хозяйства. Какие же выводы отсюда следуют в применении к оценке тех или иных отходов?

Очевидно, до тех пор, пока эти отходы, напр. шлаки при выплавке чугуна, не находят себе никакого полезного применения, мы их рассматриваем, как не имеющие никакой трудовой ценности отбросы производства. И потому все затраты производства относим целиком на основной продукт — чугун. Но с того момента, как установлено, что, скажем, томасшлак может быть использован в качестве удобрения, при чем тонна томасшлака эквивалентна по своему действию такому-то числу *кг*, скажем, фосфорита, томасшлак становится полезным отходом, т.-е. побочным продуктом производства. И если мы не знаем, каких конкретных затрат стоит получение этого побочного продукта в металлургическом производстве, то нам стоит только обратиться к калькуляции таких производств, как добыча фосфоритов, дающих уже в качестве основного продукта полезности, эквивалентные по своему действию томасшлаку. Томасшлак и фосфориты являются в известных пределах заменимыми благами. И, стало быть, в качестве таковых, овеществляют в себе равные количества общественно-необходимого труда на единицу по-

лезного эффекта. Вот критерий для расценки всякого рода полезных отходов и тому подобных побочных продуктов.

Их расценку в комплексных производствах мы можем и должны производить, минуя рынок, непосредственно из калькуляций затрат в более простых производствах, дающих эквивалентные полезности в качестве вполне обособленной и потому поддающейся точной калькуляции продукции. А тогда, за вычетом трудовой расценки побочного продукта, мы получим в остатке долю производственных затрат и по основному продукту комплексного производства. Для осуществления указанного метода, разумеется, необходимы известные организационные предпосылки. В общественном производстве и калькуляция должна быть организована на болеее широких общественных началах, чем в частно-капиталистических предприятиях. Секретность калькуляций у нас отпадает. Отдельные калькуляционные ячейки могут и должны об'единяться вышестоящими органами для обмена взаимным опытом и наблюдениями в целые комплексы по линии производства родственных или заменимых благ. Тогда, при надлежащем методологическом руководстве их работой из центра, нам не придется напрасно тревожить ни никчемную для нас предельную полезность, ни отмирающий рынок.

Особый интерес в методике калькуляции представляет собою проблема качества продукции. Во всех производствах, где мы имеем дело с сортировкой или „браковкой" разнокачественной продукции, перед калькулятором встает огромной трудности вопрос о сравнительной расценке высших и низших сортов, или так называемого брака. Возьмем для примера процесс сортировки хлопкового волокна на хлопко-очистительных заводах или льняного волокна после его расчески на соответствующих машинах. И плохое и хорошее волокно получается с одного и того же поля, зачастую даже с одного и того же стебля. Стало быть, сказать, что более длинные и прочные волокна потребовали больших трудовых затрат, чем короткие и слабые, калькулятор не может. Точно так же в угледобыче из одного и того же пласта мы получаем и плиту и рядовой уголь, и штыб, и орешек. Из одной и той же обжигательной печи мы извлекаем и лучше и хуже обожженный кирпич, и цельный и битый. Из одного и того же кряжа на лесопилке получаются доски без сучка и задоринки, и со всякими из'янами. Из одной и той же мясной туши на бойне мы выкраиваем и филейную вырезку, и грудинку, и голяшки. Во всех этих случаях нам известна лишь общая сумма затрат на весь полученный ассортимент, но как ее разнести по сортам, по какому критерию — это вопрос, требующий самого серьезного рассмотрения.

Как разрешается эта проблема в инструкциях ВСНХ?

Какого-нибудь общего ее решения мы не нашли в этих инструкциях. В большинстве из них мы вообще не находим по этому вопросу никаких указаний. Лишь в одной инструкции для калькуляции

разных сортов проката рекомендуется „приведение продукции прокатного производства к нормальному сортаменту и пересчет себестоимости на единицу приведенной продукции".[1] Но как раз этот случай не типичен для рассматриваемой проблемы, ибо в данном случае речь идет о таких сортах проката, которые различаются не столько качественно, как количественно — размером и профилем изделий — и вполне поддаются раздельной калькуляции. Тем не менее, идея приведения разносортной продукции к какому-то нормальному стандарту, принимаемому за единицу измерения, заслуживает всяческого внимания. И вся трудность использования этой идеи сводится к нахождению технически пригодных приемов измерения качества разносортной продукции. А это хоть и не легкая, но все же принципиально вполне разрешимая задача.

Проблема соизмеримости качества различных сортов какого-либо одного товара, т.-е. продуктов одного и того же назначения сводится на наш взгляд к измерению их сравнительной полезности или эффективности с точки зрения этого их назначения. Мы не могли бы соизмерить сравнительную полезность для нас, скажем, тонны чугуна и тонны томасшлака, поскольку эти продукты имеют совершенно различное назначение. Но если речь идет о таких благах, какие могут быть использованы, хоть и с неравным успехом, но для одной и той же цели, то мы должны их рассматривать, как заменимые блага. Они становятся соизмеримыми. И нам остается лишь установить более или менее точные коэфициенты эквивалентности этих благ с точки зрения ожидаемого от них эффекта. Вместе с тем, эти коэфициенты дадут нам меру эквивалентности тех же благ и по трудовой их ценности, ибо заменимые блага, как уже было отмечено выше, овеществляют в себе, согласно теории, равные количества общественно-необходимого труда на единицу полезного эффекта.

Практическое измерение качества различных сортов товара мерою полезного их эффекта в различных случаях требует, разумеется, различных приемов. Но в общем это уже дело техники товароведения, лабораторных испытаний, заводских калькуляций и прочих приемов грядущей прикладной науки, именуемой стандартизацией. Лишь в качестве иллюстрации остановимся на двух — трех примерах.

Поставим, например, своей задачей соизмерить полезный эффект плиты и штыба при сжигании их в силовых установках. Для этого придется учесть, конечно, не только весовое соотношение плиты и штыба, потребных для получения одного и того же энергетического эффекта, но и разницу в издержках производства на единицу этого

---

[1] „Методы калькуляции", вып. VIII, стр. 43 и сл. На практическом использовании этого приема „приведения" в данном конкретном случае мы не останавливаемся, так как считаем его неудачным или по меньшей мере весьма дискутабельным.

эффекта при пользовании тем и другим сортом угля, в зависимости от разного их качества. Задача сводится, стало быть, к получению сравнительной калькуляции производства энергии из того и другого сорта угля при прочих равных условиях. Такую калькуляцию может нам дать любая крупная электростанция или теплотехнический институт или иное подобного же рода учреждение. Как же ее должен использовать калькуляционный отдел Донугля или другого добывающего углетреста? Очевидно, он должен установить такие коэфициенты эквивалентности для сравниваемых сортов угля, франко рудник, при которых издержки производства, скажем, тысячи клвт.-час. энергии, включая сюда все затраты на перевозку и хранение угля, обслуживание и амортизацию силовых установок и т. д., были бы равны и при том и другом сорте топлива.

Вопрос о „качестве" сравниваемых сортов топлива разрешается таким образом в конечном счете на основе калькуляционных расчетов. Однако, для этой цели приходится использовать калькуляцию не только того предприятия, где производятся данные сорта топлива, но и тех, где оно потребляется.

Точно так же может быть разрешен вопрос о сравнительном качестве разных сортов всяких иных материалов и товаров производственного назначения. Полезный эффект битого кирпича по сравнению с цельным в строительном производстве ниже потому, что для использования битого кирпича требуется больше труда и вспомогательных материалов (извести, цемента) на один кубический метр кладки. Эта разница поддается учету в калькуляциях строительства и, стало быть, может послужить мерою „качества" сравниваемых сортов материала.

Несколько сложнее стоит вопрос об измерении качества различных сортов товара, предназначенных для личного потребления. И здесь, разумеется, мерой качества должен служить прежде всего полезный эффект сопоставляемых сортов изделий, поддающийся вполне объективной оценке и измерению. Например, качество одежды, полученной из волокна различной прочности, можно соизмерить сравнительным сроком ее службы, разницей затрат на стирку и починку за время службы, относительной теплопроводностью ткани, если она должна защищать от холода, и т. п. технико-экономическими показателями. Точно так же высшее качество „филейной вырезки" по сравнению с „голяшками" определится прежде всего количеством усвояемых калорий, которое организм может извлечь из единицы веса того и другого сорта, сравнительными затратами труда и дополнительных вкусовых приправ и материалов, необходимых для приготовления соответствующих блюд из того и другого продукта, и т. п. коэфициентами хозяйственного их эффекта. Но, разумеется, эти коэфициенты нельзя уже извлечь в готовом виде из тех или иных производственных калькуляций. Они должны быть получены в результате специальных экспериментальных исследований в соответствующих институтах товароведения и других учреждениях по стандартизации.

Во избежание недоразумений заметим сразу, что все эти коэфициенты эквивалентности различных сортов того или иного товара по полезному их эффекту имеют в виду лишь хозяйственную эффективность этих благ и отнюдь не должны совпадать с субъективными оценками потребителя, „предельной" для него полезностью тех или иных благ и тому подобными категориями. Мы не игнорируем того факта, что потребителя интересует не только прочность и долговечность ситца, но и его рисунок. Но поскольку и вкусы поддаются специальному изучению, мы можем изготовлять рисунки на все вкусы, отнюдь не считаясь с этим моментом при определении полезного эффекта разных тканей. Точно так же позволительно ожидать, что рыночный спрос на филейную вырезку будет предъявляться гораздо более энергичный, чем на грудинку и голяшки, поскольку разница в их расценке учтет лишь полезный их эффект без внимания к вкусовым запросам потребителя. Но, во-первых, вариации вкуса могут быть и здесь перекрыты в известной степени разными способами приготовления. Хороший гарнир, соус или салат к грудинке не менее эффективен в этом отношении, чем богатый выбор рисунков для дешевых ситцев. Голяшки, не использованные в домашней кухне, могут быть обращены на заводскую выварку весьма питательного и вкусного „бульона" и т. д. А, во-вторых, повышенный спрос на те или другие сорта товара может оказать известное действие на рыночные цены. Но он отнюдь не должен оказывать никакого влияния на калькуляцию издержек производства и трудовой ценности интересующих нас благ.

Мы не можем исчерпать здесь всех тех интереснейших и труднейших проблем, какие стоят уже сегодня или встанут в ближайшие годы перед теоретиками и практиками советской калькуляции. С каждым годом, чем сильнее будет наше организованное влияние на рыночные цены, тем важнее будет для нас располагать хорошо продуманными методами и рационально построенными органами калькуляционного дела. Нам хотелось здесь наметить лишь основные вехи путей развития этого дела. Но эта цель не была бы вполне достигнута, если бы мы не прибавили к сказанному следующего.

Наша калькуляционная практика развивается на почве капиталистического опыта и традиций. Ее основная единица измерения — рубль. Конечно, это не плохая единица. В особенности, когда ею пользуются для измерения кристаллизованного в тех или иных вещных ценностях мертвого труда. Но задача всякой калькуляции — получить итог затрат в производстве и мертвого и живого труда. В существующей калькуляционной практике и живой труд измеряется рублями выплаченной зарплаты. Но зарплата не отражает собой всей ценности, создаваемой живым трудом. И в этом лежит основной грех

современной калькуляции. Она суммирует неравнозначные с точки зрения образования трудовой ценности величины. Оперируя формально вполне тождественным для обоих случаев измерителем — рублем, она по существу совершает элементарнейшую ошибку сложения фунтов с аршинами или рублей с полтинниками.

К чему приводит эта ошибка?

Прежде всего, к неполному учету затрат живого труда, т.-е. добавляемой в процессе производства ценности по сравнению с воспроизводимой лишь в этом процессе ценностью материалов и прочих средств производства. А во-вторых, к неточному распределению накладных затрат, ибо они по необходимости разделяют судьбу прямых расходов, и если прямые расходы в одних случаях учитываются полнее, чем в других, то эта ошибка распространяет свое влияние и на калькуляцию накладных затрат, т.-е. обслуживающего труда и проч. Правда, вышеуказанный недоучет отчасти восполняется такими добавочными денежными затратами, как налоги, рентные платежи, проценты на занятый капитал и т. п. Однако, эти затраты, так же, как и начисляемая средняя норма прибыли, определяются вне всякой прямой связи с условиями труда в различных производствах и удельной трудоемкостью тех или иных изделий. А потому измеряемая рублем денежная себестоимость того или иного продукта отнюдь не может служить сколько-нибудь надежной мерой его трудовой стоимости.

Этого обстоятельства во всяком случае не следовало бы забывать тем марксистам, которые, пропагандируя, подобно тов. Бессонову, внедрение закона трудовых затрат в советскую практику распределения, требуют с этой целью, чтобы цены нашей продукции целиком определялись так называемой „себестоимостью“ этой продукции плюс определенная норма накопления. Некритическое сближение категории трудовой стоимости товаров с совершенно отличным от нее понятием капиталистической их „себестоимости“ привело бы нас не к торжеству теоретических идей Маркса, а лишь к весьма беспринципной их вульгаризации.

Капиталистическое предприятие не интересовалось трудовой стоимостью своей продукции. Ему достаточно было определить денежную себестоимость этой продукции, чтобы судить путем сопоставления с рыночными ценами о сравнительной ее рентабельности. Но для советского хозяйства, которое само диктует рынку цены на свои продукты, понятие „рентабельности“ теряет свое контролирующее значение. Для него, чтобы проверить целесообразность и эффективность намечаемой им политики цен, необходимо иметь ясное представление о действительной стоимости так или иначе расцениваемых им благ. А действительная стоимость определяется лишь трудовыми затратами, а не такими всецело зависящими от нашего произвола элементами „себестоимости“, как, скажем, все налоги, пошлины, акцизы, попенщина, плата за недра и т. п.

Поэтому советская калькуляция уже теперь должна на ряду с денежными расходами уделять гораздо больше внимания, чем это делалось доныне, учету трудовых затрат и в денежном и в натуральном их измерении. А в будущем ей придется калькулировать исключительно трудовые затраты, приводя к трудовой единице измерения все виды издержек производства и обращения.

Но это уже особая тема, заслуживающая специального рассмотрения.

7. О промышленном накоплении

Если принять за мерило накопления норму прибыли, то в среднем для промышленности союзного значения эта норма колебалась от — 17,5% по лесной промышленности до + 21,2% по пищевой. Однако, для советской промышленности такая мерка мало показательна. Капиталистический предприниматель действительно может накоплять только за счет прибылей. И если вместо прибылей получается убыток, то для него теряет всякий интерес продолжение производства. Но не так обстоит дело в советском хозяйстве. Здесь хозяином предприятия является государство, которое получает не только предпринимательскую прибыль, но и вообще всю прибавочную стоимость, извлекаемую в данном предприятии, и стало быть, может осуществлять накопление не только за счет прибылей, но и за счет налогов, ренты, процентов, уплачиваемых данным предприятием Госбанку или Промбанку, и т. д.

В самом деле, лесная промышленность в 1925/26 году дала нам 4,2 млн. рублей, или 17,5% убытку. И с частнохозяйственной точки зрения ее следовало бы признать крайне нерентабельной и закрыть. Но, заглянув в ее счет производства (см. табл. 6), мы увидим, что эта промышленность уплатила нашим банкам одних процентов 5,5 млн. руб., а если к этому прибавить налоги и попенщину (27,2 млн.), поступившие в казну от тех же лесных трестов, то окажется, что лесная промышленность была для нас весьма рентабельной, и еслиб мы закрыли эти „убыточные“ тресты, то одна казна потеряла бы за год свыше 28,5 млн. рублей прибавочного продукта, не говоря уже о потерях лесных рабочих, которые в таком случае остались бы без работы и попали на иждивение той же государственной казны или соцстраха.

Таким образом, для нас мерой „рентабельности“ и возможного накопления в промышленности может быть только норма прибавочного продукта, и ни в коем случае не норма прибыли. А если еще принять в расчет, что за советским государством в качестве подлинного хозяина обобществленной промышленности стоит сам рабочий класс, то придется признать, что с точки зрения его интересов было бы невыгодно закрывать даже такие предприятия, которые не спо-

собны дать не только прибыли, но и каких-либо иных элементов прибавочной ценности.

Это значительно расширяет наши рамки возможной эксплоатации наличных средств производства в стране и шансы соперничества на международном рынке. До тех пор, пока у нас имеется резерв неиспользованной рабочей силы, мы можем работать даже на таких предприятиях, которые способны полностью оплатить за счет вновь создаваемой ценности только занятую в них рабочую силу. А если препятствием к расширению производства является недостаточность внутреннего рынка, то мы можем с выгодой для народного хозяйства выбрасывать на внешний рынок свои товары даже по таким ценам, которые не только не обеспечивают „прибылей", но и предполагают возврат в виде экспортной премии налогов, попенщины и т. п. элементов дохода казны.

Все элементы прибавочной ценности составляют у нас по таблице 8 до 30% продажной цены промтоваров. Стало быть, таков средний предел расхождения экспортных цен с ценами внутреннего рынка, до которого мы можем спускаться при неблагоприятной конъюнктуре в интересах возможно полной загрузки работой наших предприятий и сокращения резервной армии безработных. Но разумеется, этот предел колеблется в довольно широком диапазоне для разных производств и для некоторых может быть поднят значительно выше названной цифры.

Норма прибавочного продукта, извлекаемого в разных отраслях промышленности, весьма различна. Это результат отклонения цен от ценности. Установление средней нормы прибавочного продукта для всего народного хозяйства не мешало бы нам и впредь повышать или понижать цены отдельных товаров по сравнению с их ценностью, но оно позволило бы нам делать это более сознательно и планомерно. В частности, оно позволило бы нам вполне об'ективно разрешить один из тех вопросов налоговой политики, который особенно нас тревожит и волнует. Мы имеем в виду вопрос о сравнительной тяжести обложения различных социальных групп населения.

Современная теория переложимости налогов не дает надежных критериев для разрешения этой проблемы уже потому, что она совершенно игнорирует трудовую теорию ценности. Для нее все косвенные налоги переложимы, поскольку они входят в цену продукта, не затрагивая средней нормы прибыли. Но мы не можем исходить из такого критерия. Налоги, входящие в цену продукта, если эта цена не отклоняется от трудовой ценности, не могут рассматриваться как переложимые, ибо предполагают вполне эквивалентный обмен ценностями продавца и покупателя. Переложимы лишь такие налоги, которые, повышая цену продукта выше его ценности, влекут за собой не-эквивалентный обмен и, стало быть, известное перераспределение народного дохода в процессе обращения. Если б мы могли использовать этот критерий переложимости, мы несомненно получили бы совершенно иную картину тяжести обложения разных групп населения, чем та, которую мы себе ныне рисуем.

В приведенных выше данных о структуре отпускных цен союзной промышленности мы ограничились лишь итоговыми данными о размерах прибылей и других важнейших элементов прибавочной ценности. Она заслуживает, однако, значительно большего с нашей стороны внимания.

Прежде всего, приведем здесь развернутый счет прибылей и убытков по 73 трестам (см. табл. 11).

Максимальная величина в этом счете падает на сальдо прибылей и убытков от реализации товарных ценностей (685 млн.). Эта валовая накидка на заводскую себестоимость подлежит, однако, снижению за счет разных трестовских расходов, не вошедших в заводскую калькуляцию, и увеличению — за счет реализации услуг и некоторых коммерческих и финансовых операций трестов. Особого внимания в счете прибылей и убытков заслуживают отчисления в резерв снижения цен и погашения сомнительных долгов. Мы решительно оспариваем закономерность этих статей в названном счете. В порядке распределения полученных прибылей можно, разумеется, делать отчисления в какие угодно резервы. Но все же это будет резервированная прибыль, а не убыток. И потому уменьшать на эту сумму прибыль текущего года, как это до сих пор делалось в бухгалтерии ВСНХ, ни в коем случае не приходится. Впрочем, этот чересчур наивный прием сокрытия прибылей от обложения уже привлек к себе внимание НКФина, и в 1926/27 году указанные бухгалтерские „резервы" претерпели существенную метаморфозу. Из „убытков" они снова обращаются в прибыль.

Из других статей заслуживают детального расчленения административные и торговые расходы трестов (см. табл. 12).

Приведенная нами расшифровка дана по отчетности трестов в том виде, как эти расходы были учтены нами в сводных таблицах по издержкам производства. При окончательном утверждении балансов соответствующих трестов в эти счета были внесены некоторые изменения, и в счет прибылей и убытков они включены уже в исправленных цифрах. Но эти исправления не имеют существенного значения. Существенный интерес представляет вопрос, во что нам обходится администрирование нашей промышленности. Если из общего итога административных расходов исключить налоги и сборы (14.568 тыс. руб.), которые не имеют отношения к содержанию управленческого аппарата, то получим около 55 млн. рублей затрат на 4,5 мрд. продукции, что составляет 1,2% от продажной цены продукции. Цена не малая. И мы, несомненно, постараемся ее уменьшить за счет рационализации управления. Но если учесть, что этой ценой мы избавились от несравненно больших затрат на со-

Таблица 11

Сводный счет прибылей и убытков по 73 трестам за 1925/26 г.
(В тыс. черв. руб.)

Наименование статей	Прибыли	Убытки	Сальдо	
			Прибылей	Убытков
1	2	3	4	5
1. От реализации товаров	699.473	18.238	681.235	—
2. „ „ материалов	7.236	3.092	4.144	—
3. „ выполнения работ на сторону	8.250	691	7.559	—
4. „ „ комиссион. поруч.	569	—	569	—
5. „ реализ. % бумаг и инвалюты.	423	296	127	—
6. Дивиденды от участия в др. предпр.	4.220	—	4.220	—
7. Проценты за кредит	46.934	70.879	—	23.945
8. От безнадежных долгов	2.085	24.556	—	22.471
9. „ переучета матер. ценностей	28.688	15.147	13.541	—
10. „ переоценки и снижения цен	7.124	9.163	—	2.039
11. Пени и неустойки	2.574	3.430	—	856
12. Торговые расходы	—	118.838	—	118.838
13. Административные расходы	—	64.035	—	64.035
14. Поправки по амортиз. отчисл.	10.428	15.131	—	4.703
15. Содержание консервир. заводов	—	4.596	—	4.596
16. Стихийные бедствия	—	3.928	—	3.928
17. Выбывшее имущество	—	5.212	—	5.212
18. Простои	—	3.563	—	3.563
19. Доходы от арендных статей	1.161	—	1.161	—
20. Случайные доходы и расходы	66.976	70.555	—	3.579
Итого	886.141	431.351	454.790	—
21. Отчисления в резерв:				
а) снижения цен	—	40.022	—	40.022
б) погашения сомнит. долгов	1.268	15.695	—	14.427
Итого	1.268	55.717	—	54.449
Всего	887.409	487.068	400.341	—

Таблица 12

Общеадминистративные и торговые расходы по 73 трестам общесоюзной промышленности за 1925/26 г.
(В тысячах рублей)

Статьи расходов	Общеадминистративные	Торговые	Итого	
			Абсол.	В %% к итогу
1	2	3	4	5
1. Зарплата	24.518	22.236	46.754	25,24
2. Накладные на рабсилу	2.006	1.321	3.327	1,80
3. Начисления на зарплату	5.149	4.203	9.352	5,02
4. Содержание ревизионн. комиссий	884	—	884	0,47
5. Канцеляр. и хозяйствен. расходы	4.007	2.903	6.910	3,79
6. Издательство	409	—	409	0,22
7. Содержание и ремонт помещ.				
а) аренда	2.529	6.395	8.924	0,51
б) освещение	279	673	952	4,78
в) отопление	217	417	634	0,34
г) водоснабжение и канализация.	60	96	156	0,08
д) уборка двора и помещений	221	852	1.073	0,58
е) текущий ремонт	1.135	1.423	2.558	1,37
ж) страхование	53	76	129	0,07
з) амортизация	945	796	1.741	0,93
и) возобновл. мелк. инвентаря	77	105	182	0,10
к) охрана помещений	44	557	601	0,32
л) разные	15	116	131	0,07
Всего по п. 7.	5.575	11.506	17.081	9,15
8. Командировки и раз'езды	4.099	1.828	5.927	3,18
9. Налоги и сборы	13.851	45.750	59.601	32,09
10. Нотариальные и биржевые сборы.	717	2.172	2.889	1,55
11. Транспорт	1.435	14.668	16.103	8,14
12. Реклама	—	536	536	0,29
13. Хранение товаров	—	4.789	4.789	2,57
14. Комиссионные	—	214	214	0,11
15. Разные и случайные расходы	6.841	4.905	11.746	6,38
Итого	69.491	117.031	186.522	100

Распределение прибылей и убытков общесоюзной промышленности за 1925/26 г. *Таблица 13*

(В тысячах рублей)

Статьи \ Отрасли	Текстильная	Нефтяная	Металлическая	Сахарная	Пищевая	Химическая	Бумажная	Электротехническая	Угольная	Лесная	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А. ПРИБЫЛЬ											
1. Остаток приб. до отчетн. г.	313	36.885	10.261	—	833	457	—	1.536	61	—	50.346
2. Прибыль за 1925/26 г.	199.090	52.027	33.075	40.423	30.594	27.903	17.731	14.592	14.544	2.369	432.348
Итого	199.403	88.912	43.336	40.423	31.427	28.360	17.731	16.128	14.605	2.369	482.694
3. Распределение прибыли:											
а) в подоходн. налог и местн. сборы	18.125	4.198	1.748	3.491	3.143	2.633	1.755	1.399	809	226	37.527
б) в доход казны	91.500	23.000	12.379	15.000	9.105	13.400	7.000	6.100	4.525	—	182.009
в) в фонд улучш. быта рабочих	21.776	7.174	4.185	3.693	2.558	2.802	1.598	1.335	2.140	214	47.475
г) в резервн. капитал	36.193	9.566	6.266	7.387	2.116	5.054	3.195	2.670	2.747	429	75.623
д) в уставный капитал	577	—	—	—	1.349	2.643	4.143	48	—	—	8.760
е) на расширение производства	4.169	7.374	1.578	—	—	180	—	565	—	910	14.776
ж) в ОДК Промбанка	15.231	—	1.003	3.693	4.086	609	—	1.241	1.172	—	27.035
з) на погашен. убытка прошл. лет	3.592	—	726	—	—	2	—	192	1.329	584	6.425
и) в фонд премирования	452	120	79	92	70	63	40	33	34	6	989
к) оставлено на балансе	7.788	37.480	15.373	7.067	9.000	974	—	2.545	1.849	—	82.076
Б. УБЫТОК											
1. Остаток убыт. до отчетн. г.	9.070	—	17.879	—	—	525	—	590	2.751	21.271	52.086
2. Убыток за 1925/26 г.	25	—	13.623	—	—	1.407	—	—	1.723	10.429	27.207
Итого	9.095	—	31.502	—	—	1.932	—	590	4.474	31.700	79.293
3. Списано убытка:											
а) за счет резервн. капит.	2.235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2.235
б) с приб. отчетн. года	3.592	—	—	—	—	2	—	192	1.329	584	5.699
в) оставлено на балансе	3.268	—	31.502	—	—	1.930	—	398	3.145	31.116	71.359

Таблица 14

Налоговые и рентные платежи фиску по 73 трестам общесоюзной промышленности за 1925/26 год

(В тысячах рублей)

Виды платежей \ Отрасли	Металлическая	Текстильная	Нефтяная	Угольная	Электротехническ.	Химическ.	Лесная	Бумажная	Пищевая	Сахарная	По всем отраслям
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А. ПО КАЛЬКУЛЯЦИИ											
1. Патентный сбор	1.177	1.552	266	560	453	426	377	144	869	78	5.902
2. Уравнительн. „	4.924	23.491	652	1.432	1.776	3.963	690	1.585	3.944	7.475	49.932
3. Гербовый „	2.070	909	492	29	523	249	497	?	?	?	4.769
4. Нотар. и бирж. сборы	471	621	343	57	223	239	90	16	671	484	3.215
5. Прочие налоги и сборы	1.516	2.124	850	983	384	331	297	868	159	3.838	11.350[1]
6. Пошлины	869	—	4.635	—	—	—	1.294	—	—	—	6.798
7. Акцизы	12	78.584	245	—	—	8.334	7	—	372.486	232.471	692.139
8. Рента:	4.052	2.778	21.338	5.855	31	126	23.941	1.099	—	145	59.365
а) земельная	353	666	497	201	31	66	11	—	—	30	1.855
б) за недра	1.642	169	20.841	5.634	—	60	—	—	—	—	28.346
в) лесная (попенщина)	2.057	1.943	—	20	—	—	23.930	1.099	—	115	29.164
Итого по калькуляции	15.091	110.059	28.821	8.916	3.390	13.668	27.193	3.712	378.129	244.491	833.470
Б. ИЗ ПРИБЫЛЕЙ											
1. Подоходный налог.	1.748	18.125	4.198	809	1.399	2.633	226	1.755	3.143	3.491	37.527
2. Отчислен. в доход казны	12.379	91.500	23.000	4.525	6.100	13.400	—	7.000	9.105	15.000	182.009
Итого из прибылей.	14.127	109.625	27.198	5.334	7.499	16.033	226	8.755	12.248	18.491	219.536
Всего платежей	29.218	219.684	56.019	14.250	10.889	29.701	27.419	12.467	390.377	262.982	1.053.006

[1] Прочие налоги и сборы — 11.350 р.— составляются из: а) оценочного сбора — 391, б) налогов со строений — 1.056, в) налога на жилые помещения—13, г) местного сбора — 352, д) налогов на лошадей и автомобили — 294, е) на сделки по продаже и покупке—59, ж) попудных с прибываемых и отправляемых грузов—98, з) разные и нераспределенные—9.069.

держание всей нашей дореволюционной крупной буржуазии, то придется признать такую цену чрезвычайно скромной.[1]

О том, как распределились прибыли 73 союзных трестов за 1925/26 год, можно судить по таблице 13.

Всего распределено было 400 млн. рублей. Из них в доход казны поступило 182 млн., или 45,5%, туда же под наименованием подоходного налога пошло еще 37,5 млн., или 9,4%, а всего отчислено для перераспределения через бюджет 219,5 млн., или 55%. Непосредственно на увеличение промышленных фондов, включая сюда и отдел долгосрочного кредитования Промбанка, оставлено 126,2 млн., или 31,6%, в фонд улучшения быта рабочих на жилстроительство, клубы и проч. дано 47,5 млн., или 12%, на премирование, тантьемы, наградные и проч. — менее 1 млн., или 1/4 процента. Остальные суммы обращены на погашение убытков прошлых лет или остались на балансе нераспределенными.[2]

Однако, не следует думать, что перечисленными суммами исчерпывается весь тот фонд накопления, какой нам дает союзная промышленность. Если подсчитать только те суммы, какие получает б ю д ж е т от промышленности, то получим следующие цифры (см. табл. 14).

В этих итогах учтена не вся прибавочная ценность, извлекаемая в союзной промышленности, так как сюда не входит часть прибылей, остающаяся внутри промышленности, проценты, уплаченные за кредит, и арендная плата, идущая в доход муниципальных учреждений. И все же только те суммы, какие поступают в распоряжение фиска от 73 трестов, достигают 1.052 млн. руб. Можно сомневаться, целесообразно ли строить столь сложную систему налогов и весьма дорогой аппарат взимания, чтобы извлекать из государственной промышленности под десятками наименований ту долю создаваемого в ней прибавочного продукта, какую можно было бы получить оттуда несравненно проще и дешевле в порядке регулирования нормы накопления и распределения прибылей.

К сожалению, наш бюджет и вообще вся наша финансовая система, отдавая дань инерции прошлого, не поспевает еще за всеми требованиями весьма своеобразно и мощно развивающейся новой советской экономики.

---

[1] Промышленная буржуазия дореволюционной России тоже не мало затрачивала на оплату администрации. По данным ЦСУ, в 1913 году только на „д о б а в о ч н о е вознаграждение“ правлениям, директоратам и т. п., т.-е. на тантьемы и наградные, было выплачено 43,5 млн. золотых, или 78 млн. черв. рублей. Да с е б е в карман, сверх того, хозяева положили не менее 320 млн. золотых, или 570 млн. червонных рублей чистоганом. См. С т р у м и л и н. „Очерки советской экономики“, стр. 90.

[2] Отметим, что итоги прибылей по табл. 13 на 5 млн. р. выше, чем в табл. 11, в связи с учетом последних поправок при утверждении отчетности трестов, а именно — по металлопромышленности на 2 млн. и по лесной на 2,8 млн. р.

С. А. Бессонов

Проблема пространства в перспективном плане[1]

Проблема независящих расходов и вопрос о диференциальных тарифах

Покуда писались предшествующие строки, теория платежеспособных тарифов одержала крупную победу. В ее защиту выступил крупный исследователь и ученый, марксист тов. Струмилин.

В своей обширной статье, помещенной в №№ 80 и 82 „Экон. Жизни", тов. Струмилин обрушивается на защитников принципа издержек производства, как на неучей, диллетантов, недоучек, незрелых молокососов и т. д., предлагая им прежде, чем бороться за теорию тарифов, поучиться уменью серьезно, по-исследовательски подходить к вопросу.

С величайшей охотой делаем это, хотя, признаться, манера полемики, которую неожиданно обнаружил этот действительно крупный ученый по отношению к своим молодым товарищам-оппонентам, может хоть кого привести в недоумение. Подобную манеру в устах тов. Струмилина нельзя понять, если не учесть, что тов. Струмилин в своих статьях грешит против учения Маркса о транспорте. Артиллерийский огонь по оппонентам должен прикрыть это прегрешение.

Тов. Струмилин утверждает, например, что „Маркс нигде специально не занимался транспортными проблемами и касался их только изредка, вскользь и мимоходом".

Всякий, читавший II и III том „Капитала" и I том „Теорий прибавочной стоимости", знает, что это неверно. По интересующему нас вопросу — о ценообразовании на транспорте — позиция Маркса исчерпывающе ясна и недвусмысленна. Маркс прямо отождествляет промышленность и транспорт в вопросе об образовании стоимости, в то время, как тов. Струмилин их противопоставляет.

Тов. Струмилин с большой подозрительностью относится к своим оппонентам, весь багаж которых якобы „исчерпывается теми тремя страничками об издержках транспорта", какие можно найти в готовом виде во II томе „Капитала". Но тов. Струмилин каким-то странным образом упустил из виду, что еслибы Маркс сказал о тран-

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 6, 1928 г.

спорте не более двух слов, мы все же обязаны были бы исходить именно из этих слов Маркса, а не из учений буржуазных экономистов, как бы последние ни были многословны.

У Маркса нет случайных слов, какие, к сожалению, нередко встречаются у нас. Каждое слово Маркса большей частью неразрывно связано со всей системой его мировоззрения, и вот почему все ревизионисты от Фольмара до наших дней неизменно обвиняют ортодоксальных марксистов в слепой и безрассудной приверженности „букве", а не „духу", — „слову", а не „смыслу" учения учителя. Борьба марксистов за „слово" всегда была большей частью борьбой за систему в целом, потому что сторонники „духа" против „буквы", „смысла" против „слова" неизменно кончали отходом от марксизма в целом.

Тов. Струмилин бьет гораздо дальше, чем хочет, когда пишет: „Давно известно, что плох марксист, оперирующий лишь цитатами из Маркса для разрешения тех или иных проблем современности. Это хорошо было бы разве только для начетчика талмудиста... имени марксиста заслуживает лишь тот, кто владеет методами Маркса, а не цитатами, и может этими методами самостоятельно исследовать стоящую перед ним проблему, как это сделал бы на его месте сам Маркс".

Все это совершенно бесспорно. Но для того, чтобы иметь право сказать так, нужно было бы предварительно доказать и показать, что те простые и ясные указания, которые сделал Маркс по вопросу о ценообразовании на транспорте, неверны, не годятся для современности. Так как тов. Струмилин этого не сделал, ограничившись одним голым пренебрежением к цитатам из Маркса, то мы вправе ему не поверить, так как марксисты привыкли к обратному, именно к тому, чтобы разрешение любого из вопросов современности неизменно начинать с выяснения того, что сказал Маркс по данному вопросу. Да это и вполне понятно. Какой же смысл проделывать заново то, что уже однажды проделано гениальным основоположником марксизма?

Сравните, например, такую всемирно-историческую работу, как „Государство и революция" В. И. Ленина. Гениальный большевик не третировал „цитат из Маркса", а наоборот, тщательно взвешивал каждое их слово.

Наша задача состоит в разрешении очень маленьких проблем социалистического строительства. Мы искренне хотим научиться разрешать их лучше. Но мы видим, что, к сожалению, мы не можем учиться у тов. Струмилина, потому что он учит неладному — пренебрежению к наследству Маркса.

Но тов. Струмилин и сам не выдерживает принятой линии, и вместо того, чтобы доходить до вопроса собственным умом, „как сам Маркс", тоже предпочитает опереться на цитату из Маркса, при том одну, при том единственную, и, главное, не имеющую непосредственного отношения к интересующему нас вопросу о ценообразовании на транспорте.

Из выражения Маркса, что транспорт есть „продолжение производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения", тов. Струмилин делает вывод, что транспорт есть „подсобное" производство для промышленности и сельского хозяйства, „накладной расход" на эти основные отрасли производства. И как всякий накладной расход, он должен будто бы раскладываться по отдельным изделиям не пропорционально издержкам их перевозки, а пропорционально их собственной ценности или платежеспособности.

Никак нельзя признать такой вывод из Маркса верным. Маркс говорит о том, что транспорт есть „дополнительный" процесс производства, а тов. Струмилин говорит, что это „подсобное" производство. Маркс говорит, что транспорт есть „продолжение" производственного процесса, а тов. Струмилин говорит, что это „накладной расход".

Маркс хочет включить транспорт в систему отраслей материального производства, а тов. Струмилин хочет исключить его оттуда. Маркс говорит о равноправии транспорта, а тов. Струмилин говорит о его „подсобности". Пусть скажет прямо тов. Струмилин, что он еще не изжил физиократического взгляда на транспорт, как на „бесплодное" и „стерильное", „нематериальное" производство. Хотя тов. Струмилин в одной из своих работ два года тому назад признал транспорт материальным производством, тем не менее это признание видимо оказалось непрочным. В статье в „Эконом. Жизни" от 2 марта 1928 г. тов. Струмилин пишет:

„В сущности говоря, даже в производстве материальных благ мы нередко имеем по необходимости дело с установлением цен вне прямой их связи с себестоимостью... Если же обратиться к производству транспортных услуг, то эта связь... уже не в отдельных случаях, а по общему правилу является чрезвычайно условной и мало пригодной для целей тарификации". Тов. Струмилин отказывается, следовательно, распространить марксову теорию цен на транспорт именно потому, что транспорт, по его мнению, есть не производство материальных благ, а производство нематериальных услуг. Как это напоминает физиократов: физиократы XVIII века не только транспорт, но и промышленность рассматривали, как „подсобное" производство, как „накладной расход" на сельское хозяйство, как „стерильное", „бесплодное" занятие именно потому, что промышленность не дает материального приращения вещества, вышедшего из сельского хозяйства, а лишь изменяет его форму или положение в пространстве.

Верри и Рикардо блестяще разбили это наивное воззрение экономической мысли, еще не выбравшейся из пеленок. Они доказали

и показали, что о какой бы отрасли материального производства ни шла речь, везде человеческий труд производит только одно: соединение и разделение материи и перемещение ее в пространстве. Таким образом, уже экономисты начала XIX века стояли на уровне современного понимания транспортного производства.

Маркс окончательно положил конец легенде о „подсобности" транспорта и о том, что транспорт есть „накладной расход". Со всей определенностью и твердостью Маркс отождествил транспортное производство с промышленным в вопросе об образовании стоимости. В специальной главе I тома „Теорий" Маркс писал:

„Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности, существует еще четвертая область материального производства, которая также проходит различные ступени ремесленного, мануфактурного и механического производства; это — транспортная промышленность (Lokomotion Industrie) — все равно, перевозит ли она людей или товары. Здесь отношения производительных, т.-е. наемных рабочих к капиталисту совершенно такие же, как в других областях материального производства...

Если взглянуть на этот процесс (т.-е. процесс перевозки—С. Б.) с точки зрения товара, то здесь в процессе труда во всяком случае происходит перемена с предметом труда, с товаром. Изменяется его пространственное бытие и тем самым вызывается изменение его потребительной стоимости, так как изменяется пространственное бытие этой потребительной стоимости. Его меновая стоимость возрастает в размере количества труда, нужного на это изменение его потребительной стоимости, в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны, изнашиванием постоянного капитала, т.-е. суммой входящего в него овеществленного труда, с другой стороны — суммой живого труда, точно так же, как и в процессе увеличения стоимости всех других товаров. Стало быть, для этой промышленности имеет силу то же, что и для всех других отраслей материального производства, т.-е., что труд воплощается в товаре, хотя бы и не оставляя заметного следа в его потребительной стоимости" (335 стр.).

После этих простых и недвусмысленно ясных слов Маркса — чему нам предлагает учиться тов. Струмилин? Отзвукам физиократических заблуждений XVIII века? При всем уважении к тов. Струмилину мы этому учиться не будем.

Мы вправе были бы ждать от тов. Струмилина серьезной помощи в деле практического разрешения стоящей перед нами тарифной проблемы. Попробуем рассмотреть взгляды тов. Струмилина в этой области.

В № 82 „Эконом. Жизни" тов. Струмилин изложил свой способ решения тарифной проблемы, заключающийся в том, что тарифы на 40% строятся по издержкам перевозки и на 60%—по платежеспособности грузов. Расходы, зависящие от движения (40% по тов. Струмилину), включаются в тариф пропорционально об'ему, весу и расстоянию данной перевозки; расходы же общие и не зависящие от движения (60%) распределяются по отдельным перевозкам пропорционально стоимости, или, как у нас принято выражаться, по платежеспособности груза.

Если откинуть способ аргументации, то самый метод сочетания двух принципов не нов. В качестве переходной меры, за два месяца до выступления тов. Струмилина, он был предложен и принят Коллегией НКПС по докладу автора этих строк.

Но есть и разница. Она заключается прежде всего в том, что тов. Струмилин на наш взгляд переоценивает значение так называемых „независящих расходов" жел. дорог: он определяет их в 60%. Действительно, официальные отчеты так именно и оценивают долю „независящих" расходов на железных дорогах. Однако, тов. Струмилин не обратил, повидимому, внимания на то, откуда появилась эта цифра. А между тем, это чрезвычайно важно. Принятая тов. Струмилиным цифра была впервые определена в 80-х годах прошлого столетия Комиссией Глушинского, при чем Комиссия заявила по этому вопросу следующее:

„Распределяя расходы на зависящие и не зависящие от размеров движения, Комиссия не имела, конечно, в виду точного решения этого вопроса: если известный расход отнесен к постоянным, то это не значит, что он на самом деле не зависит от движения, а выражает лишь то, по мнению Комиссии, что распорядители кредитов могут обойтись в течение года сметным для данного расхода назначением, хотя бы даже движение несколько увеличилось".

Итак, Комиссия установила указанное соотношение, руководствуясь исключительно сметно-кредитными соображениями и великолепно понимая, что технико-экономический анализ дал бы совсем другие соотношения.[1] Впоследствии это обстоятельство было забыто, и цифры Комиссии стали приниматься, как научная аксиома.

Современные исчисления себестоимости значительно уменьшают долю независящих расходов. У проф. Михальцева она спускается до 30%, у проф. Фролова доходит до 25%, вместе с амортизационными отчислениями.

Что касается иностранных железных дорог, то у них не существует совсем деления расходов на зависящие и независящие. Не вдаваясь в причины этого своеобразного обстоятельства, отметим

[1] См. об этом А. И. Фролов. „Задача о себестоимости и т. д." Л 1924 г. стр. 12—13.

только, что иностранные железные дороги предпочитают деление расходов на непосредственно распределяемые и распределяемые по условным измерителям. Легко понять, что такое деление в значительной своей части должно совпасть с нашим делением на зависящие и независящие или на переменные и постоянные.

Между прочим, в области прямого распределения общих и постоянных расходов транспорта между отдельными видами движения и т. д. иностранные железные дороги достигли таких успехов, что опрокидывают вверх дном всю аргументацию о якобы невозможном рациональном их распределении вообще.

Американская практика последнего десятилетия свела, например, долю не поддающихся прямому распределению расходов (главным образом, расходы по пути) до 18%. [1] Современная немецкая практика учета себестоимости доводит долю этих нераспределенных расходов до 1 (одного!) процента. [2]

В свете этих новейших данных предложение тов. Струмилина об учете независящих расходов в размере 60% кажется мало понятным и недостаточно практичным.

Это немедленно обнаруживается, как только тов. Струмилин начинает строить свою шкалу тарифов, которой он предлагает руководствоваться тарифным учреждениям.

Не будем останавливаться на деталях вопроса, приведем самую схему:

Себестоимость ж.-д. перевозок за тонну груза в рублях и в процентах от оценки грузов.

Грузы	1. Дрова (6 руб.)				2. Зерно (60 руб.)				3. Промизд. (600 руб.)			
	Издержки		Итого		Издержки		Итого		Издержки		Итого	
Пробег в км.	Зав.	Нез.	Абс.	%	Зав.	Нез.	Абс.	%	Зав.	Нез.	Абс.	%
50	0,25	0,24	0,49	8,1	0,25	2,40	2,65	4,4	0,25	24,00	24,25	4,05
100	0,50	0,24	0,74	12,0	0,50	2,40	2,90	4,8	0,50	24,00	24,50	4,08
200	1,00	0,24	1,24	21,0	1,00	2,40	3,40	5,7	1,00	24,00	25,00	4,17
300	1,50	0,24	1,74	29,0	1,50	2,40	3,90	6,5	1,50	24,00	25,50	4,26
500	2,50	0,24	2,74	46,0	2,50	2,40	4,90	8,1	2,50	24,00	26,50	4,41
1.000	5,00	0,24	5,24	87,0	5,00	2,40	7,40	12,3	5,00	24,00	29,00	4,83
2.000	10,00	0,24	12,24	204,0	10,00	2,40	12,40	20,7	10,00	24,00	34,00	5,67
3.000	15,00	0,24	15,24	254,0	15,00	2,40	17,40	29,0	15,00	24,00	39,00	6,51

[1] Фролов, указанная работа, 53.

[2] Из доклада проф. Михальцева в НКПС от 5/IV 1928 г. Замечательно ясно ставит этот вопрос директор герм. ж. д. инж. Тенленбург в своем докладе в Берлинской администр. академии в декабре 1927 года. Своим докладом он вообще, между прочим, наносит серьезный удар противникам принципа себестоимости. „Ср. Yerkehrstechnische Woche", 1928 г. № 11—13.

Вглядимся в эту таблицу внимательно. Не говоря уже о том, что в ней одна промышленная верста равняется 100 дровяным верстам, что эта таблица в конце концов предлагает? Она предлагает независящие расходы включить в провозную плату всегда в одном и том же размере, независимо от расстояния, в то время как зависящие расходы включают в тарифы прямо пропорционально расстоянию.

Этот неверный принцип звучит крайне непонятно в устах такого сторонника диференциальных тарифов, как тов. Струмилин. Неужели тов. Струмилин не видит, что его предложение наносит серьезный удар системе диференциальных тарифов?

Сравним, например, тонно-километровую ставку тов. Струмилина на дешевые и дорогие изделия. Мы получим с округлением следующие ставки:

Плата за 1 тонно-километр в коп.

Расстояние	Дрова	Промизделия
50 км	1 к.	48 к.
500 „	0,5 к.	5 к.
3.000 „	0,5 к.	1,3 к.

Таблица предлагает нам, следовательно, необычайно крутую диференциацию на дорогие изделия и крайне слабую диференциацию на дешевые изделия. Другими словами, тов. Струмилин предлагает нам круто сломить и перестроить „шиворот на выворот" нашу теперешнюю тарифную систему.

Мы думаем, что подобный эксперимент не нужен и вреден, ибо он покоится на неправильных предпосылках. Мы не разделяем теории диференциальных тарифов, как она излагается в тарифных учебниках, где она представляет из себя просто часть общей теории платежеспособности. Мы не можем поддержать также и теорию диференциальных тарифов покоющуюся на неправильной теории ренты, как, например, у проф. Когана-Беренштейна. [1]

Проф. Коган-Беренштейн думает, что рента вырастает из земли, а не из общества, из техники, а не из общественных отношений.

„Диференциальная рента,— пишет он в своей статье,—относится к числу обстоятельств, устранимых изменениями в технике, но не изменениями в социальном строе". А так как диференциальная рента по мнению автора, является базой для возникновения диференциальных тарифов, то совершенно понятно, почему последние кажутся проф. Когану-Беренштейну более или менее вечными и уж во всяком случае не зависящими от общественного строя.

Не трудно доказать, что подобный взгляд ничего общего с действительной историей тарифов не имеет и представляет из себя

[1] „Экон. Жизнь", № 62, 1928 г.

лишь способ, с помощью которого специфический капиталистический закон ценообразования об'является вечным для всех времен и народов.

В действительности диференциальные тарифы, как мы уже частично отмечали, выросли не из земли, как думает проф. Коган-Беренштейн, а из конкуренции железных дорог между собою. Железные дороги понижали ставки на далекие сообщения в целях перетянуть к себе транзитные грузы и повышали ставки на ближние сообщения, где они были монополистами и где грузоотправитель все равно не мог никуда податься и вынуждался поэтому оплачивать железнодорожные убытки по дальнему сообщению.

Об этом, как мы видели, писал царский правительственный отчет, об этом говорит история тарифной системы любой страны.

„Понижая до минимума сложные тарифы, чтобы побить конкурентов, железные дороги стремились покрыть убытки эксплоатацией местных грузоотправителей, которым некуда было отправить свой товар помимо данной дороги". [1]

Наиболее резко выразил эту особенность диференциальных и вообще платежеспособных тарифов немецкий исследователь Ульрих.

„Частно-хозяйственное образование тарифов,—писал он,—всегда развивается в таком направлении, что исключительные тарифы и рефакции становятся правилом и всякая мало-мальски значительная партия груза тарифицируется по-особому, в то время, как общие тарифы сохраняются лишь для мелких грузоотправителей и для государственного надзора. Таков последний вывод частно-хозяйственного образования тарифов. [2]

Выдавать эту специфическую особенность частно-капиталистического управления жел. дорогами за естественный закон — значит с головой выдавать недиалектичность и беспомощность научного метода, не могущего обнаружить исторических черт в явлении, которое само кричит о своей принадлежности к определенной эпохе.

Неверно также представление о диференциальных тарифах, как перераспределителях ренты между отдельными районами. Рента вообще не является отношением к железной дороге. Она есть отношение между землевладельцем и арендатором. Вовлекая при помощи диференциальных тарифов отдельные районы в круг капиталистического развития, железные дороги отнюдь не переносят ренту из района в район. Они лишь удешевляют этим сырье для промышленности и средства существования для рабочих и таким образом ускоряют капиталистическое развитие старых районов. Таким образом, диференциальные тарифы дают возможность некоторого повышения промышленной прибыли за счет общего сокращения ренты землевладельцев.

[1] Parson „The Hearth of Railroads problem", 25, 26, Изд. Назаревского, 40.
[2] Franz Ulrich. „Das Eisenbahutarifwesen", 92—93.

Они суть специфический метод ускорения промышленного развития в капиталистических странах за счет удешевления провоза сырья, удешевления рабочей силы, расширения сбыта изделий и повышения промышленной прибыли. [1]

Наше отношение к ним должно быть совершенно такое же, как и к платежеспособным тарифам вообще. Мы должны взять твердую линию на постепенное, планово-согласованное, осторожное, но неуклонное приближение их к себестоимости перевозок.

Но дело в том, что сама себестоимость перевозок неминуемо должна включать в себя некоторую диференциацию по расстоянию. Ошибка тов. Струмилина заключается в том, что он „независящие расходы" (к тому же преувеличенно исчисленные) включает в тарифы всегда в одном и том же размере, независимо от расстояния. Между тем, совершенно очевидно, что известная часть „независящих" расходов, падающих на данную перевозку, обратно пропорциональна дальности пробега. [2] Следовательно, она должна входить в тариф не постоянной, а уменьшающейся величиной. Другими словами, некоторая диференциация тарифов вытекает из самой природы транспортных издержек и в этой части должна сохраниться при любом способе определения тарифов.

Мы пришли, следовательно, к неутешительному выводу: предложения тов. Струмилина и в теоретической и в практической части оказываются недостаточно практичными и в значительной части неверными. Нам кажется — это не случайно. Корень странного этого положения заключается в том, что тов. Струмилин пошел от Маркса к Загорскому, потеряв при этом руководящую идею о трудовой стоимости перевозок, как основе ценообразования на транспорте. В итоге он проиграл и как ученый марксист, и как практик. Лишняя иллюстрация к тому, что нельзя безнаказанно игнорировать Маркса, даже такому крупному ученому, как тов. Струмилин.

5. Итоги и предложения

Мы не исчерпали всех вопросов, связанных с тарифной реформой. Из числа принципиальных вопросов остался неосвещенным вопрос о роли тарифной политики в общей системе экономической политики советского государства, о значении тарифа, как перераспределителя народного дохода, о связи рационализации на транспорте с переходом к принципу себестоимости в тарифном деле и, наконец, вопрос о методах исчисления самих издержек перевозок. Частично эти вопросы нашли себе освещение в статьях в газетах [3], более полно они будут освещены позже.

[1] Ср. мои статьи в №№ 45, 50 и 64 „Экон. Жизни" за 1928 г.
[2] Ср. Михальцев. „Издержки ж.-д. перевозки", 1928 г. 66 стр.
[3] „Правда", № 42, 1928 г „Экон. Жизнь", №№ 46, 50, 64, 102, 1928 г.

Но уже и на базе того, что сказано, можно подвести некоторые итоги. Подведем их в том виде, в каком они изложены были в тезисах НКПС о реформе:

1. Существующая тарифная система, основанная на принципе платежеспособности и довоенных соотношениях тарифных ставок, сыграла громадную положительную роль в процессе быстрого восстановления как всего хозяйства СССР, так и самого транспорта до довоенного уровня.

2. Тем не менее, с переходом к реконструктивному периоду, когда социалистическая промышленность и другие командные высоты, находящиеся в руках государства, начинают играть решающую роль во всем народном хозяйстве, а плановое хозяйственое руководство все более вытесняет анархию рынка,— принцип платежеспособности может оказаться и частично уже оказывается в известном несоответствии с основами планового хозяйства, задачами государственного регулирования цен, социалистическим районированием СССР и проблемой рационализации самого транспорта. Всем этим основным началам и особенностям советской экономической политики более соответствует другой принцип построения тарифов, а именно — принцип издержек производства плюс установленная государством норма накопления.

3. Учитывая, однако, что быстрое изменение основ и характера тарифной системы неизбежно вызвало бы целый ряд народнохозяйственных и собственно транспортных трудностей, следует признать, что перевод тарифов на новую и принципиально иную основу должен быть произведен путем постепенного и планово согласованного изменения ныне действующей тарифной системы в сторону все большего учета элемента себестоимости перевозок.

4. Темп, сроки и порядок окончательного перевода важнейших грузов на новый способ определения тарифов должны быть теснейшим образом увязаны с общим народнохозяйственным планом развития СССР, для каковой цели нужно немедленно приступить к изучению и определению тех конкретных изменений, которые новый способ исчисления тарифов вызовет в перспективном и генеральном плане развития хозяйства СССР, в характере и направлении намеченных капитальных вложений.

5. Исходным пунктом для всей тарифной реформы должна явиться выработанная НКПС система нормальных тарифных классов, вносящая значительное упрощение и упорядочение в действующую тарифную систему и сама по себе представляющая некоторый шаг вперед в деле учета себестоимости (уменьшение диференциации тарифов по расстоянию). Немедленно по ее утверждении, НКПС должен приступить к генеральному пересмотру тарифов по существу, с тем чтобы к 1 января 1929 г. выработать новую тарифную шкалу учитывающую элемент себестоимости перевозок в значительно большей степени, чем действующая система.

6. Себестоимость перевозок должна быть учтена прежде всего в масштабе всего транспорта в целом. Новая тарифная система должна давать каждому виду транспорта доход, покрывающий не только все издержки транспорта, но и амортизационные по транспорту расходы и, в известном установленном государственном размере, также и расходы расширенного воспроизводства на транспорте, т.-е. фонд накопления.

7. Что касается тарифов на отдельные категории грузов, то принцип себестоимости должен найти здесь при предстоящем пересмотре более сильное, чем прежде, выражение, в форме установления низшей границы для понижения тарифов, каковой границей уже сейчас следует признать падающую на данную перевозку среднюю долю эксплоатационных расходов, зависящих от движения.

8. Расходы, не зависящие от движения, впредь до выработки более точных методов их разноски и впредь до окончания работы, указанной в п. 4, могут и должны быть разносимы по отдельным перевозкам, как по принципу их средней себестоимости, так и по принципу платежеспособности грузов, так и по принципу государственно-хозяйственной и политической целесообразности. Однако, во всех этих случаях Тарифный Комитет должен в качестве количественной основы исходить из цифры полной себестоимости данной перевозки, с тем, чтобы перераспределение народного дохода, совершающееся в форме неравномерного распределения по перевозкам общих и не зависящих от движения расходов, не было ничем затемнено и носило вполне ясный характер, обеспечивающий правильное разрешение вопросов, указанных в п.п. 4 и 6.

9. Раскрывая, таким образом, широкие рамки для осторожной и гибкой политики перехода со старой тарифной системы на новую, принцип сознательного перераспределения общих и независящих расходов транспорта между отдельными перевозками (п. 8) уже сейчас должен стать орудием борьбы с нерациональным использованием средств транспорта, поскольку эта нерациональность вызывалась особенностями прежней тарифной системы (неправильное использование водного и железнодорожного транспорта, большие скорости, бесполезные пробеги грузов, нерационально дальние перевозки и т. д.). Большим учетом себестоимости подобных перевозок Тарифный Комитет должен в значительной степени ослабить вредные явления, вызываемые подобным нерациональным использованием средств транспорта.

10. В тех случаях, когда по соображениям хозяйственной политической целесообразности оказывается необходимым установление особо низкого (т.-е. переходящего за границу, указанную в п. 7) тарифа на той или иной груз, Тарифный Комитет должен установить дефицит, получаемый транспортом от этой операции, и в случае невозможности, переложить его на другие грузы, войти с представлением в высшие государственные органы о принятии этого дефицита на общегосударственный бюджет.

11. Вместе с тем, в пересмотренной тарифной системе должен найти себе отражение принцип классовой диференциации тарифных ставок с таким расчетом, чтобы эта классовая диференциация обеспечивала в необходимых случаях обобществленному сектору более благоприятные условия развития сравнительно с сектором частно-капиталистическим.

12. Мероприятия по внедрению принципа себестоимости в деле определения тарифов и по установлению большей ясности в народно-хозяйственных отношениях транспорта должны дополняться всесторонним проникновением принципа себестоимости в хозяйственную работу самого транспорта, как в целом, так и в отдельных его частях. Только отчетливое представление о хозяйственных результатах работы каждого мельчайшего звена транспортного хозяйства, немыслимое без учета себестоимости, может придать рационализаторской работе на транспорте определенность и целеустремленность, обеспечивающую понижение издержек транспорта и, следовательно, уменьшение средней тарифной ставки.

Н. М. Вишневский

План государственных мероприятий в области сельского хозяйства

До настоящего года лишь часть государственных мероприятий, проводимых в области сельского хозяйства, подвергалась централизованному плановому воздействию со стороны общесоюзных органов. К таким мероприятиям относились: ирригационные работы в хлопковых районах, машино- и трактороснабжение, снабжение минеральными удобрениями и некоторые другие.

Остальные мероприятия (фактически большинство их) планировались в пределах отдельных союзных и автономных республик совершенно самостоятельно. Единственной формой косвенного воздействия на общий характер мероприятий, но не на их конкретное содержание и размеры, являлись лишь общие директивные указания государственных и партийных органов.

Между тем, мероприятия в области сельского хозяйства весьма быстро от года к году увеличиваются в своем об'еме, требуют все бо́льших затрат государственных средств и приобретают все большее значение в той системе воздействия на сельское хозяйство, которая проводится государственной властью. С каждым же годом все более очевидной становится необходимость и неизбежность и общесоюзного планирования, так как только последнее может обеспечить интересы всего народного хозяйства в целом, связь с которым со стороны сельского хозяйства не только не локализуется в границах отдельных республик, но и выходит через экспортно-импортные операции за пределы Союза. При этом самые жизненные интересы отдельных отраслей сельского и народного хозяйства связывают их в причудливые географические узлы, один из примеров которых — связь между текстильной промышленностью, расположенной в центре РСФСР, и хлопком в Средней Азии и ЗСФСР, а этого последнего — с пшеницей в Волжском и Сев.-Кавказском районах, при чем и хлопок и пшеница одновременно связаны через импорт и экспорт с мировым рынком.

Из этого примера прекрасно видно, что только при общесоюзном планировании государственных мероприятий в области сельского хозяйства может быть достигнута необходимая увязка в развитии сельского хозяйства с потребностями народного хозяйства. При чем и теоретически и практически совершенно ясно, что в круг плани-

рования должны входить не отдельные изолированно взятые мероприятия, как это было до сих пор, а все мероприятия. Последние представляют внутренне связанную с и с т е м у воздействия государства на сельское и, в частности, на крестьянское хозяйство, в сторону его социально-технической реконструкции, сочетающейся с определенными требованиями в области производства. Эти требования диктуются развитием всего народного хозяйства и увязываются с системой общеэкономического воздействия на сельское хозяйство.

Учитывая такое положение, Госплан Союза, представляя Союзному правительству проект контрольных цифр народного хозяйства на 1927/28 г., внес предложение о составлении в их развитие сводного плана государственных мероприятий в области сельского хозяйства. Предложение это было принято, при чем его выполнение в первой стадии падало на отдельные союзные республики, которые должны были проработать республиканские оперативные планы мероприятий, с тем, чтобы во второй стадии работы Госпланом Союза они были сведены в общесоюзный план. При таком порядке составления сводного плана предполагалось, что отдельные республики, руководствуясь, с одной стороны, директивами о направлении государственной политики в области сельского хозяйства, а с другой стороны, исходя их контрольных цифр финансирования сельского хозяйства и данного при составлении контрольных цифр анализа современного положения сельского хозяйства и связей его с народным хозяйством, наметят ту систему мероприятий материального характера, которая, обеспечивая проведение принятой директивными органами общей социально-экономической линии в деревне, создаст условия для дальнейшего развития сельского хозяйства в направлении, диктуемом народно-хозяйственными потребностями. Содержание республиканских, а в дальнейшем и сводного планов мыслилось Союзным Госпланом в виде не только финансовых расписаний, но и описания намечаемых мероприятий, с указанием их социального направления и цифровой характеристики натуральных об'емов и стоимости отдельных мероприятий. Освещение весьма важного вопроса об эффективности мероприятий, в виду полной неразработанности методологии ее определения в условиях крестьянского хозяйствования, не могло явиться обязательной частью плана на 1927/28 г. при имевшемся небольшом сроке его проработки, почему и не было включено в программу сводного плана. Таким образом, для впервые составлявшегося сводного плана был намечен самый минимальный об'ем, так как при разнообразии и раздробленности органов, планирующих государственные мероприятия в области сельского хозяйства, расширение его программы могло бы привести к весьма большим затруднениям и вызвать значительное опоздание в представлении сводного плана на рассмотрение и утверждение Союзного правительства.

К сожалению, в действительности пришлось сделать весьма существенные отступления от предположенного характера и минимального об'ема данных, входящих в сводный план.

Когда от союзных республик были запрошены соответствующие материалы, то пять союзных республик представили планы, имевшие, с точки зрения общесоюзной сводки, некоторые дефекты (особенно в части социальной характеристики проводимых мероприятий), которые хотя и сокращали об'ем возможной сводки, но не доводили ее однако до неприемлемого минимума. Но от шестой и самой большой республики — РСФСР — все поступившие материалы исчерпывались цифровыми данными о размере испрашиваемых средств из госбюджета и размере средств, направляемых в сельское хозяйство через систему с.-х. кредита. Никакого материала об об'еме, характере и социальном направлении мероприятий РСФСР представить не смогла в виду неполучения ею самою необходимых данных от ряда автономных республик. Такое состояние материалов, полученных Союзным Госпланом от республик, должно было свести сводный план фактически лишь к плану финансирования сельского хозяйства, без указания, что конкретно на отпускаемые денежные средства по отдельным мероприятиям будет сделано и по какому социальному руслу они будут направлены. Из создавшегося положения Союзный Госплан вышел следующим образом: в части плана, представленной на утверждение Союзного Совнаркома, были даны лишь финансовые расчеты, а в приложении к официальной части плана были приведены данные, характеризующие важнейшие мероприятия со стороны их распределения по социальным секторам и их натурального об'ема, определенного на основании имевшихся в распоряжении Союзного Госплана неофициальных материалов, а в ряде случаев и нормативных расчетов.

При наличии всех необходимых данных в республиканских планах, Союзное правительство имело бы возможность помимо утверждения цифр, определяющих размеры финансирования отдельных важнейших мероприятий, высказать свои суждения и вынести решения о социальном направлении и районном размещении этих мероприятий в более конкретной форме, чем это могло быть сделано в имевшихся условиях.

То же, что было сделано Союзным Госпланом в пояснение данных о финансировании, позволяло самым грубым образом судить лишь о возможных натурально-количественных размерах мероприятий, которые м о г у т быть осуществлены на отпускаемые средства, без указания однако в развернутом виде ни социального, ни районного распределения мероприятий.

Полное отсутствие в сводном плане районного разреза и отсутствие социального разреза в сколько-нибудь развернутом виде является основным дефектом всей работы, подлежащим изжитию в плане на будущий год.

Что касается районного разреза, то Союзный Госплан был совершенно бессилен восполнить его отсутствие в республиканских планах. В отношении же социального разреза нам удалось выделить из общей суммы средств, идущих на финансирование сельского хозяйства, лишь часть, приходящуюся на совхозы и колхозы, и оставить невыделенными средства, падающие на долю первичной производственной кооперации — машинные товарищества, мелиоративные товарищества, товарищества по обработке земли и т. п.

Переходя к существу сводного плана, необходимо прежде всего указать, что в основу его, исходя из директив Союзного правительства, данных при утверждении контрольных цифр народного хозяйства, и решений XV партийного с'езда, была положена установка по проведению в 1927/28 г. такой системы мероприятий, которая сочетала бы в себе максимальное форсирование процессов обобществления и кооперирования крестьянских индивидуальных хозяйств и расширения тех узких мест во всем народном хозяйстве, которые создались в результате недостаточного развития сельскохозяйственнаго производства или недостаточного рыночного использования ряда сельскохозяйственных продуктов.

Само собою разумеется, что последняя задача могла быть поставлена в сводном плане лишь постольку, поскольку форсирование производства или товарного отчуждения отдельных продуктов может быть осуществимо внутри самого сельского хозяйства, находящегося в определенных народнохозяйственных условиях, являвшихся для нас данными теми контрольными цифрами, в развитие которых сводный план мероприятий в области сельского хозяйства и составлялся.

Анализируя соотношение между потребностями в отдельных продуктах сельского хозяйства и их поступлением на рынок, мы пришли к заключению, что, в условиях быстро растущего спроса, к числу дефицитных или близких к дифицитным должны быть отнесены почти все важнейшие отрасли сельского хозяйства. Кроме того, производство ряда недефицитных продуктов должно форсированно развиваться, чтобы не отстать от происходящего роста их потребления. Таким образом, фактически имеется положение, когда с народнохозяйственной точки зрения требуется общее развитие сельскохозяйственного производства с одновременным ростом его товарности. Отсюда легко можно было бы притти к заключению о необходимости проведения государственных мероприятий, также направленных к общему развитию сельского хозяйства и преследующих специфические задачи лишь в отношении социальной перестройки с.-х. производства.

Подобная установка в проведении государственных мероприятий, имевшая в значительной мере место в последние годы и хотя бы отчасти понятная в период восстановления сельского хозяйства, в настоящий момент, когда на первое место все более выступает коренная реконструкция всего народного хозяйства и сельского хозяйства, как его органической части, привела бы к еще большему разрыву между потребностями народного хозяйства в определенных с.-х. продуктах и их поступлением на рынок.

Поэтому как в контрольных цифрах, так и особенно в сводном плане мы категорически отвергали установку на развитие с.-х. производства вообще и ставили перед собою задачу придания всем мероприятиям совершенно определенной и возможно конкретизированной целеустремленности. Учитывая ограниченность государственных средств, обращаемых на финансирование сельского хозяйства, целеустремленное проведение мероприятий должно было свестись к тому, что по отношению к каждому узкому месту, зависящему в своем расширении от действий внутри сельского хозяйства, решается вопрос о наиболее социально приемлемом, быстром по своему эффекту и рентабельном способе его расширения. Практически это приводит к выбору, с одной стороны, тех районов, в которых мы должны достигать расширения производства или увеличения рыночного извлечения того или иного продукта, а с другой стороны — к намечению тех конкретных мероприятий, при помощи которых мы можем добиться желательных результатов.

Отсутствие в материалах, полученных Союзным Госпланом, районного разреза, лишило нас возможности провести целеустремленную установку в планировании государственных мероприятий в полном об'еме и ограничило нашу задачу проработкой вопроса о применении целеустремленной установки по отношению лишь к распределению средств между отдельными мероприятиями, учитывая районный момент только при распределении средств между союзными республиками.

Намечая размеры государственного финансирования отдельных мероприятий и отраслей с.-х. производства, мы по отношению к последним прежде всего выясняли, является ли та или иная отрасль дефицитной, и если является, то от чего зависит дефицитность: от а) неблагоприятных рыночных условий при размерах производства позволяющих при изменении рыночных условий получить достаточное количество продуктов, б) недостаточности рыночного охвата, когда производство и рыночные условия не являются причиной дефицитности (в последнюю группу мы относили и те продукты, поступление на рынок которых тормозится отсутствием надлежаще организованной сети предприятий по их первичной переработке, при условии, что производство исходного сырья обеспечивает расширение переработки и поступление переработанного продукта на рынок) и в) недостаточных размеров производства, с подразделением причин, обусловливающих недостаточность, на внутри-сельскохозяйственные и внешние рыночные, действовавшие в направлении, сокращающем или задерживающем рост производства.

Сводный план, охватывающий лишь мероприятия материального характера (в дополнение к мероприятиям общеэкономического

и в частности рыночного характера, намеченным общими контрольными цифрами народного хозяйства и корректируемым в порядке выводов из текущей кон'юнктуры), мог выдвинуть предложения, идущие по пути устранения или ослабления действия причин дефицитности, указанных в пункте „в", в той его части, которая охватывает причины внутри-сельскохозяйственные, а также частично и уничтожения причин, указанных в пункте „б", поскольку в сводный план включены мероприятия по индустриализации сельского хозяйства, осуществляемой кооперативными организациями и совхозами.

Анализируя состояние отдельных отраслей сельского хозяйства и намечая мероприятия, могущие форсировать их производство и товарное отчуждение, мы получили следующее.

Зерновые культуры. Названные культуры находятся под наиболее неблагоприятным воздействием существующих рыночных условий и условий обмена между городом и деревней.

Положение с товарным отчуждением хлебных продуктов лучше всего характеризуется тем, что их индекс (отношение современных цен к довоенным) равен почти единице, в то время как по техническим культурам индекс близок к 1,4, а по продуктам животноводства даже равен 1,7. Кроме того, опыт последних лет показывает, что крестьяне стремятся отчуждать хлебные продукты так сказать в последнюю очередь, реализуя наиболее охотно продукты прочих отраслей сельского хозяйства. Поэтому недостаточное покрытие платежеспособного спроса крестьянства в наибольшей степени отражается на отчуждении, в сторону его сокращения, именно на хлебе, идущем вместо рынка на усиленную перегонку через скот, на образование в руках крестьянской верхушки сверхнормальных запасов и на образование страховых запасов в руках середняцких групп в размерах больших, чем то имело бы место при иных условиях. При том громадном удельном весе, который принадлежит зерновым культурам в области сельского хозяйства вообще (35% всей с.-х. продукции) и в растениеводстве в особенности (65% продукции и более 80% посевной площади), лишь ряд крупных мер общего характера могут значительно увеличить товарное отчуждение зерновых продуктов, недостаточное поступление которых создало в настоящее время одно из самых узких мест всего народного хозяйства. Необходимо оговорить, что и при существующих размерах производства поступление зерновых продуктов на рынок может значительно превысить фактически имеющиеся, если будут устранены причины, обусловливающие существующее положение.

Поэтому мы, не выдвигая для проведения в 1927/28 г. каких либо крупных специальных мероприятий, направленных к форсированию производства зерновых продуктов, считали необходимым, чтобы те массовые мероприятия по землеустройству, агротехнике и по снабжению сельского хозяйства средствами производства, и особенно в части снабжения рабочим скотом и сельскохозяйственными

машинами, при своем проведении преследовали задачу максимального обслуживания районов товарного производства зерновых продуктов.

Необходимо отметить, что для дальнейшего развития производства пшеницы, рост спроса на которую происходит особенно интенсивно со стороны и внутреннего и внешнего рынков, в пределах старо-рыночных районов (Украина, Сев. Кавказ и Поволжье), с каждым годом остаются все меньшие возможности, что зависит и от перераспределения посевов между культурами (отход площадей в результате интенсификации районов под такие культуры, как подсолнух, кукуруза и ряд других), и от увеличения внутрихозяйственного потребления хлеба самими производителями, в силу роста населения и скота. Учитывая подобную обстановку, необходимо всемерно форсировать развитие производства пшеницы на неиспользованных еще землях в районах, названных выше, а также и на свободных землях в Сибири и Казакстане, и в частности пересмотреть вопрос о запрещении переселения в последнюю республику, где имеются весьма значительные земельные площади, годные под пшеничные посевы и в настоящее время недостаточно полно используемые или даже совсем еще не вовлеченные в хозяйственный оборот.

С форсированием развития пшеничных посевов связан и вопрос о типе хозяйств, могущих дать значительные контингенты товарной пшеницы. Дело в том, что существующее крестьянское хозяйство, в виду сравнительно небольших своих размеров, будет неизменно стремиться к более устойчивому характеру сельскохозяйственнного производства, сокращая в этих целях посевы пшеницы, заменяя ее более устойчивыми культурами и развивая одновременно животноводческую отрасль. С этим связано повышение внутрихозяйственного потребления растениеводческих и в том числе зерновых продуктов и сокращение их товарного выхода. Учитывая такое положение еще в контрольных цифрах, нами было выдвинуто предложение о необходимости создания в пшеничных районах крупных механизированных обобществленных хозяйств. В случае удачной их организации мы сможем в ближайшие же годы получить дополнительные значительные количества товарной пшеницы, чем ослабится существующее напряженное положение на рынке пшеницы.

Значительный сдвиг сводный план наметил в деле производства и распространения среди крестьянских хозяйств сортовых и улучшенных семян. Впервые на создание государственного фонда сортосемян проведено ассигнование из государственного бюджета. Не давая в ближайший год значительного эффекта, мероприятия в области семеноснабжения, проводимые на протяжении 1927/28 г., создают возможность форсированного развития семянопроизводства и снабжения и достижения в дальнейшем связанного с этим под'ема урожайности.

К сожалению, в 1927/28 г., в связи с затруднениями на хлебном рынке, не удалось осуществить намечавшейся широкой скупки имев-

шихся в количестве примерно до 35—40 тыс. тонн в распоряжении производителей сортовых и улучшенных семян и последующей их передачи крестьянству для замены рядовых семян. Значительная часть сортовых и улучшенных семян даже в совхозах пошла на внутрихозяйственное потребление и не была из'ята для целей семяноснабжения. В будущем году такое положение должно быть безусловно изжито, так как в противном случае повышение урожайности зерновых культур, связанное с массовым переходом на сортовые семена, пойдет сильно замедленным темпом.

Из мероприятий, не имеющих большого общего значения, но могущих форсировать производство и товарное отчуждение отдельных зерновых культур, в сводный план входит контрактация посева ряда культур, необходимых как сырье для промышленности и как добавочные экспортные продукты. На максимально широкое проведение контрактации таких культур, как пивоваренный ячмень и бобовые в ржаных районах, должно быть обращено исключительное внимание как в 1927/28 г., так и в следующие годы.

Маслосемена. По отношению к чисто масличной культуре, дающей главную массу товарного выхода маслосемян — подсолнуху, существующие рыночные условия (цены) создали вполне благоприятную обстановку для дальнейшего роста посевов. Намечаемые крупные размеры контрактации посевов подсолнуха являются не только дополнительным стимулом для роста посевных площадей, но и обеспечат будущей урожай за государственной промышленностью.

В отношении других масличных культур и особенно вновь вводимых — сои и клещевины — предполагаемые размеры контрактации их посевов также должны сыграть в отношении роста их производства стимулирующую роль, почему по маслосеменам в целом надо считать положение с организацией их производства на 1928/29 г. в масштабе всего союза вполне благополучным.

Хлопок. Для дальнейшего развития хлопковых посевов, не считая ирригационных мероприятий, расширяющих общие размеры поливных земель, необходимы как внутри-сельскохозяйственные мероприятия, так и мероприятия внешнего характера, основное из которых — достаточное снабжение хлопковых районов пшеницей и реализация ее по ценам, стимулирующим перераспределение посевов в пользу хлопка.

По линии внутри-сельскохозяйственных мероприятий сводный план содержит: а) снабжение минеральными удобрениями, увеличиваемое вдвое против 1926/27 г., б) снабжение сортовыми семенами, охватывающее в 1927/28 г. почти всю площадь хлопковых посевов, в) контрактацию всей площади посевов хлопка и г) ряд других мероприятий, проводимых в районах хлопководства — землеустройство, машиноснабжение (с предоставлением специальных кредитов на приобретение туземного — незаводского производства — сельскохозяйственного инвентаря), агрообслуживание и т. п.

Лен. Товарное производство льна находится в наиболее тяжелом положении под влиянием расхождения цен продажных на льноволокно и покупных на зернопродукты. При формировании посевов под урожай 1927 г., несмотря на принятые меры по контрактации льна и снабжению посевщиков льносеменами, под влиянием и рыночных условий и запоздания в ряде случаев мероприятий по расширению посевов, а также вследствие их новизны и недостаточности семяснабжения, в некоторых льняных губерниях происходило вытеснение льняных посевов зерновыми. Поэтому основной задачей в районах льноводства является усиление завоза в них хлеба и установление цен на хлеб в соответствии с ценами на лен, так как только при этих условиях смогут оказать благоприятное воздействие внутри-сельскохозяйственные мероприятия, содержащиеся в сводном плане.

Кроме мероприятий общего значения (землеустройство, снабжение машинами, агромероприятия и т. п.), сводный план наметил в льноводных районах проведение следующих специальных мероприятий: а) контрактация посевов около 150 тыс. *га*, б) семяноснабжение улучшенными семенами — около 2 тыс. тонн, в) снабжение минеральными удобрениями — около 36 тыс. тонн, каковое количество позволит почти утвердить удобряемую площадь по сравнению с предыдущим годом и довести ее до 120 тыс. *га*, и г) постройка кооперативными организациями за счет с.-х. кредита ряда заводов по первичной переработке льна.

Сахарная свекла. Положение с производством сахарной свеклы, в отношении его размеров, вполне благополучно, почему основная задача по этой культуре с чисто количественных достижений по расширению посевных площадей должна быть перенесена на повышение урожайности, с чем связано как закрепление свекловичного клина в определенном контингенте крестьянских хозяйств, так и усиление снабжения свеклосевов минеральными удобрениями.

Сводный план намечает в районах свеклосеяния следующие важнейшие специальные мероприятия: а) контрактацию всей посевной площади свеклы на крестьянских землях, б) полное снабжение этой площади сортовыми семенами, в) снабжение удобрениями в размере около 520 тыс. тонн (удвоение против 1926/27 г.), что позволит обслужить площадь в 550 тыс. *га* при значительном увеличении нормы удобрения против предшествующего года (220 *кг* против 180 *кг*), г) снабжение бедняцких хозяйств рабскотом — около 18 тыс. голов, и д) землеустройство крестьянских хозяйств в районах сахзаводов — около 1.700 тыс. *га*.

Из остальных культур наиболее существенные мероприятия, выдвинутые в сводном плане, относятся к плодоовощам, производство которых в ряде районов обеспечивает значительную их товарность, неиспользуемую в настоящее время. Запроектированная постройка ряда заводов по их первичной переработке позволяет

весьма быстро получить дополнительные контингенты весьма рентабельных продуктов, имеющих спрос как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

По линии животноводства отчетливо выявленным в сводном плане мероприятием является лишь одно строительство предприятий по первичной переработке животноводческих продуктов (об этом подробно будет сказано ниже), так как по остальным мероприятиям мы не располагали необходимыми данными. По имевшимся в нашем распоряжении данным мы могли судить лишь о недостаточном размере финансирования мероприятий в области качественного улучшения скота, почему в плане будущих лет на эту отрасль сельского хозяйства должно быть обращено самое серьезное внимание.

Перейдем теперь к обзору тех мероприятий, которые нам удалось более или менее конкретно выявить при проработке сводного плана.

Остановимся прежде всего на одном из основных мероприятий, содействующих общему под'ему сельскохозяйственного производства — организации территории, т.-е. на землеустройстве и связанных с ним расселении и мелиоративных работах. С землеустройством дело обстоит таким образом, что если в прошлом году на это мероприятие было затрачено государством около 19 млн. руб., то для 1927/28 г. намечалась затрата около 36,5 млн. руб., т.-е. почти удвоение государственных расходов против прошлого года. С последним обстоятельством связан один очень интересный вопрос: если удваиваются государственные расходы, то в какой степени увеличивается натуральный об'ем мероприятия? Оказывается, что об'ем увеличивается в значительно меньшей степени, чем увеличиваются расходы, а именно — примерно на 23%. Такой разрыв между ростом затрат и увеличением натурального об'ема землеустроительных работ об'ясняется тем, что до настоящего года положение с землеустройством в РСФСР было мало удовлетворительным. Если посмотреть, как распределялись по отдельным союзным республикам затраты на землеустройство между государством и населением, то окажется, что в трех союзных республиках — двух Средне-Азиатских и ЗСФСР — на все 100% оплата землеустроительных работ шла за счет государства. По БССР в прошлом году было затрачено государственных средств около 47% общей стоимости землеустроительных работ, и в нынешнем году предполагается около 55%. По Украинской ССР в прошлом году — около 38% и в нынешнем году намечается около 65%. По РСФСР в прошлом году — только около 25%, при чем если взять РСФСР за исключением автономных республик, то этот процент будет еще ниже. Благодаря этому, по РСФСР землеустроительные работы шли наиболее стихийно, они в своем географическом размещении наиболее зависели от того, где население дает больше стредств. Такое положение должно быть изжито, так как землеустройство является одним из важнейших рычагов общей реконструкции сельского хозяйства и лучшим способом быстрейшего разрешения ряда задач, — например, форсирование производства технических и зерновых культур в определенных районах и т. п. Для 1927/28 г. мы проектировали довести по РСФСР долю государственных средств до 60%, а без автономных республик — до 50% общей стоимости землеустройства. Такое резкое повышение доли государственных расходов обеспечивает для РСФСР возможность внесения значительной плановости в землеустроительные работы. Но в то же время благодаря этому обстоятельству, а также и тому, что в нынешнем году по всем республикам увеличивается производство наиболее дорого стоющих видов землеустроительных работ по внутриселенному землеустройству, с доведением его до двора, — натуральный об'ем землеустроительных работ при удвоении государственных расходов выростает лишь на 23%.

Для упорядочения всего дела землеустройства мы считаем необходимым, чтобы союзные республики, в которых население принимает участие в оплате землеустроительных работ, проработали вопрос о наиболее плановом проведении землеустройства, обеспечивающем возможность его использования для быстрейшей социально-технической реконструкции сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что народнохозяйственная эффективность современного землеустройства оказалась пониженной, благодаря тому, что оно зачастую проводится не там, где это наиболее необходимо с точки зрения потребностей всего народного хозяйства в целом, а там, где его оплачивает население. Снижается эффективность землеустройства еще и тем, что его проведение не увязывается с другими мероприятиями, позволяющими использовать землеустройство наиболее интенсивно. В частности, наблюдается, например, такое явление, что проводимое в порядке землеустройства изменение севооборотов (переход, например, с трехполья на четырехполье) в ряде случаев существует только до того момента, пока землеустроитель находится в деревне; когда же он уезжает, исчезает и четырехполье, и крестьянство возвращается к трехполью, потому что четырехполье может существовать только при известных условиях, которые не всегда имеются. Так, в ряде районов при четырехполье должно развиваться животноводство. Крестьянин будет всего охотнее развивать животноводство при условии, что продукты животноводства будут иметь обеспеченный сбыт на рынок. Поэтому, если в районе землеустройства нет соответствующих отраслей с.-х. индустрии, производящих первичную переработку продуктов животноводства, то нет стимула и для существования четырехполья. Республики должны принять самые решительные меры к комплексному проведению мероприятий и в частности увязать землеустройство со строительством предприятий по первичной переработке с.-х. продуктов, снабжением населения скотом, инвентарем, улучшенными семенами и т. п.

Об'ем землеустроительных работ определяется по ориентировочному подсчету, для СССР в целом, в следующих цифрах.

	1927/28 г.	1926/27 г. (в млн. *га*)	1927/28 г. в % к 1926/27 г.
Межселенное землеустройство	15	15	100
Внутриселенное „	24	18	133,3
Ограничение при сплошном землеустройстве полукочевых и кочевых районов	5,8	3,5	165,7
Землеустройство госуд. зем. имущ.	3,7	2,9	127
Итого . . .	48,5	39,4	123,3

Наиболее характерная черта предполагаемых в 1927/28 г. работ по землеустройству заключается в усиленном переходе на внутринадельное землеустройство с доведением его до двора. Этот вид землеустройства увеличивается по сравнению с прошлым годом на 33%, тогда как межселенное землеустройство остается на прежнем уровне.

С рациональным и наиболее эффективным проведением землеустройства неразрывно связано расселение. До настоящего года финансирование расселенческих мероприятий проводилось в явно недостаточных размерах, что понижало эффективность землеустройства, в особенности в районах пшеничного экстенсивного зернового хозяйства, в которых лишь при расселении может быть уничтожено основное зло земледелия этих районов — отдаленность пахотных земель от места жительства крестьян.

В целях устранения существующего ненормального положения с расселением сводный план предусматривает увеличение финансирования с 12 млн. руб. до 22,5 млн. руб. Что касается мелиорациии, то размеры ее финансирования также значительно увеличиваются — до 24 млн. руб., что дает рост по сравнению с предшествующим годом примерно на 35%.

Следующее массовое мероприятие, содействующее общему под'ему с.-х. производства, которое удалось осветить в сводном плане, это снабжение населения основными средствами производства, идущее по линии машиноснабжения и трактороснабжения.

План машиноснабжения предусматривает продвижение в деревню с.-х. машин в размерах на 14% больших, чем то имело место в 1926/27 г., с увеличением кредитов на 25%, чем обеспечивается возможность приобретения машин малоимущими слоями крестьянства, для которых установлены особо льготные условия кредита. Надо указать также, что в 1927/28 г. впервые отпускаются государственные средства на организацию ремонтных мастерских, благодаря чему должны повыситься сроки службы имеющегося с.-х. инвентаря.

В части трактороснабжения в 1927/28 г., так же как и в предыдущем году, в силу сокращения импорта, поступление новых тракторов в сельское хозяйство будет происходить в весьма небольших и недостаточных размерах. В связи с возможностью и необходимостью организации крупных механизированных хозяйств, должны быть использованы все пути к значительному увеличению трактороснабжения, не только в следующем, но и в текущем году. Наметить возможные пути увеличения трактороснабжения в момент составления плана мы не могли, почему этот вопрос должен быть проработан дополнительно.

Особое внимание в сводном плане предполагалось уделить мероприятиям по под'ему агрикультуры, проводимым, главным образом, в связи со средствами, отпускаемыми по сметам НКЗемов. Эти мероприятия заслуживают очень большого внимания, но те материалы, которые мы получили от союзных республик, не дали нам возможности остановиться на них сколько-нибудь подробно, так как мы располагали лишь самыми общими данными — о числе агроучастков, о числе учреждений по животноводству и т. п., но не об об'еме и конкретном характере их работы. Из всех этих агрикультурных мероприятий при проработке сводного плана мы могли выделить лишь два — снабжение минеральными удобрениями и мероприятия, связанные с организацией государственного фонда чистосортных семян и сортового семеноводства.

По линии снабжения минеральными удобрениями планом предусматривается передача сельскому хозяйству 420 тыс. тонн удобрений против 185 тыс. тонн в 1926/27 г., что дает увеличение почти в 2,5 раза и обеспечивает удобрение площади в 960 тыс. *га*. Кроме того, из государственного бюджета отпускаются средства на организацию опытно-показательных мероприятий по минеральным удобрениям на крестьянских полях (1,5 млн. руб.), на покрытие убытков химической промышленности, отпускающей сельскому хозяйству минеральные удобрения по ценам ниже себестоимости, и на организацию станции по испытанию машин для добычи и обработки агрономических руд (3,5 млн. руб.).

В отношении семенного госсортфонда и сортового семеноводства сводный план предусматривает размеры финансирования, обеспечивающие дальнейшее развитие этих мероприятий в соответствии с их перспективным планом, утвержденным Советом Труда и Обороны в 1927 г. Необходимо лишь отметить, что в нарушение указанного плана по сметам НКЗ на 1927/28 г. отсутствуют кредиты на оборудование сельхозов. Такое отставание со стороны НКЗ в выполнении плана, при условии выполнения остальных его частей, явно ненормально, почему заинтересованным республикам необходимо на будущий год исправить этот недостаток. Осветить более подробно вопросы, связанные с семеноснабжением, в сводном плане на 1927/28 г. нам, по состоянию полученных материалов, не удалось, почему в плане на будущий год этому мероприятию должно быть уделено одно из центральных мест. Кроме указанных выше мероприятий, способствующих росту с.-х. производства, в сводном плане было обращено большое внимание на мероприятия, которые могут дать

наибольший эффект в отношении быстрого повышения товарности сельского хозяйства и, в частности, повышения товарности уже имеющейся продукции, способствуя в то же время кооперированию населения и реконструкции сельского хозяйства. К таким мероприятиям мы относим в первую очередь организацию первичной переработки с.-х. продуктов (индустриализация сельского хозяйства) и контрактацию.

В отношении первичной переработки с.-х. продуктов сводный план предусматривает прежде всего значительное увеличение финансирования сельскохозяйственной индустрии (кооперативной и совхозовской), вырастающее в 1927/28 г. на 80% против прошлого года. Но в пределах всей сельскохозяйственной индустрии мы считаем необходимым обратить усиленное внимание на ряд тех ее отраслей, которые дают на рынок наиболее дефицитные продукты, необходимые как для внутреннего потребления, так и для заграничного экспорта. К таким отраслям относится прежде всего молочная промышленность, где главное место занимает маслоделие. В прошлом году на строительство в этой отрасли было затрачено около 7,5 млн. руб., в нынешнем году предполагается затратить около 15 млн. руб. или вдвое больше. При этом мы считаем необходимым, чтобы маслоделие распространялось не только в старых, но и в новых районах, в частности засушливых и аграрно-перенаселенных, что будет способствовать их реконструкции, одновременно расширяя сырьевую базу маслоделия.

На мясную индустрию, главным образом, бэкон, в прошлом году было затрачено около 1 млн. руб., в нынешнем году намечается 4½ млн. руб., т.-е. в 4,5 раза больше.

В яично-птичной промышленности (склады, откормочные пункты и т. д.) предполагается увеличение строительства с 1 млн. руб. до 4,5 млн. руб.

На строительство заводов по первичной обработке льна затраты увеличиваются с 1 млн. руб. до 3,5 млн. руб. В связи с развитием этой отрасли, мы считаем необходимым, чтобы НКЗ РСФСР в своем плане предусмотрел землеустройство в районах заводов по первичной переработке льна, что будет способствовать форсированному развитию льняных посевов, обеспечивая сырьем вновь возводимые предприятия.

По садово-огородной отрасли с.-х. индустрии (по переработке плодов и овощей) строительство увеличивается с 0,5 млн. руб. до 3,3 млн. руб., т.-е. больше, чем в 6 раз. Мы считали необходимым обратить особое внимание на эту отрасль, так как в целом ряде районов продукты огородничества и садоводства буквально гниют, не находя себе сбыта в сыром виде.

В связи с весьма значительным развитием с.-х. индустрии,— а она должна быстро развиваться и в дальнейшие годы, так как только при организации первичной переработки ряда продуктов мы сможем

в течение ряда лет изжить их дефицитность на внутреннем рынке и усилить экспорт на внешний рынок,— мы считали необходимым обратить внимание на то, что положение с делом индустриализации сельского хозяйства в настоящее время явно неудовлетворительно. Оно плохо планируется, оно плохо организовано, нет органа, который бы заботился о том, чтобы создать типы промышленных заведений по первичной переработке и стандарты производимых ими продуктов. Каждый кооператив должен сам проектировать и очень часто плохо проектирует и нецелесообразно тратит деньги и на составление отдельного проекта и на само строительство мелкого предприятия. Мы считаем, что возглавить строительство и работу предприятий по первичной переработке с.-х. продуктов, поскольку они принадлежат кооперации, должен Союз союзов с.-х. кооперации, который обслуживает пять союзных республик, и Сельский господарь в УССР. Мы считаем, что с точки зрения рациональной организации дела, проектирование типов заводов по переработке с.-х. сырья и стандартизацию их продукции необходимо было бы сосредоточить в одном общесоюзном центре. Но приходится считаться с имеющимся положением вещей, когда Сельгосподарь не входит в Союз союзов, и в силу этого раздроблять работу по типизации предприятий и стандартизации продукции между двумя учреждениями. Для приступа к названной работе мы предлагаем в нынешнем году отпустить этим организациям 400 тыс. руб., с тем, чтобы начав организовывать на эти деньги свою работу, они в последующем окупали ее путем отчислений от кредитов на строительство. Одна из очередных задач, связанная с индустриализацией сельского хозяйства, состоит в том, чтобы кооперация приняла все меры к повышению доли участия в строительстве предприятий с.-х. индустрии средств кооперированного населения, с одновременным снижением доли средств, отпускаемых по системе с.-х. кредита и составляющих в настоящее время около 76—80% стоимости строительства.

В отношении затрат средств на строительство предприятий по первичной переработке с.-х. продуктов необходимо подчеркнуть их весьма значительную эффективность. Строительство предприятий происходит настолько быстро, что в большинстве случаев уже к концу того года, когда постройка начинается, предприятия поступают в эксплоатацию и дают первую продукцию. Кроме того, размер основного капитала на единицу технической производительности в предприятиях по первичной переработке с.-х. продуктов по сравнению с другими видами промышленности является наименьшим — в среднем по всем отраслям на рубль продукции около 25 коп. затрат, в то время как даже по легкой индустрии на рубль продукции приходится в несколько раз больше основного капитала, чем в с.-х. индустрии.

Что касается контрактации, то настоящий год, благодаря осложнениям на рынке, создавшимся в результате превышения крестьян-

ского платежеспособного спроса над предложением промтоваров, является весьма неблагоприятным для ее широкого проведения и связанного с нею авансирования производителей. Поэтому в сводном плане контрактация была намечена в минимально необходимых размерах, с авансированием в сумме около 116 млн. руб. против 87 млн. руб. в 1926/27 г.

Общее направление мероприятий. Сводный план с точки зрения даваемого им направления государственным мероприятиям лучше всего характеризуется данными о размере финансирования за два года—1926/27 и 1927/28 гг. Надо оговорить, что используемые для сопоставления данные не претендуют на стопроцентную точность, так как отчетных данных за 1926/27 г. еще не имеется, почему приходится исходить отчасти из сметных предположений, а отчасти обращаться к экспертизе соответствующих специалистов о возможных размерах расходов, связанных с отдельными мероприятиями.

Вот соответствующие данные, в сопоставимом за оба года виде, приведенные к отношению цифр 1927/28 г. к цифрам за 1926/27 г., принятым за 100: землеустройство — 202, переселение — 101, мелиорация — 142, машиноснабжение — 125, с.-х. индустрия — 180, агро- и зоомероприятия — 158, контрактация — 127, снабжение рабскотом — 115.

Из этих данных видно, что в наибольшей степени выделяется своим ростом, по сравнению с прошлым годом, землеустройство. Затем следует с.-х. индустрия и агромероприятия.

В отношении агромероприятий в области растениеводства рост в значительной степени об'ясняется тем вниманием, которое в нынешнем году проявлено госсортфонду, впервые получающему ассигнование по бюджету в размере около 6 млн. руб. и значительные средства по системе с.-х. кредита, и к снабжению сельского хозяйства минеральными удобрениями. В области животноводства наибольшее внимание сводный план уделил крупному рогатому скоту и овцеводству.

Намечая мероприятия в области сельского хозяйства, мы считали, что они должны иметь определенное социальное и районное направление. Необходимо, считали мы, чтобы все мероприятия были определенным образом заострены. Землеустраивать надо не вообще, а землеустраивать прежде всего и больше всего там, где это, с точки зрения народного хозяйства, необходимо, т.-е. в первую очередь в районах, например, технических культур и наиболее рыночных зерновых хлебов, чтобы форсировать их производство. Снабжать машинами не вообще, а именно те районы, где они дадут наиболее быстрый народнохозяйственный эффект, т.-е., в условиях нынешнего года — районы зерновые. Точно так же все мероприятия должны носить определенное социальное заострение. Подходя к крестьянству, мы должны твердо помнить о том, что крестьянство

диференцировано и что проведение мероприятий должно быть организовано таким образом, чтобы обслуживать на наиболее льготных условиях коллективные хозяйства и маломощные слои крестьянства.

Наибольшее внимание сводный план уделил тем мероприятиям, которые способствуют кооперированию крестьянских хозяйств и под'ему хозяйственной мощи бедняцко-середняцкого массива деревни. Так как даже самое хорошее мероприятие может быть воспринято маломощной частью крестьянства лишь при определенных условиях кредита, сводный план предложил довести долю долгосрочных кредитов до возможного в настоящее время максимума — 56% вместо 49% в 1926/27 г.

Было бы совершенно необходимо, чтобы сводный план дал такую картину: вот средства, направляемые в сельское хозяйство, распределяются они в социальном разрезе так-то и дают такой-то эффект. Мы это могли сделать частично, в отношении выделения финансирования одних лиш совхозов и колхозов. По ним картина такая: по совхозам финансирование в 1927/28 г. удваивается по сравнению с прошлым годом, по колхозам — вырастает почти втрое. Кроме того, мы считали необходимым, чтобы правительство в своем постановлении твердо зафиксировало сумму, которая должна быть направлена на финансирование совхозов и колхозов, не только в части бюджетных ассигнований, но и по кредитному плану системы с.-х. кредита. В настоящее время, когда заострен вопрос о ставке на кооперацию, нужно было бы также зафиксировать и то, что конкретно в отношении развития с.-х. кооперации в сводном плане предусматривается и какие средства на это отпускаются. Как оговорено выше, в виду отсутствия соответствующих данных в республиканских планах, нам пришлось ограничиться лишь рядом предложений, обеспечивающих развитие кооперативного движения и максимальное вовлечение в кооперацию бедняцких и маломощных хозяйств. В последнем отношении наибольшее значение имеет предложение об отчислении из прибылей системы с.-х. кооперации и с.-х кредита 5 млн. руб. на оплату бедняцких паев.

Перейдем теперь к финансовой базе тех мероприятий, которые входят с сводный план. В прошлом году в сельское хозяйство было направлено по всем источникам около 580 млн. руб., в 1927/28 г. должно было быть, согласно сводному плану, направлено 735 млн. руб. что дает общий рост вложений в сельское хозяйство, по сравнению с прошлым годом, на 26%. В условиях текущего года, когда остро стоит вопрос о достижении эквивалентного обмена между городом и деревней, мы прежде всего проанализировали вложения в сельское хозяйство по линии государственных мероприятий, с точки зрения того, насколько мы увеличиваем покупательный фонд деревни путем проведения этих мероприятий. Оказывается, что, несмотря на имеющийся значительный рост (26%) общего размера финансирования сельского хозяйства, вложение в сельское хозяйство новых средств

возрастает примерно только на 2%. Но зато финансирование за счет средств, возвращаемых самим сельским хозяйством (возврат ранее полученных кредитов), возрастает на 54%. При таком положении, зная, что возврат средств идет, главным образом, по линии системы сельхозкредита, перед последней стоит весьма большая и ответственная задача по извлечению всех возможных средств и направлению их на плановое производственное финансирование сельского хозяйства. Кроме того, система с.-х. кредита должна обеспечить успешное проведение и нового способа пополнения доходной части финансового плана, путем привлечения к финансированию государством проводимых мероприятий средств низовых звеньев системы сельхозкредита в размере 20 млн. руб. Вопрос о привлечении этих 20 млн. руб. возбуждал большие споры — можно ли пред'являть к низовым звеньям (сельхозкредитным товариществам) требование, чтобы они к тем примерно 250 млн., которые к ним поступают сверху на кредитование определенного рода мероприятий, прибавили бы из своих средств 20 млн. рублей. Хотя до сих пор такой практики и не было, но в условиях нынешнего года мы считаем, что подобную меру можно и нужно провести, так как без нее, в имеющихся общих условиях финансирования народного хозяйства и в частности сельского хозяйства, мы свой сводный план не осуществим.

В связи с финансированием сельского хозяйства мы считали необходимым остановиться в сводном плане на весьма больном вопросе о плановом использовании средств, направляемых в сельское хозяйство. До настоящего времени плановое использование значительной части средств, направлявшихся в сельское хозяйство через систему с.-х. кредита, оставляло желать очень многого, что об'яснялось весьма слабой дисциплиной, имевшейся в системе. В нынешнем году мы предлагаем провести ряд мероприятий, которые позволят приблизить те планы, которые утверждаются правительством, к фактическому исполнению. Эти мероприятия идут прежде всего по линии НКФина: средства, ассигнуемые по государственному бюджету на финансирование сельского хозяйства, должны выдаваться в сроки, определяемые сезонностью мероприятий, проводимых в сельском хозяйстве. Затем необходимо, чтобы органы, которые проводят основную массу средств в сельское хозяйство — система сельхозкредита, начиная с Центр. сел.-хоз. банка,— приняли все меры для обеспечения использования средств по их прямому назначению, чтобы плановость в использовании средств не ослабевала, как это бывает часто, от звена к звену системы, а доходила до кредитуемого суб'екта. Только при определенной дисциплине в системе сел.-хоз. кредита мы сможем приблизить план к его жизненному исполнению.

В заключение еще раз отметим, что сводный план мероприятий в области сельского хозяйства на 1927/28 г., знаменующий собою начало нового периода планирования сельского хозяйства, является

лишь весьма несовершенным прототипом действительного плана. Всем земельным и плановым органам в части планирования, а оперативным органам в части исполнения, придется еще не один год серьезно поработать прежде, чем мы будем иметь план, не только хорошо составленный, но и хорошо осуществленный на практике. Мы еще далеко не достигли стопроцентного выполнения планов даже в обобществленных секторах народного хозяйства, тем труднее выработать правильные методы реального планирования в области сельского хозяйства, где организующей воле государства противосвоят с одной стороны стихийное хозяйствование стомиллионной массы крестьянства, а с другой — трудно наперед учитываемая стихия природы. Но трудности, стоящие перед нами, должны нас не обескураживать, а заставлять самым внимательным и тщательным образом изучать плановые достижения и промахи, чтобы в дальнейшем, из года в год, суметь повышать коэфициент реальности нашего планирования.

Г. Гвахария

Больные вопросы капитального строительства

Капитальное строительство промышленности стоит в центре общественного внимания. Помимо вопросов, связанных с финансовыми возможностями страны, вопрос этот требует самого тщательного анализа и обсуждения, так как возможности эти еще далеко не выявлены. Решающую роль в ходе реконструкции нашего хозяйства играет целесообразность разассигнований и расходования отпускаемых на капитальное строительство средств по отраслям промышленности и видам производства, что в свою очередь упирается в вопросы темпа строительства, стоимости его и эффективности вкладываемых средств. Во всех этих областях дело обстоит далеко не благополучно.

Элементарные правила строительства, на словах всеми признаваемые, проведение которых и обеспечивает рациональность строительства, в жизнь не проводятся.

К строительству приступают без достаточно необходимой организационной и технико-экономической подготовки — без наличия разработанного окончательного проекта, генеральной сметы и плана работы, не зная, во что обойдется строительство и какова будет экономическая эффективность, не забронировав для дела в нужной мере денежные и материальные средства, не организовав необходимый трудовой состав, не выработав подробных инструкций и пр. В результате же — неизбежные задержки работ, замедление темпа строительства, удлинение строительного периода и удорожание стоимости работ.

Все те мероприятия, которые до сих пор принимались в целях упорядочения капитального строительства промышленности, по нашему мнению, являются паллиативными — корень зла лежит на первый взгляд в самой простой истине — в отсутствии централизации и концентрации средств, отпускаемых на капитальное строительство; в итоге средства распыляются на многочисленные строительства, при чем ни одно из строительств не уверено в завтрашнем дне.

Можно ли говорить об удешевлении строительства, когда строительный период растягивается вдвое больше технически необходимого? Можно ли говорить о нормальном индексе в строительных работах, хотя бы на таких крупных строительствах, как Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, Керченский

завод, Рионгес и др., когда на эти строительства в нынешнем году вместо 12,5 млн. р., 12,0 млн. р. и 3,5 млн. р., намеченных по плану и потребных для окончания этих строительств в намеченные сроки, предполагается отпустить 6,0 млн. р., 7,0 млн. р. и 1,0 млн. р.

Несомненно, что вследствие этого окончание строительства отодвигается, и вложенные капиталы консервируются на тот же срок. Кроме того, строительства, организационно готовясь к поглощению намеченных по плану средств, при сокращении ассигнований производят меньший об'ем работ теми же штатами или вновь их пересматривают. В обоих случаях результат один — увеличение накладных расходов на строительство и тем самым — увеличение стоимости всего строительства. При таких условиях никакие мероприятия в области удешевления строительных работ не могут быть радикальными, если не будет усвоено следующее: с целью усиления темпа строительства, удешевления его и повышения эффективности вкладываемых в строительство средств, при составлении и утверждении плана капитальных работ руководствоваться необходимостью предельной концентрации средств на определенных об'ектах с таким расчетом, чтобы строительство велось форсированным темпом и заканчивалось в минимальный технически возможный срок. [1]

Можно ли это практически провести в жизнь в условиях развития нашего хозяйства? Мы считаем, что безусловно можно, и не только можно, но необходимо, так как другого пути нет.

Надо указать, что хотя динамика прошлых лет весьма показательна, но нельзя в своих выводах целиком базироваться на этих успехах, так как наше хозяйство вступило в новую полосу развития. Если до сих пор социалистический сектор нашего хозяйства одерживал и относительно и абсолютно верх над капиталистическим, то это происходило в эпоху, качественно отличную от той, в которую мы сейчас вступили. Не надо забывать, что борьба между этими укладами происходила в совершенно неравных условиях. Государственная промышленность, помимо тех особых преимуществ, которые давались ей (и будут даваться впредь) государственными, законодательными актами, налоговой политикой и проч., в этой борьбе имела экономическую базу — наличный, неактивизированный основной капитал.

Частно-капиталистический сектор, как в торговле, так и в промышленности (крупной и мелкой), этой базы не имел и вынужден был заново конструироваться. С окончанием восстановительного периода и вступлением нашего хозяйства в эпоху реконструкции, положение в этой части круто меняется — борьба будет осложняться, так как „площадь маневра“ в виде неиспользованного основного

[1] Минимальный технически возможный срок окончания строительства должен служить критерием предельной концентрации средств.

капитала у нас исчерпана; нам так же, как и противоположному сектору, придется вести борьбу, одновременно обновляя и расширяя базу.

Наконец, вопросы удовлетворения нужд потребительного рынка, необходимость сжатия ножниц сельскохозяйственной и промышленной продукции, оптовых, отпускных и розничных цен, ножниц внутренних и мировых цен и т. д.,— также вплотную упираются в процесс капитального строительства. Все это нужно учитывать, так как за ошибки в капитальном строительстве придется расплачиваться не только экономически.

Как же практически подойти к решению вопроса централизации, концентрации средств, отпускаемых на строительство, а тем самым усиления темпа и эффективности его? Для этой цели необходимо прежде всего в планах капитальных работ (перспективных и годичных) и их финансирования выделять по отраслям промышленности в определенном проценте (но не более 60% от плана в целом[1]) основную часть плана капитального строительства. Основная часть плана должна быть обязательным бронированным минимумом, выполнение которого надлежит полностью обеспечить. План строительства и его финансирование по об'ектам, вошедшим в основную часть плана (перспективного и годичного) капитальных работ, должен утверждаться в момент утверждения плана на весь строительный период и в дальнейшем автоматически входить в контр. цифры и промфинплан каждого последующего операционного года без изменений ассигнований.

Если руководствоваться при распределении средств мотивами „как бы кого не обидеть", всем понемногу, меньше споров и т. д.,— конечно, это решение может показаться чрезвычайно жестким. Однако, из приведенных выше формулировок видно, что „осторожность" нами соблюдается, так как свыше 40% намеченных по пятилетке средств для отдельных отраслей промышленности может служить той „площадью", на которой будут производиться необходимые маневры, вызываемые кон'юнктурными колебаниями и трудностями планирования в наших условиях.

Весь практический смысл приведенного предложения сводится к тому, чтобы определенный участок в отдельных отраслях промышленности заранее защитить от всякого рода неожиданностей. Иначе нет смысла составлять перспективные планы, если мы реально не обеспечиваем их выполнение.

Таким образом, основная часть плана представляется нам как бы „программой минимум" промстроительства, осуществление которой должно быть обеспечено в намеченные сроки и в намеченных об'емах. В оставшуюся часть плана, при составлении годовых оперативных планов, могут вноситься коррективы вплоть до сокращения ассигнований или полного исключения отдельных об'ектов в зависимости от кон'юнктуры, но не чаще одного раза в год.

[1] Мы берем 60%, как предел бронировки средств, в зависимости от состояния данной отрасли промышленности; анализ прошлой практики указывает на то, что брать больше 60% от предполагаемых по пятилетке опасно, так как „кон'юнктурные колебания" могут не уложиться в пределах менее 40%, и тогда основная часть плана вынуждена будет подвергнуться изменениям.

Применяемый метод составления планов капитальных работ и развития промышленности путем „склеивания" частных требований и предположений отдельных предприятий, который не мог считаться удовлетворительным еще в эпоху восстановительного периода, тем более не может удовлетворять возросшие потребности периода реконструкции.

Годовые планы капитального строительства отдельных отраслей промышленности, по трестам и предприятиям, до сего времени составлялись при отсутствии общего перспективного плана промышленности по отраслям и видам производства; задача заключается в том, чтобы планы отдельных предприятий, как годовые, так и перспективные, исходили бы из генеральной линии развития соответствующей отрасли хозяйства и ее отдельных видов производств. Отсутствие такого метода при составлении планов отдельных предприятий уже породило несогласованность произведенных капитальных работ с выявляющимися действительными перспективами развития производства и привело к сжиманию и даже аннулированию таких производств, на развитие которых в предыдущие годы (1924/25, 1925/26, 1926/27 гг.) затрачивались значительные усилия и денежные средства.

Производство большегрузных вагонов, начатое на ряде заводов, приходится на одних сокращать, на других полностью ликвидировать (Сормово). То же в отношении тракторостроения, сельскохозяйствен. машиностроения (завод „Профинтерн" и проч.). Обследованием РКИ резиновой промышленности, кирпично-известковой и др. также выявляется неувязка годовых планов капитальных работ с подлинными перспективами развития отдельных видов производств и предприятий; в результате — израсходованные средства, время и энергия на развитие этих производств в значительной части остались безрезультатны.

В виду отсутствия реального перспективного плана развития отдельных производств по предприятиям, в настоящее время можно с уверенностью сказать, что ряд производств, на развитие которых и теперь еще тратятся значительные средства, в ближайшие же годы придется аннулировать и сокращать, как это случилось с с.-х. машиностроением на заводе „Профинтерн", Эбонитовым отделом на заводе № 3 резиновой промышленности и т. д.

До сего времени планы капитальных работ не предусматривали необходимости концентрации и специализации отдельных видов производств по районам и предприятиям. Наблюдались

децентрализация и несогласованность в развертывании отдельных отраслей производства не только в масштабе хозяйства всего союза, но и отдельных трестов.

Почти на каждом машиностроительном заводе развивалась „маленькая", „небольшая" литейная электроплавка, производство специальных сортов стали; то же и в отношении производства инструментов, текстильного машиностроения и других производств, в то время как целесообразно эти производства организовывать на специальных заводах (новых и старых) в массовом масштабе.

У заводов и трестов имеется тенденция к организации „законченного цикла" производства, независимости... от других советских заводов, для чего каждый из них организует у себя подсобные предприятия, цеха, отделы и проч., что привело к распылению средств и кустарничеству.

Самые простые истины, которые регулируют развитие даже капиталистической американской промышленности — централизация, специализация и нормализация,— у нас не поняты, во всяком случае не найдены пути приложения их в условиях нашей действительности.

При таком положении то огромное преимущество, которое у нас имеется перед капиталистическими странами — возможность планового маневрирования, сводится на-нет.

Необходимо: а) ежегодно уточнять планы развития отдельных видов производств по районам и предприятиям с тем, чтобы планы развития отдельных предприятий находились в полном соответствии с перспективным планом развития отраслей промышленности и данного вида производства в целом, а годовые планы капитальных работ каждого отдельного предприятия — с общим планом его развития; б) при составлении и утверждении планов капитальных работ отдельных предприятий и трестов руководствоваться необходимостью строгой специализации и концентрации отдельных видов производств по предприятиям с учетом экономических особенностей районов.

В условиях планового хозяйства невозможно успешно планировать в отрезке одного года, а в некоторых случаях ограничиваться даже и 5-летним периодом, так как сроки эти недостаточны для определения эффективности капитальных вложений, а следовательно, в значительной мере целесообразности и первоочередности тех или иных работ.

Вопросы технико-экономической подготовки к строительству имеют чрезвычайно существенное значение в ходе капитальных работ.

Правильный выбор места постройки, об'ема производства, технологических процессов,— все это имеет непосредственное влияние на величину стоимости строительства и себестоимости продукции.

Конечно, при решении в намеченном нами выше направлении основных вопросов планирования в значительной мере определятся и эти вопросы строительства, тем не менее они требуют специального подхода к ним.

Работа по технико-экономическому обоснованию строительств фактически протекала без плана и без необходимого руководства; как правило, технико-экономическое обоснование того или иного проекта не предшествовало их составлению. Важнейшие сведения о состоянии ныне существующих заводов в СССР (аналогичных проектируемым), а также за границей, как то: общее количество годовой продукции, себестоимость единицы, количество занятой рабсилы, зарплата,— в проектных этапах не собраны, не систематизированы.

Исследовательские работы проведены далеко не достаточно, не установлены базы снабжения, рынок сбыта будущих проектируемых предприятий (металлопромышленности, стекольной, химической и др.). Во многих случаях вопросы механизации транспорта как по подаче материалов на заводы, так и вообще по соединению их с общесоюзной сетью, проработаны далеко не достаточно, между тем, предварительная проработка этих вопросов могла дать весьма серьезные экономические результаты, в особенности по таким строительствам, которые на несколько сот верст отстоят от жел. дороги, а грузооборот их исчисляется в несколько десятков тыс. тонн (Алтай и др.). Далее, приступаем к проектированию предприятия в то время, как об'екты производства, технологические процессы не были установлены, а в результате имелись случаи коренных изменений. Так, например, было с тракторным заводом, двухлетняя работа по проектированию которого свелась почти на-нет из-за того, что тип трактора был избран не подходящий. Наконец, определение стоимости строительства и себестоимости продукции на всех проектируемых, строящихся и выстроенных предприятиях совершенно не соответствовало действительности.

Неправильно определялась стоимость работ, и ныне исчисляемые затраты превышают до 400% первоначальные предположения, на основании которых СТО утверждал то или иное строительство (Богомоловское строительство исчислялось в 7 млн. р., в настоящее время — 22 млн. руб., Омский Бумажный Комбинат — 22,5 млн. руб. в данный момент — 329 млн. р., Кондопожская фабрика — 3 млн. р. против 10,6 млн. руб. То же в стекольной, кирпичной, химической промышленности, в электростроительстве). Из вышесказанного явствует, что и экономическая эффективность и себестоимость продукции, которые значатся в докладных записках по этим заводам, не обоснованы и не могут быть приняты в серьез.

В условиях планового хозяйства такого рода явления дезорганизуют всю хозяйственную систеиу и экономику страны.

Далее, важно отметить, что при составлении планов и проектов необходимо учитывать, что к моменту окончания того или

иного строительства реализуются и прочие планы развития, т.-е. появляются новые экономические факторы. Особенно это касается вопросов, связанных с энергетическим хозяйством проектируемых предприятий; как правило — заводы по отдельным отраслям промышленности проектируют силовые установки вне учета электрификации района. Важное значение это обстоятельство приобретает в производствах, где стоимость энергии в калькуляции продукта занимает крупное место. Конечно, вопрос увязки отдельных частей плана не исчерпывается вопросами энергетики. Осуществление, напр., постройки Криворожского завода, Манитогорского и др. вносит такие крупные коррективы в наше хозяйство, что недоучет этих факторов, именно в сроках их действия, совершенно недопустим.

Поэтому необходимо и в перспективном плане капитальных работ и при проектировании строго учитывать сроки окончания производящихся строительств, выполнение отдельных частей общего плана и их влияние на изменение экономических факторов в народном хозяйстве (увеличение продукции, изменение сырьевых и энергетических баз и пр.) и лишь в зависимости от учета и оценки складывающейся обстановки к моменту начала и окончания того или иного строительства, вводимого в план капитальных работ, решать вопрос о месте его постройки, процессах производства, мощности и силовом хозяйстве проектируемого предприятия.

Все эти вопросы упираются, помимо общей методологии планирования, в значительной своей части в постановку и методы проектировочной работы.

До последнего времени в области проектирования была полная неопределенность — не было известно, какие проекты и когда должны утверждаться ВСНХ, не установлено, какой об'ем сведений должны охватить проекты, наконец, употребляется произвольная терминология — эскизный проект, детальный, генеральный, предварительный, окончательный, рабочий, технический, строительный и т. д.,— все это, несомненно, приводило к путанице и неопределенности.

Не были установлены также стадии проектировочных работ в их последовательности.

Порядок составления проектов также нельзя признать целесообразным. Следует считать окончательно установленной нецелесообразность составления проектов новых заводов и крупной реконструкции местными силами. Не обязательно территориально „увязать" место пребывания проектного органа с местом постройки заводов. Как не раз приходилось указывать, от этого страдают и проекты и производство, так как местные технические силы отвлекаются от своей непосредственной работы по производству и начинают проектировать завод, будучи недостаточно осведомленными и компетентными в области достижений современной техники.

Такой „хаос", естественно, не мог служит организующим началом, и никто не сможет отрицать сумму огромных убытков и потерь народного хозяйства в результате такого состояния дела.

Необходимо упорядочить и поставить на должную высоту проектировочную работу. Для этого прежде всего нужно установить обязательные для всех следующие стадии проектировочных работ:

а) промышленное и техническое задание;
б) составление эскизного проекта строительства;
в) составление окончательного проекта строительства;
г) рабочие чертежи к окончательному проекту. [1]

Задание должно даваться Главком проектному органу в соответствии с перспективным планом развития отдельных видов производств. В задании должны быть намечены: район постройки предприятия, об'ем производства, номенклатура и характеристика продукции (об'екты производства), источники сырья, топлива.

Проектный орган на основе этого задания должен производить все необходимые изыскания в районе постройки, разведки сырья и полуфабрикатов, подлежащих переработке, определить энергетические и сырьевые базы, рынок сбыта и состояние путей сообщения. Лишь в результате проработки всех этих вопросов проектный орган может приступить к составлению эскизного проекта предполагаемого строительства с его подробным технико-экономическим обоснованием.

Эскизный проект строительства должен уже с максимальной точностью устанавливать: а) место (участок) постройки предприятия, б) об'екты производства, в) мощность предприятия, г) основные технологические процессы, д) генеральный план предприятия (расположение производственных процессов), е) стоимость строительства и единицы продукции. И лишь после утверждения Главком эскизного проекта строительство может вноситься в промфинплан.

Установление такого порядка избавит от случайных строительств, не будет того, что строительство утверждается в „ориентировочной" смете в 5—6 млн., в самом же деле выходит 12—30 и даже 40 млн. руб.; такой порядок нас избавит и от многих других болезней, перечисление которых заняло бы много места, да и не входит в задачу настоящего изложения.

Окончательный проект строительства должен составляться в развитие эскизного проекта, с учетом всех изменений и дополнений, которые делались при рассмотрении и утверждении эскизного проекта. Необходимо уточнить по отраслям промышленности и видам производства характер и об'ем сведений, включаемых в окончательный проект, который, на наш взгляд, должен заключать в себе следующие четыре основных отдела:

[1] Все прочие наименования проектов, кроме эскизного и окончательного, необходимо изъять из официального употребления.

1. Экономическая часть, с подробным технико-экономическим обоснованием строительства, с календарным планом строительства и финансирования, сроков, начала эксплоатации и необходимых оборотных средств для эксплоатации.

2. Производственная часть (технологические процессы, производительность и пр.).

3. Энергетическая часть.

4. Строительная часть.

Окончательный проект по своему состоянию обязан обеспечить нормальное производство работ и не должен подвергаться изменениям в процессе строительства. Что же касается рабочих чертежей, то таковые нужно составлять в самих строительных управлениях (или в других ответственных за строительство органах) за их полной ответственностью.

Все эти мероприятия, несомненно, внесут коренное изменение в нынешнюю практику.

Есть множество примеров того, как наши проекты не только не отвечают последним мировым техническим достижениям, но и нередко и уровню советской техники. Зачастую перекрытия, стены и фундаменты своей излишней прочностью значительно удорожают строительство, не говоря уже о прочих дефектах более „тонкого" порядка (выбор технологических процессов, расположение цехов и пр.). Если наши существующие заводы „грубы" и примитивны, когда продукция этих заводов дорога и низкого качества, у нас есть оправдание — это наследие прошлого. Но этот аргумент не применим к новым заводам. Тем более мы должны быть требовательными и строгими к проектам нового строительства. Лучше потратить лишние месяцы на проектирование и тщательное рассмотрение проекта, нежели приступать к строительству с проектом низкого качества. Во избежание этого нужно правильно организовать проектировочную работу и экспертизу проектов, для чего:

а) как общее правило, при разработке и утверждении проектов необходимо руководствоваться наибольшей экономичностью в выборе типов построек и степени их прочности с тем, чтобы сроки амортизации таковых приближались бы к срокам амортизации основного оборудования;

б) необходимо составление всех крупных проектов постройки новых заводов и реконструкции старых централизовать по отраслям промышленности и видам производства (создание таких органов, как государственные институты по проектированию новых металлозаводов — Гипромез). Такая централизация обеспечит учет опыта и высокую квалификацию работников;

в) не ставить обязательной задачей проектировать собственными силами, а стараться воспользоваться уже готовыми заграничными проектами, приспосабливая их к условиям нашей действительности; нужно дело связи с заграницей ввести в планомерное русло, путем

систематического привлечения к проектированию, строительству и эксплоатации предприятий научно-технических иностранных сил; наконец, необходимо более широко практиковать передачу составления проектов полностью или частично за границу;

г) с другой стороны, нужно взять решительный курс в области подготовки советских инженеров к роли строителей нашего хозяйства на базе современной мировой техники.

В этой части следует брать пример с такой страны, как Япония, которая не жалеет средств и лучшие свои силы посылает на учебу и практику в Америку и Европу. У нас тоже имели место некоторые командировки специалистов за границу, но они носили случайный характер и нужного эффекта дать не могли. Необходимо иметь план как краткосрочных, так и длительных командировок за границу, разработанный по отраслям промышленности и видам производства с такой же тщательностью, как и планы этих производств;

д) организовать экспертизу проектов и установить ответственность как за проектирование, так и за экспертизу. НТС'ы необходимо больше приблизить к Главкам, чтобы они работали по заданиям и плану, утвержденным Главками, во избежание оторванности, какая наблюдается сейчас. Отдельные крупные проекты с целью перестройки нужно подвергать параллельной экспертизе заграничных фирм и научно-технических организаций.

Переходя к вопросам чисто строительного порядка, нужно сказать, что рассматривать процесс строительства изолированно от вопросов планирования и проектирования было бы ошибочным. Однако, в этой области есть своеобразные, чисто строительные, организационные и технические вопросы.

Если до сих пор строительный процесс протекал ненормально, то значительная доля вины в этом лежала в области планирования и проектирования: эти вопросы фактически предопределили ход самого строительства.

Большинство строительств протекало при отсутствии утвержденных окончательных проектов; заводы металлопромышленности, текстильные фабрики, работы по химической промышленности, бумажной промышленности, электростроительству,— все они начинались без проекта, а иногда проект составлялся после выполнения работ, когда делать какие-либо изменения в проекте означало вносить изменения не в проект, а в выстроенное предприятие. Уже нет надобности доказывать необходимость установления незыблемого правила: не начинать строительства без наличия утвержденного окончательно проекта; дело за проведением в жизнь этого положения.

Новое строительство без особой напряженности можно уложить в эти рамки. Несколько труднее стоит вопрос в отношении тех

предприятий, которые в данное время находятся в эксплоатации, но намечены к генеральной реконструкции. [1]

Капитальные работы на таких заводах, как Путиловский, Сормовский и др., должны протекать в полном соответствии с будущей физиономией завода. Это возможно лишь в случае, если до составления и утверждения хоть эскизного проекта реконструкции на этих предприятиях не будут производиться крупные капитальные работы и ограничатся работами лишь ремонтного характера. Вопрос этот — весьма важный, так как неудачно выстроенная кузница или модельная на каком-либо из этих заводов свяжет проектировочную работу своим существованием, или же придется разрушать выстроенное в целях целесообразного расположения процессов производства.

Следующим, наиболее важным вопросом является вопрос удешевления строительных работ и ускорение темпа строительства. [2] Осуществить эти задачи возможно при условии:

а) правильной организации строительных аппаратов;

б) рационализации и механизации строительных процессов.

Одно с другим чрезвычайно тесно связано, ибо без правильной организационной структуры аппаратов, ведущих строительство, невозможно накоплять строительный опыт, а тем самым и надлежаще выполнить намеченные задачи.

Опыт строительства этих лет настоятельно выдвигает вопрос о необходимости развития специальных строительных контор по видам строительства (железобетонные работы и т. д.). Как и в производстве, мы должны и здесь выдвигать требования строгой специализации строительных контор. Такие конторы должны находиться на хозрасчете и нести полную материальную и персональную ответственность за качество и своевременность принятых ими работ. Организация узких специальных строительных контор не исключает и другие типы, например, районные строительные конторы или же строительные конторы типа „Стеклостроя“, „Текстильстроя“, специальность которых более разностороння. Все эти конторы должны выполнять свои задачи, как контрагенты, организовывать же строительства в целом необходимо путем создания по каждому крупному строительству временных строительных управлений на правах трестов, подчиненных соответствующим Главкам. Обследовательские работы РКИ привели к этому выводу; правильность его подтверждается успешным применением такого организационного метода в металлопромышленности.

[1] Тут же необходимо отметить, что ВСНХ СССР в порядке составления пятилетки должен немедленно наметить по отраслям промышленности список новых заводов и существующих, но подлежащих генеральной реконструкции, с подробным технико-экономическим обоснованием. Такой список даст правильную ориентировку в производстве капитальных затрат по предприятиям.

[2] Радикальное удешевление всего строительства и усиление темпа строительства, конечно, требует проведения всей системы мероприятий, предложенных выше в части планирования и проектирования.

Когда сами тресты осуществляют крупное строительство, это отрицательно отражается и на строительстве, и на выполнении трестом его основных задач — руководство предприятием и производством. Строительные управления по каждому крупному строительству должны организовываться с таким расчетом, чтобы в них, с одной стороны, были представлены ответственные составители проекта, с другой — основное ядро будущих руководителей предприятия по его эксплоатации. Такое конструирование этих управлений вызывается необходимостью проводить строительство через заинтересованных и ответственных лиц. Проектировщик отвечает за проект, и его непосредственные интересы требуют, чтобы строительство велось по проекту, а результаты строительства соответствовали проектным предположениям. Будущие руководители предприятия по его эксплоатации заинтересованы в надлежащем темпе и качестве работ, в низкой его стоимости, так как все эти моменты впоследствии находят свое отражение в калькуляции продукта (амортизационные отчисления и проч.) и во всей жизни предприятия.

Однако, строительные управления не должны увлекаться строительством хозяйственным способом, необходимо обязать их основные работы выполнять через специальные и районные строительные конторы на подрядных договорных условиях.

С целью рационализации строительных работ раньше всего необходимо выдвинуть вопрос о механизации строительных процессов. Сплошь и рядом работы на строительствах ведутся неорганизованно, вручную. Необходимо выдвинуть следующие обязательные требования: по каждому крупному строительству иметь, на ряду с окончательно утвержденным проектом, проект механизации строительных работ.

Выше было указано, что окончательный проект включает подробный календарный план производства работ и завоза оборудования; необходимо обеспечить полное соответствие во времени начала и окончания работ по отдельным стадиям строительства. Особенное внимание в этом вопросе требует согласованность календарных сроков строительства со сроками поступления импортного оборудования.

Мы вступили в такую полосу развития, когда четкость в работе жизнь выдвигает на первый план. Нельзя повторять таких случаев, когда выстроенные корпуса месяцами, а то и годами ждали получения импортного оборудования и обратно — импортное оборудование не используется, в виду неподготовленности прочих работ по его освоению. [1]

[1] Редки случаи в нашей строительной практике, когда „совпадение“ имеет место.

Вопросы капитального строительства неразрывно связаны с производством строительных материалов. По этой линии задача заключается в обеспечении строительств потребными материалами в количественном и качественном отношении, а также в снижении их стоимости. Осуществить эту задачу возможно путем принятия самых решительных мер по дальнейшему развитию республиканской и местной промышленности строительных материалов, разработав предварительно необходимые стандарты.

Стандартизация и нормализация строительства, несмотря на то, что они нигде не встречали официального противодействия, тем не менее не осуществляются. В этом отношении, как и по линии руководства строительными конторами, на Строительном Комитете ВСНХ СССР лежат большие задачи.

Мы не касались вопросов финансирования и сметно-бюджетной дисциплины. Одним из существенных недостатков строительства нужно считать позднее утверждение производственных и финансовых планов. Работы в течение первого полугодия ведутся без утвержденных смет и титулов, т.-е. фактически без плана. Результаты — крайне отрицательные. Для того, чтобы иметь все основания требовать от органов ВСНХ планомерной работы и максимальной экономии в расходовании средств, необходимо создать предварительные для этого условия, в первую голову своевременно устанавливать цифру капитальных вложений и утверждать планы капитальных работ.

В этом отношении существенные изменения в желаемом направлении вносит предложенное выше разделение плана на две группы, так как строительства, вошедшие в основную часть плана по нашему проекту, обеспечиваются на весь строительный период. Однако, этого недостаточно. Необходимо контрольные цифры капитальных затрат утверждать не позднее начала сентября каждого года. ВСНХ должен обеспечить своевременное представление финансовых строительных планов с тем, чтобы они утверждались и сообщались на места до начала бюджетного года. В промфинпланы должны включаться кредиты лишь на те работы, на которые имеются утвержденные проекты и сметы и выполнение которых с технической стороны достаточно подготовлено.

Не должны иметь место такие явления, когда средства, отпущенные на дизелестроение, расходуются на постройку кирпичного завода (Сормово) и т. д. Необходимо обеспечить полное и своевременное использование средств, отпускаемых на строительство, не допуская существенных уклонений от утвержденных смет и планов; нарушение сметно-бюджетной дисциплины должно строго преследоваться — целевое расходование средств, ассигнованных на строительство как за счет госбюджета, так и из амортизационных и

иных капиталов, должно полностью проводиться, иначе не будет никакой возможности планового регулирования и руководства.

Итак, мы должны констатировать, что в области капитального строительства во всех его стадиях до сих пор не было достаточно твердого руководства со стороны ВСНХ и его Главков.

Аппарат Главков по своей структуре и наличному составу не был подготовлен к целесообразному и экономному использованию средств, отпускаемых на строительство; руководство капитальным строительством возложено на те же отделы, которые одновременно руководят и оперативной и производственной работой трестов—это понижает качество руководства, так как в обеих областях задачи настолько большие и неоднородные, что нет никакой возможности об'ять их одновременно.

В целях усиления руководства и ответственности по строительству новых заводов и крупных реконструктивных работ, необходимо по основным отраслям промышленности при Главках организовать специальный „Отдел новых заводов и крупной реконструкции", сосредоточив в этих отделах надзор и руководство по технике, экономическому обоснованию строительств, проектированию, строительству и финансированию. Этому отделу должны быть подведомственны все соответствующие проектные организации (Гипромез и проч.).

В виду особой важности капитального строительства, указанный отдел должен возглавляться начальником Главка или его заместителем, освобожденным от всякой другой работы по Главку. Таким образом, по каждой основной отрасли промышленности в области капитального строительства будет единое руководство и единая ответственность.

Вопрос об ответственности следует поставить особо, разделив ответственность по исполнителям. Перед высшими хозяйственными органами ответственными за капитальное строительство в части технических и экономических его результатов должны являться: а) руководители главков, б) ответственные составители проектов, в) начальники строительных управлений. По окончании каждого крупного строительства, ВСНХ должен производить находу техническую и экономическую приемку и оценку исполненных работ, организовывая для этой цели в каждом случае авторитетные специальные комиссии с участием ВЦСПС и НКТруда. Приемке ВСНХ новых заводов и сооружений должен сопутствовать опытный пуск завода и всех его частей, применительно к условиям нормальной работы данного предприятия; такой пуск завода нужно возлагать на строительный орган, производящий данное строительство.

В общем, целевая установка в области капитального строительства должна сводиться к усилению темпа строительства, увеличению размеров производства и снижению себестоимости продукции. Ре-

шению этих задач и будут способствовать мероприятия, предложенные выше.[1]

Наконец, последний вопрос, который требует освещения, это организация контроля за ходом капитального строительства.

Существующая постановка этого дела далеко не упорядочена, между тем, отдельные обследования РКИ и изложенные выше факты говорят об угрожающем положении дел в капитальном строительстве.

Множество контрольных учреждений, несогласованность в их действиях приводят к параллелизму в контроле и к чрезмерному дерганию подконтрольных учреждений, а главное — не дает необходимого эффекта как в смысле полноты и качества контроля, так и своевременности его.

Необходимо прежде всего ограничить число контрольных организаций и контроль над капитальным строительством промышленности и отдельных ведомств осуществлять лишь через НК РКИ СССР и Союзных Республик, ВСНХ СССР и Союзных Республик и НКФ СССР и Союзных Республик, определив область контроля этих учреждений таким образом.

НКФин осуществляет контроль над соблюдением строительствами сметно-финансовой и бюджетной дисциплины и ведет наблюдение за плановым использованием средств, ассигнованных и отпущенных на строительство.

ВСНХ СССР осуществляет свой контроль в процессе самого строительства с целью усиления руководства и ответственности с его стороны и предупреждения крупных промахов и отрицательных результатов в строительстве.

Такого рода контроль со стороны ВСНХ должен проводиться по каждому крупному (по стоимости и значению) строительству в отдельности и по всему капитальному строительству в целом.

Наиболее широкая работа в области контроля над ходом капитального строительства, естественно, будет возложена на НК РКИ СССР, в задачу которого должен входить предварительный и последующий контроль над ходом капитального строительства как органов оперативных (непосредственно ведущих строительство трестов, предприятий и спецстройорганизаций), так и руководящих и планирующих организаций (ВСНХ, НКФ и друг.).

---

[1] В данной статье мы не касались общего вопроса — соотношения затрат по группам А и Б; тем не менее, нужно отметить, что индустриализация страны будет иметь реальное значение лишь в том случае, если размер средств, отпускаемых на капитальное строительство промышленности и ее отдельные отрасли, будет определяться, исходя из необходимости дальнейшего увеличения удельного веса тяжелой индустрии в промышленности и во всем народном хозяйстве.

В. Г. Громан

На рубеже нового сельскохозяйственного года

Задачей настоящей статьи является экономический анализ хозяйственной жизни истекающего сельскохозяйственного года, намечение перспектив на ближайшие месяцы и насколько это возможно уже—наброска некоторых контуров всего наступающего года. Придется затронуть вопрос о степени выполнения наших народнохозяйственных планов и, поскольку уже выяснились некоторые материалы,— критику самих плановых построений. Также значительное внимание вызывают и внеплановые мероприятия, к которым мы вынуждены были прибегнуть в течение текущего года. Мы не имеем еще возможности обосновать изложенное систематически обработанным статистическим материалом и будем привлекать статистические данные (почти всегда предварительные) для иллюстрации экономических положений.

Попытаемся рассмотреть условия производства, распределения и обмена, и на основе этого рассмотрения дадим характеристику динамики народного хозяйства в его целом.

А. Производство

Естественным рубежом нашего народного хозяйства является появление нового урожая хлебов, а затем технических культур и продукции животноводства, зависящего от годового движения стад.

При составлении контрольных цифр на 1927/28 г. предполагалось, что площадь посева зерновых хлебов под урожай 1927 г. выразится в 88,8 млн. десятин, превысив соответствующую величину прошлого года на 1,9%, а площадь посева технических культур под урожай того же года будет равна 6,67 млн. десятин, увеличившись за год на 9,1%. Общая же посевная площадь вместе с прочими культурами достигнет 105,5 млн. десятин, давши, таким образом, годовой прирост в 2,6%.

В настоящее время еще нет окончательных данных для оценки посевных площадей под урожай 1928 года, но предварительные данные заставляют предполагать, что озимые посевы осенью 1927 г. остались стабильными, яровые же посевы, вследствие, главным образом, необходимости пересева значительной площади погибших озимых весною 1928 г., сократились процента на 2—3; в итоге посевная площадь яровых хлебов под урожай 1928 г. ниже площади

под урожай яровых процентов на $7^1/_2$. Таким образом, вместо естественного роста на 2,3% соответственно росту населения, мы имеем сокращение зерновой площади, особенно сильно проявившееся в тех районах, где была значительная гибель озимых (Украина и Северный Кавказ).

По проведенной ЦСУ анкете, охватившей 0,2% хозяйств, устанавливается крайне интересное явление, что низшие группы крестьянских хозяйств увеличили свои посевы, а высшие сократили их. Это в значительной мере обусловливается тем, что низшие получили больше государственной помощи, чем высшие. Кроме того, методы хлебозаготовок не поощряли посевы высших групп. Мы имеем такие показатели роста посевной площади 1928 г. в %% к посевной площади 1927 г.:

Процент изменения посевной площади

Группы хозяйств	Всех	Получивших госпомощь	Не получивших госпомощи
Нижне-Волжская область			
Без рабочего скота	113,7	121,5	105,0
С 1 головой рабочего скота	106,7	110,2	103,2
С 2 „ „ „	100,7	105,3	96,9
С 3 „ „ „	96,2	98,1	95,0
С 4—7 „ „ „	92,4	89,8	94,0
Итого по всем хозяйствам	101,3	105,1	98,2
Северный Кавказ			
Без рабочего скота	108,9	118,3	89,9
С 1 головой рабочего скота	100,9	105,7	93,4
С 2 „ „ „	91,2	93,3	89,2
С 3 „ „ „	87,8	89,4	86,7
С 4—7 „ „ „	81,4	79,1	83,0
Итого по всем хозяйствам	91,6	95,4	87,8

Повышение посевной площади Нижне-Волжской области является следствием продолжающегося там восстановительного процесса. Падение посевной площади Северного Кавказа об'ясняется неблагоприятными метеорологическими условиями осени и гибелью части озимых посевов; в таблице приведены сведения об уцелевшей площади.

О движении стада еще нет никаких данных. Можно предполагать, что рост стада, который имел место в предыдущие годы, продолжался и в истекающем сельскохозяйственном году, но в несколько замедленном темпе, во-первых, в виду меньшего сбора кормовых хлебов в 1927 г. и, во-вторых, вследствие затянувшейся весны 1928 г., что привело местами к усиленной ликвидации скота, при чем были случаи и падежа его.

Рост технических культур продолжался интенсивно и весной 1928 г. Пока предполагается, что посевы свеклы выросли процентов на 15, посевы хлопка — на 20. Посевы же льна, повидимому, не дадут прироста в виду недостатка хлеба, побудившего население льноводческих районов к усиленному засеву полей хлебными злаками.

Таким образом, производственные итоги 1927/28 сельскохозяйственного года характеризуются: падением посевных площадей под зерновыми хлебами, продолжающимся энергичным ростом посевов под важнейшими техническими культурами (кроме льна) и замедленным ростом стад. Вопрос о вероятной продукции 1928 г. мы рассмотрим ниже, когда перейдем к перспективам. Здесь же нельзя не отметить возникающую экономическую проблему развития зерновых посевов, которые в прошлом году отставали от довоенных на 7,5%, а в этом году сделали еще шаг назад. Теперь мы отстаем от довоенного времени на 9%, тогда как население возросло на 8%.

Если эти итоги сопоставить с плановыми предположениями, вернее с предположениями контрольных цифр, то оказывается, что посевные площади зерновых хлебов идут несомненно ниже предположений, технические культуры могут превысить эти предположения, а движение стад, вероятно, также отстанет от предположений контрольных цифр.

Что касается плановых мероприятий по отношению к сельскому хозяйству, то Сельскохозяйственная секция Союзного Госплана констатирует, что „отчетные материалы показывают в общем нормальное выполнение планов по сельскому хозяйству. Так, семеноснабжение к весенней посевной кампании выполнено в количественном отношении полностью. Сел.-хоз. машин крестьянству будет представлено в количестве большем против ранее намеченных планов. Прокатные пункты организованы в количестве, близком к плановым предположениям. Минеральные удобрения, согласно весеннему плану, доставлены на места лишь с небольшим сокращением против плана. Контрактация главнейших культур тоже выполнена в размерах плана, а по некоторым культурам (свекла, хлопок) превысила плановые предположения. Число вновь организованных коллективных об'единений весьма значительно, и общее число об'единений увеличилось на 25—50% в зависимости от различных видов, при чем особенно возросло количество простейших об'единений. Сельскохозяйственных кредитов отпущено селу в большем размере, чем это предполагалось по плану. Невыполненным остается только план трактороснабжения, если считать и намеченное дополнительное снабжение тракторами Украины".

К этому надо прибавить, что госбюджет затратил на помощь сельскому хозяйству на 50 млн. руб. больше, чем было предположено—180 млн. вместо 130 млн. руб.

Промышленное производство. Промышленное производство развивалось в этом году сильнее, чем то было предположено по контрольным цифрам. Контрольные цифры предполагали рост крупной промышленности на 15,8%, рост числа рабочих на 2,6%, годовую выработку на одного рабочего — 12,9% и увеличение зарплаты—на 6%. В итоге за 8 мес. хозяйственного года, к которому относятся и контрольные цифры, мы видим рост промышленной продукции на 20,4%, увеличение продукции на одного рабочего на 13,5%, рост номинальной зарплаты на 10,3% и рост числа рабочих на 6,1%. Таким образом, превышение предположений контрольных цифр мы видим по валовой продукции и продукции на одного рабочего, несмотря на то, что нам пришлось увеличить число рабочих больше, чем мы предполагали.

Соотношение номинальной зарплаты и производительности труда наблюдается менее благоприятное, чем было предположено контрольными цифрами. В области движения промышленных цен контрольные цифры предполагали понижение средне-годовых на 6%. В итоге за 8 месяцев хозяйственного года мы имеем понижение цен на 4,4%. Но здесь надо обратить внимание на то, что после контрольных цифр был выработан промфинплан, который в значительной степени изменил контрольные цифры, и по сравнению с промфинпланом все показатели идут гораздо ближе, с той лишь характерной особенностью, что показатели роста номинальной зарплаты идут резко выше предположений промфинплана, а именно — 10% вместо 7,2%, показатели же роста месячной производительности рабочего существенно ниже, так как они дали рост на 13% вместо предположенных промфинпланом 17,6%. Но если посмотреть не с точки зрения выполнения плана, а с точки зрения об'ективной динамики, то эти показатели движения производительности и движения номинальной зарплаты нельзя не признать весьма благоприятными. Вследствие понижения цен за 8 месяцев хозяйственного года, продукция крупной промышленности в ценовом выражении выросла на 16,1%, при чем и по серии средств производства + 14,7% и по серии производства предметов широкого потребления + 17,0%. Доля зарплаты в стоимости продукции, вследствие падения промышленных цен, увеличилась в первом квартале на 4,4%, а во втором только на 0,6%, но уже в третьем квартале она определилась ниже уровня прошлого года.[1] Отпускные цены снизились слабее, чем предполагалось по плану, а именно — на 4,4% вместо 4,9%.

[1] Приводимые в настоящей статье цифры валовой продукции и зарплаты несколько отличаются от публикуемых в кон'юнктурных материалах Госплана; для большей сравнимости с планом мы пользуемся продукцией по заводскому методу и непосредственной червонной оценкой ЦОС'а и его же учетом зарплаты, тогда как в кон'юнктурных обзорах обычно дается продукция по отраслевому методу и оценка по индексу ЦСУ и зарплата по учету ЦБСТ.

Себестоимость за первое полугодие снизилась на 5,3% против 6,3% по плану. Значительную роль в этом сыграло удешевление сырья во 2 половине 1926/27 г., но очевидно, и реконструктивные преобразования как в области техники, так и в области организации производства уже начинают давать свой эффект. Финансовое положение промышленности по промфинплану, кстати сказать, очень поздно составленному (в марте 1928 г.), характеризовалось небольшим ростом текущих счетов — на 10 млн. — и значительным ростом краткосрочных кредитов — на 330 млн. В действительности же текущие счета промышленности упали на 50 млн., и всю сумму краткосрочных кредитов она почти исчерпала в три квартала. Промсекция Союзного Госплана предполагает, что финансовое положение промышленности не будет нарушено в конце года и что спрос на банковский кредит не выйдет резко за пределы плана, при чем она предполагает, что в общем промфинплан в части об'ема продукции будет недовыполнен на 3% и что темп развития промышленности не превысит 20% против 23% роста по плану. Вместе с тем, Промышленная секция отмечает недовыполнение плана по марганцу, по всем видам топливной промышленности, по некоторым видам промышленности стройматериалов (цементу и кирпичу), по основной химической промышленности, по текстильной и особенно — по пищевкусовой.

Основную причину недовыполнения плана Промсекция видит в недостатке сельскохозяйственного сырья, а отчасти промышленного сырья (лома и кокса), при чем последнее вызвано запозданием сооружения коксовых печей и некоторым понижением качества угля.

Так как мы ведем данный обзор по сельскохозяйственному году, то не безынтересно привести следующие показатели развития промышленности, приуроченные именно к сельскохозяйственному году.

Валовая продукция крупной промышленности в довоенных ценах выросла на 19%, а в червонных — на 15,1%. Число рабочих увеличилось на 5,8%, продукция на одного рабочего поднялась на 12,5%, отпускной индекс цен уменьшился на 6,2%. Таким образом, показатели для сельскохозяйственного года в части роста продукции несколько ниже, чем для хозяйственного года, но в области снижения цен они более ярко выражены, в виду того, что первый квартал предшествующего с.-х. года был именно периодом высоких цен.

Б. Обмен

Процессы обмена лучше всего характеризуются данными грузооборота. За 11 месяцев вся погрузка поднялась на 13,8%, при том с такими характерными особенностями: наиболее сильно выросли перевозки нефтепродуктов — на 25,4%, затем так называемые прочие грузы (куда входят сырье и полуфабрикаты) — на 22,5%, третье место занимает рост лесных и строительных материалов —

на 21,2%, вызванный ростом строительства. Далее мы имеем выше, чем средние, показатели по перевозке руды и минералов. По перевозке каменного угля показатели ниже среднего (на 8,5%), что вызвано слабым развитием его добычи.

Абсолютное падение против прошлого года дали перевозки дров (на 4,6%), что об'ясняется слабым ходом дровозаготовок, вследствие недостаточного снабжения хлебом и фуражем. Предполагается, что план дровозаготовок будет недовыполнен на 10—15%. Хлебные грузы дали падение на 3%, а экспортный хлеб упал на 81,8%, что обусловлено всем ходом нашей хлебозаготовительной кампании, которую мы рассмотрим ниже.

Фактический отпуск изделий промышленности вырос на 19,4%. Биржевой оборот вырос на 19,5%, при том с такими характерными особенностями, что оборот с сельскохозяйственными товарами поднялся на 10,4%, а с промышленными — на 21,1%.

Интересна близость всех этих показателей между собою, а также и близость их с ростом денежной массы, которая за 11 месяцев поднялась на 21,8%, и с ростом краткосрочного кредита, выросшего на 22,3%. Эти показатели характеризуют рост об'ема нашего товарно-денежного рынка, который превышает рост производства материальных ценностей, выраженных в современных ценах.

Последний, как мы видели для продукции крупной промышленности, определяется для 11 месяцев с.-х. года в 15,1%, а для сельскохозяйственной, если учесть рост плановых заготовок и относительное падение внеплановых, также приближается к показателю роста продукции промышленности (+10%). Абсолютные данные, из которых выведены эти отношения, таковы:

	11 мес. с.-х. года		
	1926/27 г.	1927/28 г.	% %
	(В м л н. р у б.)		
Продукция промышленности .	7.382	8.500	115,1
Реализация с.-х. продукции .	2.861	3.144	110 [1]
Грузооборот (средне-суточная погрузка в вагонах)	26.700	30.400	113,18
Фактическая реализация трестов и синдикатов	6.449	7.699	119,4
Биржевые обороты	6.576	7.857	19,5
Денежная масса	1.289	1.571	121 8
Краткосрочный кредит . . .	2.433	2.978	122,3

Расхождение показателей роста продукции [2] и роста оборотов частью об'ясняется статистическими причинами, различным кругом учитываемых явлений и методом оценок, а частью несомненно отражает собою усложнение процессов обмена и изгибы в движении запасов.

[1] Мы вынуждены взять за показатель роста сел.-хоз. продукции реализацию ее производителем, хотя это не совсем точно, в виду изменения процента товарности.

[2] Включая доход от рыболовства, охоты и лесного хозяйства.

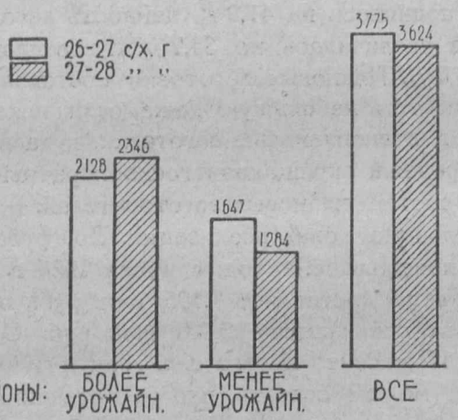
Остановимся теперь подробней на процессе реализации сел.-хоз. товаров. Точно регистрируются нами только плановые заготовки, которые за 11 мес. с.-х. года характеризуются следующими данными. Хлебозаготовки в прошлом году были реализованы в плановом порядке на 561 млн. руб., в этом году на 565 млн. руб. Технические культуры были реализованы в прошлом году на 347 млн. руб., в этом году на 490 млн. руб., продуктов же животноводства в плановом порядке было заготовлено в прошлом году на 258 млн. руб., в этом году — на 399 млн. руб. Всего сумма плановых заготовок равнялась в прошлом году за 11 мес. с.-х. года 1.165 млн. руб., в этом году — 1.453 млн. руб. Выражая то же в процентном отношении, получим, что в этом году ценность хлебных плановых заготовок выросла на 0,8%, ценность техн. культур поднялась на 41,2%, ценность заготовок продуктов животноводства увеличилась на 54,7%, а все плановые заготовки выросли на 24,7%. Плановые заготовки составляют лишь часть реализации, и при том небольшую даже, если исключить внутрикрестьянский оборот, а внеплановые заготовки, куда входят: реализация на базарах, продажа скупщиков и госкооперативных организаций, не входящих в состав плановых заготовителей, — составляют еще до сих пор бóльшую долю реализации. По грубому приближенному подсчету, за прошлый с.-х. год, с июля 1926 г. по июнь 1928 г., плановая реализация составляет 1.195 млн. руб., внеплановая 1.761 млн. руб., а вся реализация — 2.961 млн. руб. Опираясь на отчетные данные за 11 месяцев нового с.-х. года и гипотетические данные за июль, мы можем сказать, что за истекающий с.-х. год плановая реализация выразилась в цифре 1.470 млн. руб., или увеличилась на 275 млн. руб., т.-е. на 24%. Внеплановая реализация достигла цифры 1.787 млн. руб., или увеличилась на 21 млн. руб. т.-е. на 1,2%, а вся реализация достигла цифры 3.257. млн. руб., или выросла против прошлого года на 296 млн. руб., т.-е. на 10%.

Этот рост цифры заготовок зависит не только от роста количества их в натуральном выражении, но и от под'ема цен. Заготовительный индекс для плановых заготовок НКТоргом определяется, учитывая при этом и изменение состава заготовляемых товаров, таким образом: общий индекс заготовительных цен за 11 мес. прошлого года равнялся 1,23, а для текущего года 1,36, при чем зерновой индекс в прошлом году равнялся 1,07, в этом году — 1,19. Процентное изменение индекса таково: общий индекс вырос на 10%, а зерновой на 11,5%.

Чрезвычайно интересно остановиться на самом ходе реализации крестьянством его продукции. Прежде всего остановимся на хлебозаготовках. В прошлом году при выработке контрольных цифр исходили хотя и из пониженного сбора против предшествующего года, но все же предполагали, что урожай будет выше среднего, и так как перед этим были также два года с вышесредним урожаем, то предполагалось, что процесс накоплений натуральных страховых запа-

сов, характерный для двух предыдущих лет, хотя и будет продолжаться, но в замедленном темпе. Соответственно с этим Экспертный Совет снизил предполагаемый рост натуральных запасов с 4,5 млн. тонн, которые он принимал для 1926/27 года, до 2,9 млн. тонн для 1927/28 г., и исчислив всю потребность в хлебе внутреннего рынка, определил, что для экспорта и для накопления государственных запасов может остаться до 12,8 млн. тонн. Весь свободный остаток таким образом определил в 5,7 млн. тонн. В действительности сбор оказался ниже на 1,6 млн., а потребление крестьянства оказалось выше, так как вследствие затянувшейся весны и гибели части озимых посевов пришлось затратить на корм скоту свыше 1,25 млн. тонн и на пересевы озимых около 0,3 млн. и наконец, вследствие запаздывания уборки из урожая этого года, придется издержать на 0,5 млн. тонн больше для продовольствия населения.

Валовой сбор в производящих районах
(в млн. пуд)



Таким образом, свободные остатки уменьшаются с 5,7 млн. до 12,15 млн. тонн. Вывезли мы 450 тыс. тонн, следовательно, для накопления запасов могло остаться только 1,7 млн. тонн. Так как невидимых запасов мы не накопили, эта величина характеризует собой возможный рост невидимых запасов, если только, конечно, точно сосчитано и внутрикрестьянское потребление и потребление города.

Чтобы ответить на вопрос, как шли хлебозаготовки и в каком соотношении они стоят к самым ресурсам товарного хлеба, мы составили таблицу, в которой районы производящей части Союза были разбиты на более урожайные и менее урожайные по сравнению с прошлым годом. По каждому из этих районов мы приводим цифры валового сбора и свободных остатков товарного хлеба, определенного Экспертным Советом с учетом вероятного накопления запасов. Приведем поквартальное движение о ходе плановых заготовок и приведем итоги за весь с.-х. год. (см. табл. на след. стр.)

Эта глубоко интересная таблица показывает, что в тех районах, в которых крестьянин собрал хлеба больше, чем в прошлом году, он и дал нам больше хлеба на 1,8 млн. тонн. В районах менее урожайных он, естественно, и дал нам меньше, чем в прошлом году, на 2,1 млн. тонн. В итоге мы получили цифру плановых заготовок, лишь немногим уступающую цифре прошлого года, а именно — 10,1 млн. вместо 10,4 млн., т.-е. на 300 тыс. тонн меньше, тогда как сбор, исчислявшийся Экспертным Советом осенью прошлого года,

Таблица 1

Плановые заготовки

(в тыс. тонн.)

Группы районов	Годы	Валовой сбор	Товарный хлеб	Июнь—сентябрь 1927 г.	Октябрь—декабрь. 1927 г.	Янв.—март 1928 г.	Апр.—июнь 1928 г.	Итого за с.-х. год
Более урожайные [1]	1926/27	35.466	5.610	1.163	2.190	1.076	450	4.879
	1927/28	39.000	7.843	1.791	1.475	2 898	495	6.659
Разность		+ 3.534	+ 2.233	—	—	—	—	+ 1.780
Менее урожайные [2]	1926/27	27.450	6.447	1.256	2.370	1.378	490	5.494
	1927/28	21.400	3.698	828	825	1.411	327	3.391
Разность		— 6.050	— 2.749	—	—	—	—	— 2.103
Итого . . .	1926/27	62.916	12.057	2.410	4.565	2.455	940	10.380
	1927/28	60.400	11·542	2.620	2.166	4.310	821	9.918
Разность		— 2,516	— 515	+ 210	— 23 984	+ 1.855	— 118	— 462
Исправленный сбор	1927/28	59.233	8.717	—	—	—	—	—
Разность		— 3.683	— 3.340	—	—	—	—	—

был меньше на 2,5 млн. тонн. В настоящее время мы знаем, что сбор оказался еще меньше, чем исчислялся в прошлом году осенью по окончательным данным, примерно, на этой территории на 1,16 млн. тонн. С другой стороны, предусмотренные расходы крестьянства, как мы указали, увеличились, а именно, для рассматриваемой территории на корм скоту на 1 млн. тонн, на продовольствие людей, по крайней мере на лишнюю неделю на 330 тыс. тонн, на пересев озимых, который имел место именно в производящих районах, примерно, на 330 тыс. тонн. Таким образом, товарные ресурсы крестьянства на приведенной в таблице территории должны быть уменьшены на 2,8 млн. тонн и определены уже не в 11,55 млн., а в 8,7 млн. тонн. Осенью предполагалось, что в этих районах произойдет накопление, примерно, на 2,5 млн. тонн. Что же теперь обнаруживается? Если плановые заготовки дали 10,1 млн. тонн, а внеплановые, вследствие стеснения частной базарной торговли, вряд ли могли дать цифру более 833 тыс. тонн, т.-е. в 2 раза меньшую, чем в прошлом году, для которого мы, примерно, внеплановые заготовки определяли в цифре 1,7 млн. тонн, то очевидно, что крестьянство реализовало 10,1 млн. тонн плановых плюс 830 тыс. внеплановых, и всего — 10,9 млн. тонн.

Для того, чтобы дать эту цифру реализации, крестьянство должно было уменьшить накопление запасов на 2,2 млн. тонн и,

[1] Более урожайные районы: ЦЧО, Сибирь, Волжско-Камский, Украина.
[2] Менее урожайные районы: Урал, Поволожье, Казакстан, Крым, Сев. Кавказ.

следовательно, вместо предполагаемого хлебофуражным балансом в прошлом году накопления в 2,5 млн. тонн, мы имеем накопление ничтожное — в размере 300 тыс. тонн. На самом деле ход хлебозаготовок, экстренные меры, принятые во II квартале для извлечения хлеба, и допущенные при проведении этих мер „перегибы и извращения" привели к тому, что в одних местностях не только не было никакого накопления запасов, но было, что называется, „под метелку все подобрано". В других продолжался рост запасов, при чем держатели последних прибегали к различным формам их сокрытия, не только физическим, в смысле зарывания в землю, но и социальным — в виде всякого рода раздачи на всяких условиях своих запасов середняку и бедняку. Наблюдались даже случаи, что давалось 160 *кг* с тем, чтобы было возвращено только 128 *кг*. Произошло распыление запасов, которые стали уже неуловимыми даже при обходах дворов.

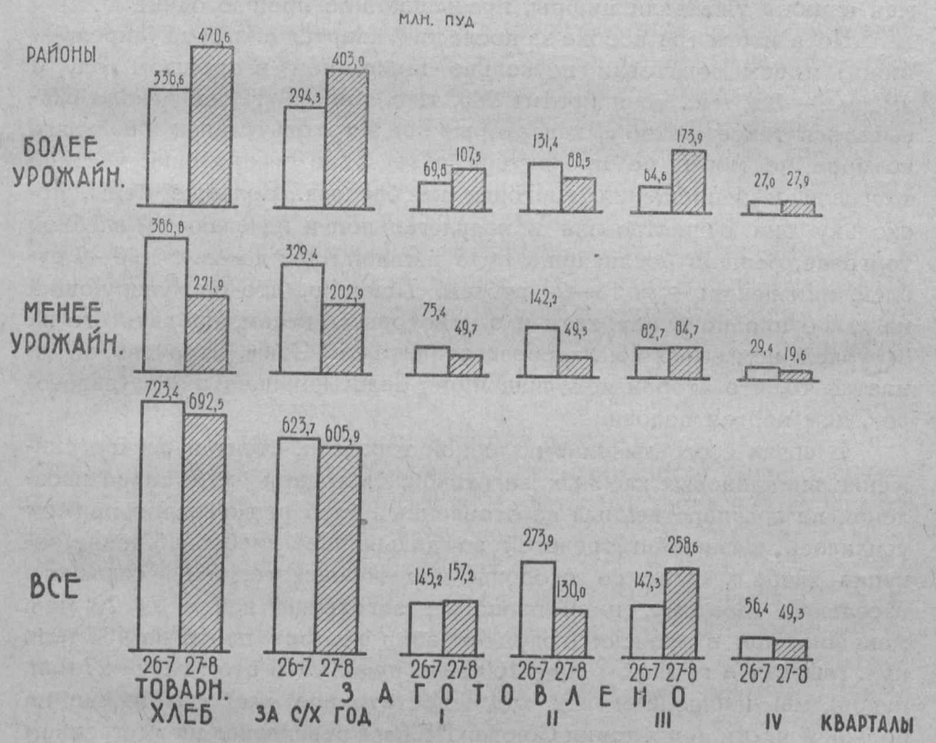
Самый ход хлебозаготовок из квартала в квартал очень характерен. Первый квартал с.-х. года (июль — сентябрь) дал в этом году больше плановым заготовителям — 2,8 млн. тонн вместо 2,42 млн. прошлого года. Во втором квартале мы имеем резкое и повсеместное снижение хлебозаготовок — с 4,54 млн. тонн прошлого года до 2,3 млн. тонн в этом году, т.-е. снижение на 2,26 млн. тонн, почти вдвое. Это повсеместное снижение требует особого об'яснения.

В прошлом году второй квартал дал огромное количество хлеба, неожиданное для плановых заготовителей, превышавшее почти в полтора раза планы заготовок, в этом году мы имеем лишь на 50% выполненный план. В прошлом году цены заготовительные были понижены по сравнению с предшествующим ему годом (процентов на 12—13), а цены на промтовары, наоборот, были выше (на 2,5%), и таким образом эквивалент был крайне невыгодным для крестьянства. И несмотря на это, крестьянство завалило нас хлебом. В этом году заготовительные цены были повышены, примерно, процентов на 5, и наоборот, цены на промтовары были понижены процентов на 8, следовательно, эквивалент в пользу хлеба изменился процентов на 14, а между тем крестьянство перестало давать нам хлеб. Для многих это было неожиданным, но пишущий эти строки при обсуждении контрольных цифр прошлого года в своем докладе указывал на то, что в виду возросшей продукции технических культур и продуктов животноводства, реализуемых к тому же по повышенным ценам, мы не сумеем противопоставить деревне товарной массы, эквивалентной ее покупательной силе, тем более, что размеры нашей промышленной продукции в своем развитии оказались пониженными, а цены были значительно снижены, и что поэтому у крестьян не будет стимула продавать свой хлеб, который они всегда стремятся, если нет крайней необходимости, удержать у себя в качестве страховых запасов, на случай неурожая. Говоря афористически, можно дать такую формулу: в прошлом году крестьянину нечего было

реализовать, кроме хлеба, в этом году ему незачем было реализовать хлеб.

С наступлением II квартала были приняты экстренные меры для извлечения хлеба. С одной стороны, эти меры были направлены к из'ятию накопившихся денежных средств из деревни, для чего были досрочно взысканы сельхозналог и страховые платежи, введено самообложение, был распространен заем укрепления крестьянского

Товарный хлеб и хлебозаготовки в производящих районах



хозяйства. Все это в совокупности дало цифру до 250 млн. рублей. С другой стороны, был установлен порядок обмена промтоваров на квитанции о сдаче хлеба, при чем был резко усилен ввоз промтоваров в заготовительные районы, применялась 107 статья к держателям крупных запасов хлеба и кроме того местами практиковались методы заготовки хлеба по спискам, обход дворов, из'ятие так называемых „излишков" и т. п. В результате всех этих мер мы получили лишь то количество хлеба, которое крестьянин недодал нам в октябре и декабре, а именно — на 11,85 млн. тонн больше, чем в прошлом году.

Вследствие постановления апрельского пленума эти экстренные меры были смягчены. Апрель месяц вдвое понизил наши заготовки

против прошлого года — вместо 393 тыс. тонн мы собрали 210 тыс. тонн. Это падение хлебозаготовок прошло по всем районам, что об'яснялось общими причинами, а именно: затянувшейся весной, вызвавшей тревогу в населении за судьбу посевов, а в южных районах — прямой гибелью значительной части озимых посевов. С момента улучшения видов на урожай, а также благодаря более свободному маневрированию товарными запасами со стороны кооперации, которая лучше, чем плановые завозы, приспособляется к требованиям рынка, хлебозаготовки стали улучшаться, и заготовки мая и июня уже дали цифры, превышающие прошлогодние.

Но в итоге мы все же за последний квартал с.-х. года (апрель — июнь) имеем заготовки несколько ниже, чем в прошлом году, а именно: — 822 тыс. тонн против 940, тыс. тонн. Тут уже начало сказываться такое явление, как разрыв цен заготовительных и вольных, которое не могло не проявиться вследствие ограничения частной торговли и запрещения торговли на базарах. Вольные цены, поскольку они существовали в полулегальной и нелегальной хлебной торговле, бешено росли: цена пуда ржаной муки доходит до 6—7 рублей, пшеничной — до 15—20 рублей. Понятно, что спекулирующий на хлебе предпочитает, хотя и с некоторым риском, продать его за 8 рублей, чем за 80 коп. хлебозаготовителям. Этим, вероятно, об'ясняется то, что вторая половина июня дала меньшую цифру заготовок, чем первая половина.

В связи с ограничением хлебной торговли, стоит и резкое снижение внеплановых хлебных заготовок, благодаря чему спрос населения на государственный заготовленный хлеб резко возрос, при чем усилилась вызванная тревогой за дальнейшее хлебоснабжение закупка хлеба в запас со стороны как городского, так и сельского населения. Поэтому, имея плановые заготовки всего на 20 млн. меньшие, чем в прошлом году, сократив экспорт почти на 133 млн. пуд. (вывезя в прошлом году 160 млн. пудов, а в этом году—27 млн. пудов), мы наблюдаем все же недостаточное хлебоснабжение на большей части территории Союза. НКТорг реализовал на внутреннем рынке хлеба больше, чем в прошлом году, а население ощущает отсутствие достаточного предложения хлеба. На местах практикуются методы ограничения потребления хлеба: запрещается продажа муки, нормируется выдача хлеба, вводится деление на кооперированное и некооперированное население, а также и классовое деление, и в некоторых местах были введены даже продовольственные карточки.

Все эти явления должны нас заставить серьезно задуматься над проблемой зерновой продукции. В настоящей статье мы указали, что у нас посевная площадь под зерновыми культурами ниже довоенной и продолжает сокращаться. Хлебозаготовки и хлебоснабжение явно недостаточны, хлебоэкспорт резко падает. В статье т. Сталина было указано, что нельзя было браться за задачу всеобщего снабжения хлебом в плановом порядке. Очевидно, методы хлебозаготовок должны быть существенно пересмотрены.

В основе хлебозаготовок должен лежать принцип обмена товара на товар при посредстве денег, при чем для крестьянина должен представлять интерес обмен хлеба на товары. Те низкие индексы хлебных культур по сравнению с техническими культурами и продуктами животноводства, которые нами устанавливаются сознательно, нуждаются, очевидно, в пересмотре. Мы переборщили с превышением индексов для технических культур и продуктов животноводства. Крестьянству стало невыгодно реализовать хлеб на рынке. Оно стремилось ограничить производство, перегоняло хлеб в скот. Затем несомненно, что вся сумма ценности промтоваров, направляемых нами в деревню, оказалась ниже ценности крестьянской товарной массы. Снижение промышленных цен должно было сопровождаться соответствующим изменением сел.-хоз. цен, чего произведено не было; наоборот, индекс сельского хозяйства, как показано выше, был даже повышен по сравнению с прошлым годом. В то же время приходится констатировать, что всякие мероприятия вне экономического порядка в деле хлебозаготовок вызывают такое сопротивление среды, которое после временного успеха приводит вновь к хлебным затруднениям и, что опаснее всего, парализует и самое развитие хлебной продукции.

Интересно отметить, что в связи именно с состоянием хлебного производства и хлебного рынка стоят и некоторые заготовки продуктов животноводства,— так, напр., заготовки масла, сократившиеся в последнее время, об'ясняются недостатком кормов для коров, сокращение заготовок льна, несомненно, стоит в связи со слабым хлебоснабжением льноводческих районов, и т. д.

Недостаточное хлебоснабжение начинает сказываться и на промышленности (сокращение производства на Егоршинских угольных копях и медных рудниках Урала). Пропорциональность в развитии различных элементов народного хозяйства, очевидно, была нарушена. Зерновая продукция отстала от общего темпа развития народного хозяйства, что не вызвало своевременно достаточного нашего внимания вследствие того, что мы имели два года урожай выше среднего. Мы не обратили внимания на то, что экспортировали в 1925/26 году и в 1926/27 году лишь часть избытка хлеба, образовавшегося вследствие превышения урожаев этих лет над средним сбором. В 1926/27 году урожай был настолько хорош, что он превышал средний урожай на 8,3 млн. тонн. Вывезли же мы только 2,1 млн. тонн. Урожай же 1926 года хотя и был ниже предыдущего, но все-таки превышал средний на 5 млн. тонн, а мы вывезли 2,6 млн. тонн. Даже в 1927 году, несмотря на пониженную оценку, урожай был выше среднего, а вывезти каких-то ничтожных 450 тыс. тонн нам оказалось не по силам.

Переходим к другим элементам товарооборота.

Имеющиеся отрывочные данные говорят нам о том, что первое полугодие с.-х. года, т.-е., IV квартал прошлого хоз. года и I квартал нового хоз. года, было периодом уменьшения запасов. Со второго квартала мы получили нарастание этих запасов. В итоге ВСНХ определяет рост запасов трестов и синдикатов цифрой порядка 75—80 млн. руб.

Правильно поставленного учета движения запасов товаропроводящей сети у нас нет. Пользуясь динамическими показателями помесячного движения оборотов и движения остатков, собираемыми ЦСУ по ограниченному кругу предприятий по отчетным данным за прошлый год, мы приближенно исчисляем движение этих запасов, которые в конечном счете определяются нами в таких цифрах (подсчет т. Байбакова).

Таблица 2

Запасы товаров в торгующих организациях

(в млн. руб.)

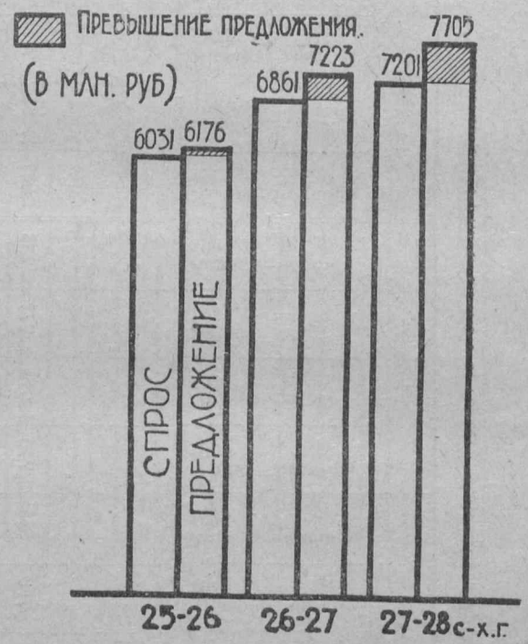
Виды торговли	Звенья торговли	На 1/X—1927 г.	На 1/VI—1928 г.	Прирост за 8 мес.
I. Кооперация	Оптовая			
	а) в оптовых ценах	552	813	261
	б) в розничных ценах [1] . .	662	976	314
	Розничная	618	721	103
	Итого в розничных ценах . .	1.280	1.697	417
II. Госторговля (срединное звено)	Оптовая			
	а) в оптовых ценах	259	395	136
	б) в розничных ценах [2] .	311	474	163
	Розничная	278	311	33
	Итого в розничных ценах . .	589	785	196
III. Тресты и синдикаты	В оптовых ценах	—	—	75
	В розничных ценах [3]	—	—	98
IV. Всего в обобществленн. секторе по различным ценам.	Без трестов и синдикатов . .	1.869	2.482	613 [4]
	В том числе:			
	Оптовая	973	1.450	477
	Розничная	896	1.032	139

[1] Накидка на 20%.
[2] Накидка на 20%.
[3] Накидка на 30%.
[4] В среднем можно принять, что в торговых предприятиях запасы сельхозтоваров составляют не более 25%. Следовательно, прирост запасов промышленных товаров надо принять в 150 млн.; присоединяя к этому прирост запасов готовых изделий в трестах и синдикатах и переводя их в розничные цены, мы получим цифру порядка 550 млн. руб.

Откуда же получились эти запасы? Для этого надо сопоставить продукцию промышленных товаров с приобретением их, т.-е. составить баланс спроса и предложения промтоваров. Баланс спроса и предложения промтоваров есть несомненно часть народнохозяйственного баланса, которого у нас нет. Приходится путем разных приближенных исчислений разрешать эту задачу.

В Госплане под руководством пищущего эти строки много раз собирались совещания работников разных ведомств, но договориться до полного единства не удалось. При помощи т.т. Бройтмана и Пистрака составлена приводимая на стр. 116 табл.

Соотношение спроса и предложения промтоваров широкого потребления



Из этой таблицы видно, что эпохи товарного голода и сравнительного затишья на рынке достаточно выявляются нашими расчетами. Мы все помним резкие признаки товарного голода в июле — декабре 1925 г., и таблица показывает, что в этот период был дефицит в 297 млн. (138 и 159 млн. руб.). Следующий год был годом сравнительного затишья на рынке, и у нас действительно показатель дефицита выражается всего в 11 млн. руб. (—9 и —2). IV квартал прошлого года и I квартал этого года (июль — декабрь 1928 г.). были периодом резкого обострения товарного голода, и таблица показывает, что дефицит был в размере 229 млн. руб. (—209 и —20). Затем началось успокоение на рынке, превышение продукции над приобретением ее стало резко возрастать, при чем, конечно, не только вследствие роста продукции, но и вследствие уменьшения покупательного фонда деревни, в виду описанного выше из'ятия 250 млн. руб. и также некоторого сокращения городского покупательного фонда благодаря распространению займа индустриализации и сокращению частной торговли и промышленности.

В итоге мы имеем накопление запасов за с.-х. год на 504 млн. руб., а за три квартала хозяйственного года — 713 млн. руб. Это касается только предметов широкого потребления, а в запасы торгующих организаций вошли и средства производства. Между тем, эти последние на 150 млн. руб. ниже. Помимо неточности и условности счета, это

Таблица 3

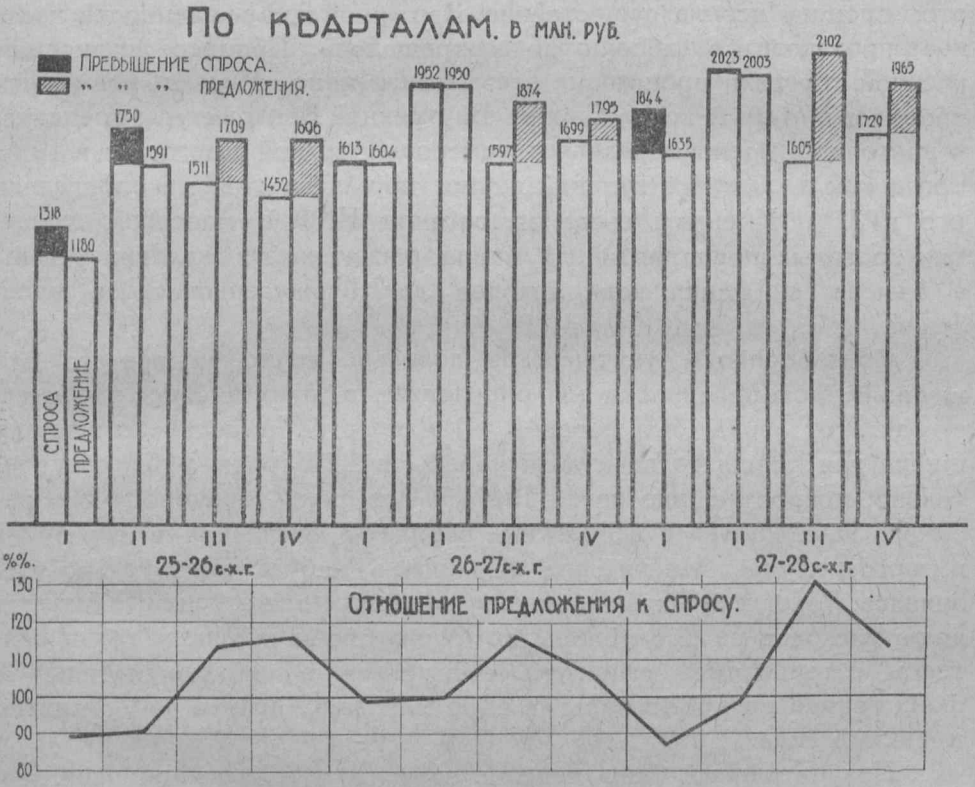
Предварительные черновые расчеты (в млн. черв. руб.)

	1925/26 г.				1926/27 г.				1927/28 г.				С.-х. годы		
	Июль—сентябрь 1925 г.	Октябрь—дек. 1925 г.	Январь—март 1926 г.	Апрель—июнь 1926 г.	Июль—сентябрь 1926 г.	Октябрь—дек. 1926 г.	Январь—март 1927 г.	Апрель—июнь 1927 г.	Июль—сентябрь 1927 г.	Октябрь—дек. 1927 г.	Январь—март 1928 г.	Июнь—июль 1928 г.	1925/26	1926/27	1927/28
Приобретение промтоваров															
деревней	655	952	778	635	743	1.014	772	783	867	1.051	772	805	2.920	3.312	3.495
городом	663	798	733	817	870	938	825	916	977	972	833	924	3.011	3.549	3.706
Итого . . .	1.318	1.750	1.511	1.452	1.643	1.952	1.597	1.699	1.844	2.023	1.605	1.729	6.031	6.861	7.201
Продукция промтоваров широкого потребления в розн. ценах . . .	1.180	1.591	1.709	1.696	1.604	1.950	1.874	1.795	1.635	2.003	2.102	1.965	6.176	7.223	7.705
Избыток (+) и недостаток (—) промтоваров	—138	—159	+198	+244	—9	—2	+277	+96	—209	—20	+497	+236	+145	+362	+504

об'ясняется тем, что мы охватили далеко не всех держателей запасов: нет запасов мелкой и кустарной промышленности, нетрестированной цензовой, находящейся в пути и т. д.

Наши сношения с внешним миром характеризовались падением хлебного экспорта, ростом всех остальных элементов экспорта в связи с ростом промышленной и с.-х. продукции, огромным ростом импорта, особенно благодаря увеличению ввоза оборудования за

Соотношение спроса и предложения промтоваров широкого потребления



счет германских кредитов. В общем, ожидается выполнение плана экспортного и импортного, но плана сокращенного вследствие сокращения хлебного экспорта.

За 11 мес. с.-х. года мы вывезли на сумму 559 млн. руб., вместо 621 млн. руб. экспорта прошлого года, а ввезли мы на сумму 682 млн. руб., вместо 523 млн. руб. прошлого года, и получили поэтому отрицательный торговый баланс в 123 млн. руб. вместо положительного торгового баланса в 98 млн. руб. Последнее несомненно отражается на размерах нашего валютного обеспечения, которое пришло почти к легальной норме.

Эта таблица составлена уже на основе изучения условий распределения, к которым мы и обратимся.

В. Распределение

Элементы для учета доли национального дохода, получаемой каждым классом населения, в значительной степени уже приведены выше. Здесь нам придется добавить следующее: повидимому, резко сократился темп развития мелкой кустарной промышленности. По контрольным цифрам был предположен рост на 8%, но в виду принятых мер, ограничивающих производство, а иногда прямого закрытия предприятий (кожевенная промышленность) вследствие недостаточного снабжения сырьем и т. д., вероятно придется снизить этот процент весьма существенно. В крупной промышленности частное производство абсолютно сокращалось. Процесс ликвидации частной торговли происходил весьма энергично. Индекс розничных оборотов, который ведет Секция Внутренней Кон'юнктуры Госплана, в настоящее время определяет нам роль частной торговли в 19%, тогда как в соответствующий период прошлого года мы определяли его в 35%. Имеются сведения органов НКФ о массовом закрытии торговых предприятий. В наших расчетах эти явления учтены в смысле снижения доли доходов для буржуазных слоев населения.

Фонд зарплаты учитывается довольно точно, и рост его для крупной промышленности мы определяем в таких цифрах: за 11 мес. т/года этот фонд был равен 1.491 млн. руб., а соответствующая цифра для прошлого года выражалась в 1.275 млн. руб., следовательно, прирост фонда равен 16,9%. Рост фонда транспортного рабочего выражается в 2,5%. Фонд зарплаты служащих в советских и торговых учреждениях вряд ли сколько-нибудь значительно увеличился. Доходы буржуазных слоев, вероятно, даже упали. Учитывая долю расходов на промтовары по бюджетам за прошлый год и считаясь с тенденцией рынка, мы определяем общий покупательный фонд города на промтовары в 3.706 млн. руб., или в 4,4% против прошлого года.

Покупательный фонд деревни зависит от реализации сел.-хоз. товаров, рассмотренной нами выше, и от прочих доходов, которые в виду слабого развития кустарных промыслов по указанным выше причинам, а также и благодаря замедленному росту строительства, определяются для текущего с.-х. года в 1.047 млн. руб., а для прошлого года в 1.013 млн. руб. В итоге имеется прирост в 3,3%.

Деревня уплачивает налог и платежи, которые в этом году оказались благодаря экстренным мерам, указанным выше, гораздо более высокими и выразились цифрой в 610 млн. руб. вместо 383 млн. руб. прошлого года, т.-е. увеличились на 58,4%. Вследствие этого, покупательный фонд деревни выразился в 3.495 млн. руб. или 5,6%, или несколько больший процент, чем города, определенный нами в 4,4%. Благодаря падению цен на промтовары (—7,5%), реальное приобретение их крестьянами и горожанами увеличилось на

больший процент, вероятно определяемый коэфициентом в 12—13% соответственно росту продукции предметов широкого потребления, который по крупной промышленности дал коэфициент прироста в 19,2% в неизменных ценах, а по мелкой вероятно останется почти стабильным, и относительно большему росту запасов.

Непосредственный учет реальной зарплаты дает нам такие показатели за 11 мес. с.-х. года. Реальная зарплата рабочих крупной промышленности за 11 мес. т/года выразилась в цифре в 28 руб. 58 коп. вместо 25 руб. 27 к. за 11 мес. п./года, т.-е. дала прирост на 13,1%. Рост очень существенный, реально ощущаемый несомненно, как рост благосостояния. Последние месяцы, в виду роста с.-х. цен, коэфициент роста реальной зарплаты уменьшается, и для мая месяца мы уже имеем такие показатели: для п/года — 26 р. 07 к., для этого года — 27 р. 30 к., т.-е. лишь на 5,8% более. Но на самом деле его надо было бы увеличить, так как число рабочих дней в мае этого года на 1 меньше, чем в п/году, следовательно, если бы число рабочих дней было одинаково, мы должны были бы иметь процент роста реальной зарплаты близким к 10.

Г. Денежно-кредитные отношения и госбюджет

На фоне рассматриваемых условий производства, товарооборота и распределения понятно и развитие денежно-кредитных отношений и ход выполнения госбюджета. Первые характеризуются нормальным развитием денежной эмиссии и кредитных активных операций. Пассивные операции несколько отстают от плана, что частью об'ясняется ростом госзаймов, вызывающим помещение части средств вместо текущих счетов в госзаймы. Успешный ход госбюджета и особенно развитие госзаймов позволило госбюджету уменьшить свою задолженность Госбанку на цифру порядка 150 млн. руб.

Общие итоги за 11 мес. денежно-кредитных отношений таковы: в среднем за 11 мес. п/года денежная масса выражалась цифрой в 1.289 млн. руб., в этом году соответствующей цифрой будет 1.571 млн. руб., или мы имеем прирост на 21,8%. Коммерческие вклады по 5 банкам для 11 мес. п/года выражались в цифре 905 млн. руб., для этого года — 928 млн. руб., или прирост на 2,5%. Вклады НКФ в среднем за 11 мес. п/года равнялись 397 млн. руб., в этом году — 417 млн. руб., или дали прирост на 5%.

Сумма краткосрочных кредитов выразилась в 2.433 млн. руб. в среднем за 11 мес. прошлого с.-х. года, а в этом году она достигла 2.978 млн. руб., или увеличилась на 22,3%.

В связи с развитием капитального строительства, в стране резко вырос долгосрочный кредит — с 667 млн. руб. до 1.279 млн. руб., т.-е. мы имеем под'ем, измеряемый цифрой прироста в 91,8%, т.-е. почти вдвое.

Таблица 4 а

Аккумулятивные итоги по госбюджету

(в млн. черв. руб.)

Статьи приходов	С начала с.-х. года за 11 м.		
	1927/28 г.	1926/27 г.	% %
Сельхозналог	287,2	328,3	87,4
Промналог	283,2	283,7	99,8
Подоходный налог	199,8	278,9	71,6
Все прямые налоги	801,6	798,4	100,4
Акцизы	1.229,9	1.062,9	115,7
Таможенные доходы	235,2	131,6	178,7
Все косвенные налоги	1.464,9	1.194,6	122,6
Все налог. доходы	2.452,6	2.143,5	114,4
Доходы от госимущ.	625,4	514,0	121,6
Все налоговые	697,2	588,2	118,5
Доход от займов	654,0	226,4	288,8
Итого доходов	3.803,8	2.981,5	127,6
Без займов	3.149,8	2.755,1	114,3
Доход от связи	154,9	137,9	112,3
Доход от транспорта	1.526,7	1.317,1	115,9
Итого от связи и транспорта	1.681,6	1.454,9	115,6
Всего доходов	5.485,4	4.436,4	123,6
Чистый доход от займов	422,3	143,1	295,1

Таблица 4 б

Аккумулятивные итоги по единому госбюджету

(в млн. черв. руб.)

Статьи расходов	С начала с.-х. года		
	1927/28	1926/27	% %
Финансирование нар. хозяйства	1.066,7	706,7	150,9
В том числе:			
Сельское хоз-во	163,6	147,4	110,9
Промышленность (вкл. военн. и заем восстановл.)	503,9	371,6	135,6
Электрификация	115,2	68,7	167,7
Торговля и кооперация	189,6	63,3	299,5
Коммун. кредит	58,5	47,2	123,9
Все прочие, кроме финансирования	2.308,5	1.907,5	121,0
Итого расходов	3.375,2	2.614,1	129,1
То же без займов	3.143,5	2.530,8	124,2
Расходы НКПит	164,8	137,1	120,2
„ НКПС	1.831,9	1.483,6	123,4
Всего расходов	5.421,8	4.309,9[1]	125,8[2]

[1] В том числе 50 млн. руб. на образование резервн. фонда.
[2] В том числе 75 млн. руб. на образование резервн. фонда.

Итоги за 11 мес. нашего госбюджета выражаются в таблицах 4 а (доходной части) и 4 б (расходной части).

Таблица показывает, что в общем наш доход без займов, т.-е. в собственном смысле доход фиска, поднялся на 14,3%. Но если включить доход от займов, который увеличился на 188,4%, то общий рост доходов будет 27,6%. Включаемые по традиции в наш бюджет обороты целых отраслей промышленности, как транспорт и связь, дают прирост на 15,6%. Вместе с ними все формальные доходы бюджета увеличились на 23,6%.

Расходы дали почти такой же коэфициент роста, т.-е. 25,8%, при чем расходы на финансирование народного хозяйства увеличились на 50,9%.

Если сравнить с планом ход развития госбюджета, который составляется на хозяйственный год, то доходы поступают выше плана преимущественно за счет займов, которые дали уже 538 млн. руб. за 8 мес. против 172 млн. руб. прошлого года, т.-е. выросли в 3 с лишним раза. Такой усиленный доход от займов частью вызван указанным выше стремлением из'ять денежные излишки у населения в виде займа для укрепления крестьянского хозяйства и индустриального. Вместе с тем он заставляет задуматься над тем, что при продолжающихся хозяйственных затруднениях возможна весьма усиленная сброска займов со стороны населения и скупка их спекулятивными элементами, тем более, что частный капитал выходит из торговли и производства и естественно переходит на фондовый рынок и прежде всего обращается к госзаймам, в частности—к сбрасываемым займам укрепления крестьянского хозяйства и индустриализации. Замечается также, что кулацкие элементы деревни скупают займы по пониженным ценам, рассчитывая внести их потом полной ценой в счет с.-х. налога.

Остановимся теперь на положении строительства на этой, так сказать, подготовке к хозяйству будущего.

Сколько-нибудь достоверных данных о ходе нашего строительства в стране нет. Ни у ведомств, ведающих строительством, ни у ЦСУ не наладилась соответствующая отчетность. Срочных сведений отчетного характера нет совсем. Приходится опираться на ряд частичных данных, исходящих из ряда отдельных учреждений, оглашаемых в многочисленных заседаниях, и т. д.

Стройсекция и Секция внутренней кон'юнктуры Госплана Союза пришли к такому общему выводу.

В области строительства, при крайне плохом состоянии сведений о ходе его, все же приходится притти к заключению при рассмотрении ряда отрывочных и противоречивых данных, что строительство запоздало из-за атмосферных условий, оказалось неподготовленным вследствие запоздалого утверждения ряда проектов и недостатка необходимых технических и организационных сил; дефицит строительных материалов оказался больше предусмотренного

Сводная таблица конъюнктурных показа

телей народного хозяйства СССР

Лист 3

Основные конъюнктурные показатели	Итог за период, или в среднем за период				Итог за период, или в среднем за период			
	Всего за 11 мес. 1926/27 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1926/27 хоз. года		Всего за 11 мес. 1927/28 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1927/28 хоз. года	
	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выраж.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.
Сельское хозяйство								
План хлебозаг. по СССР (в тыс. тонн)								
Все зерновые хлеба	10.810,0	—	8.216,2	—	9.738,1	—	7.118,0	—
В том числе Рожь	2.165,9	—	1.686,8	—	2.520,1	—	1.853,8	—
В том числе Пшеница	5.836,9	—	4.276,4	—	5.150,4	—	3.514,8	—
Заготов. цены хлеб. прод. (в коп. за центн.)								
Рожь	—	433	—	434	—	461	—	457
Пшеница	—	631	—	622	—	659	—	644
Ценность план. заготовок (в млн. руб)								
Хлебные заготовки	—	560,6	—	426,4	—	565,1	—	402,9
Техническ. культ. с масл.	—	346,7	—	326,1	—	489,5	—	445,3
Заготовки прод. животн.	—	257,7	—	193,6	—	398,7	—	292,0
Все плановые заготовки	—	1.165,0	—	946,1	—	1.453,3	—	1.140,2
Сельхозналог + страхов. плат. (в млн. руб.)	—	409,4	—	382,6	—	427,9	—	377,3
В том числе сельхозналог (в млн. руб.)	—	331,0	—	307,3	—	320,8	—	272,5
Индекс заготов. перемен. весами								
Общий база ср. за 1909—13 гг. = 1,000	—	1,234	—	1,241	—	1,357	—	1,334
Зерновой база ср. за 1909—13 гг. = 1,000	—	1,065	—	1,060	—	1,188	—	1,117
Крупная госпромышленность (ЦОС ВСНХ)								
Валовая продукция (в млн. руб.)	3.784,2	7.611,8	2.855,5	5.720,7	4.505,6	8.469,6	3.450,8	6.479,1
В том числе: а) средства производства	2.010,9	3.695,1	1.504,7	2.757,0	2.390,4	4.168,5	1.801,3	3.128,4
В том числе: б) предм. широк. потреблен.	1.773,3	3.916,7	1.350.8	2.963,7	2.114,6	4.301,1	1.649,4	3.350,7
Добыча угля (в тыс. тонн)	27.167,8	—	21.010,0	—	31.117,8	—	23.575,3	—
Прокат металла „ „	2.434,0	—	1.833,0	—	2.957,0	—	2.280,5	—
Хлопчато-бум. ткани (в млн. метр.)	2.109,4	—	1.600,3	—	2.237,4	—	1.690,9	—
Средне-мес. число рабочих (в тыс. челов.)	1.975	—	1.995	—	2.090	—	2.116	—
Продукция на 1 рабоч. за месяц (в руб.)	1.916,1	3.854,1	1.431,3	2.867,5	2.155,5	4.052,4	1.630,8	3.062,0
Средне-мес. зарплата 1 рабочего „	25,27	58,67	25,43	58,89	28.59	64,84	88,59	65,10
Доля зарплаты в продук. 1 рабоч. (%% к прод.)	14,5	16,7	14,2	16,4	14,6	17,6	14.0	17,0
Фонд зарплаты рабочих (в млн. руб.)	549,1	1.274,8	405,8	939,7	657,3	1.490,8	484,6	1.102,3
Товарооборот								
Бирж. обороты по МТБ и 14 пров. б. (в млн. руб.)								
Общие обороты	3.397,9	6.575,7	2.404.7	4.646,6	4.300,2	7.856,5	3.117,1	5.730,3
В том числе: Сельхозтовары	636.5	1.001,3	427,0	668,3	712,4	1.105,4	392,1	608,3
В том числе: Промтовары	2.761,4	5.574,4	1.977,7	3.978,3	3.587,8	6.751,1	2.725,0	5.122,0
Фактич. отпуск промизделий ВСНХ (в млн. р.)	—	6.448,7	—	4.722,1	—	7.698,9	—	5.649,3
Внешн. торг. СССР по Европ. границе (в млн. р.)								
Экспорт	—	621,6	—	472,0	—	559,4	—	396,0
Импорт	—	523,3	—	370,8	—	682,6	—	503,1
Баланс	—	+ 98,3	—	+101,2	—	— 123,2	—	— 107,1
Индекс розн. продаж (гос. + кооп. + частн.)	—	1,053	—	1,057	—	1,172	—	1,211

Итог за период, или в среднем за период				Итог за период, или в среднем за период			
Всего за 11 мес. 1927/28 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1927/28 хоз. года		Всего за 11 мес. 1927/28 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1927/28 хоз. года	
По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.
9.738,1	—	7.118,0	—	955,1	—	91,5	—
2.520,1	—	1.853,8	—	116,3	—	100,9	—
5.150,4	—	3.514,8	—	88,2	—	79,9	—
—	461	—	457	—	106,5	—	105,3
—	659	—	644	—	104,4	—	103,5
—	565,1	—	402,9	—	100,8	—	94,5
—	489,5	—	445,3	—	141,2	—	136,6
—	398,7	—	292,0	—	154,7	—	150,8
—	1.453,3	—	1.140,2	—	124,7	—	120,5
—	427,9	—	377,3	—	104,5	—	98,6
—	320,8	—	272,5	—	96,9	—	88,7
—	1,357	—	1,334	—	110,0	—	107,5
—	1,188	—	1,117	—	111,5	—	105,4
4.505,6	8.469,6	3.450,8	6.479,1	119,0	111,3	120,8	113,3
2.390,4	4.168,5	1.801,3	3.128,4	118,9	112,8	119,7	113,5
2.114,6	4.301,1	1.649,4	3.350,7	119,2	109,8	122,1	113,1
31.117,8	—	23.575,3	—	114,5	—	112,2	—
2.957,0	—	2.280,5	—	121,5	—	124,4	—
2.237,4	—	1.690,9	—	106,1	—	105,7	—
2.090	—	2.116	—	105,8	—	106,1	—
2.155,5	4.052,4	1.630,8	3.062,0	112,5	105,1	113,9	106,8
28.59	64,84	88,59	65,10	113,1	110,5	112,4	110,5
14,6	17,6	14.0	17,0	100,7	105,4	98,6	103,7
657,3	1.490,8	484,6	1.102,3	119,7	116,9	169,3	117,3
4.300,2	7.856,5	3.117,1	5.730,3	126,6	119.5	129,6	123,3
712,4	1.105,4	392,1	608,3	111,9	110,4	91,8	91,0
3.587,8	6.751,1	2.725,0	5.122,0	129,9	121,1	137,8	128,7
—	7.698,9	—	5.649,3	—	119,4	—	119,6
—	559,4	—	396,0	—	90,0	—	83,9
—	682,6	—	503,1	—	130,4	—	135,6
—	— 123,2	—	— 107,1	—	—	—	—
—	1,172	—	1,211	—	111,3	—	114,6

Продолжение листа 3

Основные кон'юнктурные показатели	Итог за период, или в среднем за период			
	Всего за 11 мес. 1926/27 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1926/27 хоз. года	
	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современн. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.
Грузооборот				
Средняя суточн. погрузка ж. д. (в тыс. вагон.)	26,7	—	27,2	—
Госбюджет				
Доходы СССР по госбюджету (в млн. руб.)				
Все доходы	2.488,9	4.436,3	1.867,2	3.313,3
В том числе: без НКПС и НКПиТ	1.673,2	2.981,4	1.257,6	2.231,7
В том числе: от НКПС и НКПиТ	815,7	1.454,9	609,6	1.081,6
	Аккумулятивные 1926/27 г.			
Общесоюзные индексы цен				
Оптовых цен ЦСУ СССР (1913 г. = 1,000)				
Общий	1,00	1,783	1,00	1,774
Сельскохозяйственный	0,89	1,579	0,89	1,571
Промышленный	1,13	2,012	1,13	2,004
Раствор „ножниц"	1,27	1,27	1,28	1,28
Розничных цен КИ НКФ част. торг. новый (1913 г. = 1,000)				
Общий	—	—	1,00	2,27
Сельскохозяйственный	—	—	0,89	2,03
Промышленный	—	—	1,08	2,46
Раствор „ножниц"	—	—	1,21	1,21
Бюджетный индекс ЦБСТ по взвешенным ценам (набор 1926 г.)				
Общий (40 товар.)	—	2,053	—	2,053
Общий неполн. (33 товар.)	1,00	2,193	1,00	2,185
Сельскохозяйственный	0,96	2,101	0,96	2,103
Промышленный	1,07	2,338	1,06	2,314
Раствор „ножниц"	1,11	1,11	1,10	1,10
Денежное обращение и кредит				
Денежная масса (в млн. руб.)	721,6	1.289,3	741,5	1.319,7
Специальные средства „ „	300,9	535,9	319,8	566,9
Коммерческие вкл. по 5 банкам „ „	507,9	904,8	535,0	949,1
Вкл. НКФ по Госбанку „ „	223,0	397,3	236,3	419,3
Всего вкл. и тек. сч. по 5 банк. „ „	730,9	1.302,1	771,3	1.368,4
Краткосрочн. кредит (с хлебн.) „ „	1.365,4	2.433,3	1.425,2	2.528,4
Долгосрочн. кредит по 4 банкам „ „	374,4	666,8	398,1	705,6
Всего кред. операц. по 5 банк. „ „	1.739,8	3.100,1	1.823,3	3.234,0

Итог за период, или в среднем за период				Итог за период, или в среднем за период			
Всего за 11 мес. 1927/28 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1927/28 хоз. года		Всего за 11 мес. 1927/28 с.-х. года		Всего за 8 мес. 1927/28 хоз. года	
По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.	По дов. ценам или в натур. измерен.	По современ. ценам в черв. выражен.
30,4	—	30,7	—	113,8	—	112,8	—
3.210,2	5.486,4	2.408,6	4.112,6	128,9	123,7	128,9	124,1
2.226,7	3.803,9	1.677,1	2.863,7	133,0	127,6	133,3	128,3
983,5	1.682,5	731,5	1.249,0	120,5	115,6	119,9	115,4
итоги (в среднем за период) 1927/28 г.				1927/28 г.			
1,00	1,709	1,00	1,708	100	95,8	100	96,3
0,91	1,553	0,91	1,553	102	98,4	102	98,9
1,10	1,881	1,10	1,878	97	93,5	93	93,7
1,21	1,21	1,21	1,21	95	95	95	95,0
1,00	2,34	1,00	2,36	—	—	100	104,0
0,97	2,26	0,97	2,30	—	—	109	113,3
1,02	2,39	1,02	2,41	—	—	94	98,0
1,06	1,06	1,05	1,05	—	—	87	87,0
—	2,027	—	2,041	—	98,7	—	99,4
1,00	2,140	1,00	2,156	100	97,6	100	98,7
0,99	2,124	1,00	2,148	103	101,1	104	102,1
1,01	2,163	1,01	2,167	94	92,5	95	93,6
1,02	1,02	1,01	1,01	92	92	92	92
919,8	1.570,9	937,5	1.600,5	127,4	121,8	126,4	121,2
600,7	1.026,1	654,4	1.118,8	199,6	191,4	204,6	197,3
543,2	928,0	546,2	932,5	106,9	102,5	102,0	98,2
244,5	417,5	260,6	444,9	109,6	105,0	110,2	106,1
787,7	1.345,5	806,8	1.377,4	107,7	103,3	104,6	100,6
1.743,6	2.978,2	1.784,8	3.047,3	127,7	122,3	125,2	120,5
748,5	1.278,6	810,6	1.384,2	199,8	191,8	203,6	196,2
2.492,1	4.256,8	2.595,4	4.431,5	143,2	137,3	142,3	137,0

контрольными цифрами, в виду невыполнения промфинплана, материалы крайне неравномерно распределялись как по районам, так и по предприятиям, что вызывало во многих случаях обострение недостатка их; рабочая сила вовлекалась неорганизованно, и общий прирост рабочих ниже того, который должен был иметь место в соответствии с предположенным ростом строительства (при массовом стечении рабочих в отдельных местах наблюдался резкий рост безработных строительных рабочих). Понижение цен на стройматериалы произведено в недостаточном размере и сопровождалось ухудшением качества материалов и увеличением дальности перевозок.

В течение мая месяца расширение строительства имело место, но в темпе, не соответствующем планам.

Неподготовленность к строительству, недостаточное развитие и слабая организация строительного рынка выяснились с полной очевидностью. В виду этого, ход выполнения плана строительства вызывает тревогу, как по материальному об'ему его, так в особенности по качеству материалов и стоимости.

Таким образом, мы вплотную подошли к вопросу о перспективах. Помимо строительных перспектив, базой нашего хозяйственного бытия будет служить урожай с.-х. культур, и прежде всего—хлебных. По опубликованным видам на урожай, если суммировать все культуры и все районы, мы очевидно получим сбор выше прошлого года процентов на 10,4%.[1] Но, во-первых, эта оценка дается очень рано, к моменту окончательного сбора она может уменьшиться, судя по довоенному опыту, весьма существенно, почти на весь этот прирост сравнительно с п/годом; во-вторых, виды на урожай продовольственных хлебов ниже прошлого года и главная масса хлеба будет на восток от Волги, где ее труднее заготовлять и вывозить, а нужда в привозном хлебе потребляющей полосы резко увеличится, т.-е. почти удвоится — вместо 1.666 тыс. тонн будем иметь 3.332 тыс. тонн. Далее необходимо иметь в виду, что урожай запаздывает и что следовательно мы будем иметь продовольственное затруднение и в июле и в первой половине августа, а возможно и еще дальше.

Темп промышленной продукции в IV квартале при самых благоприятных условиях все-таки даст понижение в абсолютном выражении против III квартала. Но благодаря тому, что спрос на промтовары в виду указанных условий урожая и развития мелкой промышленности и замедленного строительства даст слабый прирост против прошлого года, а продукция промышленности между тем

[1] Виды на урожай всего поля на 15/VI 1928 г. выразились в 117% среднего сбора, тогда как в прошлом году соответствующий показатель был равен 106%; но при этом показатель озимого поля равнялся 99%, тогда как в прошлом году он достигал цифры 118%; яровое поле, наоборот, в этом году оценивается гораздо выше прошлогоднего, а именно: оно характеризуется цифрой 127% среднего сбора, тогда как в прошлом году мы имели 98%. В озимое поле входят преимущественно продовольственные хлеба, в яровое—кормовые.

даст резкий прирост против соответствующего квартала прошлого года, когда она была очень снижена,— мы можем ожидать равновесия спроса и предложения на рынке промтоваров, особенно учитывая накопившиеся запасы товаропроводящей сети в трестах и в синдикатах. Лишь по отдельным товарам будет резко выраженный дефицит, как-то: растительное масло, шерстяные ткани и кожевенные товары, в виду почти полного прекращения мелкого производства (см. доклад т. Молотова на пленуме МК).

Общие выводы

Анализ хозяйственных процессов в истекшем с.-х. году говорит нам о том, что наш замысел, наш народнохозяйственный план, который мы проектировали в контрольных цифрах, осуществляется при двух существенных, имеющих не частное, а общее значение, исключениях, а именно: в хлебозаготовках и хлебоснабжении, а следовательно, и в хлебоэкспорте, а также и в вопросе о размерах стоимости и качества строительства.

Причинами недовыполнения этих планов являются: 1) отставание зернового хозяйства от остальных отраслей народного хозяйства; 2) неправильное сбалансирование спроса и предложения в самом народнохозяйственном плане: мы выдали векселей на большую сумму, чем могли их материально покрыть суммой ценности промышленной продукции. Денежный спрос со стороны пролетариата и крестьянства превзошел сумму ценности реализуемых нами промышленных товаров.

В области строительства точно так же об'ему строительства, задуманного нами, не соответствовала продукция строительных материалов. Контрольные цифры заранее предвидели дефицит и, тем не менее, строительные программы были утверждены в повышенном размере. Идея баланса спроса и предложения, идея пропорциональности развития отдельных элементов народного хозяйства не нашла достаточного воплощения в народнохозяйственном плане прошлого года, и основной директивой для выработки будущих контрольных цифр таким образом является директива осторожного соизмерения спроса и предложения с одной стороны, а с другой стороны — соответствия производства строительных материалов и подготовки необходимых организационных условий строительным программам.

Особое место занимает проблема развития зернового хозяйства. Нужно предпринять экстренные меры для развития посевных площадей и под'ема урожайности как колхозов и совхозов, так и всего массового индивидуального хозяйства. Необходимо пересмотреть цены на хлеб в сторону более правильного соотношения их с ценами на другие продукты сельского хозяйства и с ценами на промтовары, но при этом особенно необходимо решить задачу соответствия друг другу ценности обмениваемых товарных масс.

С. Зак

Сезонная организация рынка как плановая проблема

I

В переходное время, на стадии товарно-денежных отношений, которые охватывают собою не только разрозненного потребителя и индивидуалистическое производство, но и производства обобществленные, находящиеся на „хозрасчете", — на этой стадии переходного времени одной из труднейших проблем регулирования народного хозяйства является организация рынка. Об этой проблеме не перестают у нас говорить с первых дней нэпа. Но к ней подходят односторонне и поэтому она остается до сих пор неразрешенной. Когда мы говорим о „товарном голоде", о разрыве между двумя товарными потоками — индустриальным и сельскохозяйственным, либо о недостаточном „завозе" в деревню промтоваров, мы, конечно, говорим об организации рынка, но затрагиваем проблему только с одной стороны, которая не только не приближает, но удаляет нас от мероприятий, необходимых в условиях планируемого народного хозяйства. Все внимание сосредоточивается на недостатке товаров. Заготовки идут плохо потому, что деревня слабо снабжается товарами, что промышленность не удовлетворяет всего платежеспособного спроса деревни, что без правильного учета планируется развитие производства предметов широкого потребления. Допустим, однако, что этот „грех" нашего планирования устранен, что производство предметов широкого потребления, вообще, и крестьянского спроса, в частности, будет доведено до необходимых размеров, — разрешит ли это одно проблему организации рынка, его построения в соответствии с требованиями планируемого народного хозяйства, получится ли правильная, здоровая, бесперебойная увязка между двумя товарными потоками, между спросом и предложением вообще, будет ли обеспечено то, что называется равновесием рынка? Поставим вопрос конкретнее. Настоящий год ознаменовался у нас серьезными затруднениями в области заготовок хлеба, льна, маслосемян. Доказано ли, что причиной тут был недостаток промтоваров, произведенных для деревни, а не то обстоятельство, что, стоя на почве планирования народного хозяйства, действительно планируя важнейшие участки последнего, мы рынок, как таковой, оставляем на жертву стихий? Мы регулируем цены, которые служат одним из факторов построения рынка. Однако, действительная в ряду других мероприятий, эта мера, взятая

изолированно, не только не регулирует рынка, но еще более его затрудняет. Не в том только дело, что в политике цен мы делаем те или другие ошибки; даже самые ошибки, которые мы делаем в политике цен, об'ясняются не незнанием нашим, а изолированностью этой меры построения рынка. То же самое следует сказать о нашей „завозной" политике. Она строится, конечно, без серьезной базы, которую может дать только общеторговое планирование, о чем уже была речь на страницах нашего журнала. Но и прекрасно поставленная „завозная" политика эффективна только в соответственной рыночной обстановке, которая в условиях товарно-денежных взаимоотношений сама не создается. Неравновесие рынка, даже при равновесии и производства и потребления, точнее — при равновесии спроса и предложения, взятых в годовом масштабе, годовых итогах, органически связано с товарно-денежными отношениями, и для разрыва этой связи, для ее трансформирования в соответствии с требованиями планируемого народного хозяйства требуются определенные действия.

Одной из причин капиталистических кризисов Маркс считает „распадение покупки и продажи". Это распадение представляет собою отличительную особенность товарно-денежного хозяйства. „При непосредственной меновой торговле главная часть производства направляется производителем на удовлетворение его собственных потребностей или, при несколько большем развитии разделения труда, на удовлетворение известных производителю потребностей других производителей". При товарно-денежном хозяйстве эта определенность того, кем товар будет потреблен, отпадает. Один производитель должен продать свой товар за деньги, чтобы за деньги же мог его приобресть другой производитель, продавший свой товар за деньги в другом месте и в другое время. Создается известная трудность, которая заключается в том, что „тот, кто продал и, следовательно, обладает товаром в форме денег, вовсе не обязан тотчас же покупать снова, не обязан тотчас же превращать деньги снова в особый продукт индивидуального труда... Трудность продажи... происходит только от той легкости, с которой покупатель может отсрочить обратное превращение денег в товар".

Суть, конечно, не в тех или других желаниях покупателя и продавца. Суть в том, что товарно-денежный обмен предопределяет разрыв между покупками и продажами. Потребление не распределяется на протяжении года равномерно. Оно идет по линии сезонных колебаний. Общая сумма потребительских расходов на покупку товаров колеблется по частям года, при чем по частям года не одинаков и самый характер товарных приобретений: в одни месяцы усиливается спрос на одни товары, в другие спрос усиливается на другие товары. При этих сезонных колебаниях в спросе получался бы разрыв между ним и предложением товаров и в том случае, если бы последнее распределялось равномерно на протяжении года.

Фактически же и предложение товаров подчинено сезонным колебаниям, при чем эти сезонные колебания обусловливаются своими собственными причинами, не корреспондирующими с причинами сезонных колебаний в потреблении. В итоге получается перманентный разрыв между спросом и предложением, разрыв, сохраняющий свою силу даже тогда, когда в годовом масштабе об'ем спроса в полной мере совпадает с об'емом предложения: товарный „голод" в тот или другой момент года может быть и при товарном обилии в годовых итогах, и наоборот при годовой недостаче товаров могут быть временные их излишки. Если планирование не охватывает охарактеризованных колебаний, оно не ведет борьбы с перманентным неравновесием рынка.

Но в какой мере сезонные колебания в спросе и предложении важны, чтобы быть предметом специального внимания планирующей политики? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на основных моментах, вызывающих при товарно-денежном обмене разрыв между спросом и предложением. Это тем более необходимо, что анализ условий, создающих перманентность рыночного неравновесия, даст возможность выявить пути, по которым можно пойти для борьбы с ним.

II

Начнем с сезонных колебаний в предложении товаров.

Производство распадается на отрасли непрерывные и сезонные. Земледелие представляет собою наиболее ярко выраженный тип сезонного производства. Урожай собирается у нас раз в году. Правда, в разных частях СССР он собирается в разное время. Но сбор разных земледельческих культур растягивается максимум на 5—6 месяцев, и легко себе представить, какое действие оказывало бы на рынок появление на нем всей товарной части продукции земледелия тотчас же после ее уборки. В действительности реализация урожая происходит в другом порядке. Тем не менее, рынок снабжается земледельческими продуктами неравномерно. Для 1925/26 г. отчет Хлебопродукта отмечает исключительный факт, что заготовка растянулась на протяжении года „более или менее равномерно". Это выразилось в том, что из общего количества поступившего в 1925/26 г. в распоряжение Хлебопродукта хлеба в сентябре 1925 г. было заготовлено 14,5%, в августе — 10,8% в октябре — 10,2%, в феврале 1926 г. — 10,1%, в декабре 1925 г. — 9,5% и в январе 1926 г. — 8,7%, всего за шесть месяцев, т.-е. за половину года, когда рынок должен удовлетворить около 50% годового спроса на хлеб, Хлебопродуктом выполнено было 63,8% своей годовой заготовки. И это, действительно, был ход заготовки исключительный по своей равномерности, так как в 1924/25 г. в наиболее интенсивное полугодие было заготовлено 69% полученного Хлебопродуктом за весь год хлеба, а в 1923/24 г.— 70,3%. В 1926/27 г. хлебный грузооборот распределялся по кварталам так (в %% к годовому итогу):

	Железные дороги	Водные пути
Октябрь — декабрь 1926 г.	37,6	33,7
Январь — март 1927 г.	27,0	27,1
Апрель — июль 1927 г.	17,8	19,2
Июль — сентябрь 1927 г.	21,6	20,0
Всего	100,0	100,0

Разумеется, ни движение заготовок Хлебопродукта, ни движение грузовых перевозок в полной мере не отражают календарной картины появления хлеба на рынке: значительные количества хлеба поступают у нас на рынок независимо от Хлебопродукта, а движение хлебных грузов не всегда совпадает с движением хлеба в торговом обороте, не говоря о том, что значительную роль у нас играют гужевые перевозки и перевозки неучитываемого грузовой статистикой мелкого водного транспорта. Более правильную картину календарного поступления хлеба на рынок дают помесячные отчуждения хлеба крестьянским хозяйством. Интересный материал по этому вопросу дают публикуемые ЦСУ с прошлого года помесячные бюджеты его вольных корреспондентов. По трем наиболее хлебопроизводительным районам данные эти рисуют картину продаж на 1 члена продающей семьи (пудов):

	ЦЧО	Станицы Сев. Кавказа	Юго-западная Сибирь
Максимальный месяц	3,88	13,31	8,03
Минимальный	0,86	1,16	1,32
Во сколько раз максимум больше минимума	4,5	11,5	6,1
4 месяца максим. продажи в %% к годовому итогу	52	59	55

Высокая амплитуда помесячных продаж, с одной стороны, и отчуждение в четыре месяца больше половины всех годовых продаж хлеба — с другой, определяют календарный характер выбрасывания крестьянами хлеба на рынок в главных наших хлебопроизводящих районах.

До сих пор мы говорили о сезонном строении снабжения рынков сельскохозяйственными продуктами, сохранение которых не представляет особенных затруднений. У земледельца имеются все возможности равномерно выбрасывать на рынок и хлеб, и лен, и хлопок на протяжении всего года, и тем не менее, если в одних странах реализация урожая нескоропортящихся продуктов производится быстрее, а в других — медленнее, то везде она сильно окрашена в сезонный цвет, хотя и отличный от сезонного цвета, в который окрашено производство указанных продуктов. Иначе обстоит со скоропортящимися продуктами сельского хозяйства. Произведения огородничества и садоводства выбрасываются в СССР на рынок тотчас же после их созревания. Хозяйство редко сохраняет их у себя на более или менее продолжительный срок. Поэтому в СССР летом

и ранней осенью рынки завалены фруктами и зеленью, в то время как в остальные части года рынок располагает только теми фруктами и зеленью в сыром виде, сохранение которых организуется в самом процессе товарообращения. Американский фермер проявляет в отношении фруктов и зелени больше инициативы в смысле регулирования снабжения ими рынков, хотя сезонные колебания рынка имеются и в Соед. Штатах. Судя по доставкам в города (других сведений не имеется), весь урожай, например, яблок поступил в 1925/26 г. в товарообращение в следующих долях (в %%):

Июль — сентябрь	22,1	Январь — март	15,1
Октябрь — декабрь	56,8	Апрель — июнь	6,0

Картофеля в Соед. Штатах поступило в первый квартал 1925/26 г. на рынок 28,9%, во второй — 31,7%, третий — 26,3% и четвертый — 13,1%.

Переходя к сельскохозяйственным продуктам животного происхождения, остановимся, прежде всего, на мясе. Наши заготовки мяса отлились как-будто в определенную, устойчивую сезонную систему. В отношении к годовому итогу заготовки по РСФСР составляли (в %%):

	I кварт.	II кварт.	III кварт.	IV кварт.
1925/26	29,4	21,8	17,0	31,8
1926/27	29,5	21,8	17,0	31,7

Вообще говоря, условия производства не препятствуют устойчивой системе в снабжении рынков мясом на базе значительной сезонной равномерности. Аналогичную нашим заготовкам картину, о еще более устойчивую, дает прохождение убойного скота через инспекторский надзор в Соед. Штатах, как показывает следующая таблица (в %% к годовому итогу за 1925/26 г.):

	Взрослый скот	Телята
Июль — сентябрь	25	25
Октябрь — декабрь	28	25
Январь — март	23	24
Апрель — июнь	24	26

В Соед. Штатах, следовательно, мы видим почти равномерное поквартальное снабжение мясом рынков. Незначительны здесь и помесячные колебания. Разница между максимальным и минимальным месяцами по взрослому скоту составляет в Соед. Штатах всего лишь 35%, а по телятам — 22%. Однако, посезонное движение мясных заготовок в СССР не отражает в себе фактической картины реализации мясной продукции деревней. Бюджеты вольных корреспондентов ЦСУ дают такую выручку крестьянского хозяйства от продажи скота (в рублях на одно хозяйство):

1926 г.	РСФСР	УССР	1926 г.	РСФСР	УССР
Май	4,13	10,38	Сентябрь .	6,05	7,55
Июнь	5,19	8,81	Октябрь .	8,39	9,42
Июль	3,64	7,63	Ноябрь .	7,84	9,30
Август	4,71	7,55	Декабрь .	8,51	10,65

Особенно велики колебания в РСФСР, где максимальный месяц превышает в два раза минимальный месяц; сравнительное благополучие дает УССР. По районам РСФСР процентная разница между максимальным и минимальным месяцами была:

Центр.-Землед.	88
Юго-Зап. Сибирь	83
Северо-Запад	80
Центр.-Промышл.	78
Северо-Кавказск. степь	67

В отличие от мяса заготовки масла и яиц носят у нас напряженно сезонный характер. С поздней осени до ранней весны заготовка яиц сводится к ничтожному минимуму, выражавшемуся (от ноября по март включительно) в 3,74% в 1925/26 г. и в 2,15% в 1926/27 г. Что же касается сезонных месяцев, то тут мы видим хаотические колебания заготовок, лишенные всякой связи с укладом хозяйства. Максимальный месяц 1926/27 г., май, дал 25,5% всех годовых заготовок яиц, между тем как в 1925/26 г. максимальным месяцем был сентябрь, который дал 19,5% заготовок, несколько менее того, что в 1926/27 г. было заготовлено в июне (19,8%); до августа заготовки яиц в 1926/27 г. вообще шли интенсивнее 1925/26 г.; в августе и сентябре большую интенсивность проявил 1925/26 г.

III

В индустрии также имеются отрасли с ярко выраженной сезонностью производства, предопределяющей и сезонность сбыта. В довоенной России сахаро-песочные заводы работали в среднем около 70 дней в году, а рафинадные — около 200 дней. Как тогда поступал сахар на рынок, можно судить по сделкам на основной сахарной бирже, киевской. В 1909 г. на киевской бирже всего было заключено сделок на 600 тыс. тонн сахара и из этого количества 456 тыс. тонн или 76% пришлись на 5 месяцев (август — декабрь), на которые выпадал сезон сахарного производства. Сезонность сахарного производства сохранилась, разумеется, и в СССР. В 1925/26 г. сахаро-песочные заводы СССР дали „необычную продолжительность работы“ которая выразилась в 4—5 месяцах; рафинадное же производство „началось в конце сентября 1925 г. и закончилось в мае 1926 г.“. На оптовый рынок сахар СССР почти не попадает, так как Сахаротрест снабжает розницу сахаром через свои собственные склады, так что видимые колебания в снабжении рынка сахаром отражают в себе лишь колебания в сахарном потреблении.

Однако, основной массив индустрии по техническим условиям своего производства ни с какими сезонами не связан. Отсюда все-таки не следует, что его производство не знает календарных колебаний. Более или менее удовлетворительной помесячной статистики индустрии СССР не имеет; ЦСУ прорабатывает материалы о цензовой промышленности только по официальным кварталам, в которых

до известной степени нейтрализуются особенности календарной динамики. Тем не менее, и в поквартальном разрезе картина не лишена интереса. В процентах к годовому итогу продукция цензовой промышленности СССР распределялась в 1926/27 г. таким образом:

	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
Сезонные отрасли	40,4	25,3	16,0	18,3
Непрерывные отрасли	25,4	24,7	25,0	24,9
Производ. предм. широк. потребления	30,8	24,7	22,3	22,2
По СССР в целом	28 8	24 8	23,0	23,4
По РСФСР в целом	26,4	25,2	24,3	24,1
По УССР в целом	36,2	22,5	19,2	22,1
По районам РСФСР:				
Центр.-Промышл.	26,1	25,0	25,1	23,8
Северо-Западн.	25,2	24,7	24,3	25,8
Уральский	24,8	26,0	25,1	24,1
Центр.-Черноземн.	36,9	25,7	18,4	19,0
Нижне-Волжский	27,0	28,5	23,6	20,9
Сев.-Кавказский	29,0	24,2	22,7	24,1

Сезонные производства связаны у нас, главным образом, видами сельскохозяйственного сырья, долгое сохранение которого требует больших расходов и сопряжено со значительными убытками, вследствие ухудшения качества и т. п. Поэтому главная продукция этих производств приходится на осенние и зимние месяцы. Что касается поквартальных колебаний в УССР и сельскохозяйственных районах РСФСР, то они об'ясняются превалированием здесь сезонных производств. Технических причин для сезонных колебаний нет в непрерывных производствах. Тем не менее, и здесь мы видим периоды более высокой и более низкой продукции, налагающие свою печать как на всю промышленность РСФСР, так и на промышленность наиболее индустриальных ее районов. Все отмеченные особенности республик и районов синтезируются в итогах по СССР в целом и дают картину постепенного сжимания производства от первого квартала к третьему, с незначительным под'емом в четвертом квартале, который, вероятно, должен быть отнесен на сентябрь. И это особенность промышленности не одного только СССР. В других странах имеются другие календарные сроки повышения и понижения индустриальной производительности и другие амплитуды, но те или другие колебания имеются везде. Пользуясь данными ценза 1920 г., мы получили следующее помесячное движение продукции в непрерывных производствах Соед. Штатов (продукция среднего месяца принята за 100):

Январь	99,2	Апрель	94,4	Июль	101,0	Октябрь	102,0
Февраль	96,2	Май	95,1	Август	102,7	Ноябрь	103,6
Март	96,4	Июнь	98,6	Сентябрь	103,7	Декабрь	105,2
Квартал	97,3	Квартал	96,7	Квартал	102,4	Квартал	103,6

Табличка показывает, что производственный год в непрерывной промышленности Соед. Штатов распадается на две определенно отличающиеся друг от друга половины. В январе производство не далеко от среднего месячного, февраль дает резкое сокращение, которое едва выправляется в марте, чтобы вновь углубиться в апреле; май благоприятнее апреля, но хуже предыдущих двух месяцев; значительное улучшение дает июнь, но он ниже января. Вторая половина года начинается с улучшения сравнительно не только с январем, но даже с средне-месячным производством; улучшение с большой постепенностью развивается из месяца в месяц, пока не выражается в сильном скачке для декабря. Если перекроить календарный год промышленности Соед. Штатов на наш официальный год, получится такое поквартальное распределение годовой продукции непрерывной промышленности Соед. Штатов сравнительно с СССР:

	Соед. Штаты	СССР
I квартал	25,8	25,4
II „	24,3	24,7
III „	24,2	25,0
IV „	25,6	24,9

В СССР колебания менее резкие, чем в Соед. Штатах, и поквартально они располагаются несколько иначе, но в общем и целом существенных расхождений нет.

Однако, до сих пор мы имели дело с непрерывной промышленностью в целом, а в общих итогах разные колебания в разных отраслях до известной степени нейтрализуют друг друга, выпадая на разные календарные сроки. Картина получится более яркой, если остановиться на отдельных отраслях непрерывной промышленности. В 1910 г. средняя помесячная выплавка чугуна в России равнялась 257 тыс. тонн, при выплавке в минимальном месяце (август) в 230 тыс. тонн или 89% средней выплавки, и в максимальном месяце (декабрь) —17.693 тыс., или 114%; разница между минимальным месяцем и максимальным составила 22%. В СССР заготовлялось прокатного материала за средний месяц 1927 г. 236,8 тыс. тонн; в минимальном же месяце (июль) заготовлено было 186,7 тыс. тонн, или 79% средней заготовки, а в максимальном (декабрь)—275,8 тыс. тонн, или 116%; разница между максимумом и минимумом — 32%. Синдицирование, с одной стороны, и экспортная политика—с другой, давали возможность довоенной Германии держать свою тяжелую индустрию в наиболее устойчивом состоянии. Тем не менее, в 1913 г. разница между месяцами максимальной и минимальной выплавки чугуна составила 10%, при 17% в 1912 г. и 15% в 1911 г. В послевоенное время в разных странах разница между максимальным и минимальным месяцами выплавки чугуна выражалась (в %%):

	1925	1926	1927
Бельгия	43	58	9
Швеция	35	23	33
Германия	28	41	16
Соед. Штаты	25	16	24
Франция	15	15	11

В Англии, после 27% разницы в 1925 г., в 1926 г. в связи с забастовкой в угольной промышленности выплавка чугуна сократилась в 40 с лишком раз; в 1927 г. разница между крайними месяцами свелась к 40%.

В добыче каменного угля разница крайних месяцев в довоенное время давала (в %%):

Годы	Германия	Россия
1908	16	53
1909	13	28
1910	14	46
1911	13	52
1912	20	30

Для послевоенных лет разница крайних месяцев была:

	1925	1926	1927		1925	1926	1927
Бельгия . .	18	43	10	Англия . .	37	Забаст.	16
Германия .	21	34	16	Чехо-Словак.	38	80	22
Франция .	35	28	13	Соед. Штаты	44	40	42
Польша . .	36	70	30	СССР . . .	46	35	25

Не менее неравномерно распределяется производство в отдельных отраслях легкой индустрии. Для хлопчатобумажной промышленности Соед. Штатов мы имеем цифры процентной разницы крайних месяцев:

	1925	1926	1927
По обработке хлопка . .	25	28	22
По числу веретен. час. .	19	26	17

В СССР выработка хлопчато-бумажного суровья в %% к средне-месячной составляла:

	1925/26	1926/27		1925/26	1926/27
Октябрь . . .	74	66	Апрель	95	95
Ноябрь	104	99	Май	102	100
Декабрь . . .	120	110	Июнь	102	103
I кварт. . . .	99	92	III кварт. . . .	100	100
Январь	100	104	Июль	108	100
Февраль . . .	93	106	Август . . .	84	109
Март	102	103	Сентябрь . . .	108	103
II кварт. . . .	100	104	IV кварт. . . .	102	104

В СССР поквартально почти выравнивается продукция, но помесячно она дает большие колебания, достигавшие для крайних месяцев в 1925/26 г. 22% и в 1926/27 г.—37%.

Перечисленными примерами мы ограничим иллюстрацию неравномерности на протяжении года предложения товаров. Узко сезонный характер сельскохозяйственной продукции в отдельных случаях ослабляется задержанием той или другой ее части в хозяйстве. То же самое имеет место в сезонных отраслях индустрии. Однако, не говоря о том, что наличие потенциального предложения не проходит без влияния на рынок, и само маневрирование в деле превращения потенциального предложения в фактическое не выходит из определенных границ, так что само фактическое предложение располагается на протяжении года с большой неравномерностью. Столь сильных перебоев, которые дают сезонные производства, нет в непрерывных производствах; тем не менее, в тех или других пределах и здесь месяцы низкого и среднего предложения товаров чередуются с месяцами высокого и весьма высокого предложения.

IV

Как реагирует рыночный спрос на обрисованное нами календарное строение товарного предложения? Если бы неравномерность снабжения рынков товарами соответствовала бы календарному строению потребления, то равновесие рынка, понятно, не нарушалось бы. В действительности, однако, если и в потреблении имеются серьезные сезонные колебания, то они идут по совершенно иному пути, чем не только производство, но и предложение товаров. Сахарная промышленность Германии имеет наилучшие возможности маневрировать своим предложением. И она в самом деле маневрирует им. Производя всю годовую продукцию сахара в три месяца (октябрь, ноябрь и декабрь), она в эти три месяца выпускает на рынок всего лишь 26,3% годового потребления сахара. Но характерно, что в среднем в сезон производства выпускалось в 1926/27 г. ежемесячно на рынок 1.227 тыс. дв. центн. сахара, между тем как, если не считать месяцев наиболее высокого потребления сахара (июль — сентябрь, сезон всяких фруктовых варений и т. п.), то средний ежемесячный выпуск на рынок составит для того же года 1.089 тыс. дв. центн., т.-е. в месяцы производства снабжение рынков превышает требование нормального потребления на 11 с лишком процентов. Если такой разрыв между спросом и предложением характеризует сахарный рынок Германии, то легко себе представить, как учитывается потребление на других рынках, менее организованных.

Производственное потребление подвергается, понятно, календарным колебаниям, свойственным отраслям, потребляющим, а не производящим сырье и т. п. средства производства. В этом отношении наиболее связаны между собою выплавка чугуна и добыча каменного угля, и все-таки между той и другой происходят постоянные разрывы. Так, на 10 единиц выплавки чугуна добывалось единиц каменного угля:

	СССР 1927	Германия 1926		СССР 1927	Германия 1926
Январь	108	162	Июль	131	170
Февраль . . .	115	168	Август	114	152
Март	115	159	Сентябрь . . .	102	146
Апрель	108	151	Октябрь . . .	112	144
Май	113	145	Ноябрь	116	137
Июнь	108	163	Декабрь . . .	114	130
Процент разницы крайних месяцев . . .				22	24

Если так колеблется связь между выплавкой чугуна и добычей каменного угля, то потребление последнего другими отраслями промышленности еще менее гармонирует с его добычей. Отметим, для примера, что и в СССР и в Германии на три последних месяца года приходится все сахарное производство, между тем не только в эти три месяца мы не видим в Германии усиленной добычи каменного угля, но ее нет и в предыдущие два месяца. Тем сильнее разрыв между обработкой и добычей в отношении сельскохозяйственного сырья. Иллюстрировать этот факт нет надобности: он ясен сам собой. Но необходимо отметить разрыв, существующий между потреблением промышленностью сырья и его поступлением в товарооборот. Как увязывается на рынке потребление хлопка со снабжением, показывает календарное движение так называемых „видимых запасов", т.-е. хлопка, так или иначе освоенного товарообращением, но не поступившего еще в потребление. Как общее явление, от августа по январь на мировых рынках идет нарастание видимых запасов хлопка, что говорит о том, что потребительский (со стороны промышленности) спрос на хлопок не может угнаться за предложением. С февраля начинается убывание видимых запасов, т.-е. спрос идет впереди предложения, но так как и последнее развивается за счет перехода в видимые невидимых запасов, выбрасываемых на рынок фермерами, то разгрузка рынка происходит с большой постепенностью. Если видимые запасы американского хлопка в январе 1927 г. принять за 100, то для следующих месяцев получатся такие показатели: для февраля — 95, марта — 88, апреля — 79 мая — 69, июня — 60 и июля — 47. В отношении мирового потребления в январе 1927 г. мировые видимые запасы всех хлопков давали обеспечение на 6 месяцев: в феврале — на 5,7, в марте — на 5,4 в апреле — на 4,9, в мае — на 4,4, в июне — на 3,8 и в июле — на 3,2 месяца. Так как фабрики обыкновенно держат у себя полутора-двухмесячный запас, то к началу поступления нового хлопка еще обращалось в 1927 г. на рынке не менее месячного его мирового потребления.

Аналогичную картину календарной неувязки дают в СССР заготовка льна, с одной стороны, и его сдача промышленности и на экспорт — с другой. Для 1926/27 г. мы имеем такие цифры (в тыс. тонн):

	Заготовка	Сдано промышл.	Экспорт	Весь расход заготовки льна	% заготовки
I квартал . .	62,87	25,73	7,84	33,57	53,4
II „ . .	36,18	36,09	20,01	56,10	155,1
III „ . .	16,09	15,47	5,72	21,19	131,7
IV „ . .	7,63	10,25	1,02	11,27	147,7

Потребление льна в I квартале сняло с рынка только половину освоенного рынком при посредстве плановой заготовки количества; образовавшиеся таким образом видимые запасы постепенно рассасывались в следующие кварталы, когда освоение рынком невидимых запасов льна шло слабее, чем требовало потребление (промышленность и экспорт).

Не меньшее значение имеет самодовлеющее календарное строение личного потребления. Изучением личного потребления вообще мало занимались, и неудивительно, что слабо изучено календарное его строение. В этом отношении и то, что мы имеем в СССР, ставит его в исключительное положение. Всего слабее подвергается колебаниям питание населения. Тем не менее, для рынка и они важны. Обследования питания дают такие сезонные колебания потребления на душу сельского населения СССР для 1924/25 г. (осеннее потребление принято за 100):

	Осень	Зима	Лето
Потребляющая полоса			
Хлеб	100	94,5	100,1
Мясо	100	144,4	50,4
Сало	100	187,0	113,0
Сахар	100	125,0	90,0
Производящая полоса			
Хлеб	100	97,6	96,4
Мясо	100	102,1	63,2
Сало	100	165,2	113,0
Масло раст.	100	172,2	88,9
Сахар	100	209,1	236,4

Определенная сезонность сказывается и в питании городского населения. В том же 1924/25 г. обследование питания в городах дало следующие сезонные изменения:

	Октябрь	Февраль	Июнь		Октябрь	Февраль	Июнь
Рабочие				Служащие			
Хлеб	100	102,2	106,0	Хлеб	100	97,6	97,7
Мясо	100	109,2	84,0	Мясо	100	109,8	89,6
Сало	100	143,5	187,0	Сало	100	144,4	72,2
Масло раст.	100	97,7	75,0	Масло раст.	100	111,5	76,9
Сахар	100	116,3	125,0	Сахар	100	114,8	124,1

Интересно, что сезонно меняется не только характер питания, но и общие размеры его участия в бюджете. Для семейного рабочего 8 промышленных пунктов СССР в 1926 г. мы имеем такие показания:

Кварталы	2 столичн. города		Провинц. города		УССР	
	Стоимость питания принята за 100	В %% ко всем расходам	Стоимость питания принята за 100	В %% ко всем расходам	Стоимость питания принята за 100	В %% ко всем расходам
I	100,0	46,9	100,0	46,2	100,0	47,6
II	104,3	31,1	108,9	47,0	100,3	47,2
III	102,4	46,3	110,5	48,3	98,9	48,2
IV	113,0	44,7	112,0	42,1	102,0	44,7

Отметим, что в рамках каждого квартала расходы на питание также колеблются. Например, в столичных городах в I квартале максимум расходов был в марте и минимум в январе, во II квартале максимум был в мае и минимум в июне, в III квартале максимум был в сентябре и минимум в августе и т. д. Что колебание в расходах на питание зависит не от одного только заработка, показывает поквартальный удельный вес расходов на питание в общих расходах хозяйства, подвергающийся также существенным календарным изменениям.

Большей сезонностью отличается потребление предметов одежды и обуви. В разных районах СССР имеются свои своеобразности в календарном потреблении одежды и обуви, но, как общее явление, и для города, и для деревни, месяцами наивысшего спроса в этой области служат март — апрель и октябрь — декабрь. Поквартально положение рисуется такими цифрами (потребление одежды и обуви в январе — марте принято за 100):

	Январь — март	Апрель — июнь	Июль — август	Сентябрь — декабрь
Города (1926 г.)				
2 столичных города	100	127,9	98,9	142,6
Провин. города РСФСР	100	107,5	101,4	154,3
Города УССР	100	108,2	91,9	128,2
Деревни (1927 г.)				
Сев.-Зап. обл.	100	85,4	86,1	113,1
Центр.-Пром. обл.	100	112,0	90,9	132,5
Сев.-Кавк. край	100	101,9	130,7	147,4
Сибирь	100	132,9	119,5	141,8
Центр.-Черн. обл.	100	89,7	94,6	128,0

В довоенное время крестьяне Московской губернии всего сильнее расходовались на одежду и обувь в марте (15,8% годовых расходов) и в апреле (10,5%) и всего слабее — в феврале и июне (по 1,6%).

V

Из сделанной нами, к сожалению, поверхностной характеристики (для более углубленной нехватает данных) календарного строения производства и потребления, а отсюда и товарного спроса и предложения, достаточно видно, какое глубокое значение для организации рынка имеет отмеченный Марксом разрыв между „продажей и покупкой". В условиях свободной конкуренции борьба с перманентным неравновесием рынка, органически связанным с товарно-денежным хозяйством, происходит на почве цен, подвергающихся сезонным колебаниям в соответствии с сезонными взаимоотношениями между спросом и предложением тех или других товаров. В сезоны усиленного снабжения рынка данным товаром, следовательно, превышения предложения над спросом, снижение цен, с одной стороны, стимулирует если не увеличение потребления, что не всегда возможно, то снятие с рынка тех или других количеств товара, образующих

в руках потребителей запасы потребления. С другой стороны, неблагоприятные сезонные цены задерживают выпуск товаров с фабричных складов, либо превращают известные количества товара в иммобильные на тот или другой срок запасы торговцев. Наоборот, сезонное повышение цен частью повышает потребление, частью выводит на рынок товарные запасы, накопившиеся у фабрикантов и торговцев. При обычных условиях до поры до времени ослабляется, таким образом, действие микробов, никогда не оставляющих капиталистического товарооборота. Хроническая болезнь на время подлечивается, если этому не мешают другие факторы расстройства капиталистического рынка.

Опыты уравновешивания рынка, не прибегая к сезонным колебаниям цен, делает монополистический капитализм, который либо маневрирует в плановом порядке запасами, чтобы сохранить устойчивость цен, либо регулирует в этих целях производство, когда достаточно сильна его власть над ним. Наиболее действителен для монополистического капитализма последний метод регулирования рынка, метод сжимания и расширения производства в соответствии с рыночной кон'юнктурой, метод борьбы с рыночным неравновесием за счет рабочих, обреченных на периодическую безработицу. Труднее задача монополистического капитализма там, где торговая монополия не связана с производственной монополией. Хлебные пулы сильны пока тем, что не имея мирового характера, они господствуют на мировых рынках, как единственная организованная сила снабжения последних хлебом. Но по мере усиления значения пулов, их положение будет делаться все более шатким. Если теперь они еще могут управлять рынком не за счет образования у себя запасов, а за счет удержания запасов в руках фермеров, то эта тактика станет невозможной для них, когда устойчивость хлебных цен развернет производство неохваченных пулами земледельческих масс. Не только затруднится борьба пулов за рынки, но и метод управления ими путем образования запасов целиком ляжет на их собственные оперативные расходы, чтобы организованный фермер не был в худшем положении, чем неорганизованный. Пулы сильнее довоенных корнеров, редко выдерживавших более 2—3 лет, тем, что они опираются на организованных фермеров, выносящих на своих плечах все последствия сезонного регулирования рынков. Как только эта тактика станет невозможной, положение пулов станет весьма сомнительным, не говоря о том, что их борьба за выгодные цены должна усилить снабжение рынков хлебом неорганизованными земледельческими массами.

Как стоит вопрос с сезонным неравновесием рынка в обстановке планируемого народного хозяйства? Поскольку переходное время имеет дело с товарно-денежным хозяйством, — рабочие и служащие вознаграждаются заработной платой, а не натуральным удовлетворением их потребностей, обобществленная продукция существует на

хозрасчете, рядом с обобществленным производством стоит производство необобществленное, — постольку сохраняются причины „разрыва покупки и продажи", для борьбы с которыми плановое хозяйство требует специальных мероприятий даже тогда, когда разрешена проблема увязки производства и потребленяя в годовом масштабе. Эти мероприятия должны быть таким же необходимым элементом планируемого регулирования народнохозяйственной жизни, как и всякие другие мероприятия регулятивного характера, охватываемые экономической политикой переходного времени, базирующегося на товарно-денежных общественных взаимоотношениях.

Не останавливаясь на конкретной программе таких мероприятий, сделаем попытку наметить путь, по которому регулируемое народное хозяйство может итти для борьбы с сезонным неравновесием рынка. Этим путем не может быть маневрирование производством. Не говоря о сезонных производствах, которые не поддаются никакому сезонному регулированию, — даже в непрерывных производствах сезонное регулирование (расширение в сезоны повышенного спроса и сжимание в сезоны слабого спроса), невыгодное экономически, идет в разрез с интересами трудовых масс, лишающихся устойчивого труда. В народном хозяйстве, планируемом в целях социалистического строительства, интересы трудовых масс допускают сезонную организацию производства, поскольку она дает наивысший производительный эффект помимо этого; могут быть сезонные колебания только в зависимости от потребностей ремонта предприятий, от предоставления рабочим и служащим отпусков и т. д. Такие колебания не увязываются с сезонными колебаниями рыночной кон'юнктуры, и средством борьбы с рыночным неравновесием служить не могут; они, наоборот, усиливают рыночное неравновесие. Очевидно, речь может итти лишь о мероприятиях в области товарообращения. Точнее, все сводится к маневрированию товарными запасами, к снятию с рынка или недопущению на рынок в сезоны высокого предложения излишков, планомерно выпускаемых на рынок в сезон высокого спроса.

Для обобществленного производства, продукция которого реализуется при посредстве обобществленного торгового аппарата, разрешение проблемы маневрирования запасами не представляет особенных трудностей. Образование и сохранение запасов сопряжено с известными расходами. В частном хозяйстве может быть борьба между производством и товарооборотом за то, кто должен нести эти расходы. В обобществленном хозяйстве такой борьбы не может быть, ибо несет ли эти расходы производство или товарооборот, они идут из одного государственного кармана, за счет которого существует все обобществленное хозяйство. Все, следовательно, сводится здесь к тому, чтобы целесообразно планировать выпуск товаров на рынок, чтобы не растовариваться в сезоны излишнего предложения (излишнего по сравнению с необходимым или допустимым на данном хозяйственном уровне потреблением) и не оголять таким образом сезонов повышенного спроса.

Маневрирование запасами вырисовывается, как трудная, мы бы даже сказали — как одна из труднейших проблем народнохозяйственного планирования, когда речь идет о продукции необобществленного производства. Последнее в планируемом народном хозяйстве также не может оставаться вне планирования, так как тогда было бы планирование не народного хозяйства, а отдельных его отраслей, что не согласуется с задачами строящего социализм переходного времени. Его особенность заключается лишь в том, что оно планируется не непосредственно, а чрез обобществленный товарооборот. Отсюда, конечно, вытекает непримиримое отношение планируемого народного хозяйства к частной торговле, как форме торговли независимой, свободной от подчинения регулятивному руководству. Даже в то время, когда частная торговля допускается, она допускается только как элемент планируемого хозяйства, как один из его рычагов, а отнюдь не как что-то такое, что живет своей собственной, самодовлеющей жизнью. В отношении к частной торговле у нас до сих пор имеются неясности, которые должны быть устранены. И в стадии экономической борьбы с частной торговлей, ее вытеснения не законодательными мерами, а экономическим путем, мы не можем применять к ней фритредерского принципа — laissez faire, laissez passer (делай, что хочешь). Тут, мы думаем, споров не должно быть. И трудность проблемы маневрирования запасами в отношении продукции необобществленного производства не здесь лежит. Важен вопрос, где должны сосредотачиваться запасы товарного маневрирования: в руках ли неорганизованных производителей или в руках торгового аппарата.

Это — не принципиальный вопрос, а вопрос экономической целесообразности. Хранение запасов, как мы уже отметили выше, сопряжено с определенными расходами, которые во многих случаях гораздо ниже оцениваются сохраняющим их в своих руках необобществленным производителем, чем то, во что они определяются обобществленной торговлей. С другой стороны, так как речь тут идет, главным образом, о продукции сельского хозяйства, отличающейся исключительной сезонностью, то сохранение запасов в каналах торговли связано с отчуждением всей товарной продукции в самый короткий срок, что само по себе предопределяет неравновесие рынка, так как сразу у производителей оказывается сумма покупательных средств, эквивалентная ценности товаров, реализуемых в течение всего года. Не касаясь валютной стороны такой операции, ее следует признать и экономически в плановом отношении безусловно недопустимой. Необходима полная гарантия своевременности освоения торговым оборотом тех запасов, которыми обобществленная торговля маневрирует вцелях борьбы с неравновесием рынка, сохраняя их на складах необобществленных производителей.

М. П. Рудаков

Организационные проблемы в сфере товарообращения на ближайшее пятилетие

1. Основные линии реконструкции товарообращения

Основная линия реконструкции в сфере товарообращения дана директивами XV с'езда ВКП (б). „Важнейшей задачей социалистического строительства в области организации обмена является преодоление анархии рынка (подчеркнуто в резолюции С'езда) и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения, путем дальнейшего развития и рационализации (подчеркнуто мною—М. Р.) обобществленного сектора товарооборота" (резолюция о пятилетнем плане, п. 8).

С'езд отчетливо указывает линию „преодоления анархии рынка" через внесение планового начала „путем рационализации торговой сети, максимального сокращения непроизводительных затрат в сфере обмена".

Здесь директива с'езда связывает успешность внедрения самого планового начала с рационализацией, рассматривая рационализацию, как „путь", как метод внедрения плановой организации в товарооборот. Это весьма важный методический и практический момент для торгового планирования на ближайшее пятилетие.

С успешностью рационализации, организацией форм товарообращения целиком связывается эффективность планирования товарооборота и влияние его на развитие производительных сил страны.

„Интересы развития производительных сил страны, — говорит резолюция, — требуют такого распределения средств, при котором возможно большая доля их вкладывалась бы в производство (подчеркнуто мною—М.Р.) и возможно меньше оседала в товаропроводящей сети" (там же).

С'езд не останавливается на заданиях общей роли рационализации при внедрении планового начала и преодолении стихии рынка. Он дает конкретные указания на предмет рационализации товарообращения — на товаропроводящие пути, на скорость оборота и т. д.

„Ускорение оборота в торговле на ряду со снижением накладных расходов и уплотнением работы каждой торговой единицы,

упрощение, сокращение и выпрямление товаропроводящих путей (подчеркнуто мною — М. Р.) являются основными методами решения этой задачи".

С'езд совершенно конкретно указывает на рационализацию, как на метод не только преодоления анархии рынка, но и как на средство изживания товарного голода путем высвобождения и перемещения возможно больших средств из сферы обращения в сферу производства.

Это прямой путь к восстановлению действительного рыночного равновесия и верный путь к составлению действительного реального баланса спроса и предложения. Но без приспособления организационных форм торгового аппарата, без изменения системы обмена и соответствующего уточнения методов учета потребительского спроса составление реальных балансов торговли на пятилетие — бесплодное занятие, статистическая эквилибристика.

С'езд партии, этот огромный политический коллектив, указывает путь к правильному построению баланса. Это — путь через кооперирование и внедрение системы заказов. С'езд говорит: „Через организованное вовлечение массы в хозяйственную работу она (кооперация) должна способствовать учету потребительского спроса населения и планомерному покрытию этого спроса путем своевременного пред'явления промышленности заявок через систему заказов" (подчеркнуто мною — М. Р.).

Наше планирование переживает ту стадию своего развития, когда внедрение его в практику зависит целиком от рационализации, от степени ее мощности, размаха и точности исполнения. Такова установка С'езда по торговому планированию на ближайшие годы грядущего пятилетия.

Аппарат товарообращения, механизм перемещения товаров от фабрики к десятине и обратно — от сельского хозяйства к промышленности — должен сыграть в деле сращивания сельского хозяйства с промышленностью едва ли не самую решающую роль. От степени этого сращивания будет зависеть и успех преодоления анархии рынка, правильность учета потребительского спроса и эффективность самого планирования. Здесь должна быть намечена первоочередность и границы применения рационализации, прежде всего, в сфере сектора обобществленного. Здесь должна быть дана конкретная перспектива реконструкции существующих организационных форм системы обращения, перспектива новой вырастающей модели товарообращения.

Но прежде, чем перейти к выявлению модели будущего механизма процессов обращения, мы позволим себе сделать несколько замечаний о взаимоотношении экономики и организации в условиях советской системы хозяйства и их взаимной обусловленности на данной стадии развития.

2. Экономика и организация

Отношение между экономикой и организацией в основном определяется третьим элементом данной системы хозяйства — техникой. Техника производства и обращения, являясь основным определителем хозяйства данного типа, может давать различный экономический эффект при одном и том же ее уровне.

Наш Советский Союз при низкой машинной технике обладает целым рядом преимуществ не только естественно-географического и экономического характера, но и организационного характера.

Эти организационные особенности — концентрация и централизация всех основных отраслей нашего хозяйства в руках государства и кооперации. Мы имеем единую хозяйственную волю в таких отраслях, как промышленность, транспорт, торговля, банки. Мы так привыкли к нашим советским условиям, что перестали замечать их величайшие организационные преимущества. Главнейшие органы в сфере обращения — государственный транспорт, торговля, банки, почта, — не имеют между собой организованной системы связи и работают попрежнему стихийно, пользуясь устарелыми методами работы, какие мало уже применяются в передовых капиталистических странах. Наш транспорт применяет старую систему тарифов, безусловно не соответствующую советской хозяйственной системе. Наша централизованная торговля имеет распыленную систему складов, совершенно не соответствующую условиям централизованной торговли — нет гибкости маневрирования товарными запасами. Параллельно системе, или, вернее, разрозненной массе товарных складов, существуют склады транспорта, склады транспортно-экспедиционных обществ, склады промышленных организаций коммунального хозяйства и даже банков. Связь торговых органов (государственных и кооперативных) с транспортом совершенно стихийна. Достаточно указать, что мелкие разрозненные отправки достигают 85% всех отправок по железным дорогам (до войны было 86%). Такие отправки вызывают недогруз вагонов и малую использованность подвижного состава. Система торговых складов различных органов по 36 губерниям используется всего на 45—50% и параллельно с этой недоиспользованностью у нас идут новые капитальные затраты на склады опять-таки в совершенно разрозненном внеплановом порядке. Система кредита и система банковских расчетов также стихийна, не соответствует нашему типу хозяйства, вызывает разбухание оборотных фондов. Вся эта стихия организационных связей существует не вовне, а внутри обобществленного сектора. Это не та стихия рынка, которая непосредственно обусловливается миллионностью частных крестьянских хозяйств. Это—стихия организованной связи внутри хозяйства, руководимого волей одного хозяина. Эта стихия не обусловливается неизбежной необходимостью наличия стихии в сельском хозяйстве. Эта стихия дорого стоит. В недрах ее таятся высокие издержки обращения, причины медленности наших оборотов, просчеты в капитальном строительстве. Эту анархию можно и должно изжить в первую очередь и в ближайшее время. Одна из важнейших задач торгового планирования на ближайшие годы — это извлечь возможно большую сумму средств из сферы обращения для промышленности, путем экономной организации и преодоления стихийной связи прежде всего внутри обобществленного сектора. Эта задача должна быть доминирующей во всех плановых проблемах и плановых расчетах рыночного равновесия. Ускорить изживание товарного голода можно только привлечением новых капиталов в промышленность. Надеяться на приток капиталов извне не приходится. Надо использовать все свои ресурсы и возможности и, в первую очередь, возможности и преимущества организационного характера, вытекающие из высокой концентрации и централизации не только промышленных процессов, но и процессов обращения, находящихся под знаком единства управления в советской системе хозяйств.

Неупорядоченность организационной стороны системы обращения делает ее мало пригодной для планового охвата сельского хозяйства, для преодоления стихии рынка и подчинения его плановому воздействию. Отсюда задача — приспособление аппарата обращения и системы его работы к нуждам планового регулирования рынка и планового управления процессами обращения внутри обобществленного сектора. Это вторая задача является одной из величайших проблем — проблемой реконструкции системы обращения применительно к развитию промышленности и условиям социалистического строительства.

Третья задача этой общей проблемы — это обобществление и соответствующее преобразование системы управления процессами обращения. В отношении обобществления мы находимся в данное время, как мы отмечали уже, на стыке кооперирования процессов обращения процессами производства в сельском хозяйстве. Это один момент социалистического строительства, определяющий собою социально-экономическую и организационную сторону нашего хозяйства на ближайшее пятилетие. Другой момент — намечающиеся тенденции переформирования процессов концентрации путем превращения процессов синдицирования в процессы своеобразного трестирования (реорганизация ВТС и намечающаяся передача ему функций главного управления ВСНХ), с одной стороны, и с другой — намечающийся переход от обобществления государственного к обобществлению кооперативному (переход части государственных предприятий к кооперации).

Третьим моментом, определяющим собою дальнейшее развитие организации обращения, является изменение системы обращения, замена стихийного обмена организованной системой предварительных заказов и контрактаций.

Уже достаточно известно, что организационная неслаженность сыграла свою отрицательную роль в хлебозаготовках.

А ведь хлебозаготовки — основной вопрос связи социалистической промышленности с распыленным крестьянским хозяйством.

Организационная сторона нашего хозяйства играет решающую роль в деле создания социалистической экономики.

Недаром Владимир Ильич так энергично выдвигал организацию, улучшение аппарата, как одну из основных предпосылок успешности революционных завоеваний и социалистического строительства на ближайшие одно — два десятилетия.

3. Модель механизма товарообращения

Вопросы реконструкции и рационализации приводят нас к неизбежности проектировки организационно-экономической модели товарообращения на ближайшее пятилетие вопреки тому мнению, что проектировка данной хозяйственной модели возможна только в перспективе генерального плана. Директива XV с'езда и известный опыт организационных перестроек в сфере товарообращения позволяют подойти к выявлению основных контуров более рациональной модели товарообращения на ближайшее пятилетие. Опыт проектировки такой модели мы и позволим себе дать на этих страницах.

Для выявления организационно-технической модели механизма обращения нам приходится брать не одну торговую сеть лавок и магазинов, которые, в сущности, едва ли представляют собой самую важную часть в советской системе товарообращения.

Нам приходится брать, прежде всего, транспорт, а затем систему складов (холодильники и элеваторы в том числе) в связи с системой транспорта, затем систему транспортно-экспедиционных обществ и систему банковской сети. Все эти органы являются только составными частями единой советской системы обращения. К комплексу этих частей механизма обращения относится и система связи — органы почт и телеграфа.

Решающая роль в организации системы обмена принадлежит, несомненно, транспорту, в особенности железнодорожному, этому стальному гигантскому конвейеру, который и сейчас уже связывает непосредственно социалистическую фабрику с распыленным сельским хозяйством. Следующая связующая цепь промышленности и сельского хозяйства — это склады. Их значение в известном отношении особенно усилится с развитием системы транзита, предварительных заказов и контрактаций.

Система предварительных заказов и контрактаций, как новая форма меновых связей между промышленностью и сельским хозяйством, не может получить своего широкого осуществления без соответствующего приспособления организационно-технической базы товарообращения. Концентрация складского хозяйства с центром тяготения на рельсах и водных путях должна механизировать товаропродвижение по районам и тем самым упростить, сократить и выпрямить пути товаропродвижения, что является прямым разрешением одной из задач рационализации, поставленных XV с'ездом партии.

Концентрация складского хозяйства, в свою очередь, создает новые предпосылки для дальнейшей рационализации — не только для специализации погрузочно-отгрузочных и иных технических операций, но и для более упрощенной системы расчетно-коммерческих операций, путем соответствующей их концентрации и специализации через банковские органы.

На основе концентрации складского хозяйства открываются перспективы расширения системы складов общего пользования и выращивания целостного организма транспортно-экспедиторской системы (из ныне разрозненных государственных и кооперативных организаций и отделов различных предприятий и т. д.) для всего торгово-промышленного аппарата.

Концентрация и специализация транспортно-экспедиционных операций в сфере обращения послужит базой специализации всего механизма товарообращения путем размежевания торгово-технических и расчетно-коммерческих функций, ныне переплетающихся в одних и тех же государственных и кооперативных центрах универсального порядка.

Одним из основных недостатков нашего товаропроводящего аппарата является то, что он перегружен разнообразными функциями организационно-транспортного и расчетно-коммерческого порядка, и это смешение функций происходит в одном и том же аппарате, при огромной его централизации и массовом товаропродвижении.

Специализация функций является одним из основных правил рационализации массовой работы.

Возможность специализации органов обращения в советской системе совершенно очевидна и неизбежна. Без этой специализации мы не можем добиться четкости и экономности работ товаропроводящего аппарата, простых и кратчайших путей обмена продукций промышленности и сельского хозяйства. Концентрация складского хозяйства на путях сообщения и централизация транспортно-экспедиционного дела в одном руководящем центре переводят не только весь торговый аппарат, но и другие органы сферы обращения на рельсы специализации.

Выгодность специализации при массовой работе не приходится особенно доказывать. Она доказала себя на практике исторического развития массового производства в Америке, Европе и у нас. До-

статочно указать на то, что при стихийном, кустарном и складском хозяйстве совершенно невозможна не только механизация упаковки, погрузочно-отгрузочного и развесочного дела, но при такой системе остается мало и нерационально использованным как государственный (мелкие отправки, недогрузы вагонов и т. д.), так и (в особенности) местный транспорт. У железнодорожных пакгаузов по всей территории СССР стоят ежедневно в затылок длинные ряды сотен тысяч подвод различных государственных и кооперативных органов. Эта транспортная неурядица хорошо известна всем работникам торгово-оперативных предприятий и местного транспорта. Так дело обстоит в городах, но еще хуже в деревне. Сотня тысяч различных кооперативных и государственных органов (потребительские общества, кредитные товарищества, сел.-хоз. товарищества, гославки и т. д.) тратят большие средства на разрозненные, стихийные поездки за товаром на станции железных дорог и пристаней по весьма скверным дорогам. Наша статистика не имеет достаточных данных о расточительстве средств на неурядицах местного транспорта, но достаточно указать хотя бы на то, что потребительские общества тратят на поездки за товаром свыше 21% всех надкладных расходов (по данным изучения издержек обращения Комиссии Госплана).

Возможна ли централизация складского хозяйства у нас в данное время и каковы будут ее результаты? На этот вопрос мы уже имеем некоторый ответ из опыта прямого продвижения мануфактуры прямо с фабрики к потребителю в размерах до одной кипы включительно. Это опыт центральных баз общества „Транспорт“ и Всесоюзного текстильного синдиката.

Общество „Транспорт“ централизовало у себя всю отправку мануфактуры всей текстильной промышленности и для всех торговых органов государственной и кооперативной сети. Такие организации, как Центросоюз, областные союзы и торги, теперь не имеют не только своих складов (в Москве) и транспортных операций по перевозке этих товаров, но и не имеют буквально никакой заботы, кроме выписки соответствующих ордеров на центральные базы. Еще два—три года тому назад казалось совершенно невозможным отправлять мануфактуру с фабрики непосредственно на места, через транспортные органы, без базисных складов треста, партиями меньше вагона. Полувагонные отправки казались мало достижимой мечтой. А теперь, благодаря концентрации и известной специализации этого дела, каждая потребительская лавка может получать и одну кипу мануфактуры на ближайшей станции. При этой системе товаропродвижения введены прямые маршрутные поезда Москва—Владивосток и специальные поезда на более близкое расстояние. С этих поездов мануфактура отгружается на любой станции в каком угодно количестве кип. Это—несомненный успех и новшество в деле товаропродвижения. Работа общества „Транспорт“ и ВТС в этой области была неоднократно обследована различными органами и получила полное одобрение Совета Труда и Обороны.

В настоящее время опыт „Транспорта“ и ВТС распространяется на продвижение товаров других отраслей промышленности—на силикатную и кожевенную, сахарную, резиновую, бумажную и др. Внедрение в практику системы предварительных заказов потребует еще большего приспособления транспорта к фабрике, с одной стороны, и к потребителю—с другой. Потребуется организация соответствующих баз на станциях железных дорог в районе данного потребления. Это развитие местных районных баз может остановить дальнейшее развитие центральных баз в местах производства (каковыми являются Московская и Иваново-Вознесенская центральные базы). Эти районные местные базы при системе заказов будут концентрировать у себя поступление всевозможных товаров, т.-е. они, в противовес центральным базам специального значения, будут базами универсального порядка. Организация таких баз окажет несомненное влияние и на организацию местного транспорта, на строительство шоссейных дорог, а вместе с тем и повлияет на создание новых технических баз для развития кооперации, в частности, кооперирования дорожного дела, тенденцию которого мы сейчас можем наблюдать в виде начинания „Автодора“. При такой организации складского хозяйства, при централизации и смычке складских операций с транспортом открывается возможность наиболее гибкого маневрирования товарными запасами, наибольшего развития скорости товарооборота и приближения на практике к основной формуле рационального товарообращения—при минимальных оборотных средствах наибольший товарный оборот.

Все приведенные нами выше директивы XV с'езда партии идут в этом направлении. С'езд и о товарных запасах дает определенные указания: „Преимущества планового руководства позволяют советскому хозяйству обходиться значительно меньшей нормой товарных запасов, нежели это необходимо в хозяйстве капиталистическом, что с точки зрения всего народного хозяйства в целом представляет значительную экономию“ (резолюция о пятилетнем плане, п. 8). Та модель путей товаропродвижения, которую мы намечаем на основе централизации складского хозяйства, открывает перспективы исполнения директив партии в этом направлении.

Мы наметили линию реконструкции путей продвижения промтоваров, артерию товарного потока от фабрики к десятине. Пути движения встречного потока от сельского хозяйства к промышленности, в связи с развитием контрактаций, потребуют также соответствующего приспособления зернохранилищ и складов на принципе общего пользования. Созданиие зернохранилищ общего пользования особенно будет необходимо с развитием коллективизации и укрупнения сельского хозяйства. Здесь вплотную встает вопрос

о системе хранения, чистке, сортировке и т. д. крестьянской продукции.

Известно, что даже у большинства существующих уже коллективных хозяйств, ведущих общую запашку и уборку хлеба, основным недостатком в работе является то, что они делят зерно на полях и развозят его по своим скверным закромам. Здесь должен притти на помощь хлебный магазин коллективного хранения.

Развитие такого рода общественных магазинов хранения крестьянской продукции (кстати сказать, существовавших, конечно, на иных началах до войны) окажет неоценимые услуги не только „в выпрямлении путей" продвижения продукции сельского хозяйства, но и укрепит, оформит базу планирования на сельскохозяйственном рынке. Организация такого рода магазинов для коллективного хранения продукции не только обобществленных хозяйств, но и индивидуальных крестьянских, является, в сущности, прямым продолжением кооперирования процесса обращения.

Развитие коллективных хлебохранилищ, несомненно, будет способствовать и широкому внедрению контрактаций. Кроме того, это может послужить основой преобразования ныне существующей и весьма несовершенной системы хлебозаготовок и сырья, ведя к преодолению сезонности и более равномерному снабжению фабрик. Отсюда и прямой материальный эффект — изживание финансовой перенапряженности в заготовительных кампаниях, возможность освобождения большой доли оборотных средств для нового строительства.

В прямой и взаимной связи с преобразованием складской системы находится преобразование розничной торговой сети лавок и магазинов в селах и городах.

Постановлением Совета Труда и Обороны (от 11 ноября 1927 г.) возлагается на соответствующие планирующие и торгово-регулирующие органы разработка вопроса о приближении розничной сети к потребителю. Этот вопрос, несомненно, является одним из важнейших моментов в реконструкции механизма товарообращения и в конструировании модели его дальнейшего развития.

Преобразование складской системы на основе ее концентрации и общего пользования, несомненно, будет содействовать разрешению и этой актуальнейшей задачи.

В связи с экономическим районированием и развитием специализации отдельных областей возникает вопрос о районировании торговой сети. Это—новейший вопрос среди вообще новых вопросов планирования и рационализации торгового дела. Но несмотря на свою новизну, его актуальность будет усиливаться с каждым шагом внедрения плановости в торговый оборот.

С развитием системы заказов и контрактаций, с организацией местных баз складов-распределителей и возникновением коллективных хранилищ крестьянской продукции должна выявляться все больше и больше форма перегруппировки розничной торговой сети.

Каждая внегородская железнодорожная станция обслуживает определенный круг сельских лавок.

Подавляющая масса наших железнодорожных станций и пристаней, разбросанных по отдаленнейшим углам огромной территории СССР, совершенно не приспособлены к наилучшему, удобному обслуживанию окрестного потребителя. Наша железнодорожная станция, одиноко заброшенная среди моря крестьянских хозяйств, является в большинстве случаев единственным представителем современной высокой техники и прямым представителем нашей социалистической промышленности, отделенной большими пространствами от крестьянского хозяйства.

Но отношение этой технической организации к потребительской лавке такое же, как и было при капитализме — стихийное, с разрозненными связями погрузки и отгрузки. Эта стихийность связей между государственным централизованным транспортом, социалистической промышленностью, с одной стороны, и централизованной торговой сетью — с другой,— общее явление по всему фронту транспорта, несмотря на то, что все эти три организации составляют составные части единой системы обобществленного сектора.

Преодоление стихийных связей между различными частями внутри обобществленного сектора является основной и ближайшей организационной проблемой в деле преодоления анархии рынка и планового воздействия на сельское хозяйство через товарооборот.

Преобразование складской системы, районирование торговой сети, максимальное использование и организационное приспособление транспорта к задачам социалистического сектора, к плановому охвату необобществленного, разрозненного сельского хозяйства,— это основные вехи на пути внедрения системы заказов и контрактаций, на пути преодоления анархии рынка и рационализации механизма товарообращения.

С выпрямлением путей товаропродвижения через концентрацию складов на рельсах и водных путях, сокращаются технические звенья механизма обращения и ставится вплотную вопрос о преобразовании расчетно-коммерческих звеньев — оптовых органов и банков.

Мы уже имеем специальные банки по отдельным отраслям промышленности, кроме того намечается Текстильбанк, образование которого будет в несомненной связи с развитием трестовских функций у ВТС. Эти явления знаменуют собою несомненную тенденцию к специализации функций органов системы обращений.

Какие конкретные формы примет специализированная система расчетно-коммерческих звеньев, сейчас сказать еще трудно. Можно только отметить, что работа по упорядочению взаимных расчетов между кооперацией, госпромышленностью и банками сейчас уже

ведется по инициативе СТО (постановление от 11/II 1927 г., № 357). Она приведет, несомненно, и к упорядочению расчетных операций с транспортом, к сокращению излишков вексельного обращения и развитию прямых, безденежных расчетов между составными частями обобществленного сектора.

Развитие системы предварительных заказов и контрактаций внесет упрощение в систему кредита, но только при непременном условии соответствующего преобразования в путях товаропродвижения.

Без реконструкции складского хозяйства, соответствующего приспособления транспорта и его организованной связи с промышленностью и торговлей может стать под знак вопроса и само широкое внедрение системы предварительных заказов.

Внедрение системы заказов и контрактации есть изменение системы обмена. Эти изменения могут быть успешными только при условии соответствующих изменений организационно-технических механизмов товарообращения.

Ориентировочные контуры товаропроводящей модели мы и попытались набросать на этих страницах.

4. Социально-экономическая сторона организационной модели товарообращения

Проектировка изменений социально-экономической стороны организационной модели механизма товарообращения упирается в проблему реформирования процессов концентрации, выдвижения новых баз кооперирования и преобразования всей системы управления процессами обмена.

Конечное разрешение этой проблемы лежит, может быть, и за пределами периода пятилетнего плана, но она вырастает непосредственно из недр проектировки мероприятий пятилетнего плана, из недр самого развития хозяйственной реконструкции и обобществления советской системы.

Обобществление процессов обращения находится в данный момент, как мы уже отмечали, на стыке с обобществлением процессов производства в сельском хозяйстве. Совершенно отчетливые директивы XV с'езда партии о необходимости скорейшего улучшения сельского хозяйства на началах коллективизации и кооперирования и последующие энергичные практические мероприятия в этом направлении Наркомзема делают момент стыка начинающегося широкого производственного кооперирования с завершающимся кооперированием процессов обращения непреложным фактом новой стадии развития не только кооперации, но и всей советской хозяйственной системы в целом.

Укрупнение и коллективизация сельского хозяйства являются экономической необходимостью дальнейшего социалистического развития советской системы хозяйства. Здесь именно один из тех решительных моментов в истории борьбы социалистического начала с мелкобуржуазной стихией, о котором Владимир Ильич говорил: „кто—кого?“

Создание крупных форм рационального производства, концентрация сельского хозяйства лежит, очевидно, за пределами истории капиталистического развития сельского хозяйства. Пути развития этих форм для сельского хозяйства открываются только в советской системе хозяйства на основе организованных связей и прямого сращивания социалистической промышленности с коллективными формами сельского хозяйства.[1]

К процессам активной концентрации в сельском хозяйстве нас непосредственно приводят решения XV с'езда и уже развернутые в этом направлении практические мероприятия.

Этот факт и дальнейшие тенденции кооперативной концентрации в сельском хозяйстве будут иметь несомненное влияние на всю ныне сложившуюся систему концентрации советской промышленности, торговли и транспорта.

Тенденции к реформированию процессов концентрации мы уже частично отмечали, и они имеют, несомненно, свое выражение в современной социально-экономической действительности.

Тенденция превращения процессов синдицирования в процессы своеобразного трестирования (как это наблюдается в текстильной промышленности) ведет к более четкому разграничению взаимоотношений промышленности с системой потребительской кооперации по линии оптового сбыта. У кооперации уже выявилась достаточно отчетливо тенденция к все большему и большему охвату оптового сбыта (по хлопчатобумажной ткани сейчас уже 80—90%). Эта тенденция ведет, очевидно, к перемещению центра оптового сбыта от государственных органов к кооперации.

Это явление соответствует и той линии развития кооперации, которую „запроектировал“ еще В. И. Ленин в своем знаменитом кооперативном плане.

Синдикатские органы ведут все большее перемещение оптового сбыта от госорганов к кооперации, к все большему сближению с процессами производства и к свертыванию своей периферии, как это видно на примерах свертывания синдикатских отделений (согласно

[1] Маркс еще в „Коммунистическом Манифесте“ указывал на сращивание промышленности с сельским хозяйством, как на определенный исторический момент в развитии диктатуры пролетариата.

постановлению Комиссии по рационализации при СТО) в тех пунктах, где развита кооперация.

Та же тенденция наблюдается по мелкому опту в отношении системы торгов. Системе торгов отводится комиссией СТО (по рационализации товаропроводящего аппарата) довольно ограниченная сфера и специальные функции по регулированию частника.

Все это свидетельствует о реформировании процессов концентрации в обобществленном секторе, намечает совершенно отчетливую линию перехода от обобществления государственного к обобществлению кооперированному, к большой концентрации капиталов у кооперации в сфере обращения.

Со все большей концентрацией товарооборота в системе кооперации и свертыванием звеньев государственного опта совершенно сужается сфера непосредственного участия государства в товарообороте.

Тенденции реформирования процессов концентрации в сфере обращения (а затем в сфере производства) несомненно усилятся в связи с активизацией концентрации сельскохозяйственного производства и внедрением системы контрактации, которые ведут к непосредственной связи промышленности с сельским хозяйством и оживят, в свою очередь, тенденции к кооперированию и отпадению некоторых отраслей государственной промышленности, работающей на сельскохозяйственном сырье. Еще в 1926 г. С'езд Советов СССР вынес постановление о передаче части предприятий госпромышленности кооперации. Все эти тенденции при активной концентрации сельскохозяйственных процессов будут получать все большее и быстрое развитие и ставят с неизбежной необходимостью один организационный вопрос о скорейшей реконструкции механизма товарообращения, о его наибольшей специализации и приспособлении к задачам социалистического строительства.

Успешность и быстрота приспособления товаропроводящего механизма обусловливает собой на ближайший период и эффективность капитальных вложений в организационно-техническую базу товарообращения. Уже сейчас не только составляются планы, но и ведутся массовые затраты на постройку складов, магазинов, банковских и торговых контор, элеваторов, холодильников и т. п. предприятий (только на 1927/28 г. намечено 139 миллионов капитальных вложений в торговлю), и эти затраты ведутся без определенной строго установленной организационной линии перестройки торгово-технической базы в целом, без ориентации на максимальное использование существующих сооружений, находящихся у различных ведомств.

Централизация складского хозяйства на рельсах и водных путях на принципах развития единой транспортно-экспедиционной системы—это та руководящая линия, которая позволит не только использовать рационально все складские и торговые сооружения, но и создать базу для правильной перегруппировки всей товаропроводящей сети на началах районирования, выпрямить и упростить всю сосудистую систему товарогрузовых потоков между городом и деревней.

Реконструкция торгово-технической базы, внедрение организационной системы товарообмена на основе заказов и контрактаций должны развивать в нашем товаропроводящем аппарате два основных свойства, оправданных организационно-экономической наукой и практикой социалистического строительства. Эти два свойства — специализация аппарата и его приспособленность к задачам кооперирования широких масс крестьянства. Социально-экономические тенденции развития нашей товаропроводящей системы в достаточной мере обеспечивают реконструкцию аппарата на принципах специализации и кооперирования.

До сих пор совершенно не использован грандиозный механизм железнодорожного транспорта для целей социалистического строительства, для содействия кооперированию деревенских масс. Американские железнодорожные магнаты умеют использовать железнодорожный механизм для воздействия на хозяйство фермера для выкачивания прибылей из его источников. Концентрация складского хозяйства на транспорте, организованное сращивание торгового аппарата с железнодорожными и водными артериями приблизит транспорт к интересам населения деревни, выдвинет новые стимулы кооперирования, в частности, кооперирования местного транспорта, организованной связи между железнодорожной станцией и сельским кооперативом.

Через сращивание, через организованную связь транспорта и торговли мы можем реально сблизить распыленное крестьянское хозяйство с социалистической промышленностью. В конечном итоге основные проблемы реконструкции системы товарообращения можно было бы формулировать в такой ориентировке:

1. Реконструкция системы товаропродвижения путем преодоления стихийных связей между централизованной системой государственного транспорта, предприятиями госпромышленности и товаропроводящей сетью города и деревни на основе внедрения системы заказов, централизации складского хозяйства и районирования торговой сети.

2. Реконструкция системы расчетно-коммерческих звеньев путем преодоления стихийных связей между банками, оптовыми и розничными звеньями торговой сети и системой транспорта, на основе размежевания и специализации товаропродвижения и кредитно-расчетных операций.

3. Реформирование и усиление процессов концентрации в связи с реконструкцией аппарата и укрупнением сельского хозяйства путем вовлечения новых средств населения и перехода от обобществления государственного к обобществлению кооперативному в сфере товарообращения и высвобождения на этой основе максимально-возможной части средств для производства.

Б. Авилов

Разрыв между заготовительными и реализационными хлебными ценами[1]

В последние два года произошел значительный сдвиг в соотношении хлебных цен производящих и потребляющих районов. Образовались некоторые „ножницы“, как принято выражаться: разница в уровне цен, установившаяся в предыдущее время, сильно возросла. Раствор „ножниц“ увеличился — и между рыночными ценами производящих и потребляющих районов, и между заготовительными и реализационными ценами. Заготовительные и реализационные операции, с одной стороны, и вольный рынок — с другой, тесно соприкасаются между собой и, конечно, разрыв цен не мог произойти в какой-нибудь одной из этих сфер, не затронув другую.

Этот разрыв цен давно обратил на себя внимание и был отмечен даже в „Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927/28 г.“. Однако, до сих пор не было дано подробного анализа этого явления.

Рассмотрим сначала соотношение цен вольного рынка. Мы располагаем для этой цели данными ЦСУ РСФСР о базарных ценах на зерновые хлеба и о ценах частных торговцев на муку. (Белую пшеничную муку, к сожалению, пришлось исключить из рассмотрения в виду разнообразия марок пшеничной муки, вследствие чего сведения не вполне сравнимы по районам и во времени; к тому же ЦСУ в последнее время прекратило публикацию этих сведений). Для сравнения взяты две полосы Европейской части РСФСР — потребляющая и производящая полоса.

Цены местных рынков

(в коп. за центнер, для зерна — базарные, для муки — цены частн. торг.)

	1924 г.	1925 г.		1926 г.		1927 г.		1928 г.
	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	I кварт
Р о ж ь								
Потребляющ. полоса . .	669	1.088	886	1.201	922	868	885	1.081
Производящ. полоса . .	563	1.051	696	835	549	529	540	598
Разница в ценах	106	37	190	366	373	339	345	483

[1] В порядке обсуждения. Ред.

	1924 г.	1925 г.		1926 г.		1927 г.		1928 г.
	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	I кварт.
Ржаная мука								
Потребляющ. полоса . .	—	1.282	1.093	1.375	1.116	1.080	1.096	1.236
Производящ. полоса . .	—	1.168	883	1.049	819	749	760	827
Разница в ценах	—	114	210	326	297	331	336	409
О в е с								
Потребляющ. полоса . .	649	1.041	832	1.095	885	872	935	1.175
Производящ. полоса . .	641	892	642	778	591	507	596	707
Разница в ценах	8	149	190	317	294	365	339	468

В 1 полугодии 1924/25 с.-х. года (2 половина 1924 г.) цены и в потребляющей и в производящей полосе стояли на низком уровне, и разница между ними была совсем невелика. В потребляющей полосе урожай был хороший, в производящей — сравнительно плохой, цены, естественно, уравнялись. В 1 полугодии 1925 г. цены в той и в другой полосе сильно повысились, но разница осталась сравнительно небольшой. В 1925 г., как известно, был прекрасный урожай,— цены в той и другой полосе во 2 полугодии сразу резко упали, в особенности в производящей полосе, где обнаружилось большое изобилие хлеба на рынке. Расхождение цен несколько увеличилось в силу того, что падение цен в производящей полосе было более значительным, чем в потребляющей.

С начала 1926 г. образовался резкий разрыв в ценах. И в потребляющей и в производящей полосе цены сильно повысились и, вместе с тем, на значительную величину возросла разница в ценах, вследствие того, что в потребляющей полосе цены повысились сильнее, чем в производящей (предыдущее увеличение разницы было вызвано движением вниз цен в производящей полосе, в этом же случае — движением вверх цен потребляющей полосы). Замечательно, что разрыв цен для всех трех продуктов (ржи, ржаной муки и овса) имел приблизительно одинаковую амплитуду. Разница в ценах, составлявшая во 2 полугодии 1925 г. 190—210 коп. на центнер, в 1 полугодии 1926 г. достигла сразу 317—366 коп.

В следующие три полугодия до 1928 г. разница, в общем, удержалась на достигнутом уровне, колеблясь от 294 до 373 коп. на центнер. Максимум разрыва цен для ржи наблюдался во 2 полугодии 1926 г., для ржаной муки — во 2 полугодии 1927 г. и для овса — в 1 полугодии 1927 г. В начале 1928 г. (в первом квартале), вследствие падения хлебных заготовок в ноябре — декабре 1927 г., цены в потребляющей полосе очень резко повысились; в производящей полосе повышение цен было сравнительно невелико (более сильно повысились только цены на овес); в результате „ножницы“ снова сильно раздвинулись, разрыв между ценами увеличился и значительно

превысил тот максимум, какой наблюдался в 1926 и в 1927 гг. Особенно велик разрыв цен по зерну (ржи и овсу); по ржаной муке разрыв менее значителен.

Чем же был вызван разрыв в ценах между рынками производящей и потребляющей полосы? Сдвиги в ценностных соотношениях в том или ином полугодии обусловливались неодинаковым темпом и направлением динамики цен в том и другом районе. Но, спрашивается, почему же эти сдвиги удержались, а не сгладились в следующие полугодия, когда действие движущей силы прекратилось? Почему цены в потребляющей полосе не понизились, в связи с прочным понижением цен, наблюдавшимся в производящей полосе? Так как таких крупных изменений в составе транспортных и торговых расходов не произошло, то, очевидно, сдвиги были обусловлены изменением в состоянии рынка. При свободе перевозки товаров конкуренция торговцев приводит обыкновенно к тому, что разница в ценах разных районов более или менее приближается к некоторой величине, которая слагается из расходов, связанных с перевозкой товара из одного района в другой, расходов по продаже и некоторой средней нормы торговой прибыли. Длительный разрыв в ценах, продолжительное отклонение от указанной величины наблюдается только в исключительных случаях — или при абсолютном недостатке данного товара вообще, или только при относительном его недостатке, недостатке на данном рынке, при нарушении свободного продвижения товаров из одного района в другой. Именно последнее и имело место, начиная с 1926 года. Как известно, с конца 1925 года было введено так называемое „регулирование на транспорте". Частные перевозки хлебных грузов по железным дорогам фактически были вытеснены, и таким образом произошел разрыв на частном рынке. Разница в ценах частного рынка, даже между соседними районами и губерниями, оказывалась настолько значительной, что торговцы, а также и крестьяне потребляющей полосы находили выгодным за сотни верст возить хлеб гужем (на санях), не говоря уже о всяких смешанных способах перевозки (водой на лодках с перевалом на жел. дор. или в комбинации с гужевой перевозкой)[1]. Сведения об этом не раз появлялись в „Экономической Жизни" и других органах печати в 1926 и 1927 гг.

Так как госуд. заготовительный аппарат не в состоянии был обслужить полностью всю потребность населения (главным образом сельского и особенно по кормовым хлебам), то все недостающее количество перевозилось гужем из производящих в потребляющие районы в порядке самоснабжения населения. Особенно усилились такие перевозки в связи с кризисом хлебозаготовок в 1927/28 с.-х. году.

[1] См. ст. А. Михайловского в „Статистич. Обозрении", февраль, 1928 г. В статье сообщается, что крестьяне потребляющей полосы регулярно стали ездить на санях за хлебом в губернии производящей полосы.

Теперь рассмотрим соотношение заготовительных и реализационных цен. Приводим данные о заготовительных ценах, опубликованные в „Экономическом Обозрении", а в качестве реализационных цен — местные рыночные цены ЦСУ.

Соотношение заготовительных и реализационных цен на хлеба

(в коп. за центнер)

	1925 г.	1926 г.		1927 г.		1928 г.
	2-я пол. ✓	1-я пол.	2-я пол. ✓	1-я пол.	2-я пол. ✓	I кварт.
Рожь						
Местн. продажн. цены ржаной муки в потребл. полосе . .	1.093	1.375	1.117	1.080	1.096	1.236
Средне-взвешен. заготов. цены ржи	531	582	429	440	458	454
Разница в ценах	562	793	688	640	642	812
Овес						
Местн. продажн. цены потребл. полосы	832	1.095	885	872	935	1.175
Средне-взвешен. заготов. цены	464	576	381	392	399	381
Разница в ценах	368	519	504	480	536	794

И здесь наблюдается резкий разрыв в ценах с начала 1926 г. Расхождение цен ржи и ржаной муки сразу увеличилось на 231 коп. на центнер. Правда, в последующие три полугодия цены несколько сблизились, но все же даже во 2 полугодии 1927 г. прирост разницы в ценах против 1925 г. составлял 80 коп. на центнер. Если сопоставить уровень цен в 1925 г. с уровнем их в 1926/27 г.[1], то оказывается, что в то время, как заготовительные цены ржи понизились, в среднем, на 97 коп. на центнер, реализационные цены ржаной муки в потребляющей полосе остались почти на неизменном уровне (повысились лишь на 6 коп.).

В 1928 г., в связи с значительным повышением продажных цен в потребляющей полосе, разница увеличилась до огромной величины (8 руб. 12 коп.); цены ржаной муки в потребляющей полосе повысились в I квартале 1928 г. на 140 к. на центнер, тогда как заготовки производились по прежним ценам. И тогда, и теперь разрыв цен вызван резким повышением продажных цен в потребляющей полосе.

Движение цен на овес имело несколько иной характер, но и здесь наблюдался тот же процесс разрыва между заготовительными и продажными ценами в потребляющей полосе. Разница в ценах на овес, составлявшая во 2 полугодии 1925 г. (в период

[1] Мы не приводим сведений по пшенице за отсутствием удовлетворительных данных о ценах на пшеничную муку, а по ячменю — в виду преимущественно экспортного характера этого хлеба.

массовых заготовок) 368 коп. на центнер, в 1926 г., в результате более быстрого роста цен в потребляющей полосе, увеличилась сразу до 519 коп. на центнер, т.-е. повысилась на 151 коп. на центнер. В два следующих полугодия, т.-е. в 1926/27 с.-х. году разница в ценах несколько снизилась, но в гораздо меньшем размере, чем в ценах на рожь; разница в ценах на рожь и ржаную муку, составлявшая в 1 полугодии 1926 г. 793 коп., уменьшилась до 655 коп., т.-е. на 138 коп. на центнер, тогда как разница в ценах на овес, составлявшая в 1 полугодии 1926 г. 519 коп., уменьшилась в 1926/27 г. до 492 коп., т.-е. всего на 27 коп. на центнер. В 1926/27 с.-х. году, при довольно большом понижении заготовительных цен овса (78 коп. на центнер) и при небольшом повышении продажных цен в потребляющей полосе (46 коп.), разрыв цен достиг 124 коп. на центнер. Весьма характерно, что цены здесь двигались в разном направлении — заготовительные понизились, реализационные в потребляющей полосе немного повысились. В следующем полугодии, в первой половине 1927/28 с.-х. года (2 пол. 1927 г.), при почти прежнем уровне заготовительных цен, продажные цены в потребляющей полосе повысились до 935 коп., т.-е. увеличились на 63 коп. на центнер; в результате разница в ценах дошла до 536 коп., т.-е. оказалась даже выше, чем в 1 полугодии 1926 г. Рост цен на овес в потребляющей полосе продолжался; в 1 квартале 1928 г. цены поднялись до 11 руб. 75 коп. на центнер, а заготовительные цены изменились мало (понизились лишь на 18 коп.); разница цен достигла почти 8 руб. на центнер.

До сих пор мы сопоставляли заготовительные цены с общим уровнем продажных цен в потребляющей полосе. Рассмотрим соотношение заготовительных и реализационных цен в пределах самого заготовительного аппарата. Воспользуемся для этой цели отчетами „Хлебопродукта“, сопоставим заготовительные и реализационные цены самого „Хлебопродукта“.[1]

Заготовительные и продажные цены „Хлебопродукта“

(в коп. за центнер)

	1925 г. 2-я пол.	1926 г. 1-я пол.
Рожь		
Средн. продажн. цены ржаной муки в складах „Хлебопродукта“ в потребл. полосе	1006	1080
Средн. заготовительн. цены ржи	537	580
Разница в ценах	469	500
Овес		
Средн. продажн. цены в потр. полосе	927	1.135
Средн. заготовит. цены	494	561
Разница в ценах	433	574

[1] Отчет „Хлебопродукта“ за 1925/26 г. За 1926/27 г. сведения о продажных ценах „Хлебопродуктом“ не разработаны.

	1925 г. 2-я пол.	1926 г. 1-я пол.
Пшеница		
Средн. продажн. цены пшеничн. муки в потребл. полосе	2.879	3.245
Средн. заготов. цены пшеницы	762	775
Разница в ценах	2.117	2.470

Разница в ценах ржи и ржаной муки увеличилась лишь немного: при повышении заготовительных цен на 43 коп., реализационные цены были повышены на 74 коп., в результате чего разница повысилась на 74 коп. на центнер. Цены на ржаную муку и печеный хлеб нормировались, поэтому большое повышение цен было невозможно. В соотношении цен овса влияние рыночной конъюнктуры весьма сильно: заготовительные цены повысились на 67 коп., а реализационные—на 208 коп., разница в ценах возросла на 141 коп. на центн. Особенно крупный „разрыв“ обнаружился в ценах на пшеницу и пшеничную муку: заготовительные цены оставались почти на одном уровне (повысились всего на 13 коп. с центнера), тогда как продажные цены пшеничной муки были увеличены на 366 коп.; разница в ценах пшеницы и пшеничной муки возросла на 353 коп. на центнер.

В отчете „Хлебопродукта“ за 1924/25 г. дан расчет среднего размера расходов по реализации хлеба в таком виде (в коп.):

	за пуд	за центнер
Расходы до франко станция отправления	13,6	82,96
Переброска (без завоза на мельницы)	27,5	167,71
Получение на месте и реализация	23,7	144,57
Итого	64,8	395,24

Конечно, этот расчет очень схематичен, но для общих сопоставлений им можно воспользоваться. Если принять среднюю норму транспортных и торговых расходов и принять еще во внимание стоимость перемола, то окажется, что по ржи и ржаной муке разница в ценах в 1925 г. сравнительно немного превышала среднюю норму накладных и торговых расходов (в отчете нет сведений о расходах по перемолу); во всяком случае, сверх расходов оставалось еще несколько десятков копеек на центнер. В 1926 г. добавка была увеличена еще на 31 коп. По овсу разрыв в ценах выступает более заметно: в 1925 г. разница в ценах реализационных и заготовительных превышала сумму расходов на 38 коп. на центн., в 1926 г. это превышение достигло уже 179 коп. на центнер, т.-е. увеличилось на 141 коп. (на вольном рынке разница в ценах на овес увеличилась почти на ту же величину — 153 коп. на центн.). Еще резче разрыв цен обнаружился по пшеничной муке и пшенице: в 1925 г. разница в ценах превышала сумму расходов по перевозке и продаже на 17 р. 22 коп. на центн. (расходы по перемолу и размер

„отхода“ не указаны), а в 1926 г.—на 24 руб. 70 коп., т.-е. повысилась на 3 р. 53 коп. на центнер, несмотря на то, что заготовительные цены пшеницы оставались почти неизменными; следовательно, добавка в ценах всецело была обусловлена рыночной кон'юнктурой.

Рассмотрим в заключение соотношение заготовительных цен с реализационными ценами на внешнем рынке. Воспользуемся тем расчетом, который дан Кон'юнктурным Институтом.[1] Явление, аналогичное тому, которое было констатировано для внутреннего рынка, имело место и в отношении цен внешнего рынка. Здесь не было, конечно, разрыва цен того характера, как на внутреннем рынке, но вследствие понижения уровня наших заготовительных цен, разница между этими последними и экспортными ценами достигла больших размеров. В качестве экспортных цен приняты средние цены „сиф“ в иностранных портах назначения (цены на борту парохода). В качестве заготовительных цен приняты средние арифметические цены „Хлебопродукта“ по главным заготовительным районам.

Экспортные и заготовительные цены

(в коп. за центнер)

	1925 г.	1926 г.		1927 г.	
	IV кварт.	1-я пол.	2 я пол.	1-я пол.	III кварт.
Рожь					
Средн. экспортн. цены	927	1287	1043	939	927
Средн. заготовит. „	555	641	445	451	470
Разница	372	646	598	488	457
Пшеница					
Средн. экспортн. цены	1141	1190	1165	1159	1159
Средн. заготовит. „	842	891	665	677	714
Разница	299	299	500	482	445
Овес					
Средн. экспортн. цены	756	750	701	762	805
Средн. заготовит. „	464	482	402	415	415
Разница	292	268	299	347	390
Ячмень					
Средн. экспортн. цены	695	689	787	872	860
Средн. заготовит. „	354	378	336	372	445
Разница	341	311	451	500	415

Разница между экспортными и заготовительными ценами к концу 1927 г. значительно повысилась в сравнении с концом 1925 г. По ржи, пшенице и овсу это явление, в общем и целом, было об-

[1] „Экономическое Обозрение“ 1927 г., № 12, стр. 188—189. Цены, данные за пуд, пересчитаны на центнер.

условлено, главным образом, заметным понижением заготовительных цен при сравнительно малом изменении экспортных цен. По ячменю и экспортные и заготовительные цены повысились, при чем первые повысились больше, вследствие чего разница между ними увеличилась. По ржи разница в ценах повысилась, начиная с 1 полугодия 1926 г. (максимум повышения), затем разница постепенно уменьшается, превышая однако размер ее, бывший во 2 полугодии 1925 г.; в III квартале 1927 г. размер разницы в ценах еще на 85 коп. превышал таковой за IV квартал 1925 г. По пшенице разница в ценах увеличилась только со 2 полугодия 1926 г. (максимум повышения), потом стала снижаться, но все таки в III квартале 1927 г. превышала еще на 146 коп. разницу за IV кварт. 1925 г. По овсу рост разницы в ценах наблюдался лишь в 1927 г.; в конце обозреваемого периода, в III кварт. 1927 г. разница повысилась на 98 коп. против конца 1925 г. Наконец, по ячменю разница в ценах повысилась со 2 полугодия 1926 г., при чем здесь повышение было обусловлено, главным образом, ростом экспортных цен.

Мы не располагаем сведениями о том, каковы были финансовые результаты экспортных операций, так как у нас нет данных о стоимости фрахтов и др. накладных расходов по перевозке хлебов из наших портов в иностранные. Что касается расходов до выхода судов из наших портов (до „фоб“ на борту парохода в наших портах), то, по данным „Хлебопродукта“, они определены в следующем среднем размере:

	за пуд.	за центнер
Расходы франко станция отправления	13,6 коп.	82,96 коп
„ по перевозке франко вагон (порт)	13,5 „	82 35 „
„ от станции назначения до „фоб“	9,1 „	55,51 „
Итого	36,2 коп.	220,82 коп.

Вычитая эту норму расходов из разницы между экспортными и заготовительными ценами, мы определим разницу между продажной ценой „сиф“—иностранные порты—и ценой „фоб“—наши порты. Эта последняя разница включает в себя стоимость фрахта от наших портов до заграничных, плюс накладные расходы, связанные с перевозкой (страхование и проч.), плюс прибыль по экспортной операции (или минус убыток, если операция является убыточной).

Разница между экспортными продажными ценами („сиф“—иностранные порты) и себестоимостью („фоб“—наши порты), в коп. за центнер

	1925 г.	1926 г.		1927 г.	
	IV кв.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	III кв.
Рожь	151	424	376	267	236
Пшеница	78	78	279	261	224
Овес	71	47	78	126	158
Ячмень	120	90	230	279	194

Наиболее рентабельным является экспорт ржи, на втором месте стоит пшеница, на третьем — ячмень, и на последнем — овес;

в последнее время разница в рентабельности экспорта разных хлебов более или менее сгладилась. Если даже предположить, что экспорт пшеницы и ячменя до 2 полугодия 1926 г. и экспорт овса до 1 полугодия 1927 г. был мало рентабелен, а может быть даже убыточен, то в остальные периоды по всем хлебам экспортные цены более или менее значительно превышали себестоимость хлеба для наших экспортных организаций.

В конечном счете и здесь можно констатировать „разрыв" между заготовительными и реализационными ценами, едва ли меньший, чем на внутреннем рынке.

Приводим еще данные о движении хлебных цен в самое последнее время.

Выше было отмечено, что рыночные цены в потребляющей полосе в I квартале 1928 г. заметно возросли в сравнении с уровнем их в первый период заготовительной кампании. Увеличение заготовок в первые месяцы 1928 г., повидимому, замедлило дальнейший под'ем цен — по крайней мере, для ржи и ржаной муки. Но цены на овес, заготовки которого остались на низком уровне, продолжали сильно повышаться.

Базарные цены (в коп. за центнер) [1]

	1927 г.	1928 г.		
	2-я пол.	I кварт.	1 апреля	1 мая
Рожь				
Произв. полоса	540	598	656	717
Потреб. полоса	885	1.081	1.045	1.077
Разница	345	482	389	360
Ржаная мука				
Произв. полоса	1.096	1.236	1.238	1.250
Потреб. полоса	760	827	848	973
Разница	336	409	390	277
Овес				
Произв. полоса	935	1.175	1.277	1.495
Потреб. полоса	596	707	783	1.002
Разница	339	468	494	493

Цены на рожь и ржаную муку в потребляющей полосе, сильно повысившиеся в I квартале 1928 г., удержались на этом уровне в апреле и в мае. Цены на эти же продукты в производящей полосе непрерывно повышались — очевидно, под влиянием сильного роста цен в потребляющей полосе. Цены ржи повысились на 177 коп., на ржаную муку — на 213 коп.

Цены на овес и в потребляющей и в производящей полосе продолжали быстро возрастать. В потребляющей полосе с первой половины заготовительной кампании до 1 мая они повысились на 560 коп., в производящей полосе — на 406 коп., разница в ценах возросла с 339 коп. до 493 коп. на центнер.

[1] По данным ЦСУ РСФСР.

Если из состава производящей полосы взять одну Центрально-Черноземную Область, которая являлась в нынешнюю хлебную кампанию, на ряду с Украиной, главной житницей, снабжавшей потребительские рынки, то разница в ценах на 1 мая оказывается еще более значительной:

Базарные цены (в коп. за центнер)

	Рожь	Ржаная мука	Овес
Потребл. полоса	1.077	1.250	1.495
Центр.-Черн. Обл.	612	835	840
Разница	465	415	655

На 15 мая цена на овес в Московской губ. достигла 21 р. 88 к. за центнер (3 р. 59 к. за пуд; в Москве доходила даже до 7 руб. за пуд), в то время как в Орловской губ. она составляла 6 р. 88 к. за центнер (1 р. 13 к. за пуд).

Все приведенные выше сопоставления и расчеты позволяют формулировать следующие выводы. С 1926 г. образовался „разрыв" между заготовительными и реализационными ценами. „Разрыв" выразился в том, что разница между этими двумя ценами, более или менее приближавшаяся к размеру накладных и торговых расходов, связанных с перевозкой и реализацией хлебопродуктов, значительно повысилась. В некоторые моменты наблюдалось даже повышение цен в потребляющей полосе при понижении их в производящей полосе. В периоды острого недостатка в хлебных продуктах в потребляющей полосе цены на них повышались до очень высокого уровня, и тогда разница в ценах достигала огромного размера; это наблюдалось в 1 полугодии 1926 г. и теперь — в 1 полугодии 1928 г. „Разрыв" между реализационными ценами в потребляющей полосе и заготовительными ценами обусловлен тем, что при понижении заготовительных цен с 1926 г., вместе с тем, было нарушено свободное передвижение хлебных грузов из производящих в потребляющие районы („регулирование на транспорте"), при чем, однако, размер государственных заготовок не покрывал всего спроса на эти продукты в потребляющей полосе. Что касается разрыва между экспортными и заготовительными ценами, то он обусловлен тем, что в то время, как заготовительные цены были значительно снижены, уровень экспортных цен изменился сравнительно мало.

Размер „разрыва" в ценах с 1925 г. по 1926/27 хоз. год достигал 25—30% заготовительных цен 1926/27 года. Приводим соответствующие данные в коп. за пуд и за центнер. [1] (См. табл. на след. стр.)

Таким образом, можно констатировать, что при повышении заготовительных цен в среднем на 25—30%

[1] Заготовительные цены, принятые для сопоставления с ценами потребляющей полосы, и таковые же цены для сопоставления с экспортными немного разнятся, так как взяты из разных источников и получены разными методами.

	Размер заготов. цен 1926/27 с.-х. г.		„Разрыв" в ценах (увеличение разницы между заготовит. и реализац. ценами)		„Разрыв" в % к размеру загот. цен 1926/27 г.
	за пуд.	за центн.	на пуд	на центн.	
Внутренний рынок					
Рожь	71	423	17	104	24
Овес	63	384	21	128	33
Внешний рынок					
Рожь	73,5	448	18	110	26
Овес	67	408	16	98	24
Пшеница	110	671	31	189	28
Ячмень	56	341	26	158	46

против уровня их в 1926/27 с.-х. году, можно удержать реализационные цены в потребляющей полосе на прежнем уровне, вместе с тем безубыточно экспортировать наш хлеб за границу.

Что касается реализационных цен в производящих районах, то, конечно, они должны несколько повыситься, но не в такой мере. Заготовительный аппарат, который реализует хлеб, мог бы не повышать на 25—30% свои отпускные цены в производящей полосе, так как до сих пор они приближались к ценам вольного рынка и стояли выше себестоимости. Цены вольного рынка в производящей полосе, конечно, находятся под влиянием заготовительных цен, но в большей степени уровень их будет определяться тем, в какой мере государственный заготовительный аппарат окажется в состоянии покрыть спрос потребляющих районов. Если размер не покрытого спроса будет велик (как это имеет место теперь), то вольные цены в потребляющей полосе будут стоять на высоком уровне, хлеб из производящих районов будет — так или иначе — перевозиться в потребляющие районы, и это явится фактором повышения вольных цен в производящих районах (как это имело место теперь). Если же заготовительный аппарат будет в состоянии в достаточной мере снабдить рынки потребляющей полосы, то частный вывоз хлеба из производящих районов будет невелик и повышения цен в этих районах не вызовет.

Как бы то ни было, является более предпочтительным сравнительно скромное повышение хлебных цен в производящих районах, где они стоят на сравнительно очень низком уровне, чем удержание этих цен на прежнем уровне, сопровождаемое, однако, огромным повышением цен в потребляющих районах, где они и без того высоки. Низкие заготовительные цены, дающие в конечном результате огромный рост продажных цен в потребляющей полосе,— ведь таков именно неутешительный результат заготовительной кампании текущего года. Резкое повышение цен в потребляющей полосе в 1928 г. было вызвано тем, что заготовки, вследствие низкого уровня заготовительных цен, упали, а спрос на хлеб в потребляющей полосе в значительной части остался неудовлетворенным.

Но если даже допустить, что повышение заготовительных цен на 30% вызовет соответственное повышение реализационных цен в производящих районах, то повышение общего среднего уровня продажных цен на хлеба во всей стране выразится гораздо меньшим процентом, предполагая, конечно, что заготовительный аппарат справится со своей задачей и в достаточной мере снабдит рынок потребляющей полосы, предотвратив таким образом повышение цен в этой полосе.

В самом деле, по очень приближенным исчислениям „хлебофуражного баланса", составленного Экспертной Комиссией при ЦСУ, на внутренних рынках СССР, не считая обмена внутри крестьянства, в 1926/27 с.-х. году было реализовано хлебопродуктов:

В потребляющей полосе	4,4 млн. тонн
В производящих районах	4,3 „ „

Таким, образом, рыночная реализация хлебов в производяших районах составляла приблизительно половину всей реализации в стране и, следовательно, при повышении на 30% реализационных цен в производящих районах, повышение цен в отношении ко всему обороту хлебопродуктов составит не более 15%. А принимая во внимание, что цены в потребляющей полосе, в общем, превышают цены производящих районов более чем в $1^1/_2$ раза, повышение общего среднего уровня продажных хлебных цен в стране составит не более 10—12%.

В состав индексов цен на все сельскохозяйственные продукты в оптовом, розничном и, в особенности, в бюджетном индексе, хлебопродукты, частью, входят в переработанном виде (в виде муки, крупы, печеного хлеба, т.-е. в виде более дорогих продуктов) и уступают по своему удельному весу более дорогим продуктам животноводства. Поэтому на общих индексах цен с.-х. продуктов повышение на 10—12% продажных цен хлебопродуктов в зерне отразится совсем незначительной величиной. По расчетам, сделанным по моей просьбе в отделе кон'юнктуры обмена ЦСУ СССР, при повышении продажных цен на хлебопродукты на 10%, общий оптовый индекс ЦСУ СССР повысится всего на 2,6% (индекс с.-х. товаров повысится на 5,6%); общий розничный индекс ЦСУ повысится на 2% (индекс с.-х. товаров — на 5%).

В качестве одной из главных причин неуспеха хлебозаготовительной кампании текущего с.-х. года указывалось расхождение в соотношении цен на зерно, с одной стороны, и на продукты животноводства и технические культуры, с другой стороны [1]. Повышение заготовительных цен на 30% сведет это расхождение к небольшой сравнительно величине. В 1926/27 с.-х. году индексы заготовитель-

[1] Доклад Н. Бухарина на собрании ленинградского партактива, 13 апреля 1928 г., „Известия ЦИК", № 91.

ных цен различных групп с.-х. продуктов выражались следующими величинами (цены 1909—13 гг. приняты за 100): [1]

Хлебопродукты	104,6
Маслосемена	98,4
Технические культуры	136,6
Продукты животноводства	172,2
Общий индекс	123,6

Повышение заготовительных цен на хлебопродукты на 30% устранит расхождение индексов цен на зернопродукты и технические культуры; останется только сравнительно небольшое расхождение с индексом цен на продукты животноводства.

---

[1] „Экономическое Обозрение" 1927 г., № 12, стр. 193.

Б. А. Гухман

На рубеже

Тысяча девятьсот двадцать седьмой и смежные с ним годы войдут в историю развития советского хозяйства, как переходные от завершающегося восстановления к широкой реконструкции производительных сил страны. Эти годы — рубеж между двумя принципиально-различными эпохами.

На этом историческом рубеже встает решительная необходимость подсчитаться — с каким багажом страна его переходит. К сожалению, наше знание о динамике народного хозяйства оставляет желать много лучшего. Разнокачественность, несопоставимость и дробность статистических данных общеизвестна. Эти данные часто неполны, нередко просто неверны и почти всегда освещают лишь поверхность явлений. Между тем крайняя сложность советской хозяйственной системы, ее высокая динамичность, переходный характер ее экономики пред'являют повышенные требования и к тому статистическому материалу, который приходится привлекать к этому анализу. Все же, несмотря на явное несовершенство статистических данных, основные тенденции развития советского хозяйства за последние годы восстановительного процесса могут быть характеризованы с необходимой полнотой.

Вскрыть обусловившие развитие восстановительного процесса условия, определить реконструкционные процессы в советском хозяйстве уже в этот первый период его развития и наметить первые шаги развертывающейся широким фронтом реконструкции производительных сил — и составляет задачу дальнейшего изложения.

1. Производственная база

СССР занимает огромную территорию. Однако, большую часть этого пространства занимают неудобные для заселения земли, а из удобных значительная еще часть не освоена населением. Состав земельных угодий, по данным ЦСУ, определяется следующим образом: [1]

Угодья	Млн. га	В % %
1. Усадьба и приусадебная земля .	8	0,5
2. Пашня	162	10,8
3. Сенокос	36	2,4
4. Выгон	34	2,4
Итого . . .	230	16,1

[1] См. „Статистический Справочник СССР за 1927 г.", стр. 50—51.

5. Лес и кустарники	397	26,6
6. Прочая	35	2,4
Итого удобной . . .	662	45,1
7. Неудобной	180	12,6
Итого исследованной . .	852	57,7
8. Сверх того, неисследованной . .	640	42,3
Всего земель . . .	1.492	100

Эти данные весьма приблизительны и неполны. Они не охватывают вовсе Туркменской и большей части Узбекской Республики, Киргизской и Якутской областей, — однако, известное представление о составе земельных угодий они дают. Всего 10% могут считаться освоенными. Если принять во внимание, что неисследованные земли сосредоточены в Зауралье, Сибири, ДВО, Казакстане, — можно с большой долей вероятности утверждать, что большая часть и этих земель, точно так же как и не включенных в подсчет (ок. 1/4 территории всей страны), не освоены и в основном являются непроходимой лесной тайгой. Огромные территории Союза заселены весьма редко. Средняя плотность населения по данным переписи 1926 г. равна всего 6,9 жителей на 1 кв. клм. Вместе с тем огромные пространства почти не заселены. [1]

Число жителей на кв. клм.	Площадь территории (в тыс. кв. клм.)	В %%
Ниже 1,0	10.850	50,7
1,1 — 3,0	5.615	26,4
3,1 — 15,0	1.815	8,5
15,1 — 30,0	1.535	7,2
30,1 — 45,0	725	3,4
45,1 — 60,0	575	2,7
Свыше 60,0	228	1,1
Итого . . .	21.343	100

Таким образом, свыше 75% всей территории страны имеет плотность населения ниже 3 жителей на кв. клм., и всего 7% территории имеет плотность населения выше 30 жителей на кв. клм. Плотность населения в среднем по Европе равна 42,2 чел. с СССР и 66,2 чел. без СССР. [2] К средне-европейской норме приближается всего около 5% территории СССР, а к западно-европейской — 1%. Союз обладает огромными колонизационными фондами. Эти огромные пустынные пространства будут колонизоваться переселенцами из относительно густонаселенного ядра Европейской части страны (особенно ЦЧО, Рязано-Тульский подрайон ЦПО, Степная полоса Украины и т. д.). Однако, это — длительный процесс, требующий

[1] „Краткие сводки всесоюзной переписи населения 17/XII 1926 г.“, в. III.

[2] „Стат. Справочник ЦСУ за 1927 г.“, стр. 472.

огромного труда и капиталов. За период 1885 — 1914 гг. было переселено всего 4,4 млн. душ семейных переселенцев, а за последние перед войной 10 лет — около 3 млн. душ. [1] Вероятно, общее число переселенцев в Сибирь и Дальний Восток может быть определено для последней четверти века максимум в 10 млн. душ. В 1924/25 г. было переселено всего 104 тыс., в 1925/26 г. — 120 тыс., в 1926/27 г. — 130 тыс. и на 1927/28 г. намечено 170 тыс. чел. [2] Разумеется, это крайне небольшие величины; даже те 1—1,2 млн. душ переселенцев, которые ориентировочно намечаются в качестве контингента ближайшего пятилетия, сравнительно с об'емом предстоящей решению задачи колонизации этих территорий, конечно, являются каплей в море. Стоимость устройства одного двора переселенцев колеблется от 460 руб. (на Урале), до 750 руб. (в ДВО), а общая сумма средств, которые необходимы даже для устройства всего 1 млн. душ, не меньше 120 млн. руб. [3] Как видим, здесь должны быть затрачены колоссальные средства и упорный труд, и нет никаких сомнений, что проблема колонизации и освоения этих огромных территорий не сможет быть решена в течение сколько-нибудь коротких сроков, когда будет итти упорная борьба человека с тайгой, тундрой и пустыней. Эти сроки, очевидно, должны измеряться не годами, а десятилетиями. Между тем, эти огромные почти неисследованные территории обладают колоссальными естественными богатствами, почти еще не тронутыми и не эксплоатирующимися. Точно так же и основная масса энергетических ресурсов расположена именно в этих районах. Несомненно, что этим районам принадлежит великое будущее, но в настоящее время и в ближайший период времени эти территории требуют вложения огромных средств.

Естественные наши богатства весьма слабо исследованы и несомненно, наши возможности гораздо больше, чем это можно реально учитывать в настоящее время, — и в первую очередь это относится к энергетическим ресурсам Союза, исследованным далеко еще не достаточно. Современные подсчеты их общего размера придется неоднократно исправлять — и в сторону повышения этих оценок, как по мере более точного определения энергетических ресурсов в уже известных местонахождениях, так и по мере открытия новых в обширных малоисследованных территориях страны. Под-

[1] Проф. И. Ямзин. „О постановке колонизационных и мелиоративных проблем в России“, стр. 15. Труды Гос. Колонизационного Научно-Исследовательского Института, т. I.

[2] Это резкое сокращение переселенческой волны является следствием прежде всего социальной революции и национализации земли, а также и общего сокращения численности сельского населения. Впрочем, эти данные весьма неполны и для определения общего числа переселенцев должны быть увеличены минимум на 1/3 (см. „Контр. цифры народного хозяйства на 1927/28 г.“, стр. 167).

[3] С 1906 по 1915 г. царским правительством было затрачено всего 222 млн. руб. на все переселенческое дело.

счет проф. Л. К. Рамзина определяет общую сумму ресурсов энергии в СССР в 775,6 млн. тонн условного 7.000 кал. топлива. [1]

Основная масса энергетических ресурсов страны расположена на окраинах, в Азиатской части СССР. Основной костяк Союза, наиболее населенный и сосредоточивающий главную, преобладающую массу потребителей топлива — Европейская часть страны — обладает всего 16,8% всех энергетических ресурсов, и на душу населения в этой части страны сосредоточено ресурсов энергии в 15 раз меньше, чем в Азиатской ее части. Освоение этих источников энергии должно потребовать значительного времени, труда и капиталов. Если говорить о трех основных источниках энергии — угле, нефти и торфе, то достаточно будет указать, что из 130 млн. гектаров общей площади торфяных болот исследовано всего 29 млн. гектар., а общая добыча торфа в настоящее время не превышает 2% годичного прироста доступных торфяников Европейской части СССР; основными центрами добычи угля и нефти являются старые районы — Донбасс, Баку и Грозный. В общем сравнительно небольшая часть энергетических ресурсов страны введена пока в эксплоатацию: это — наиболее доступные и преимущественно находящиеся на территории Европейской части Союза районы. В то же время в нашем топливном балансе основными статьями, определяющими потребление топлива, являются уголь и нефть, — наиболее ценные и невозобновляемые источники энергии. Из общей суммы потребления топлива в 1926/27 г. в 48,8 млн. тонн условного 7.000 кал. топлива потребление каменного угля и нефти составило 37,5 млн. тонн, т.-е. 77%. Рациональная реконструкция топливного режима страны и должна, очевидно, заключаться в вводе в эксплоатацию новых районов и новых источников энергии, что дало бы возможность прекратить хищническую эксплоатацию старых районов невозобновляемых и дороги источников энергии. В то же время прогрессирующее развертывание производства, товарооборота, всех сторон экономики страны чрезвычайно увеличит потребность страны в топливе. До войны страна жила в условиях хронического недостатка топлива и покрывала потребность в нем ввозом (в 1908 г. ввоз составлял 10% всего снабжения страны топливом, а в 1913 г. — 15%; в последнем году имел место резкий кризис абсолютного недостатка топлива, повысивший цены на него на 75% и выше [2]). Необходимость покрытия растущего потребления топлива внутренним его производством потребует, конечно, форсирования последнего.

[1] См. Л. К. Рамзин. „Ресурсы энергии в СССР". сб. „Пром. и нар. хозяйство", стр. 517 и сл. Последние подсчеты Геологического комитета (на 1 января 1927 г.) повышают цифру ресурсов каменного угля до 447,4 мрд. тонн усл. топлива, главным образом за счет Кузнецкого бассейна (см. И. И. Феодорович. „Предпосылки к генеральному топливному плану". „План. Хоз.", стр. 133, № 8, 1927 г.).

[2] См. В. И. Гриневецкий. „Послевоенные перспективы русской промышленности", стр. 42, 1922 г.

Несомненно, что уже в течение последних лет наметился целый ряд положительных тенденций в реконструкции топливного режима страны.

Первые годы войны дали под'ем добычи угля и нефти. Усиленная работа промышленности и транспорта увеличила потребление топлива в стране, и кульминационный пункт в росте добычи топлива падает на 1916 г. [1]. Начиная с этого года вплоть до 1920 г. добыча угля и нефти сокращается с тем, чтобы начать со следующего года расти, и уже в 1926/27 г. об'ем ее больше, чем в 1913 г. Параллельно сокращению добычи этих основных видов топлива шел рост заготовок торфа и дров, и, наоборот, с восстановлением добычи нефти и угля заготовка дров резко сократилась. 1920 г., наиболее „холодный" из всех годов эпохи гражданской войны, был годом максимальной дровозаготовки. За последние годы в снабжении страны топливом возрастает роль каменного угля, нефти и торфа и резко сокращается роль дров. Добыча торфа увеличилась в 4,5 раза против довоенной.

Эти же процессы отмечаются и в структуре потребления страной топлива. Движение потребления топлива страной за последние годы определяется следующими данными. [2]

Виды топлива	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
I. Услов. 7.000 кал. топлива в млн. тонн	45,0	19,5	22,4	26,4	35,0	42,3	46,8
В том числе в проц. к итогу:							
1. Каменный уголь	59,5	32,0	39,2	47,5	56,6	59,5	59,3
2. Нефтетопливо	14,1	22,1	18,6	20,3	16,6	14,8	15,2
3. Торф	1,7	4,2	4,6	4,2	4,3	4,8	5,7
4. Дрова	24,7	41,7	37,6	28,0	22,5	20,9	19,8
II. Установленная мощность районных электростанций (в тыс. клвт) .	420	442	458	520	598	776	814

Несмотря на растущее потребление топлива, уже начиная с 1924/25 г. оно покрывается внутренним производством. При этом в высшей степени уродливая конструкция топливного баланса, когда в 1922/23 г. нефть занимала 22%, а дрова 42%, к 1927/28 г. сменилась гораздо более рациональной: нефть занимает 15%, а дрова 20%. Вследствие резкого роста добычи торфа увеличилась и его доля в общем потреблении топлива — с 1,7% до 5,7%. В качестве показа-

[1] См. В. А. Ларичев: „О пятилетнем топливном плане". „Плановое Хозяйство" № 2, 1928 г.

[2] См. „План. Хоз.", № 11, стр. 258, 1927 г.

теля роста производства электрической энергии могут служить данные об установленной мощности районных электростанций: с 420 до 814 тыс. клвт. Таким образом, на ряду с устранением тех уродливых явлений, которые имели место в начале восстановительного процесса, в области топливного режима наметились несомненные реконструкционные процессы. Однако, несмотря на огромный темп развития этих процессов, абсолютные их размеры еще весьма невелики. Между тем обеспеченность страны топливом является одним из основных условий для развертывания процесса реконструкции. До сих пор топливный баланс страны напряжен и израсходованные в кризисные годы запасы топлива не восстановлены. Это восстановление запасов топлива придется произвести, конечно, также из текущего производства, что пред'явит к последнему дополнительные требования.

Отмеченные реконструкционные процессы в общем топливном балансе страны означают и иное географическое распределение источников топлива. Повышение добычи торфа и производства электрической энергии означает увеличение веса новых районов в общем снабжении страны энергией и приближение к потребителям последней. Иная география сложилась и в угольной промышленности [1].

Районы	Запасы угля (в мрд. тонн)	Добыча угля за год (в тыс. тонн)				
		1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г
А. Абсолютные числа						
1. Донецкий	63,2	25.130	12.450	19.572	24.550	28.725
2. Подмосковный . . .	8,3	300	633	946	972	1.196
3. Кузнецкий.	330,0	775	984	1.715	2.471	2.540
4. Прочие	68,6	2.665	2.546	3.353	4.068	4.683
Итого . . .	475,1	28.870	16.613	25.586	32.061	37.144
Б. В процент. к итогу						
1. Донецкий	14,4	87,0	74,9	76,5	76,5	77,4
2. Подмосковный . . .	1,7	1,0	3,8	3,7	3,0	3,3
3. Кузнецкий	69,5	2,7	5,9	6,7	7,7	7,1
4. Прочие	14,4	9,3	15,4	13,1	12,8	12,2

[1] См. указ. работу В. А. Ларичева, а также И. И. Феодоровича. „Генеральный план развития Кузнецкого бассейна". „Плановое Хозяйство", № 2, 1928 г. Запасы угля в недрах показаны здесь по подсчетам Геологического Комитета на 1 января 1927 года.

Как видим, участие Подмосковного, Кузнецкого и прочих бассейнов резко возросло. Толчок к введению в усиленную эксплоатацию этих районов был дан в годы гражданской войны, когда Донецкий бассейн был отрезан от Центральной России. В течение всех последующих лет Донецкий бассейн неуклонно восстанавливал свое значение. Но введение в эксплоатацию этих новых районов, особенно Кузнецкого, с его колоссальными запасами угля, с точки зрения интересов всего народного хозяйства является высоко положительным фактом, особенно, если принять во внимание, что общая добыча угля в стране уже значительно выше довоенной. Гораздо более слабые в этом отношении сдвиги могут быть намечены в эксплоатации нефтяных источников. [1]

Районы	Запас нефти (в млн. тонн)	Добыча нефти за год (в тыс. тонн)				
		1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Числа абсолютные						
1. Бакинский.	1.443	7.669	4.825	5.665	7.043	8.026
2. Грозненский. . . .	900	1.207	2.000	2.466	3.030	3.358
3. Прочие	541	467	357	394	364	416
Итого . . .	2.884	9.343	7.186	8.525	10.437	11.800
Б. В процент. к итогу						
1. Бакинский	50,1	82,3	67,3	66,5	67,5	68,0
2. Грозненский	31,3	12,9	27,8	29,0	29,0	28,5
3. Прочие	18,6	4,8	4,9	4,5	3,5	3,5

Все же в организации эксплоатации основных топливных ресурсов страны налицо значительные положительные сдвиги. Но неизмеримо большие успехи достигнуты в электрификации страны.

По приведенным Г. М. Кржижановским данным („Десять лет хозяйственного развития СССР"), мощность электрических станций меняется за последние годы следующим образом (на конец года).

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
В тыс. клвт.	1.349	1.440	1.690	2.130
Прирост за год в %%	—	6,8	17,2	26,1

Прирост мощности электрических станций, по мере введения в эксплоатацию вновь выстроенных, прогрессивно растет от года к году. Еще более резкий рост обнаруживает выработка энергии:

[1] Подсчет запасов в недрах — Л. К. Рамзина. И. Н. Стрижов считает запасы Грозненского нефтяного района вдвое более высокими. Добыча нефти — по данным В. А. Ларичева.

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
В млн. клвт.-час.	897	1.132	3.220	4.112	5.325
Прирост за год в % . . .	—	26,0	184,1	27,5	29,3

Если в 1913 г. с крупных станций общественного пользования было отпущено 431 млн. клвт.-час., то в 1927 г. отпуск энергии со станций общественного пользования и с крупных районных станций достиг 1.900 млн. клвт.-час. При этом и фабрично-заводские станции почти удвоили отпуск электрической энергии.[1] Страна уже располагает 9 электроцентралями с общей мощностью к концу 1927 г. 230 тыс. клвт. (Волховская — 55 тыс. клвт., „Красный Октябрь“ — 20 тыс., Шатурская — 48 тыс., Каширская — 12 тыс., Электропередача 36 тыс., Балахнинская — 20 тыс., Штеровская — 20 тыс., Кизеловская — 6 тыс. и Земо-Авчальская — 13 тыс.). Революционизирующее действие даже этих, еще первых, шагов электрификации трудно оценить. В организации энергетического хозяйства страны, в структуре ее энергетического баланса должны быть констатированы несомненные реконструкционные процессы. Эти процессы развиваются весьма энергично, подводя тем самым и базу под реконструкцию всего производственного скелета страны.

Перейдем к рассмотрению сырьевой базы страны, и в первую очередь — горнодобывающей.

Еще слабее энергетических ресурсов исследованы горные богатства Союза. Дальнейшее исследование Курской магнитной аномалии, Урала, Сибири и Таманского полуострова, вероятно, покажет, что Союз обладает гораздо более мощными запасами железной руды, чем то возможно предполагать в настоящее время. Это же относится и к марганцу, месторождения которого недавно открыты на Сев. Кавказе (р. Лаба) и найдена руда в Правобережной Украине. Дальнейшие разведки медных, свинцово-цинковых и никелевых руд (в сущности, почти не исследованных) могут, разумеется, произвести переворот в наших представлениях о тех ресурсах, которыми в этих областях мы обладаем, — такой же, какой в калийной промышленности произвело открытие Соликамского месторождения, в железорудной — Курской аномалии. Поэтому данные о горных богатствах Союза надо считать еще более ориентировочными и преуменьшенными, чем данные об энергетических ресурсах. Широкое развертывание исследований горных богатств Союза является совершенно необходимым. В этом отношении за последние годы могут быть констатированы некоторые успехи, но далеко еще не достаточные. Движение добычи основных ископаемых и их потребления может быть представлено следующим образом.[2]

[1] Г. М. Кржижановский. „Десять лет хозяйственного строительства СССР“, стр. 24—26.

[2] По данным ВСНХ, ср. Я. М. Свердлов. „Горные богатства СССР“ (сбор. „Пром. и нар. хоз.“). См. также „Металлопромышленность СССР за 10 лет и ее ближайшие перспективы“, журн. „Металл“ № 11—12, стр. 103 и сл. 1927 г. 1927/28 г. принят по промфинплану ВСНХ СССР.

Производство и потребление основных продуктов горной промышленности (кроме т по СССР

(в тыс. тонн)

Продукты	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Производство					
1. Железная руда	9.214,0	2.084,0	3.318,0	4.802,0	5.683,0
2. Марганец	1.254	619	970	840	?
В том числе:					
Чиатуры (концессия с 1926 г.) .	969	498	538	368	?
Никополь	251	174	424	472	559
3. Медь	33,6	12,6	18,1	21,9	22,8
4. Свинец	1,3	0,6	1,0	1,05	3,30
5. Цинк	1,95	1,49	1,89	2,20	3,10
6. Олово	—	—	—	0,04	0,13
7. Серный колчедан	66,2	46,0	95,0	167,0	—
8. Асбест (сортовой)	22,5	12,0	18,0	21,0	30,0
Б. Потребление (внутри страны)					
1. Марганец	60,0	85,0	217,0	190,0	—
2. Медь	39,6	30,0	33,5	43,5	—
3. Свинец	66,0	20,6	26,7	34,7	—
4. Цинк	46,0	19,0	19,4	28,0	—
5. Олово	2,5	2,2	2,3	2,4	—
6. Никель	3,0	—	—	—	—
7. Алюминий	2,0	2,1	1,9	4,2	—
8. Асбест	?	6,1	10,3	10,8	—
Экспорт (+) и Импорт (—)					
1. Железная руда	+ 471	+ 187	+ 150	+ 408	—
2. Марганец	+1.226	+ 527	+ 673	+ 785	—
3. Медь	— 6,0	— 1,64	— 11,30	— 18,47	—
4. Свинец	— 64,20	— 14,20	— 21,90	— 30,62	—
5. Цинк	— 28,2	— 12,09	— 14,71	— 29,50	—
6. Олово	— 2,5	— 2,03	— 2,07	— 3,47	—
7. Алюминий	— 2,00	— 2,02	— 1,80	— 2,83	—
8. Асбест	+ 12,4	+ 5,9	+ 7,7	+ 10,2	—

Таким образом, уже в настоящее время можно констатировать намечающиеся тенденции не только восстановления размеров добычи, железных руд и цветных металлов, но и более быстрого роста производства некоторых из них, чем потребления. Однако, в отношении основных руд — железных и цветных металлов — далеко еще не закончился элементарный процесс восстановления размеров их добычи и потребления. Зато огромный под'ем имеет место в добыче химического сырья, магнезита и асбеста. Точно так же прогрессивным является резкий рост добычи марганца в Никопольском районе. Несомненные успехи сделаны и в организации работ по добыче калийных удобрений, алюминия и некоторых других ископаемых. Все это — новые производства, до войны или вовсе не ставившиеся, или имевшие экзотическое значение. В этом отношении могут быть констатированы не только процессы восстановления, но и некоторые реконструкционные процессы в горной промышленности. Нельзя этого пока сказать о благородных металлах (золоте и платине). Но и здесь, с одной стороны, открытие новых месторождений на Алдане, а с другой — введение в эксплоатацию новых усовершенствованных драг обещает значительное развертывание производства.

Организация широкой исследовательской работы, геологических исследований и разведок является совершенно необходимой предпосылкой для дальнейшего развертывания горной промышленности Союза. Огромные богатства, заключенные в недрах еще мало исследованных территорий, при все прогрессирующем истощении в эксплоатируемых уже месторождениях (как в СССР, так и за границей) являются, быть может, одним из основных ресуров для развертывания процесса реконструкции. Приступ к широким работам, которые дали бы возможность постепенного освоения этих богатств, должен явиться одной из первых предпосылок для планомерного развития народного хозяйства. Между тем, развитие этих изысканий продолжает быть явно недостаточным.

Огромные лесные богатства Союза также весьма слабо исследованы. Даже общая оценка размеров лесных площадей колеблется в пределах от 500 млн. гектар. до 200 млн.[1] При этом на Европейскую часть РСФСР падает всего 23,5%, на Сибирь и ДВК — 75,2% и на остальную часть территории всего 1,3% всей площади лесов. По подсчетам П. Н. Быкова, удобная лесная площадь составляла 65% всей площади, а общая площадь всех исследованных лесов — всего 23%, устроенных же — 5%.[2] Лесные богатства СССР составляют приблизительно $^1/_3$ лесных богатств всего мира; в общем национальном

[1] См. Б. И. Селибер. „Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству." В. В. Фаас. „Лесные богатства СССР и их использование," сб. „Пром. и народ. хоз-во". П. Н. Быков. „Современ. состояние лесного хоз-ва", сб. „Лесные богатства СССР", изд. Госплана.

[2] См. указанную работу.

богатстве лесные фонды являются одним из основных слагаемых, и ни одна страна в мире не располагает такими исключительными по размерам и качеству лесными богатствами. Однако, как видим, в настоящее время лишь самая незначительная часть этого сокровища может быть введена в учет как реальная величина. Между тем старые лесные площади центральных областей Европейской части Союза уже и до революции были сильно истощены, а усиленная эксплоатация в голодные годы гражданской войны еще более усилила это истощение. Целый ряд районов (особенно в бассейне Волги), недавно еще располагавших значительными лесными богатствами, в в настоящее время не могут ими похвалиться. Ввод же в эксплоатацию основных лесных массивов Союза — Северо-восточного района Европейской части СССР, Сибири и Кавказа — целиком связан с решением двух задач: устройства этих лесов и транспортной проблемой. Без организации дешевого транспорта нет, конечно, никакой возможности приступить к широкой правильной эксплоатации этих лесных массивов. С другой стороны, являются обязательными работы по исследованию и устройству лесов. С начала войны до 1924 г. эти работы, в сущности, не производились, а в последние годы темп их развития был далеко не достаточный. В Европейской части СССР общая площадь лесов равна 165 млн. гектар. Из них устроено около 80 млн. гектар. В 1926/27 г. было вновь устроено всего 6 млн. гектар, т.-е. $^1/_{12}$ часть остающейся к устройству площади лесов. Между тем, развертывающийся процесс реконструкции и связанное с ним огромное строительство потребуют чрезвычайно усиленной эксплоатации лесов; при этом в ближайшие годы порубка леса должна удовлетворить не только текущее потребление в древесном топливе и строительном материале, но и образовать запасы. Такое положение вещей, когда сколько-нибудь значительное требование того или иного крупного строительства на сухой, соответствующий нормальным строительным кондициям лес (как то имело место не так давно с Днепростроем) лишало бы остальных потребителей страны необходимого качества леса, — конечно, не может быть терпимо в эпоху большого строительства; точно так же производить эти строительные работы, используя, как это ныне имеет место, сырой лес, заведомо негодный, — значит обрекать их на явные неудачи и компрометацию. Наконец, экспортное значение леса при слабой восстановленности остальных статей вывоза будет также пред'являть повышенные требования к лесоразработкам. Нет никакой возможности продолжать хищническую эксплоатацию старых массивов в свете этих требований, пред'являемых к лесному делу процессом реконструкции — лесная проблема и связанная с нею транспортная становятся чрезвычайно серьезными. О размерах потребления леса нет точных данных, но достаточно показательными могут быть данные об экспорте леса и потребления дров.

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Потребление дров индустрией и транспортом (в тыс. куб. с.)	59.100	41.800	49.200	49.190	52.320
2. Экспорт (в тыс. тонн)	7.597	2.167	1.922	2.485	—

Таким образом, и потребление дров и экспорт леса в настоящее время значительно еще уступают довоенным. Но вряд ли об'ем строительных работ в последний, по крайней мере, год ниже довоенного. Если учесть, что и натуральное потребление леса сельским населением, в связи с усиленным строительством деревни, также должно было значительно возрасти, то надо будет притти к заключению, что общее потребление леса в настоящее время не ниже довоенного, и нет никакого сомнения, что и в дальнейшем оно будет, в силу указанных выше причин, расти весьма интенсивно. Лесная база Союза должна быть расширена путем ввода в эксплоатацию новых массивов; но это требует огромных затрат на лесоустроительные работы, организацию транспорта и т. д. По некоторым расчетам, окончание лесоустройства в Европейской части СССР и на Кавказе должно обойтись в 105 млн. руб.[1] Между тем, на эти работы по контрольным цифрам отпущено на 1927/28 г. всего 4 млн. руб.[2] Собственно говоря, еще и не приступлено по-настоящему к расширению лесной базы Союза. А именно в этом деле время не ждет.

Не менее тревожным надо признать состояние пушного и рыбного хозяйства. Эксплоатируемые пушные районы быстро истощаются и должны быть приняты решительные меры к полному прекращению хищнической эксплоатации их. Целый ряд мероприятий по охране промысла был проведен в последние годы в законодательном порядке; уже организован ряд заповедников и поставлен вопрос об организации новых. Эти мероприятия должны дать свои результаты, тем более необходимые, что усиленная эксплоатация пушных богатств страны, как одного из источников экспорта, является совершенно неизбежной. Экспорт пушнины развивался в последние годы весьма интенсивно, и нет оснований предполагать, что емкость мирового рынка в ближайшие годы уменьшится.

Экспорт пушнины

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
В млн. рубл. по дов. ценам . . .	17,1	23,4	23,5	26,7
В %% к 1913 г.	100	136,8	136,8	156,0

В аналогичном положении находятся и рыбные богатства Союза. По подсчетам В. И. Мейснера,[3] общая продуктивность основных рыбопромышленных угодий Союза может быть определена в 1,8 млн. тонн. Это огромное богатство, конечно, используется далеко не достаточно. в 1924 г. общий улов рыбы составил 550 тыс. тонн, в 1925 г.— 650 тыс. тонн, в 1926 г. — 899 тыс. тонн. Империалистическая и гражданская войны весьма подорвали рыбное дело. Уничтожено было оборудование, рыбацкое население частью выселилось из промысловых районов. Рыбное дело еще не оправилось от этих ущербов, далеко еще не восстановилось и ждет еще рациональной организации всего хозяйства. Таким образом, эти ресурсы Союза — лесное и рыбное хозяйство — используются еще недостаточно рационально. Используется небольшая часть этих богатств, но и та часть, которая эксплоатируется, — эксплоатируется пока еще не на научных основаниях и недостаточно рационально. В этой области процесс реконструкции еще не начался, а процесс восстановления далеко еще не закончился.

Сельскохозяйственная сырьевая база, очевидно, должна была испытать наиболее сильное воздействие социальной революции, обусловившей передел земли, прошедших лет гражданской войны, голода, революционирующего воздействия, наконец, планового хозяйства.

Движение двух основных элементов — посевных площадей зерновых хлебов и скота — может быть представлено следующими приблизительными данными.[1]

Движение посевных площадей зерновых хлебов и численности скота по СССР

Годы	Площадь посева зерн. хлеб. (млн. гек.)	Скот (в тыс. голов в переводе на крупный)		В %%% к 1913 г.		
		Весь скот	Рабочий скот	Посев. площади	Весь скот	Рабоч. скот
1913	96,2	(84.3)	35,9	100,0	100	100
1914	99,2	—	—	103,1	—	—
1915	96,2	—	—	100,0	—	—
1916	87,7	84,3	35,9	91,2	100,0	100.0
1917	88,1	—	—	91,6	—	—
1918	86,1	—	—	89,5	—	—
1919	84,1	—	—	87.4	—	—
1920	82,5	—	—	85,8	—	—
1921	73,6	—	—	76,5	—	—
1922	64,6	—	—	67,1	—	—
1923	76,7	63,7	23,4	79,7	75,6	65,2
1924	77,6	71,8	24.6	80,7	85 2	68,5
1925	81,0	76 4	25,4	84,2	90,6	70,7
1926	87,2	81,7	30,9	90.6	96 9	86,1
1927	89,5	86,6	33,0	93,0	102,7	91,9

[1] См. указ. работу В. В. Фааса.

[2] „Контр. цифры на 1927/28 г.“ стр. 148.

[3] „Рыбные богатства СССР и их использование“, сб. „Пром. и нар. хоз.“ стр. 194.

[1] Таблица составлена по приблизительным исчислениям Госплана СССР (см. „Продукция и потребление СССР“, стр. 114, „Контр. цифры народного хозяйства на 1926/27 г.“, стр. 337, изд. I, Н. Вишневский. „Третий урожайный год“, „План. Хоз.“ № 9, 1927 г., стр. 51, „План. Хоз.“ № 11, 1927 г., стр. 258. Данные эти не отличаются большой точностью и только за 1925—27 гг. могут считаться относительно установленными.

Начиная с 1916 г., посевные площади главных зерновых хлебов и численность стада неизменно сокращались вплоть до 1923 г., когда начался процесс их восстановления. Войны и голод 1921 г. отразились на этих основных элементах сельскохозяйственной базы страны чрезвычайно тяжело. Особенно пострадал рабочий скот — основная двигательная сила крестьянского хозяйства. Эта недовосстановленность основной сельскохозяйственной базы еще резче выявляется, если определить движение ее элементов на душу сельского населения.

Годы	На душу сел. населения		В проц. к 1913 г.	
	Площадь посева зернов. хлебов (в гект.)	Голов скота	Площадь посева	Число скота
1913	0,84	0,74	100	100
1917	0,78	—	92,9	—
1920	0,73	—	86,9	—
1923	0,67	0,56	79,8	75,7
1927	0,72	0,70	85,7	94,6

Таким образом, недовосстановленность этих двух основных элементов сельского хозяйства — посевных площадей главных зерновых хлебов и рабочего скота — еще довольно велика, но темп восстановления их весьма значителен и много выше темпа роста населения. В среднем за последнее перед войной пятилетие посевные площади главных зерновых хлебов возрастали всего по 2,3% в год; таким образом, восстановительные темпы превысили довоенные в 2—3 раза. Однако, анализ динамики одних этих общих средних величин является явно недостаточным, и должно быть рассмотрено прежде всего движение состава посевных площадей как под зерновыми, так и под прочими культурами. К сожалению, такие диференцированные данные могут быть приведены лишь за последние три года. Общая динамика всех посевных площадей (полевых и усадебных) за эти годы определяется следующими данными[1] (в тыс. гектар).

Культуры	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Все зерновые	105.121	88.493	95.270	97.736
в проц.	100	84,2	90,6	93,0
2. Все технические	5.365	7.164	6.672	7.281
в проц.	100	133,5	124,4	135,7
3. Картофель	3.933	5.060	5.268	5.494
в проц.	100	128,7	133,9	139,7
4. Прочие	4.709	4.908	5.156	5.412
в проц.	100	104,2	109,5	114,9
Итого	119.128	105.625	112.366	115.923
в проц	100	88,7	94,5	97,3

[1] См указ. работу Н. М. Вишневского.

Если площадь посева зерновых культур меньше, чем была до войны, и продолжает до последнего времени оставаться недовосстановленной, то площадь посева технических культур на 35% выше довоенной, а картофеля — даже на 40%. Благодаря этому, пропорция культур в общем посеве в настоящее время иная, чем была до войны (в %% к итогу):

Культуры	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Все зерновые	88,2	83,8	84,8	84,3
2. Все технические	4,5	6,8	5,9	6,3
3. Картофель	3,3	4,8	4,7	4,7
4. Прочие	4,0	4,6	4,6	4,7

Доля технических с 4,5% в 1913 г. поднялась до 6,3%, картофеля — с 3,3% до 4,7%, а зерновых соответственно упала с 88% до 84,3%; при этом за эти три года ни технические, ни прочие культуры не обнаруживают стремления к тому, чтобы возвратить зерновым их прежнее значение. Уже одно это изменение структуры посевов является несомненным показателем реконструкционных процессов; значение их умеряется, конечно, фактом недовосстановленности посевов зерновых. Однако, несмотря на то, что общая посевная площадь зерновых еще не достигла довоенных размеров, состав зерновых резко изменился.

Культуры	В тысячах гектаров				В проц. к итогу			
	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Рожь	28.621	29.146	28.889	28.773	27,2	32,9	30,3	29,5
2. Пшеница	35.477	24.784	29.388	31.412	33,7	28,0	30,9	32,1
3. Овес	19.052	13.026	15.550	17.759	18,1	14 7	16,2	18,2
4. Ячмень	12.554	6.516	7.551	7.252	11,9	7,4	7,9	7,4
5. Гречиха	2.181	2.926	2.897	2.825	2,1	3,3	3,1	2,9
6. Просо	3.855	6.335	5.385	4.330	3,7	7,2	5,7	4,4
7. Кукуруза	1.449	3.437	2.980	2.961	1,4	3,9	3,1	3,0
8. Прочие	1.932	2.323	2.630	2.424	1,9	2,6	2,8	2,5
Итого зерновых	105.121	88.493	95.270	97.736	100	100	100	100
В том числе:								
Рожь озимая	27.328	27.852	27.686	27.638	96,7	97,9	98,0	98 1
„ яровая	924	591	556	522	3,3	2,1	2,0	1,9
Всего распределено	28.252	28.443	28.242	28.160	100	100	100	100
Пшеница озимая	7.710	7.810	9.035	10.949	22,3	32,3	31,5	35,6
„ яровая	26.827	16.378	19.646	19.783	77,7	67,7	68,5	64,4
Всего распределено	34.537	24.188	28.681	30.732	100	100	100	100

Таким образом, ниже довоенной — площадь под посевами пшеницы, овса и ячменя. Площадь под посевами остальных культур — выше довоенной. Особенно резко сократились посевы пшеницы и ячменя. При этом все сокращение посевов пшеницы падает исключительно на яровую пшеницу. Посевы озимой же возросли больше,

чем на 40%. Эти глубокие сдвиги в составе зернового посевного клина — и сдвиги прогрессивные, увеличивающие засухоустойчивость сельскохозяйственного производства,— показывают, что процесс восстановления размеров посевных площадей под зерновыми был в то же время и процессом реконструкции их состава и интенсификации земледельческого хозяйства.

Точно так же и значительный рост технических культур является показателем этих прогрессивных тенденций в развитии сельскохозяйственного производства.

Культуры	В тысячах гектаров				В проц. к итогу			
	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Подсолнух	1.398	3.232	2.707	3.026	26,1	45,1	40,6	41,6
2. Лен	1.857	1.717	1.687	1.761	34,6	24,0	25,3	24,2
3. Конопля	721	944	949	941	13,4	13,2	14,2	12,9
4. Хлопок	701	652	700	804	13,1	9,1	10,5	11,0
5. Сахарная свекла	622	534	538	665	11,6	7,5	8,1	9,1
6. Табак	32	39	35	37	0,6	0,5	0,5	0,5
7. Махорка	34	46	56	47	0,6	0,6	0,8	0,7
Итого	5.365	7.164	6.672	7.281	100	100	100	100

Подсолнух, хлопок и сахарная свекла дают рекордные коэфициенты роста посевных площадей, что находится в прямой зависимости от проводимой государством политики цен и контрактации посевов.

Общему росту посевов не мало способствовали и те работы, которые были произведены по организации территории. По одной РСФСР за 1924—26 гг. были в этом отношении проведены следующие главнейшие мероприятия [1] (в тыс. гектар.):

Род мероприятий	Название мероприятий	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I. Землеустройство	1. Размежевано межселенно	10.021	10.834	11.537
	2. „ внутриселенно	3.404	7.548	10.767
II. Мелиорация	3. Осушено земли	85	104	134
	4. Орошено полей	26	99	18
III. Колонизация	5. Подготовлено зем. фонда	721	1.344	1.661

И в данном случае должен быть отмечен значительный темп роста этих работ при абсолютной их еще небольшой величине. „Контрольные цифры нар. хоз-ва на 1927/28 г.“ отмечают, что „одним из главнейших тормозов в развитии сельского хозяйства является неземлеустроенность земельной территории...“ [1] Из общей территории свыше 250 млн. гектар за годы революции землеустроено лишь около 130 млн. гектар, а доведено до двора всего 25 млн. гектар. [2]

[1] „Итоги десятилетия советской власти в цифрах“, стр. 251.

Землеустройство остальной территории является совершенно необходимой предпосылкой рациональной организации сельского хозяйства Союза. Эти работы должны, однако, потребовать огромных средств, а главное — значительного кадра технических сил, которых крайне недостаточно.

Об'ем ирригационных и мелиоративных работ за последние годы определяется следующими данными: [3]

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Мелиорация (без ЗСФСР и Ср. Азии)				
1. Осушено (в тыс. гект.)	132	168	219	240
2. Орошено „ „	99	19	56	59
3. Произведено культурно-техн. улучшений (в тыс. гект.)	68	130	215	250
Б. Ирригация (Ср. Азия и Закавказье)				
1. Общая сумма работ (в млн. руб.)	9,9	31,0	36,2	40,9
2. В т. ч. на новые работы	3,3	7,1	7,8	9,5

Темп роста мелиоративных и ирригационных работ, как видим, весьма высок. Особенно сильно возрастали затраты на ирригационные работы в хлопководческих районах. К сожалению, пока нет еще данных, которые бы позволили установить эффективность уже произведенных затрат.

Выше был уже отмечен факт недостаточной восстановленности стада. Однако, и в данном случае произошли резкие изменения в его составе. [4]

При недовосстановленности общего числа лошадей и в частности рабочих, прочие категории скота по численности превышают уровень 1916 г. Этот факт — недовосстановленности рабочего скота — является, разумеется, одним из наиболее отрицательных, ибо недостаточная обеспеченность крестьянского хозяйства основной двигательной силой играет и может в дальнейшем сыграть задерживающую развитие всего сельского хозяйства роль.

[1] „Контр. цифры нар. хоз-ва на 1927/28 г.“, стр. 115 и сл.

[2] „Контр. цифры нар. хоз. на 1927/28 г.“, стр. 115.

[3] Там же.

[4] См. „Контр. цифры нар. хоз-ва на 1927/28 г.“, стр. 114.

К сожалению, только данные переписи 1916 г. определяют достаточно точно численность стада. Соответствующих данных за 1913 г. не имеется. Между тем, два года войны должны были значительно отразиться на численности и составе стада. Данные о движении численности стада за последние годы являются весьма приблизительными.

Движение численности и состава стада по СССР

Виды скота	Число голов скота (в млн.)					В %% к 1916 г.			
	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Лошади	35,3	25,3	26,8	29,1	31,3	71,7	75,9	82,4	88,7
В т. ч. рабочие . .	27,3	19,7	20,1	21,7	23,1	72,1	73,6	79.5	84,6
2. Крупный рог скот .	60,3	58.0	60.6	64.1	67,8	96,2	100,5	106,3	112.4
В т. ч. волы . . .	5,4	4,9	5,3	6,4	6,8	90,7	98.1	118,5	125,9
„ „ „ коровы . .	25.9	26,6	27,9	29,2	30,1	102,7	107,7	112.7	116,2
3. Овцы и козы . . .	120,8	96,9	111,5	121,6	134.3	80,2	92,3	100 7	111,2
4. Свиньи	20,3	19,5	18,8	18,1	20,0	96,1	92,6	89,2	98,5
Итого в переводе на крупный скот .	84.3	71,8	76,4	81,7	86,6	85.2	90,6	96,9	102,7
В т. ч. рабоч. скот	35,9	27,0	27,9	30,9	33,0	75,3	77,7	86,1	92,0

Состояние обеспеченности сельского хозяйства рабочим скотом может быть иллюстрировано следующими данными: [1]

Г о д ы	На 100 гект. посева лошадей	На 1 единицу раб. скота гектар. посева	В %%% к 1916 г.	
			Лошадей на 100 гектар.	Гектар. посева на 1 единицу раб. скота
1916	23,2	3,93	100	100
1925	19,1	4,63	82,2	117,2
1926	19,4	4,51	83,6	114,8
1927	19,9	4,36	85,9	111,0

Таким образом, нагрузка рабочего скота с каждым годом уменьшается и приближается к норме 1916 г. Однако, и в настоящее время она превышает довоенную на 11%.

Точно так же и общий рост численности рабочего скота за последние годы был весьма большой. Однако, недовосстановленность его еще весьма значительна, особенно в отдельных, наиболее сильно пострадавших районах (напр., Заволжье). Этот недостаток живой тяговой силы особенно остро ставит вопрос о пополнении ее механизированной — в частности, тракторами.

Снабжение сельского хозяйства тракторами за время революции сделало, конечно, большие успехи, но сравнительно с грандиозностью задачи механизации сельскохозяйственного производства Союза эти успехи еще очень скромны. На полях Союза в настоящий момент работает около 30 тыс. тракторов. Все это количество тракторов брошено в земледелие в последние 5 лет; при полной нагрузке

[1] Там же.

и максимально рациональном использовании эти 30 тыс. штук тракторов могли бы обработать огромную площадь около 5,5 млн. гектар. Разумеется, в действительности тракторы эти используются в лучшем случае на одну треть. Но даже и эти относительно скромные успехи тракторизации сельского хозяйства должны быть особенно подчеркнуты, ибо они означают начало технической революции в сельскохозяйственном производстве. Такое же значение имеет и широко развернувшееся за последние годы снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и удобрениями.

Снабжение страны сельскохозяйственными машинами шло следующим темпом (в млн. руб. по довоенным прейскурантным ценам) [1]

Г о д ы:	Внутр. пр-во	Импорт	Всего	В %%
1913	67,0	41,0	108,0	100
1921/22	6,9	4,7	11,6	10,7
1922/23	11,8	2,8	14,6	13,5
1923/24	16,4	4,1	20,5	19,0
1924/25	40,0	20,0	60,0	55,5
1925/26	70,0	33,0	103.0	95,4
1926/27	93,0	20,0	113,0	104,6

На 1927/28 г. одно внутреннее производство плановых заводов запроектировано в 128 млн. руб., т.-е. на 18,5% больше всего довоенного снабжения страны сельскохозяйственными машинами. Это тем более крупный успех, что более 80% снабжения покрывается в настоящее время внутренним производством, в то время как до войны покрывалось не более 65%. Однако, надо иметь в виду, что за время войны и первых лет революции имевшийся в стране сельскохозяйственный инвентарь не пополнялся новым, расхищался и губился. Лишь последние два года превысили довоенную норму снабжения и, конечно, пока еще ущерб первых лет революции не мог быть возмещен.

Совершенно аналогичное положение должно быть отмечено в отношении снабжения сельского хозяйства минеральными удобрениями, как это явствует из следующих данных: [2]

Г о д ы	Потреблено удобрений (в тыс. тонн)	Удобрено земли (в млн. гектар.)	В %% потреблено удобрений	удобрено земли
1913	230	0,60	100	100
1923/24	33	0,09	14,3	15,0
1924/25	74	0,20	32,2	33,3
1925/26	137	0,35	59,5	58,5
1926/27	155	0,41	67,4	68,4
1927/28	414	1,10	180,0	183,0

[1] См. Н. Д. Федотов. „Сельскохозяйственное машиностроение и индустриализация СССР“, стр. 137 и сл. „План. Хоз.“, № 2, 1928 г.

[2] „Контр. цифры нар. хоз-ва на 1927/28 г.“, стр. 123.

Вплоть до 1927/28 г. шел медленный процесс восстановления потребления удобрений, и лишь в 1927/28 г. намечается более высокий его об'ем, чем до войны. Однако, должно пройти еще определенное время, пока будет восстановлено утерянное за это время плодородие удобрявшихся земель.

Процесс восстановления снабжения страны сельскохозяйственными машинами и удобрениями, очевидно закончен. Но не закончен по всей видимости еще процесс восстановления обеспеченности сельского хозяйства инвентарем и не могло быть закончено восстановление плодородия ранее удобрявшихся, а в это время заброшенных земель. Но при том темпе, который намечается в последние годы в росте снабжения сельскохозяйственным инвентарем и удобрениями, и этот процесс должен быть закончен в сравнительно небольшой срок.

Современная статистика имеет еще слишком мало данных для того, чтобы можно было судить об изменениях в средней урожайности за годы революции. Между тем, именно этот показатель был бы наиболее интересным с точки зрения анализа реконструкции сельскохозяйственной производственной базы. В особенности трудно судить о тех сдвигах, которые вызваны в этом отношении отдельными мероприятиями. Пока возможно судить лишь об об'еме произведенных работ (да и то лишь частично) и их направлении, но нет еще массовых данных об их эффективности. Однако, факт роста средней урожайности не может быть оспариваем. Уже одно изменение пропорции культур, в частности, в составе зерновых, должно было повысить их среднюю урожайность, а еще более минимальную (для недородного года). [1]

С другой стороны, может быть отмечено за последние годы повсеместное распространение улучшенных методов обработки пашни, значительно повышающих урожайность. [2]

При огромной протяженности территории Союза и разнохарактерности сельского хозяйства различных районов, это рассмотрение основных элементов производственной базы сельского хозяйства надо было бы произвести по районам. Средние по всему Союзу показатели не могут считаться достаточно характерными. Однако, в настоящее время нет таких выверенных сопоставимых динамических рядов по отдельным районам. Лишь предпринятое Госпланом СССР в связи с работами по составлению контрольных цифр нар. хозяйства исследование отдельных экономических районов должно дать эти динамические ряды. Эти работы еще не закончены и не опубликованы. Это исследование показывает, что степень восстановленности и интенсивности реконструкционных процессов далеко не одинакова на всей территории страны. Влияние гражданской войны, голода 1921 г., смены урожаев и неурожаев и т. п. далеко не одинаково дает себя чувствовать в различных районах. С другой стороны, и последовательность вовлечения в общий товарооборот страны и различное влияние индустрии также имели не последнее значение. Огромная полоса юго-востока, почти весь Средне-Волжский район, Нижнее Поволжье, Башкирия, отчасти Сев. Кавказ с Дагестаном, Казакстан—далеко еще не восстановили своей сельскохозяйственной производственной базы. В то же время могут быть констатированы „определенные реконструктивные сдвиги на севере, прогресс технических культур, развитие животноводста на юге, (повсеместные) прогрессивные сдвиги в составе посевных площадей, рост засухоустойчивых культур, рост более совершенных методов обработки пашни..." [1] Несомненна, в частности, значительная реконструкция производственной базы на Украине. Превосходная статья М. М. Вольфа дает чрезвычайно интересное освещение этих процессов. [2] Краткое резюме выводов его заключается в следующем. Революционным фактом в современном сельском хозяйстве Украины является изменение в пропорции отдельных культур и рост засухоустойчивых культур (культура подсолнух; рост озимых и т. д.); процент озимой пшеницы в крестьянском хозяйстве уже выше, чем в дореволюционном помещичьем, что чрезвычайно повышает урожайность ее. При резком сокращении посевов яровой, рост посевов озимой пшеницы определяет для Средней Украины при условии среднего урожая увеличение сбора всей пшеницы на 5% выше довоенного, при уменьшении площади посева пшеницы на 11%. Это же относится и ко всем зерновым, где новая пропорция культур обеспечивает с одной и той же площади валовой сбор в натуре больше на 11,2%, а по стоимости даже на 12,1% (благодаря росту более дорогих культур); при частичной же засухе современный тип полеводства Украины гарантирует валовой сбор на 21,1% выше. В то же время резко поднялся процент обрабатываемой ко всей площади. М. М. Вольф приходит к выводу, что „современный тип зернового полеводства и по производительности и по засухоустойчивости выше того, какой был в этом районе до революции, выше не только крестьянского дореволюционного полеводства, но и помещичьего". Соответствующие исследования, к сожалению, не произведены пока в других районах. Однако, целый ряд элементов анализа М. М. Вольфа может быть применен и к другим районам наконец, Украина, как сельскохозяйственная производящая территория, является одной из основных в пределах Союза. Элементы ре-

[1] См. М. Вольф. „Переживаем ли мы кризис зернового хозяйства", „Правда" №№ 11—12, 1928 г.

[2] См. М. Юрцовский. „Способы обработки пашни и влияние их на высоту урожайности", стр. 36 и сл. „Статист. Обозрение", № 12, 1927 г.

[1] См. стенограммы III С'езда план. работников, доклад В. И. Зейлингера.

[2] М. Вольф „Переживаем ли мы кризис зернового хозяйства", „Правда" №№ 11 и 12 за 1928 г.

Производство и потребление главнейших видов сельскохозяйств. сырья по СССР [1]

(в тыс. тонн и штук)

Виды сырья	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
А. Производство					
1. Лен-волокно	429,7	241,6	307,3	262,9	312,8
2. Маслосемена	2.034,0	2.249,9	3.589,0	2.605,2	3.544,4
3. Хлопок-волокно	244,2	105,9	164,0	167,1	200,5
4. Сахарная свекла	11.000	3.250	8.420	6.123	9.871
5. Шерсть	171,2	101,5	118,4	136,9	149,8
в т. ч. грубая и полу грубая	152,2	99,9	116,3	134,3	146,6
тонкая	19,0	1,6	2,1	2,6	3,2
6. Кожсырье крупное (в тыс. шт.)	11.200	8.400	9.100	9.900	10.500
„ мелкое („ „ „)	49.000	39.000	44.000	49.500	54.000
Б. Потребление (внутри страны)					
1. Лен-волокно	93,4	82,9	115,0	118,8	133,3
2. Маслосемена	1.546,1	1.504,2	2.726,5	2.525,4	2.937,5
3. Хлопок-волокно	328,0	211,5	265,6	310,8	367,1
4. Сахарная свекла	11.000	3.250	8.420	6.123	9.871
5. Шерсть	55,8	35,1	41,0	50,0	59,2
в т. ч. грубая и полугрубая	46,0	28,3	34,5	42,1	48,4
тонкая	9,8	6,8	6,5	7,9	10,8
6. Кожсырье крупное (в тыс. шт.)	10.050	8.270	10.200	10.785	12.000
„ мелкое („ „ „)	28.000	24.900	29.720	33.600	37.600
В. Потребление в %% к производству					
1. Лен-волокно	21,7	34,3	37,4	45,2	42,7
2. Маслосемена	76,0	66,9	75,9	97,0	82,9
3. Хлопок-волокно	134,3	199,7	162,0	186,2	183,4
4. Сахарная свекла	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
5. Шерсть	32,6	34,6	34,6	36,5	39,6
в т. ч. грубая и полугрубая	30,2	28,3	29,7	31,3	33,0
тонкая	31,6	425,0	309,5	304,0	337,8
6. Кожсырье крупное (в тыс. шт.)	89,7	98,5	112,1	108,8	114,4
„ мелкое („ „ „)	57,1	63,8	67,5	67,8	69,7

[1] По данным Промфинплана ВСНХ.

конструкции сельскохозяйственной базы не могут быть отрицаемы и не может быть поставлено под сомнение колоссальное значение этого факта для всего народного хозяйства Союза.

Укрепление и организация этой базы тем большее имеют значение, что растущее потребление продовольствия и сырья и те глубокие реконструктивные процессы, которые в нем происходят, пред'являют особые требования к сельскохозяйственному производству. Анализ потребления пищевых продуктов должен быть особо произведен; здесь же необходимо произвести несколько сопоставлений, характеризующих слабость современной базы сельскохозяйственного сырья для промышленности.

По маслосеменам в настоящее время промышленное потребление, несмотря на абсолютный его рост, менее обеспечено внутренним производством, чем до войны. Потребление трех основных видов сельскохозяйственного сырья — хлопка, шерсти и кожи — как до войны, так и в настоящее время, не покрывается внутренним производством. При этом процент удовлетворения потребления за счет собственного производства в настоящее время ниже дооенного, несмотря на рост посевных площадей, что связано с падением урожайности. Сырьевая сельскохозяйственная база Союза, как видим, на этих важнейших ее участках сравнительно весьма слаба, и пока нельзя сказать, чтобы ее рост отвечал необходимым требованиям развертывающейся промышленности. При недостаточно энергичном росте этой сырьевой базы ее слабость может в дальнейшем оказаться одним из наиболее серьезных затруднений для развития всего реконструкционного процесса.

(Продолжение следует)

М. Спектатор

К проблеме безработицы в капиталистических странах

I

Безработица, как тень, следует за развитием капитализма. Она его постоянный спутник и, как таковая, почти перестала обращать на себя внимание исследователей. И только те грозные размеры, которые она приняла после войны, и та социальная борьба, которая развернулась, между прочим, на почве безработицы, заставили снова заняться этим вопросом. Создалась огромная литература, посвященная этому вопросу. Но нельзя сказать, чтобы она в достаточной мере выяснила эту проблему. Послевоенную безработицу стараются об'яснить более или менее случайными моментами: или расстройством, которое Версальский мир (репарационные платежи, раздробление Европы, конкуренция стран со слабой валютой и т. п. моменты) внес в общий ход народного хозяйства, или неправильной денежной и кредитной политикой, или сильно ослабленной покупательной способностью мирового населения и т. д. А когда все или почти все эти моменты перестали играть такую значительную роль, когда валюта большинства стран была стабилизирована, были восстановлены кредитные отношения и мировая торговля и мировое производство перевалили за довоенный уровень, а безработица все-таки продолжала оставаться почти в прежних размерах или даже повысилась, то недостаточность всех этих указаний стала очевидной. Ведь вот, например, в Англии в начале июня этого года безработица составила среди застрахованных 1.160 тысяч, превышая на 70 тысяч прошлогоднее число, хотя уровень продукции в данной стране, вероятно, незначительно отстает от довоенного (приблизительно на 7—10%). Или, в С.-А. С. Ш. говорят о 4-миллионной армии безработных несмотря на то, что уровень продукции здесь уже несомненно выше довоенного. То же относится к Германии, где мы имеем миллионную безработную армию, хотя общий уровень продукции, вероятно, выше, чем до войны. В Англии очень часто связывают безработицу с ухудшением экспорта из этой страны. J. M. Rees, Unemplayment as an international Problem (1926 г.) совершенно резонно указывает на то, что в 1920 г. Англия почти не знала безработицы, в 1923 г. она, напротив того, равнялась 11,5%, а между тем реальный (в деньгах 1913 г.) экспорт 1923 г. превышал экспорт 1920 г. Отрасли хозяйства, которые работают на экспорт, испытывали в 1923 г. некоторый под'ем (из-за рурской войны), но все же имели весьма высокий уровень безработицы.

Пытались далее об'яснить безработицу высокой заработной платой, существующей в Англии. Между прочим, с такой теорией выступил Шумпетер („Der deutsche Volkswirt" от 11 марта 1927 г.), повторяя в

общем аргументы Кейнса и Касселя. При свободной конкуренции,— говорит он,— не может быть продолжительной безработицы, если рабочий согласен работать за такую заработную плату, которая вытекает из этой ничем не стесняемой свободы найма. Отсюда следует, что рабочие профсоюзы виновны в безработице, ибо они настаивают на сохранении определенного уровня зарплаты. Интересно, что Шумпетер не делает такого же вывода по отношению к товарным ценам. Ведь следовало бы требовать и низких цен, которые содействовали бы расширению продукции...

Боули отрицает, хотя с оговорками, что имеется определенная связь между безработицей и высотой зарплаты. Впрочем, он сравнивает движение безработицы с движением реальной зарплаты, между тем как для предпринимателя важна относительная высота номинальной зарплаты по сравнению с ценой его продукта. Принимая, что повышение заработной платы может влиять на ход продукции, Рис, однако, констатирует, что параллелизма в движении обоих этих факторов нет.

Точно так же он отрицает, что повышение таможенных тарифов явилось причиной безработицы в Англии. Последние, по данным Грегори, не выше (в реальном выражении), чем до войны. Конкуренция же стран с низкой валютой не могла сыграть такой роли, так как Англия у них же получает сырье по низким ценам. Причину безработицы он видит в положении внутреннего рынка.

В Германии причину безработицы стали искать в „рационализации", в том, что технические улучшения выбрасывают рабочих на улицу, при чем одни утешали рабочих, что это временное явление, что безработица исчезнет, как только германская промышленность станет конкурентноспособной на мировом рынке, а другие увидели в этом факте доказательство будто марксового положения, что капиталистический способ производства создает абсолютно растущую безработную армию, что число занятых в промышленности должно при „чистом капитализме" падать (тов. Варга в журнале „Мировое хозяйство и мировая политика" за май 1928 г.). Задача нашей заметки сводится к тому, чтобы наметить общие причины послевоенной безработицы, выяснив раньше, действительно ли идет абсолютный рост безработицы при „чистом капитализме".

II

Прежде всего, Маркс на самом деле говорит не об абсолютном росте безработицы, а только об относительном, по сравнению с ростом капитала и продукции. Так и озаглавлен этот отдел 23 главы I т. „Капитала", где Маркс формулировал свой закон народонаселения: „Возрастающее производство относительного перенаселения". „С возрастанием капитала,—говорит Маркс („Капитал", т. I, стр. 620—621 изд. 1923 г.),— увеличивается и его переменная, составная часть, или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции... Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу". (Курсив наш—М. С.)

Отсюда совершенно ясно, что при быстром темпе накопления абсолютно растет число занятых. Другое толкование Маркса приводит к положению, что возможно развитие капитализма при сокращающемся числе рабочих и при падающем переменном капитале, т.-е. к абсурдной идее Тугана-Барановского.

Подтверждение этой абсурдной идеи ищут в ненормальных для капитализма условиях развития послевоенного капитализма, об'явив его „чистым" капитализмом. В С.-А. С. Ш.,—указывает Варга,—уменьшилось число занятых в промышленности. Прежде всего, после 1919 г. не было общей переписи, а только частичная, охватывающая только крупную промышленность и сельское хозяйство, без транспорта, горного дела и т. д. Следовательно, точного числа занятых нет. Далее, если не ограничиваться только общими цифрами, приводимыми в журналах, а присмотреться к материалам промышленных цензов, мы получим совсем другую картину.

Число занятых в промышленности

Годы	Владельцы	Служащие (в тысячах)	Рабочие
1919	250,6	1.438,2	9.000,1
1921	172,9	1.146,4	6.946,6
1923	148,4	1.355,7	8.778,2
	Изменение в %%		
1921 к 1919	— 31,0	— 20,3	— 22,8
1923 к 1921	— 14,1	+ 18,3	+ 26,4

После кризисного 1921 г. число занятых служащих и рабочих увеличилось и довольно значительно. Но оно все еще не достигло уровня 1919 г. Число занятых рабочих уменьшилось на 222 тыс. В каких областях произошло уменьшение числа занятых? Ответ на этот вопрос мы получим из следующей таблицы:

Отрасли промышленности	Число занятых рабочих (в тысячах) 1919 г.	1923 г.	Уменьшение	Индекс продукции (1919 г. = 100)
Пищевая	734	682	52	110
Кожевенная	349	344	5	97
Резиновая	159	138	21	?
Химическая	460	384	77	140
Металлообрабатывающая	304	297	7	156
Табачная	157	146	11	107
Машиностроительная	998	908	90	?
Производство музык. инструм.	69	50	11	?
Производство транспортн. средств	858	606	252	?
Разные	291	272	19	114

Мы видим, что в перечисленных 13 группах число занятых уменьшилось на 545 тыс., при чем почти половина этого числа приходится на производство транспортных средств. Далее, число занятых в химической металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности уменьшилось на 174 тыс., а 119 тыс. приходится на остальные отрасли, производящие предметы потребления.

Увеличилось число занятых в следующих отраслях хозяйства:

Отрасли промышленности	1919 г. (в тысячах)	1923 г.	Увеличение	Индекс продукции (1919 г. = 100)
Текстильная	1.612	1.719	107	112
Железоделательная	859	893	34	129
Деревообделочная	864	932	68	136
Бумажная и полиграфическая	510	527	17	108
Силикатная	301	348	47	124

В этих отраслях общее увеличение числа занятых поднялось на 273 тыс. Увеличение в этих областях почти целиком покрывает уменьшение в других, за исключением производства транспортных средств и „прочих“. Но откуда такое сокращение числа занятых в этой отрасли хозяйства? Для всякого, изучающего внимательно мировое хозяйство после войны, ответ не представляет затруднений: необыкновенный кризис судостроения... Во время войны Америка сильно расширила свое судоходство, а в последние годы резко снизила судостроение, и число занятых рабочих в этой области уменьшилось с 387 до 62 тыс., или на 325 тыс. Итак, уменьшение числа занятых в промышленности, изготовляющей транспортные средства, об'ясняется кризисом в судостроении. А в других областях?

Ответ на этот вопрос дает до известной степени индекс продукции, исчисленный департаментом торговли. За исключением химической и металлообрабатывающей промышленности, в остальных отраслях совсем не произошло расширения продукции, или сравнительно слабое. Химическая промышленность потеряла 77 тыс. занятых. Но какие группы? Производство военных химических приборов—12,3 тыс., взрывчатых веществ—2,9 тыс. искусственного удобрения (сельскохозяйственный кризис!)—7,7 тыс., пивных дрожжей—8,1 тыс. (перенесено в группу производства пива) и т. д. Уменьшение числа занятых в этих областях, конечно, не свидетельствует о том, что в „чистом“ капитализме уменьшается число занятых.

Что касается металлообрабатывающей промышленности, то уменьшилось число занятых в добыче металлов (на 11 тыс.) и в горнозаводской продукции (на 1 тысячу), в то время, как в предприятиях, обрабатывающих металл, число занятых рабочих увеличилось на 4,4 тысячи. В 1925 г. мы имеем новое понижение числа занятых рабочих по сравнению с 1923 г., так как 1925 г. был для основных отраслей промышленности годом кризиса. Индекс продукции текстильной промышленности упал с 112 до 104, железоделательной—с 129 до 124, кожевенной и обувной—с 97 до 86. В других отраслях хозяйства, переживших под'ем, число занятых или увеличилось, или осталось неизменным.

Итак, наше заключение, на основании этих данных, сводится к тому, что сокращение числа занятых после войны в основном является результатом слабого развития промышленности, относительно замедленного темпа расширенного воспроизводства и почти полного застоя в процессе расширенного воспроизводства основного капитала. Если бы последний имел место, число занятых, как это было до войны, увеличилось бы. [1]

Как указал Маркс, весь вопрос сводится к темпу накопления. После войны он был сильно замедлен, и отсюда такая безработица.

[1] В течение больше двух лет мы в ряде работ (см. напр., „К вопросу стабилизации капитализма“, 1926 г.) указывали на это своеобразие послевоенного развития капитализма. Теперь Батуев в № 2 „Социалистического Хозяйства“ за 1928 г. доказывает то же самое почти теми же словами, не называя, однако, источника, откуда он это взял. Мы бы не обратили внимания на эту литературную бесцеремонность, если бы она была исключением... В том же журнале была несколько подробней развита 6 глава („К теории кризисов“) названной моей работы, опять-таки без ссылки на первоисточник, и т. д.

III

Что число занятых в промышленности абсолютно растет, подтверждают переписи всех стран, между прочим и Англии и Германии. Так, в Англии число занятых было (в млн.):

	1907 г.	1924 г.	Изменение
Всего	6,14	7,17	+1,03
В том числе:			
В горном деле	0,91	1,26	+0,35
В железоделат. промышл. . . .	0,35	0,37	+0,02
В машиностроительной пром. .	0,57	0,85	+0,28
В текстильной промышл. . . .	1,16	1,13	—0,03

Уменьшение числа занятых произошло в текстильной промышленности, производящей предметы личного потребления. В производстве средств производства оно увеличилось, хотя слабо, так как общий темп развития английского хозяйства был весьма слабым (общий доход населения не изменился).

В последние годы и в Англии совершается процесс рационализации. Тем не менее число занятых несколько, хотя слабо, выросло. По данным Войтинского (Die Gesellschaft, июнь 1928 г.) число занятых в английской промышленности было (в млн.):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Общее число . . .	8,2	8,2	8,3	8,36	8,32

Но так как английская промышленность переживает тяжелый кризис как раз в области производства средств производства, то число занятых в горном деле, железоделательной и машиностроительной промышленности уменьшилось, а в текстильной промышленности, наоборот, несколько увеличилось (с 1,31 до 1,4 млн.).

Число занятых в промышленности Германии увеличилось с 1907 г. по 1925 г. даже на 26,8 %, несмотря на то, что строение капитала (судя по применению механических сил, которое выросло на 183,7 %!) значительно выросло. И здесь мы имеем наиболее сильное увеличение числа занятых в отраслях, производящих средства производства (в электротехнической промышленности 231,8 %, в горном деле—57,4 %, в тяжелой железоделательной промышленности—60 % и т. д.) и сравнительно слабый рост числа занятых в текстильной (17,7 %) и изготовлении готовой одежды (5,8 %), хотя в текстильной промышленности в гораздо меньшей степени выросло применение механических сил, чем в железоделательной (56,6 % и 308,5 %). Следовательно, дело не в „успехах, одержанных техникой“. Эти „успехи“ как раз после войны отнюдь не так значительны. Если бы они на самом деле были большими, как думает тов. Варга, то вступил бы в действие закон Маркса, что при ускоренном накоплении растет и число занятых.

IV

Увеличилось ли число безработных в С.-А. С. Ш.? Если исходить из теории, что улучшение техники ведет к абсолютному росту резервной армии труда, то мы должны в С.-А. С. Ш. иметь абсолютный рост безработицы. Как обстоит на самом деле?

В нашей работе „К вопросу о „стабилизации капитализма“ (стр. 11) мы высказали предположение, что указанное министром труда Девисом число безработных во время кризиса 1920—22 гг. в 5,7 млн. более вероятно, чем другая цифра, которую тогда дала комиссия Гувера (3,2 млн.). Теперь у нас имеется подсчет Кинга (в сборнике „Business Cycles and unemployment“, вышедшем в 1923 г., с предисловием того же Гувера), по которому число занятых в разных отраслях хозяйства составляло за III квартал 1920 г. 29,2 млн., а за I квартал 1922 г. — 24,1 млн., или на 5,1 млн. меньше. Из этих же данных мы узнаем, что число занятых в железоделательной промышленности уменьшилось на 2 млн. (с 5,2 до 3,2), а в текстильной промышленности колебалось весьма слабо. И все-таки многие считают послевоенный кризис кризисом перепроизводства предметов потребления!

В настоящее время число безработных в С.-А. С. Ш. вряд ли превышает 4 млн. Это число хотя и меньше максимального числа во время кризиса 1920 — 22 гг., все же весьма внушительно. Дело в том, что за годы 1923—28 работоспособное население увеличилось на 2,2 млн., а из деревень прибыло в города с 1920 г. по 1927 г. 4 млн., т.-е. работоспособное население увеличилось на 6 млн. С другой стороны, иммиграция работоспособных от 16 до 44 лет за годы 1920—24 составила всего 2 млн. против 4,23 млн. за годы 1910—1914, т.-е. упала больше, чем на 2 млн., а за годы 1925—26 составила даже всего 442 тысячи. Но в довоенные годы сельское хозяйство продолжало поглощать растущее число рабочих рук. С 1900 по 1910 г. число занятых в нем увеличилось на 2 млн. (10,5 и 12,66 млн.), в то время как после войны оно абсолютно стало уменьшаться. (Фермерское население составило в 1920 г. 31,6 млн., а к началу 1928 г.—27,7 млн.). И хотя общий прирост армии труда теперь меньший, чем до войны, все же и промышленность не смогла использовать всю свободную силу. Ибо общий темп хозяйственной деятельности замедлился. Это уже видно из прироста общего числа занятых. За годы 1900—1910 самодеятельное население увеличилось почти на 9 млн., или на 30%, а за годы 1910—1920 всего на 3,44 млн., или на 9%.

Таким образом, более медленное развитие занятости не подлежит сомнению. Но может быть, это явилось результатом „больших успехов“ техники в последние годы?

Применение механической силы увеличилось за 10 лет перед войной (1904 г.—1914 г.) с 13,5 до 22,4 млн. лош. сил, или на 66%, а за годы 1919—1925 с 29,3 до 35,8 млн. лош. сил, или всего на 22%. Темп „технических успехов“ стал более медленным; а главное, задержалось развитие производства средств производства. Отсюда и замедление в росте числа занятых.

V

Безработица в Англии достигла своего кульминационного пункта в мае 1921 г., когда число застрахованных безработных составило 2,55 млн. После этого она постепенно падает, опустившись в июне 1924 г. до 1,04 млн. Затем она опять поднимается, при значительных колебаниях, и стоит теперь на уровне 1,16 млн. Здесь безработица об'ясняется не только общим застоем в хозяйстве после войны, но и значительным сокращением эмиграции.

В 1913 г. превышение числа эмигрантов над числом иммигрантов составило 304 тысячи, а в среднем за 1920—25 гг. всего 101 тысяча. Правда, в это число не включена эмиграция из Ирландии за 1923 г. Но общий результат от этого не сильно изменится.[1] За 6 лет число эмигрантов упало больше, чем на 1 млн. Отсюда и эта высокая постоянная безработица.

Но отчего же так пала цифра эмиграции из Англии, как впрочем и из других стран? [2] Ответ ясен: тяжелое положение мирового хозяйства, повсюду гнетущая безработица, аграрный кризис и сельскохозяйственное перенаселение,— куда же эмигрировать?

Движение безработицы в Германии — лучшее доказательство того, что все зависит от темпа развития хозяйства. Германия—страна иммиграции. Уменьшение притока рабочей силы из других стран в первые годы после войны и оживление, внесенное инфляцией в хозяйство, содействовали тому, что число безработных, получающих пособие, упало с 426.600 в апреле 1921 г. до 11.671 в сентябре 1922 г. Но затем инфляционное хозяйство в свою очередь начинает переживать кризис, который сильнейшим образом обостряется рурской войной, и безработица принимает колоссальные размеры. В середине апреля 1924 г., после стабилизации валюты, немецкие газеты насчитывали свыше 6 млн. безработных. В 1925 г. положение сначала значительно улучшается, но потом начинается кризис, а за последний квартал число безработных, получающих пособие, составило 1,5 млн. против 195 тыс. во второй квартал. Максимальное число безработных, получающих пособие, доходит до 2.056 тыс. в феврале 1927 г. Однако, когда с середины 1926 г. в Германии начинается процесс расширенного воспроизводства основного капитала, то несмотря, или правильнее, благодаря технической рационализации, число безработных падает до 340 тыс. в октябре 1927 г. Начавшийся процесс расширенного воспроизводства основного капитала в это время обрывается, наступает новый кризис и количество безработных снова доходит в январе 1928 г. до 1,33 млн.

В какой мере в германской рационализации производства играли роль технические улучшения? На этот вопрос мы имеем теперь совершенно ясный ответ германского союза машиностроительных заводов. Оказывается, продукция и сбыт машин в Германии составляли:

Годы	Продукция	Сбыт на внутр. рынке (в млн. марок)	Экспорт
1913	2.800	2.050	750
1924	2.200	1.630	570
1925	2.900	2.140	670
1926	2.500	1.660	840
1927	3.400	2.440	960

[1] Если взять общее число выехавших из Великобритании и Ирландии, то оно составит за годы 1920—26 меньше миллиона, или 142 тыс. в год, в то время как только за годы 1910—13 оно составляло 894 тысячи, или 223,5 тыс. в год.

[2] Эмиграция из Италии составила в 1913 г. 872.598, за годы 1920—26 1.086 тысяч!

В 1926 г. сбыт на внутреннем рынке был совсем незначителен. Так как цены на машины на 44—45% превышают довоенный уровень, то сбыт на внутреннем рынке составил 1.100 млн. марок, или 53% довоенного. Если предположить, что оборудование германских предприятий составит по меньшей мере 10 мрд. довоенных марок, то мы получаем только увеличение за счет амортизационных сумм, а не расширенное воспроизводство.

В 1927 г. положение улучшилось: вновь введенные машины стоят уже 1.680 млн. марок (довоенных). Но и эта сумма составляет только 84% довоенной.

Не только об „исключительно больших успехах" технической рационализации не приходится еще говорить, но как раз наоборот; именно потому, что мы имеем дело не с „чистым" капитализмом, с его неумолимым стремлением к расширению и обновлению своего основного капитала, а с „загнивающим" капитализмом, консервирующим создавшееся положение вещей, медленно двигающимся вперед, получилась такая безработица — необходимая предпосылка борьбы против рабочего класса, отнятия у него всех завоеваний революции и возвращения былого неограниченного господства капитала. Таково именно положение вещей: гнетущая огромная безработица не прекратится до полной победы или капитала или рабочего класса. Это должны знать рабочие капиталистических стран и решить свою судьбу...

Г. А. Фельдман

К вопросу о движении золотых цен

Снижение цен стало одним из основных лозунгов нашей экономической политики. Поскольку снижение цен является для нас лишь оборотной стороной увеличения производительности труда, поставленная таким образом цель может считаться бесспорной. В настоящих условиях нашего денежного обращения не вызывает сомнений и самая формулировка проблемы „снижения цен".

Однако, в условиях более полной и жесткой связи нашей валюты с мировыми золотыми валютами и самая постановка проблемы и ее разрешение несколько усложняются.

Не существует другого товара, для которого мировая оценка была бы более обязательной, чем для золота. В силу этого средние уровни золотых цен каждого товара во всех странах в общем и целом неминуемо сближаются по мере изживания валютных потрясений, составляя исключение внутри некоторых стран лишь для отдельных товаров, защищенных таможенным барьером. Нет нужды, что в той или иной стране производительность труда в золотопромышленности особенно низка или высока. Для золота существует в большей степени, чем для любого иного товара, средняя мировая стоимость, определяемая средними условиями мирового производства золота, которой противопоставляется средняя мировая стоимость производства всех прочих товаров.

Разумеется, чем сильнее страна связывается с внешними рынками, тем в большей степени на ней должны отражаться стоимостные соотношения золота и всех прочих товаров. A priori можно считать, что это соотношение на протяжении очень длительных периодов должно лишь колебаться около определенного уровня, так как с одной стороны нет оснований для того, чтобы усовершенствование технических методов выработки золота общего характера (механизация, электрификация и пр.) постоянно обгоняло или отставало от успехов и в остальных отраслях горной промышленности, с другой стороны, до сего времени никаких особых открытий, радикально меняющих стоимостные соотношения в производстве золота, не сделано. Однако, временное опережение то одного, то другого процесса вполне возможно.

Поэтому в общей форме лозунг „снижение цен" в условиях денежной системы, жестко увязанной золотой валютой, не может быть безоговорочно применен, ибо тогда не учитывалась бы возможность снижения стоимости золота; однако, он все же остается в силе во всяком случае для всех товаров, стоимость которых в нашей стране (в условиях монополии внешней и внутренней торговли) в золотом выражении окажется выше тех стоимостных норм, которые соответствуют европейскому и

американскому уровню техники и массовому производству, при соответствующей заработной плате.

С поправкой же на учет возможного снижения стоимости золота лозунг „снижения цен“ остается в силе и при золотом обращении.

Наоборот, относительное повышение стоимости золота в мировом масштабе дает нам указание на повелительную необходимость особенно настаивать на снижении себестоимости и цен, чтобы не отставать от тех процессов повышения производительности труда, которые происходят в мировом хозяйстве.

Из только что изложенных соображений становится ясным, насколько важен для нас в наших работах по сравнительному изучению динамики хозяйства СССР и мирового хозяйства вопрос о тенденциях в движении золотых цен их предпосылок. Вопрос этот должен быть в первую очередь и главным образом освещен с производственной точки зрения.

С середины прошлого столетия начался процесс перехода в добыче золота с россыпей на коренные (жильные) месторождения, и с этих первых двух, в конце прошлого столетия, на разработку конгломератов в Трансваале. Этот процеес имеет следующее цифровое выражение (в %).

Распределение мировой добычи золота [1]

Месторождения	1848—75	1876	1890	1905	1912	1923	1926
Россыпные	87,8	65,3	44,2	15,0	(13)	(11)	(10)
Коренные (жильные).	12,2	34,8	47,8	57,5	(51)	(43)	(44)
Конгломераторы (Трансвааль)	—	—	8,0	27,5	(36)	(46)	(46)

В последние годы, повидимому, в связи с приближением момента исчерпывания трансваальских конгломераторов, намечается вновь некоторое усиление значения коренных и, может быть, отчасти и россыпных месторождений. Однако и в настоящее время и на ближайшие годы добыча золота будет базироваться, главным образом, на массовых коренных и агломераторных залеганиях невысокого содержания, но дающих возможность планировать производство на многие годы и затрачивать более значительные капиталы на усовершенствованные оборудования, при более или менее постоянном составе рабочих и уровне заработной платы.

Добыча золота, таким образом, с конца прошлого столетия в значительной степени „нормализовалась“, что дало возможность перенести в эту отрасль промышленности все те методы современной работы, которые применяются и в прочих отраслях горной промышленности. Процесс механизации добычи золота характеризуется тем, что в Соед. Штатах мощность двигателей на одного рабочего на рудниковой добыче золота увеличилась с 1902 по 1919 гг. с 5,46 лош. сил до 9,68 лош. сил, или на 77%: производительность труда соответственно увеличилась на 73%. Между тем, мощность двигателей на одного рабочего обрабатывающей промышленности за тот же период увеличилась лишь на 20%.

[1] С 1848 г. по 1905 г. из Делоне. Данные для 1912—1923 гг. по нашей оценке. Данные для 1926 г. по оценке инж. Роговина (россыпные) и по нашей примерной оценке.

При такой разнице в темпах механизации, а следовательно, и производительности труда, нет ничего удивительного в том, что золото с конца прошлого столетия, после длительного периода вздорожания, стало дешеветь, а товарные цены стали повышаться. Применение все больших драг на россыпях (в 1909 г. мощность двигателей на драге — 160 лош. сил, в 1917 г. — 1.340 лош. сил, по данным инж. Роговина) дало увеличение мощности на 1 рабочего с 1902 по 1919 гг. с 4,87 лош. сил до 25,8 лош. сил, или на 430%, что дало увеличение производительности труда на 243%. Такие бурные темпы могут наблюдаться лишь в периоды сильнейших сдвигов в промышленной технике, и мы полагаем, что они вряд ли повторятся в ближайшие годы, так как эти сдвиги подтянули золотопромышленность к общему уровню современной техники.

Условия послевоенных мировых торговых отношений, повышение номинальной заработной платы в течение войны и после нее дали сильнейший толчок для усиления процессов рационализации и механизации товарного производства в целом ряде стран, что повело к снижению себестоимости и цен.

Легче всего это иллюстрировать по статистическим данным Соед. Штатов. Приведем следующие цифры годовых процентных приростов мощности на одного рабочего в обрабатывающей промышленности:

Средние (геометрические) годовые приросты за указанные сроки

1879—1889	1899—1904	1904—1909	1909—1914	1919—1923	1923—1925
+1,1%	+1,6%	+1,4%	+0,08%	+5,1%	+7%

Однако, этот процесс механизации обрабатывающей промышленности Соед. Штатов не смог дать толчка к значительному кон'юнктурному под'ему по условиям внутреннего и внешнего рынков.

Мы считаем, что и в ближайшие годы в условиях усиливающейся конкуренции на внешних рынках и хронического относительного перепроизводства на внутреннем рынке, процесс дальнейшей рационализации и механизации производства в большинстве капиталистических стран будет продолжаться (хотя и не в столь быстром темпе, как за последние годы), что должно повлечь за собой дальнейшее снижение себестоимости и создать общую тенденцию в сторону снижения товарных цен.

Это не означает, что на протяжении ближайших лет не будет повышающейся кон'юнктуры и в С.-А. С. Ш. и в той или иной стране или в нескольких странах одновременно, что может быть причиной временного движения цен в сторону повышения. Такие колебания конечно возможны, но во всяком случае общая тенденция в движении цен нами определяется, как понижательная.

Достаточно жесткий поход капитала на зарплату также будет действовать в том же направлении.

Как мы указывали в начале статьи, динамика золотых цен должна к конечном счете определяться динамикой отношений стоимости производства золота к стоимости производства прочих товаров. Подходить

к вопросу о золотых ценах с точки зрения перепроизводства или недопроизводства золота в настоящих условиях было бы по крайней мере несвоевременно, так как с одной стороны развитие торговли внутри целого ряда стран и между ними и стремление к золотому обеспечению валют пред'являют значительные требования к золотому рынку, с другой же стороны современная финансовая техника дает возможность по нужде довольствоваться и незначительными запасами золота для обеспечения денежного обращения, что в совокупности придает большую эластичность и устойчивость золотому рынку с точки зрения равновесия между спросом и предложением. Наконец, большое значение имеет накопление огромных масс золота в Соед. Штатах, которые заинтересованы в том, чтобы спрос на золото не ослабевал, и благодаря своей огромной финансовой мощи имеют возможность влиять соответствующим образом в своих интересах на золотой рынок. С другой стороны, сейчас нет признаков появления каких-либо новых, исключительно рентабельных золотых рудников или россыпей и усовершенствованных методов добычи золота.

Уже до войны темпы роста мировой добычи золота с 1906 г. дали резкое снижение, которое сменилось с 1914 г. по 1923 г. абсолютным сокращением добычи. Это надо об'яснить снижавшейся рентабельностью золотого дела при повышавшихся товарных ценах и прекращением, в результате этого, притока капиталов в золотопромышленность.

1923 г. оказался для золотопромышленности до некоторой степени переломным в отношении рентабельности и добычи, что, повидимому, вызвало и новый приток капиталов с этого времени. Однако, рост добычи снова сильно замедлился в последние годы и сейчас очень незначителен, соответствуя темпам, имевшим место за последние годы перед войной.

Прирост добычи (в %%)

1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
+15	+6,8	+0,01	+1,2

Мы полагаем, что относительная слабая рентабельность золотопромышленности в настоящее время (с учетом приближающихся сроков исчерпания запасов) при существующих соотношениях цен не может способствовать значительному оживлению золотопромышленности в ближайшие годы на базе новых технических достижений, значительно удешевляющих производство.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в течение ближайших лет факторы, действующие в сторону снижения себестоимости товарной продукции, будут иметь преобладающее значение в ценностных сдвигах золота и товарной массы, и это должно повлечь за собой дальнейшее снижение золотых товарных цен на ближайшие годы, которое, однако, будет тем мягче, чем более добыча золота в отношении роста производительности труда будет поспевать за другими отраслями производства.

Таким образом, на ближайшие годы вопрос о снижении цен будет стоять перед нами с особой остротой, что сугубо обусловливает необходимость быть на-чеку и не ослаблять нашей бдительности в борьбе за увеличение производительности труда и удешевление продукции.

М. М. Шершевский

Проблемы народного хозяйства Соединенных Штатов

Со времени окончания мировой войны в большей чем когда-либо мере внимание экономически мыслящего человечества стало сосредоточиваться на экономическом возвеличении Соед. Штатов. Множество исследователей, наблюдателей и авторов всевозможных книг, газетных и журнальных статей усматривали в тех или иных экономических достижениях и в отдельных тенденциях „американское чудо"; восхвалялось также все экономическое развитие в целом.

Под влиянием происходящего в Соед. Штатах в Европе стало усиливаться как в области хозяйственной деятельности, так и в социальной политике стремление ввести в своих странах „американские методы и образцы".

Дошло до того, что современное экономическое состояние Соед. Штатов стали сравнивать по значению с промышленной революцией конца XVIII века в Англии, а известный американский экономист, профессор Гарвардского университета, Томас Карвер, даже написал целую книгу, посвященную доказательству того, что экономическая революция в данное время происходит единственно в Соед. Штатах. Эта революция якобы должна уничтожить различие между рабочими и капиталистами, сделав самих рабочих капиталистами и принудив большинство капиталистов стать рабочими в том или ином отношении, так как немногие из них смогут жить только на доходы. Происходит, — заявляет профессор Карвер, — нечто новое в мировой истории. [1]

Но, с другой стороны, этот же процесс вызывает в нем опасение, [2] что широкое распространение материального благополучия в Соед. Штатах угрожает самим основам американской цивилизации, которая подобно предыдущим цивилизациям должна будет погибнуть, и при том в более короткий период, так как „не будет массы бедных, из которых выходят зажиточные классы". Таким образом, по профессору Карверу, который в данном случае имеет в Америке множество единомышленников, в Соед. Штатах в настоящее время, во-первых, происходит диффузия капитала в население, при том, во-вторых, столь быстрым темпом, что ведет к уничтожению бедности, которая, по его заключению, является основой американской цивилизации.

В связи с этим, вопрос о характере развития американского народного хозяйства, а также об основных тенденциях этого развития, прио-

---

[1] „The Present Economic Revolution in the United States", by Thomas Nixon Carver. Boston, Zittle, Brown and Co. 1926.

[2] Эти мысли изложены им в одном из номеров „The New-Jork Times" за 1927 г.

бретает чрезвычайную актуальность, поскольку подтверждение изложенных положений должно было бы произвести полный переворот в наших представлениях о действительной сущности развития капиталистического хозяйства.

Достигнут ли в Соед. Штатах после войны стандарт материального благополучия?

Быстрый рост народного дохода Соед. Штатов является общеустановленным, даже при различных оценках размеров этого дохода. Так, по данным американского „Национального Бюро Экономических Исследований“, [1] этот рост (взятый с округлением) за послевоенный период 1919—1926 гг. представляется в следующем виде:

Народный доход Соед. Штатов

(в мрд. долларов)

Годы	В долларах соотв. года	В долларах 1913 г.	Годы	В долларах соотв. года	В долларах 1913 г.
1919	67	38	1923	77	47
1920	74	36	1924	79	48
1921	63	36	1925	86	51
1922	66	40	1926	90	53

Что при исчислении на душу населения в год выразится следующим образом:

Годы	В долларах соотв. года	В долларах 1913 г.	Годы	В долларах соотв. дела	В долларах 1913 г.
1919 . . .	640	358	1923 . . .	689	421
1920 . . .	697	341	1924 . . .	700	426
1921 . . .	597	334	1925 . . .	752	445
1922 . . .	597	369	1926 . . .	770	455

Таким образом, в послевоенный период народный доход Соед. Штатов продолжал возрастать, и при том быстрее роста самого населения. Здесь целесообразно сравнить приведенный рост с предыдущими периодами развития.

Пользуясь данными Вильфорда Кинга, производившего исчисления народного дохода Соед. Штатов. [2] (в оптовых ценах 1890—1899 гг.), и индексом оптовых цен по сравнению с 1913 г., [3] мы для удобства сопоставления произвели пересчет этих данных в долларах 1913 г. и получили следующую таблицу:

Рост дохода в Соед. Штатах на душу населения

Годы	В долларах 1913 г.	Индекс роста	Рост по сравнению с пред. указан. год. (в процентах)
1850	93,4	100	—
1860	111	119	+ 11
1870	107	114	— 3,6
1880	150	161	+ 40
1890	229	245	+ 53
1900	314	333	+ 37
1910	355	380	+ 13

[1] См. „National Bureau of Economic Research“. Neus Bulletin, № 23. 1927.
[2] См. „The Wealth and Income of the People of the United States“, by Willford Isbell King. New Jork, The Mc. Millan Co. 1922. Стр. 129.
[3] „Statistical Abstract of the United States“, 1926. Стр. 314.

Мы видим, таким образом, что рост дохода на душу населения (а принимая во внимание и быстрый рост населения, и самый народный доход) возрастал быстрым темпом уже в течение долгого ряда десятилетий, предшествовавших войне. С середины XIX века за шесть десятков лет доход на душу населения возрос на 280%, при чем особенно бурный темп роста реального дохода наблюдался с восьмидесятых годов. Последнее десятилетие перед окончанием войны (1909—1918 гг.) он равным образом продолжался. Возьмем данные за этот период в едином по покупательной способности измерении — в долларах 1913 г. Этот рост представится тогда в следующем виде:

Годы	Население в млн.	Национальный доход		В долларах 1913 г.	
		в мрд. долларов	В долларах на душу населения	Народный доход	Доход на душу
				В мрд. долларов	
1909	90,4	28,8	319	30,1	333
1910	92,2	31,4	340	32,2	349
1911	93,8	31,2	333	31,7	338
1912	95,3	33,0	346	33,2	348
1913	97,3	34,4	354	34,4	354
1914	99,2	33,2	335	33,0	333
1915	100,4	36,0	358	35,2	350
1916	101,7	45,4	446	40,7	400
1917	103,6	53,9	523	40,8	396
1918	104,2	61,0	586	38,8	372

На ряду с общим ростом народного дохода, темп роста дохода на душу населения при продолжающемся росте населения, несмотря на под'емы в военные годы, значительно упал, почти остановился, составляя около 1% (положение не изменится, если взять десятилетие 1910 — 1920 гг.). Таким образом, с точки зрения темпа роста дохода на душу населения (а этот показатель для оценки народного благосостояния и характера его развития наиболее важен) период 1909—1918 гг. был наименее благоприятен. При душевом доходе в 1910 году 355 долларов, средний годовой доход на душу в этот период составлял 357 долларов.

Если теперь обратиться к послевоенному периоду и сопоставить изменения в среднем годовом доходе за 1919 — 1926 гг., то можно увидеть новое ускорение темпа роста народного дохода. Средний годовой доход на душу населения в эти годы составляет в долларах 1913 года уже 393,6, или на 10% больше, чем в предыдущий период (с учетом продолжающегося роста населения). Этот темп роста особенно ускорился с 1923 г., начиная с которого средний годовой доход составляет уже 487 долларов, что дает ускорение темпа роста по сравнению с 1910 годом уже 13,6%. Таким образом, в последние годы ускорение темпа роста душевого дохода, примерно, соответствует таковому в первом десятилетии нынешнего века.

Итак, народный доход Соед. Штатов с семидесятых годов возрастает, при том чрезвычайно быстрым темпом, правда, постепенно снижавшимся. В десятилетие 1909 — 1918 гг. средний душевой доход почти

не изменился (увеличение его в 1916 — 1918 гг. соответствует снижению в годы 1909 — 1915). Но уже после войны обозначается тенденция дальнейшего роста реального народного дохода, особенно в последние годы.

Установив наличие в хозяйстве Соед. Штатов общего роста народного дохода, интенсивно продолжающегося в последние годы, перейдем теперь к рассмотрению вопроса о всеобщем экономическом благополучии и изживании бедности, — явлении, которое по проф. Карверу угрожает основам американской цивилизации.

Понятие экономического благополучия, или достатка, является, вообще говоря, весьма неопределенным и изменчивым. Здесь необходимо, во-первых, исходить из установившихся понятий этого рода в данный период, и во-вторых, произвести четкое разграничение между понятием „экономическое благополучие" и „прожиточный минимум". В то время, как под последним обычно подразумевают минимальное количество средств, необходимых для восстановления и воспроизводства рабочей силы, американцы, начиная с 1900 — 1902 гг., когда Бюро Труда Соед. Штатов впервые изучило стоимость жизни, в ряде специальных исследований подсчетов бюджетов семей рабочих и служащих, стали со все большей определенностью вводить понятие „minimum standard of heaeth and decency" — „минимальный уровень для сохранения здоровья и приличия". На основании этих материалов американским Бюро Статистики при Министерстве труда в 1913 году был установлен „минимальный стандарт" из расчета, что для сохранения и развития нации в семье необходимо не менее трех детей. Стандарт этот определяет для семьи из мужа, жены и троих детей школьного возраста следующий минимальный бюджет потребностей:

1) достаточное количество хорошей пищи для сохранения здоровья (особенно для детей);

2) жилище в дешевом районе города при наименьшем числе комнат, какое только совместимо с понятиями приличия; с освещением, отоплением и необходимыми для поддержания здоровья удобствами;

3) поддержание необходимой в хозяйстве домашней утвари и принадлежностей (кухонные и постельные принадлежности, белье), но без учета расходов на мебель;

4) одежда достаточно хорошего качества, чтобы быть экономичной, однако без учета моды, покроя и т. п. в большей мере, чем это необходимо для того, чтобы члены семьи могли без стеснения бывать на людях и в своем кругу;

5) кроме того, некоторые средства для удовлетворения в минимальном размере таких потребностей, как трамвайные расходы, страхование, медицинская помощь, членские взносы в различные общественные организации, ежедневная газета, время от времени кино или прогулки, рождественские подарки детям и т. п.

Определяя таким образом уровень потребностей семьи, Бюро Статистики Труда в своем докладе отмечает, что оно рассматривает его лишь как „тот предельный уровень, ниже которого семья не может опускаться без опасности причинения себе физического или морального ущерба" („a bottom level of health and decencu below which a family cannot go withvut danger ot phisical and moral deterioration"). В этот бюджет, — как отмечает доклад, — не включены такие необходимые, по его мнению,

статьи, как сбережения на отпуск (поскольку, как правило, оплачиваемых отпусков почти не существует), расходы на книги и др. культурно-просветительные нужды.

При всем этом годовая стоимость перечисленных выше статей „минимального стандарта" была определена Бюро Статистики Труда в 2.262,5 доллара. Более поздними исследованиями, доведенными до середины 1926 года и произведенными в типичных районах Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Сан-Франциско и др. городов, стоимость такого стандарта оценена в среднем в 2.432 доллара. Правда, в специальном исследовании бюджетов семей рабочих и служащих по Нью-Йорку в в 1926 году [1] средняя стоимость годового бюджета была определена в 1.841—1.908 долларов для рабочих семей и для семей служащих в 2.084—2.203 доллара. Оценка этого бюджета также предполагала, что ведение домашнего хозяйства, стирка, шитье и т. п. работы выполняются матерью семьи, что на случай отпуска, безработицы, старости и т. п. не откладывается никаких сбережений. Но помимо этого, бюджет по своим статьям по сравнению с предыдущим был значительно сужен.

Наконец, последние исследования Labor Bureau, Inc. по 10 городам оценили стоимость этого стандарта в июне 1927 года в 2.352 доллара.

Изучая распределение национального дохода, проф. Кинг в упомянутой уже нами работе [2] делит все население Соед. Штатов по размерам доходов на четыре группы. Первая группа составляет 65% всего населения, и на ее долю приходится 38,6% национального дохода. Это, по терминологии Кинга, „беднейший класс". Следующий — „нижне-средний класс", составляя 15% населения, получает 14,2% всего национального дохода, тогда как третья группа — „верхне-средний класс", представляя 18% населения, получает 26,8% всего дохода. Эти группы охватывают 98% всего населения. Остальные 2% населения образуют „наиболее богатый класс", получающий 20,4% всего национального дохода.

Эту пропорцию Кинг установил для 1910 года. С того времени годовой доход (в долларах 1913 г.) возрос примерно на 28%, и колебания в группировках населения несомненно должны были иметь место. Однако, если принять во внимание, что за это время имело место общее ухудшение положения фермеров и рост безработицы, а также концентрация производства, сужавшая контингенты средних групп, т.-е., имели место факторы, влиявшие в сторону увеличения удельного веса „беднейшего класса", то приведенную пропорцию группировок населения Кинга по доле в национальном доходе можно считать в части „беднейшего класса" по меньшей мере не преувеличенной и для данного времени (мы имеем в виду 1927 г.) и пригодной для сравнения.

К началу 1927 года население Соед. Штатов определялось [3] в 117.136.000 чел. Таким образом, „беднейший класс", по доходам составляя 65% населения, должен определяться в 76 миллионов человек с лишним. С другой стороны, доля этой группы в общем национальном доходе за 1926 год, если исходить из оценки последнего, данной Нац

[1] National Industrial Conference Board. The Cost of Living in New-Jork. City, 1926.

[2] Стр. 235.

[3] „Statistical Abstract of the U. S. A.", 1926

Бюро Экономических Исследований (т.-е. в 89.682 млн. долларов), составляет 38,6%. Следовательно, доход этой группы составит 89.682 млн. долларов, умноженные на 0,386, или 34.617 млн. долларов, или 455 долларов на душу в год. Если же, согласно стандарту М-ва Труда, считать среднюю семью в пять человек, то годовой доход ее определится тогда в 2.275 долларов. Эта сумма составляет 97% стоимости того бюджета, который, по данным обследования стоимости жизни в середине 1927 г., был определен в 2.352 доллара. Однако, если исходить из оценки национального дохода, произведенной National Lndustrial Conference Board и определенной последним в 78.649 млн. долларов, то пользуясь тем же методом исчисления, мы получим годовой доход на душу „беднейшего класса" равным 399 долларам, а семьи из пяти человек этой же группы 1.995 долларам. В этом случае действительный доход относящихся к этой группе средних семей составит лишь 82% указанного выше „минимального стандарта для сохранения здоровья и достатка".

Этот минимальный стандарт, как указывалось, был установлен, исходя из расчета, что он покрывается доходами главы семьи, тогда как все ведение домашнего хозяйства и т. п. лежало на матери семьи. Трое же детей предполагались все школьного возраста и не приносящими доходов. Между тем, в действительности, в народном хозяйстве Соед. Штатов число занятых лиц значительно превышает число глав средних семей Бюро Статистики Труда. По средней норме последнего, при 117.000.000 населения С.-А.С.Ш. в 1926 году, число самодеятельных лиц (теоретически „глав семьи") должно было бы составлять 23,4 миллиона человек. В действительности же число самодеятельных лиц (или, по американской терминологии, лиц, имеющих доходные занятия) в том же году составляло, приблизительно, 43,6 миллиона человек или, иными словами, на каждую нормальную семью в Соед. Штатах в среднем занято 1,86 лица. Если же сделать естественное предположение, что в трех высших по доходам группах занятость значительно ниже средней занятости всего населения, то предположение, что в первой группе — „беднейшем классе", численно наиболее значительном (2/3 всего населения) занято 2 человека в средней семье — едва ли окажется преувеличенным.

Изложенные расчеты позволяют притти к следующим выводам:

1) около двух третей населения Соед. Штатов еще не имеют того предельного уровня экономического благополучия, ухудшение которого причиняет физический и моральный вред семье;

2) достижение этого уровня требует повышения доходов этой группы на 3—22%;

3) полное соответствие благополучия этой группы установленному стандарту требует еще снижения не менее чем вдвое числа лиц, имеющих доходные занятия, чтобы вместо двух, в семье работало одно лицо;

4) осуществление требований „минимального стандарта" в этой части, помимо условий, изложенных в пункте 2, требует повышения доходов каждого лица на 100%.

Общий же вывод из этого анализа будет таков: около двух третей населения Соед. Штатов, затрачивая во вред своему физическому и моральному состоянию вдвое больше усилий, чем признано нормальным по официальным стандартам, находятся на уровне экономического благополучия, который на 3—18% ниже минимального стандарта.

Технологические факторы развития народного хозяйства

Но если достижение всеобщего благополучия, как последнее понимается официальными компетентными американскими учреждениями, является еще проблемой, далекой от разрешения в ближайший период, то все же рост национального благосостояния, который является необходимой предпосылкой к достижению „стандарта", является, как мы видели выше, несомненным. Этому росту содействовал целый ряд причин, и прежде всего — зачастую недооцениваемое быстрое техническое развитие. Механизация производства с каждым годом все глубже охватывает целые отрасли в невиданных до того размерах. Новые машины заменяют старые, давая большую эффективность и заменяя рабочую силу. Необходимой предпосылкой этой „машинизации" служит возрастающее в гигантских размерах применение первичной механической энергии. Замена угля нефтью, рост потребления электрической энергии, широкое использование с этой целью водной энергии приводят также к возрастанию общей механизации народного хозяйства и снижению издержек производства. Механизация же производства в свою очередь приводит к созданию огромных предприятий для массовой продукции, к концентрации производства. На ряду с этими факторами, общий рост производства ускоряется организационными мероприятиями, как-то: введением сберегающих труд приемов, борьбой с непроизводительными расходами, планированием предприятиями продукции с учетом кон'юнктурных колебаний и т. п.

Этот многосторонний процесс технического и организационного усовершенствования при всемерной замене человеческой рабочей силы механической силой выразился одновременно и в том, что наибольшего развития стали достигать отрасли, в большем размере поддающиеся механизации, в которых производство осуществляется по преимуществу машинами.

В связи с этим, следует указать на рост нефтяной промышленности за счет угольной в горном деле; цементное производство в строительном деле выдвигается за счет кирпичного, а также производства лесоматериалов и добычи строительного камня; растет механическая выпечка хлеба, вытесняя домашний хлеб. Общеизвестен гигантский рост автомобильной промышленности. Этот процесс механизации производства в последнее время делает новые большие успехи и в сельском хозяйстве. Всеобщий рост и механизация средств производства естественно сопровождались ростом вложений в основной капитал, который достиг небывалых до сего размеров. В 1924 году общие вложения капиталов в горном деле, обрабатывающей промышленности, общественных предприятиях и транспорте оценивались свыше чем в 90 мрд. долларов, при чем один недвижимый капитал составлял из этой суммы свыше 62 мрд. Более конкретные представления, чем от этих астрономических чисел, мы получим из следующих данных.

Вложения капитала на каждого рабочего составляли в горном деле 10.500 долларов, в промышленности — около 5.250 долл. и в жел.-дорожном транспорте — свыше 8.000 долл. Эти вложения быстро возрастают, благодаря общему росту накопления. По грубым подсчетам, ежегодные сбережения достигают около 10 млрд. долларов и в значительной мере идут в производство.[1]

[1] Monthly Labor Review, October. 1927.

Естественно, что столь значительные вложения в производство возможны были лишь благодаря быстрому росту национального богатства, которое, по подсчетам проф. Дугласа,[1] дает в среднем 5% годового прироста, тогда как в Европе, по подсчетам Касселя, этот прирост составляет лишь 3%. Иными словами, темп накопления в Соед. Штатах, значительно более высокий, чем в Европе, делает возможным (не говоря о ряде других причин) столь значительные вложения.

Однако, этот процесс технического развития Соед. Штатов отнюдь не является продуктом последнего времени. Уже задолго до войны механизация промышленности стояла в Соед. Штатах на значительно более высоком уровне, чем в других странах, и уже тогда давала большую продукцию по сравнению с другими странами. В своей недавно вышедшей работе о международной торговле Ф. В. Тауссиг[2] приводит ряд интересных сопоставлений выработки на 1 рабочего в Соед. Штатах и др. странах по отдельным производствам. Так, производство кирпича (физический об'ем продукции) оказалось выше в Соед. Штатах по сравнению с Германией на 50%; выработка стали и чугуна в Соед. Штатах и в Англии определялась пропорцией $2^1/_2 : 1$, при соотношении рабочей силы соотв. 7:6 и применения механической энергии $10^3/_4 : 5^1/_4$. Производство оцинкованного железа в С.-А.С.Ш. и в Англии (на 1 рабочего) выражалось пропорцией 100,4:25,6, т.-е. почти вчетверо. В мукомольном производстве 1,53:1, при чем и здесь, так же, как и в других случаях, характерной особенностью американского производства служила более высокая механизация производства: при 5 лош. сил энергии на 1 рабочего в Англии, в Соед. Штатах приходилось 13 лош. сил энергии.

Таким образом, процесс механизации американской промышленности выдвинул ее на первое место уже задолго до войны. Этот процесс стал развиваться еще быстрее после войны, тогда как в Европе он, наоборот, замедлился в условиях общей дезорганизации народного хозяйства в послевоенный период.

Ниже приводимая таблица годовой добычи угля на 1 рабочего по угольной промышленности ряда важнейших стран дает внушительную картину результатов этой механизации американской угольной промышленности — беспрерывно развивающейся продукции — более чем за полвека, при одновременном застое в странах Европы.

Средняя годовая добыча угля на 1 рабочего[3]

(в тоннах)

Период	Англия	Франция	Бельгия	Германия	С.-А.С.Ш.
1874—1878	302	172	151	234	366
1879—1883	358	209	188	288	478
1884—1888	358	220	194	301	446
1889—1893	316	225	188	288	497
1894—1898	321	233	195	293	501
1899—1903	324	222	189	277	607

[1] См. Paul Douglas. The Modern Technique of Mass Production and its Relation to wages. Academy of Political Science, proceldings vol. XII. Numbli 3. July. 1927.

[2] International Trade, dy F. W. Taussig. New. Jork. The Macmillan Co. 1927.

[3] „Report of the Royal Commussion on the Coal Industry" 1925. Vol. I. London. 1926.

Период	Англия	Франция	Бельгия	Германия	С.-А.С.Ш.
1904—1908	317	217	181	281	636
1909—1913	287	218	178	287	712
1914—1918	282	170	140	320	795
1919—1923	218	148	151	188	698
1924	246	167	152	234	734
1925	248	170	158	262	—

На ряду с неуклонным ростом продукции угля в год в Соед. Штатах, где механизация производства достигла рекордных размеров, добыча угля в важнейших по размерам своей общей добычи европейских странах — Англии, Германии, Франции, Бельгии — ниже довоенного уровня, а в Англии и во Франции даже ниже, чем полвека назад. Несмотря на всю условность значения такого сопоставления (вследствие неодинаковой продолжительности рабочего дня и числа рабочих дней в году), таблица все же отражает техническую отсталость европейской угольной промышленности по сравнению с американской.

Еще более показательны непосредственные сопоставления данных механизации восьми отраслей промышленности Соед. Штатов и Англии. Данные эти для каждой из стран являются результатом промышленных переписей, 1925 года для С.-А.С.Ш. и 1924 года для Англии.[1]

Применение механической энергии в промышленности

Отрасли промышленности	Англия 1924 г.			Соед. Штаты 1925 г.		
	Всего первичн. энергии в тыс. лош. сил	Лош. сил на 1 рабочего	Лош. сил на 1.000 фунт. стерл. зараб. платы	Всего первичн. энергии в тыс. лош. сил	Лош. сил на 1 рабочего	Лош. сил на 1.000 фунт. стерл. зараб. платы.
Сталеделательная пром.	1.831	9,15	41,4	4.764	12,85	21,0
Машиностроение	964	2,60	11,5	2.527	3,62	5,4
Автомобили и велосипеды . .	194	1,13	4,3	1.185	2,75	3,4
Электротехнич. промышлен. . .	157	1,28	4,7	589	2,46	3,2
Судостроение	339	2,70	15,2	303	6,05	13,7
Хлопчато-бумажн.	1.576	3,14	19,1	2.236	5,02	17,5
Шерстяная промышленность .	517	1,97	10,0	683	3,28	7,6
Сапожно-обувная	63	0,48	2,5	140	0,67	1,6

Первые колонки для обеих стран показывают, как далеко ушли Соед. Штаты по сравнению с Англией в применени механической энергии в количественном отношении. Но они не столь показательны, так как Соед. Штаты и по численности населения и по размерам предприятий превосходят Англию. Наиболее показательны поэтому для сравнения механизации промышленности в обеих странах колонки 2 и 3, которые не только дают представление о степени механизации как на единицу рабочей силы (1 рабочего), так и на единицу стоимости продукта

[1] См. лондонский „Economist" за 17/III 1928 г.

(1.000 ф. стерл.), но и позволяют вывести коэфициенты роста этой механизации в С.-А.С.Ш. по сравнению с Англией, а также вычислить, насколько экономней используется механическая сила в С.-А.С.Ш.

Вот эти вычисления:

Отрасли промышленности	Механической энергии на 1 рабочего (в лош. сил.)			Механической энергии на каждые 1.000 фунт. стерл. стоимости продукции		
	Соединен. Штаты 1925 г.	Англия 1925 г.	Коэфициент превышен.	Соединен. Штаты 1925 г.	Англия 1925 г.	% расхода энергии в С.-А. С. Ш. к Англии
Сталеделательная пром. . . .	12,85	9,15	1,41	21,0	41,4	0,51
Машиностроение	3,62	2,60	1,40	5,4	11,5	0,47
Моторные экипажи	2,75	1,13	2,44	3,4	4,3	0,80
Электротехнич.	2,46	1,28	1,92	3,2	4,7	0,68
Судостроение	6,05	2,70	2,24	13,7	15,2	0,90
Хлопчато-бумажн.	5,02	3,14	1,60	17,5	19,1	0,92
Шерстяная пром.	3,28	1,97	1,66	7,6	10,0	0,76
Сапожно-обувная	0,67	0,48	1,40	1,6	2,5	0,64

Эта табличка наглядно показывает, насколько американская промышленность более механизирована по сравнению с английской: на каждого рабочего в ней в среднем применяется, примерно, на 50—60% больше механической энергии. На ряду с этим, высокая производительность американских предприятий приводит к тому, что на единицу стоимости продукции этой энергии приходится в С.-А.С.Ш. меньше, чем в Англии.

Всего же механической энергии в Соед. Штатах числилось:

Годы		
1919	29,3	млн. лош. сил
1923	33,1	„ „ „
1925	35,8	„ „ „

В общем, количество первичной механической силы в американской промышленности в 1925 году превышало таковое в 1924 году на 60%, если же считать за период 1899—1925 гг., то на целых 256%. Этот рост механизации значительно обгонял рост занятой живой рабочей силы, как это видно из следующего:

Рост механической энергии в лош. силах на 1 рабочего

Обрабатывающая промышленность		Горное дело	
Годы		Годы	
1899	2,1	1902	4,9
1909	2,8	1909	4,3
1914	3,2	1919	6,2
1919	3,2		
1923	3,8		
1925	4,3		

Естественным в общей обстановке технического развития всего народного хозяйства Соед. Штатов являлся и рост электрификации его,

что оказалось возможным лишь в результате сооружения множества центральных и др. силовых станций и небывалого развития производства электроэнергии, которое по своему темпу опередило много других отраслей.

По данным американского департамента внутренних дел [1], производство электроэнергии в послевоенный период развивалось следующим образом:

Общая продукция энергии

(в млн. клвт.-час)

Годы	Вся продукция	Продукция гидростанций	Продукция отопляемых станций	Расход топлива в фунтах на клвт.-час
1919	38,9	14,6	24,3	3,2
1920	43,6	16,1	27,4	3,0
1921	41,0	15,0	26,0	2,7
1922	47,7	17,2	30,5	2,5
1923	55,7	19,3	36,3	2,4
1924	59,0	20,0	39,0	2.2
1925	65,9	22,3	43,5	2,1
1926	73,8	26,2	47,6	1,95

Только за 7 последних лет производство энергии возросло на 90%, при чем добча гидроэнергии увеличилась на 78%.

Одновременно, благодаря техническим усовершенствованиям, на отопляемых станциях расход топлива уменьшился с 3,2 ф. до 1,95 ф. на клвт.-час, составляя лишь 0,6% прежнего расхода, что также должно было служить снижению стоимости продукции.

Однако, перечисленными выше факторами общая картина развития технической базы народного хозяйства далеко не исчерпывается. Множество изобретений, усовершенствований, приспособлений и т. п. были использованы в целях механизации производственного процесса. Здесь не представляется возможным детально останавливаться на этом, почему для характеристики этой тенденции ограничимся описанием механизации автомобильных заводов. [2]

„По переписи 1923 года на заводах, производивших автомобильные части, находилось, приблизительно, 122.000 металлообрабатывающих станков и др. машин, почти один станок на каждого рабочего этого цеха. В производстве двигателей внутреннего сгорания пять машин приходится на каждых 8 рабочих. В производстве кузовов в стране занято 126.000 металлообрабатывающих машин, или одна машина приходится в среднем менее чем на 2-х рабочих. При этом лишь одна четверть всего этого механического оборудования находится в возрасте свыше 10 лет, что имеет жизненное значение для достижения производства автомобилей по действительно низкой цене".

Столь высокая механизация связана естественно и с концентрацией производства на более крупных предприятиях. И действительный процесс концентрации производства происходит в С.-А.С.Ш. таким же темпом, как и другие преобразования.

[1] См. „Statistical Abstract of the United States". 1926. Стр. 358.
[2] См. „Report on the Economic Conditions in the United States" by Joyce Broderiek and Capt. A. J. Pack. London. 1927 г. Изд. Department of Overseas Trade.

Вот табличка, дающая представление о темпе концентрационного процесса. [1]

Динамика концентрации производства

Предприятия с годовой продукцией в:	Охватывали следующий процент всех предприятий		В них был занят следующий процент общего числа рабочих		Производили следующий процент пром. продукции	
	1914 г.	1925 г.	1914 г.	1925 г.	1914 г.	1925 г.
1 млн. долларов и выше .	2,1	5,6	35,2	56,8	48,6	67,6
От 100 тыс. до 1 млн. .	16,9	27,7	44,0	33,5	36,2	26,3
„ 20 до 100 тыс. . . .	31,8	36,8	14,2	7,9	10,5	5,2
„ 5 „ 20 „ . . .	49,2	29,8	6,1	1,9	3,7	1,0

Таким образом, из всех приведенных группировк доля продукции возрастает за счет других только у крупнейших предприятий с годовой продукцией свыше 1 миллиона. 5,6% всех предприятий давали в 1925 г. свыше $^2/_3$ всей продукции, во всех же остальных группах падает также и доля занятых рабочих. Около 57% всех рабочих занято на крупнейших предприятиях, тогда как еще в 1914 году на них было занято 35,2%. Таков темп происходящей концентрации производства в промышленности Соед. Штатов.

Сколь велик экономический стимул этой технической рационализации производства, можно наглядно судить хотя бы по следующим расчетам. [2] В то время, как каждая механическая лош. сила в работе в течение 1913—1914 гг. в среднем повышала стоимость продукции каждого рабочего на 1.310 долларов (считая по всей промышленности), ее эксплоатация обходилась около 5% средней зарплаты рабочего. Последняя же, по подсчетам National Industrial Conference Board, составляла в 1926 году 1.413 долларов, т.-е. лишь немногим больше стоимости продукции, даваемой каждой добавочной механической лошадиной силой.

Таким образом, чем радикальнее происходит процесс механизации производства, тем соответственно резче изменения составных элементов себестоимости продукции, и в первую очередь — стоимости рабочей силы. Для иллюстрации этого всеобщего процесса возьмем хотя бы развитие стекольной промышленности. [3] Здесь еще сравнительно недавно производство стандартных бутылок в 4 унции обходилось (в долларах 1925 года) 177 цента за гросс. С введением же автоматических машин по производству бутылей Овена стоимость необходимой рабочей силы для изготовления того же количества упала до 3,15 цента или, иными словами, на каждый доллар зарплаты при старом способе теперь оказалось достаточно выплачивать 2,7 цента. С введением двойного пресса—Hartford Empire, работающего с движущимся конвейером, производство стеклянной посуды возросло в 12 раз, тогда как сумма выплачиваемой заработной платы упала в 15 раз. Автоматическая машина Westlake

[1] „Statistical Abstrakt". 1926
[2] „Industrial Management", за декабрь 1926 г.
[3] „Monthly Labor Review", Vol. XXIV, № 4, April 1927

повысила производство электрических изоляторов более чем в 31 раз, снизив одновременно стоимость рабочей силы до 14,7% предыдущей; то же имело место и в производстве оконного стекла, где введение автоматических машин Фурко дало около 70% экономии в зарплате.

Если же взять общую сумму зарплаты по всей стекольной промышленности, то доля ея по отношению к стоимости всей продукции выразится следующим образом:

1899 г. — 48% 1914 г. — 40% 1919 г. — 33% 1925 г. — 29,3%

Как видим, техническая революция неизменно влечет за собой настоящую революцию... в структуре себестоимости.

Не менее интенсивным темпом за это же время развивался процесс механизации сельского хозяйства. Тяжелое состояние сельскохозяйственной конъюнктуры действовало здесь в качестве стимулирующего фактора.

Уже в 1920 году из $6^1/_2$ миллионов фермерских хозяйств около 33% располагало автомобилями и грузовиками, а с того времени этот процент чрезвычайно вырос. Тракторизация охватила в 1920 году 3,6% всех хозяйств, а в 1925 году число хозяйств, располагающих тракторами, уже составляло 7,4%, с общим числом тракторов около 500.000. В последние 2 года тракторизация сельских хозяйств продолжала развиваться еще более быстрым темпом в связи с введением новых сложных машин, пользующихся механической тягой. Надо при этом иметь в виду, что здесь процентное отношение само по себе далеко не отражает темпа механизации сельскохозяйственного производства, так как, будучи введены в крупнейших хозяйствах, эти тракторы служат для обработки гораздо большей посевной площади, тогда как в мелких хозяйствах тракторы распространены пока значительно слабее. Не говоря уже об экономии человеческого труда, в качестве тяговой силы эти тракторы быстро вытесняют рабочий скот, и за 1920 — 1927 гг. число лошадей на фермах упало на 25% — с 20 до $15^1/_2$ миллионов голов при общем росте сельскохозяйственной продукции.

Одновременно за последние годы происходит быстрый процесс замены сравнительно несложных молотилок и косилок прежних конструкций более эффективными, с огромной производительностью. Так, современная машина „Combine", одновременно могущая работать и как косилка и как молотилка, снабжена режущими плоскостями в 3 — 4 метра и с помощью тракторной тяги убирает в 2 недели 500 акров поля, требуя лишь 2—3 чел. в качестве обслуживающего персонала. Сколь быстрое распространение имеют эти новейшие комбинированные уборочные машины, можно судить по тому, что в 1926 году в одном только штате Канзас такими „Combine" было убрано свыше 3 миллионов акров.

Совершенный переворот в деле сбора хлопка произвело изобретение и широкое распространение машин для механической уборки хлопка. Трудность в этом отношении выражалась до сего времени в том, что хлопок вызревает не одновременно, и потому механическая его уборка была невозможна. Главной же силой по уборке хлопка служил труд негров. Между тем, после ряда специальных исследований оказалось, что в западных районах штатов Оклагома и Техаса климатические условия благоприятствуют такому одновременному вызреванию. В резуль-

тате этого открытия за последнее 10-летие наблюдалось резкое перемещение хлопковых посевов в эти области, где широко распространились новые уборочные машины. Сколь значителен был экономический эффект механической уборки хлопковых полей, можно судить по тому, что в этих районах издержки производства упали на 50%. Естественно, что такое резкое изменение себестоимости не могло не содействовать тенденции улучшения экономического положения фермерского хозяйства и одновременно вытеснения человеческой рабочей силы. Каждая новая машина выполняет работу 2—3 и даже 5—6 рабочих. Так, упомянутый уже выше „Combine" требует на уборку одного акра площади $^3/_4$ часа труда одного рабочего, тогда как при машинах старых конструкций требовалось на эту же работу $3^1/_2$ часа труда рабочего — увеличение в $4^2/_3$ раза. Машины по уборке кукурузы, обслуживаемые одним трактористом, убирают в день до 12 акров, заменяя прежнюю работу 5—6 человек. Те же результаты дают и машины по уборке хлопка. [1]

Вместе с тем, широкая механизация фермерских хозяйств вынуждает фермеров обрабатывать большую площадь, вследствие чего доля механизированных хозяйств в общей продукции возрастает или, иными словами, возрастает концентрация сельскохозяйственного производства. Так процесс механизации создает в современном сельском хозяйстве Соед. Штатов целую техническую революцию, значение которой ныне приравнивается к значению переворотов в результате введения паровой силы, двигателей внутреннего сгорания или электричества.

Уже приведенные здесь данные достаточны для об'яснения причин бурного темпа механизации современного американского народного хозяйства.

Возрастание производительности труда и национальной продукции

Описанная только что пераманентная техническая революция производства с ее организационными усовершенствовниями, постоянным возростанием основного капитала и применением механической энергии в не менее возрастающих размерах не могла не повлечь за собой значительного роста как производительности труда, так и всей продукции.

Если за основу сравнения взять 1914 год, то темп роста производительности труда в С.-А.С.Ш. по ряду основных отраслей обрабатывающей промышленности представится в следующем виде (см. табл. на след. стран.).

Рассматривая эту таблицу, можно притти к тому выводу, что за исключением автомобильной и резиновой отраслей промышленности, производительность труда стала возрастать лишь со времени глубокого кризиса 1920/21 г., когда стали усиленно применяться технические усовершенствования, переоборудования и т. д. Особенно выросла производительность труда в автомобильной и резиновой отраслях, а также в нефтеочистительной, цементной и железо -и сталеделательной отраслях. Менее интенсивный темп роста по другим отраслям следует отчасти об'яснять сравнительно высоким уровнем производительности, существовавшим в них прежде.

Одновременно повысилась производительность труда и на железных дорогах: с 95,6 в середине 1915 г. до 134,5 к концу 1926 г. (считая на

[1] См. „Wirschaftsdienst", за 3/II 1928 г.

Динамика производительности труда в 1914—1925 гг.[1] по 11 отраслям (на человеко-час)

Годы	Железо и сталеделательная отрасль	Обувно-сапожная	Кожевенно-дубильная	Мясобойная	Нефтеочистительная	Бумажная и целлюлоз.	Цементная	Автомобильная	Резиновая	Мукомольная	Сахаро-рафинадная
1914	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1919	100	105	101	93	92	104	103	136	130	96	79
1921	94	115	126	119	111	94	124	193	190	118	82
1922	136	116	130	125	126	118	—	249	—	—	—
1923	139	107	134	128	135	116	132	270	266	128	102
1924	137	107	131	129	163	128	143	262	301	—	114
1925	159	106	126	127	183	134	164	272	311	140	128

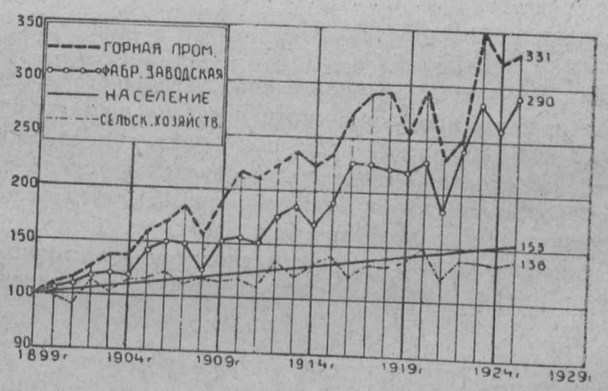
человеко-час). Такой же процесс происходил и в угольной промышленности, как это было показано выше, и в сельском хозяйстве, где индекс продукции на каждого работающего изменялся следующим образом: [2]

1880 г. — 100 1900 г. — 124 1910 г. — 120 1920 г. — 147

Производительность труда, таким образом, возрастала во всех областях народного хозяйства, а вместе с нею одновременно росла и общая масса продукции.

Темп этого роста мы можем проследить по следующей диаграмме. [3]

Динамика роста производства и населения (1899 г. = 100)



Быстрее всего, как показывает диаграмма, развивалась горная промышленность, главным образом, добыча нефти. Общий же индекс роста составил 311 (1899 г. = 100). Темп роста за этот же период фабрично-заводской промышленности достиг 290. Наиболее медленно шло развитие сельского хозяйства, которое дало прирост за 25 лет лишь на 33%.

Рост как горной, так и фабрично-заводской промышленности за этот период далеко обогнал рост населения, благодаря чему количество

[1] „Handbook of Labor Statistics". 1924—26. U. S. Department of Labor. 1927, стр. 545.

[2] National Industrial Conference Board The Agricultural Problem in the U. S. A. New-Jork, 1926

[3] Диаграмма заимствована из „Harvard Economic Society Weckly Letter" за 11 февраля 1928 г.

продукции на каждую душу населения поднялось следующим образом (1899 г. = 1):

Горная промышленность	2,16
Фабрично-заводская	1,89
Сельское хозяйство	0,90

Только сельскохозяйственная продукция развивалась медленнее, чем росло население, и снизилась, составляя 0,90 на душу населения начала текущего века.

Если изучать рост производства в послевоенный период, то по данным „Federal Reserve Board“ [1] он окажется следующим:

Индексы роста промышленности в 1919—1926 гг.

(1919 г. = 100)

Годы	Фабрично-заводская	Горная	Годы	Фабрично-заводская	Горная
1919	100	100	1923	120	135
1920	102	116	1924	112	125
1921	79	91	1925	125	129
1922	103	96	1926	129	138

Значение этого темпа развития производства станет еще более наглядным, если сравнить его с движением роста продукции в главных индустриальных странах Европы:

	Добыча чугуна и стали [2]		Добыча угля	
	(1913 г. = 100)			
Англия	100	97	100	89
Германия (в довоенн. гран.)	100	96	100	103
Франция	100	109	100	118

Эти данные не вполне сопоставимы с американской табличкой, так как индексы продукции стали и чугуна не могут соответствовать индексу всей фабр.-заводской промышленности, а индексы продукции угля в европейских странах — индексу американской горной промышленности, который определяется в большей мере добычей нефти (индекс продукции угля за 1927 г. по сравнению с 1913 г. будет 111,5). Однако, общая тенденция из этих данных становится достаточно ясной: темп развития американской промышленности до последнего времени далеко обгонял европейский.

Технологические факторы и вытеснение рабочей силы

Выше мы уже видели, что производительность труда стала значительно подыматься лишь со времени кризиса 1920—1921 г. Этот под'ем вместе с общим ростом физического об'ема продукции происходил, главным образом, в результате перманентных технических усовершенствований и механизации всего производственного процесса — т. н. технологических факторов, что привело к постепенному падению в производстве удельного значения фактора живой рабочей силы. Дешевая механическая рабочая сила стала вытеснять дорогой человеческий труд и во всех абсолютно отраслях производства темп этого вытеснения развивался с такой быстротой, что в итоге общее количество занятой живой рабочей силы не только падало по отношению к общей массе продукции, но стало падать и абсолютно. Если взять первый послевоенный год (1919) за основу сравнения (за 100), то показатели роста физического об'ема продукции, первичной механической энергии (в лош. силах), продукции на единицу человеческой рабочей силы и числа занятых в производстве лиц по ряду основных отраслей представятся в следующем виде:

Показатели диспропорции между ростом производства, числом занятых лиц и механической энергией в 1925 году [1]

(1919 г. = 100)

Отрасли промышленности	Физическ. об'ем продукц.	Число занятых лиц	Первичн. механич. энерг. (в лош. сил).	Продукция на каждое занятое лицо
Пищевая	116,4	81,3	115,8	143,2
Текстильная	119,3	104,5	126,6	114,2
Железо-и сталеделательная	131,5	95,6	114,1	137,6
Лесопильная	113,6	94,1	86,9	120,7
Кожевенная (вкл. продукц. из нее)	93,4	90,6	106,9	103,1
Бумажная и полиграфическая	152,8	108,8	131,1	140,4
Химическая и примык.	140,6	91,8	147,1	153,2
Силикатная	179,1	115,1	151,5	155,6
Металлич. и металлообрабат.	132,4	81,2	114,0	163,1
Табачная	124,4	79,9	97,0	155,7
Средства передвиж. (автомоб. и др.)	238,3	108,3	182,5	220,0
Судостроение	7,0	13,5	54,8	51,9
Резиновая	158,8	79,7	152,8	199,3

Данная таблица составлена в первых трех рубриках американским Министерством Торговли на основании материалов промышленных переписей, тогда как четвертая рубрика является результатом исследований Бюро Статистики Труда. Существует еще индекс занятости рабочей силы в промышленности, построенный Federal Reserve Board [1], в котором наблюдаются некоторые, в общем небольшие, несовпадения с настоящим, однако, данный индекс представляется нам более полным, поскольку он охватывает всех занятых в той или иной отрасли лиц, включая служащих и административный персонал.

Данные этой таблицы показывают, что, за исключением фактически замершей судостроительной отрасли, производительность труда с 1919 г. поднялась по всем группам фабрично-заводской промышленности. Этот рост шел параллельно с ростом механизации предприятий, а также и независимо от него, там где количество механической энергии убывало (как, напр., в табачной и лесопильной отраслях, где производство, несмотря на это, возрастало при общей убыли живой рабочей силы). В тех немногих отраслях, где число занятых лиц абсолютно еще возрастало, этот рост фактически означал расширение производственного аппарата (путем создания новых предприятий и расширения старых) и за ним неизменно следовало огромное возрастание продукции. Таковы группы: средств передвижения, силикатная, бумажная, текстильная.

[1] „Federal Reserve Bulletin“, Febr. 1927, стр. 100 и March. 1927. ,стр. 175—177.
[2] См. данные „Ekonomist Monthly Supplement“ за январь 1928 г.

[1] „Monthly Labor Review“, June 1927, стр. 52—54.
[1] Публикуется ежемесячно в „Federal Reserve Bulletin“.

Общий же результат приведенного здесь развития выведен теми же источниками следующим образом:

Показатели диспропорции в промышленности между ростом фабрично-заводской продукции, числом занятых лиц и количеством механической энергии

	1919 г.	1925 г.
Физический об'ем продукции	100,0	128,6
Число занятых лиц	100,0	91,4
Первичная механическая энергия (в лош. сил.)	100,0	121,8
Продукция на занятое лицо	100,0	140,7

К несколько отличным результатам приходит Федеральный Резервный Комитет, который, пользуясь переписями занятых в промышленных предприятиях рабочих, исчислил индекс занятости по сравнению с 1919 годом несколько выше, чем представленный здесь, при соответственном некотором снижении индекса роста продукции на каждое занятое лицо.

	1919 г.	1925 г.
Физический об'ем продукции	100,0	125,0
Число занятых лиц	100,0	93,3
Продукция на одного рабочего	100,0	134,0

Общий же индекс движения численности занятых лиц, производства и производительности труда по всем отраслям производства (включая транспорт) в 1925 году по сравнению с 1919 годом был следующий: [1]

	Число рабочих	Вся продукция	Производительность на 1 рабочего
Сельское хозяйство	93	108	118
Фабрично-заводская промышл.	91 1/2	128	140
Горная промышленность	100	133	133
Транспорт	91	104 1/2	115
Средне-взвешенная	93	120	129

За период 1919—1925 гг. физический об'ем продукции возрос на 20%, выработка на 1 рабочего на 29%, при одновременном сокращении числа занятых рабочих по всем отраслям на 7%. Эта тенденция падения численности занятых рабочих при одновременном росте продукции отнюдь не была случайной для этих лет. Если рассмотреть движение промышленной продукции за 1923—1926 гг., взяв за 100 результаты 1923 года, то движение индексов будет следующее:

Годы	Продукция [2]	Занятость рабоч. [3]
1923	100,0	100,0
1924	95,0	90,3
1925	104,0	91,2
1926	108,0	91,9

За этот же период, при росте общего об'ема перевозок, число рабочих на железных дорогах упало на 4%. Индекс же движения рабочих в фабрично-заводской промышленности за последние годы по сравнению с 1919 годом будет следующий:

1919 г. — 100 1925 г. — 91,4 1926 г. — 92,1 1927 г. — 84,7

[1] „Monthly Labor Review", October, 1927.
[2] Эта рубрика взята по данным „Federal Reserve Bulletin".
[3] „Monthly Labor Review", June, 1927.

Общее же движение числа занятой рабочей силы по всем отраслям производства, включая и транспорт, было за 1919—1926 гг. следующее (в тысячах чел.):

	1919 г.	1925 г.	1926 г.	Убыль к началу 1927 г.
Сельское х-во	11.300	10.500	10.350	950
Фабрично-завод. промыш.	10.689	9.772	9.840	850
Горное дело	1.065	1.065	860	205
Транспорт	1.915	1.744	1.782	133
Всего	24.959	23.081	22.832	2.138

Таким образом, во всех областях производства наблюдается прогрессирующее снижение занятой рабочей силы, и в последние два года по сравнению с 1919 г. общий индекс для всех областей будет следующий:

1919 г. — 100 1925 г. — 93 1926 г. — 91 1/2

Свыше двух миллионов ста тысяч рабочих было вытеснено из производства в результате все возрастающей механизации и общей рационализации. Без дальнейшего расширения производственного аппарата этот вытесненный контингент рабочих уже никогда не сможет вновь войти в производственный процесс; это — по терминологии „Annalist'a" — „технологические безработные", новое специфическое явление на американском рынке труда, возникшее отнюдь не в результате экономического кризиса или социальных конфликтов, но в условиях общего процветания народного хозяйства.

Между тем, еще до последнего периода в американском хозяйстве наблюдался неуклонный рост занятой рабочей силы. Начиная с 1899 г. число занятых в промышленности рабочих возрастало следующим образом: [1]

1899 г. — 100 1904 г. — 117 1909 г. — 145 1914 г. — 156 1919 г. — 245

И даже когда в 1910—1920 гг. число лиц, занятых в сельском хозяйстве, понизилось на 13%, одновременно число рабочих в фабрично-заводской промышленности возросло на 31,6%, в горном деле на 13%, в транспорте (на железных дорогах) на 19%. За это десятилетие было производством (кроме сельского хозяйства) поглощено 3.000.000 человек. Начиная же с 1919 года, уже изо всех отраслей производства обратно вытеснено 1.200.000 человек. И процесс этого вытеснения рабочей силы продолжается и поныне.

В 1927 г. индекс занятой рабочей силы в фабрично-заводской промышленности вновь упал до 88 по отношению к 1923 году (что составляет 84,7 к 1919 году,) выбросив, таким образом, из производства еще 700.000 человек. Для данного года характер этого вытеснения несколько затушевывается депрессивным состоянием народного хозяйства, хотя то обстоятельство, на которое указывает „Federal Reserve Bulletin of Nev Jork" [2], что, несмотря на состояние депрессии, общий об'ем продукции и

[1] Данные выведены нами по материалам промышленных переписей в „Monthly Labor Review" за июнь 1927 г.
[2] См. „Magasine of Wallstreet" за 11 февраля 1928 г., стр. 663.

торговли в 1927 году возрос против 1926 года по стоимости на $2^1/_2\%$, заставляет притти к заключению, что влияние фактора депрессии не могло быть значительным и что доминирующее значение, оставляя в стороне обычные сезонные колебания, имел и в этом году „технологический фактор".

Безработица поразила также и другие отрасли, особенно конторских и торговых служащих, и по данным „Annalist'a" увеличила кадры безработных из этих групп не менее чем на 600.000 человек, из которых значительная часть должна быть отнесена за счет начавшегося процесса рационализации необычайно разросшегося за послевоенный период торгового и конторского аппарата.

Кроме того, в сельском хозяйстве в 1927 году число занятых лиц продолжало сокращаться, правда, несколько замедленным темпом, вследствие возросшего обратного движения на фермы, но все же это сокращение было весьма значительным. По опубликованным недавно данным американского министерства земледелия за последние 3 года [1], превышение числа лиц, притекавших в города с ферм, над отправлявшимися обратно на фермы было следующее:

1925 г. — 834.000 чел., 1926 г. — 1.020.000 чел., 1927 г. — 604.000 чел.

Из этих 604.000 человек, ушедших с ферм в города, следует считать не менее 400.000 самодеятельных.

К этим категориям безработных следует еще прибавить постоянную резервную армию безработных, которую, по мнению „Annalist'a", даже в периоды наивысшего процветания следует оценивать не менее, чем в 750.000 человек. [2] Если суммировать все перечисленные группы, то окажется, что безработица к началу текущего года поразила около 4.600.000 человек.

При анализе вопроса о безработице следует еще учесть влияние такого фактора, как ежегодный прирост кадров работающих в результате общего роста населения. Национальное Бюро Экономических Исследований исчислило за время 1919—1926 гг. прирост занятых работой лиц в 4.312.000 человек, которые с некоторым превышением (4.600 тыс.) оказались вовлеченными в непроизводственные отрасли занятий, как торговлю, конторский труд (не на производстве), свободные профессии и т. д. Таким образом, окончательное число безработных должно составлять около 4,3 миллиона человек.

Если поставить вопрос о дальнейших перспективах американского рынка труда, то можно притти к следующему заключению.

Несомненно, что с окончанием депрессии и с развитием новой фазы под'ема, некоторая часть безработных будет вновь вовлечена в хозяйственный процесс. Эта часть, однако, ни в какой мере не сможет захватить контингент вытесненных из предприятий процессом рационализации. Как показал опыт предыдущих лет, даже в год наивысшей кон'юнктуры после глубокого кризиса 1920/21 года — 1923 год, индекс занятости в фабрично-заводской промышленности не превышал 96,2, а

[1] См. „Annalist" от 9/III 1928 г.

[2] National Industrial Conference Board оценивает нормальную резервную армию безработных в $1^1/_2$ миллиона чел.

позже, при более высокой продукции, стоял еще ниже (1926 г.). Наоборот, самый факт наличия кризиса будет еще более стимулировать процесс рационализации. Если считать, что к 1927 году число „технологических" безработных вместе с нормальной резервной армией составляло около трех миллионов, то предположение, что эта армия сократится в период под'ема кон'юнктуры, будет лишено всякого основания; наоборот, гораздо ближе к истине будет предположение, что уровень безработицы снизился лишь в связи с обычными сезонными колебаниями и частичным вовлечением сокращенных вследствие депрессии в 1927 г. Дальнейший же рост занятости может итти лишь на основе расширения производственного аппарата.

В американской экономической действительности вырос новый фактор, который вместе с тем отныне будет нераздельным со всей существующей экономической системой. В стране, где еще недавно темп экономического развития задерживался благодаря недостатку рабочей силы, отныне он будет замедляться лишь вследствие ее избытка. И весьма вероятно, что Соед. Штаты, доныне в большей, чем какая-либо другая страна, мере привлекавшие миллионные кадры иммигрирующей рабочей силы, отныне станут страной не менее интенсивной эмиграции. Такова парадоксальная диалектика американской экономической действительности. Количественные изменения перешли в качественный результат.

(Продолжение следует).

Е. И. Мокрицкий

Кратчайшее направление для южных горнозаводских грузов в Центральный район [1]

Вопрос увеличения вывоза на север промышленных продуктов горнозаводского юга не получает надлежащего разрешения, несмотря на всю актуальность вопроса. Все железнодорожные линии, выходящие на север и северо-запад из Донецкого бассейна, загружены полностью; дальнейшее повышение вывоза граничит с невозможностью вследствие одновременного и согласованного заполнения у выходящих железных дорог как провозной, так и пропускной способности, и если первая может быть увеличена путем назначения дополнительного подвижного состава, то вторая требует крупных затрат для усиления как линий, так и узлов.

Затруднения с вывозом на север продуктов горнозаводского юга начинаются со времени начала существования южно-русской горной промышленности, совпадающего с постройкой первых железных дорог, связавших Донецкий бассейн со всей страной.

Железнодорожное развитие и строительство всегда шли лишь вслед за ростом промышленности в Донецком бассейне, всегда отставая и не удовлетворяя потребностям вывоза, особенно зимой. Это продолжалось 50 лет, наблюдается последние 2—3 года и будет продолжаться и впредь, если будут повторены те же ошибки или приняты запоздалые меры, которые имели место раньше.

Достаточно проследить за исторически поучительным опытом последнего довоенного десятилетия, чтобы убедиться в этом.

1906/7 годы проходили под знаком чрезвычайного напряжения работы железных дорог, вывозящих горнозаводские грузы из Донецкого бассейна. Все нажимы на б. М-во Путей Сообщения, которые производили харьковский Горнозаводский комитет и Совет с'езда горнопромышленников юга, приводили лишь к усилению провозной и пропускной способности углевозных дорог. Но из работы их стало ясным, что все меры в этом направлении едва поспевают за пред'являемыми требованиями на перевозки и что они уже упирались в невозможность дальнейшего увеличения провозоспособности.

Действительно, работа двух углевозных магистралей: Авдеевка—Екатеринослав в западном направлении и Славянск—Лозовая в северном достигли 48 пар товарных + 6 пассажирских поездов в сутки, что являлось пределом для двупутных блокированных участков; двупутная линия Попасная — Купянск работала с напряжением в 32 пары, упираясь в две

[1] Статья печатается в дискуссионном порядке. Редакция считает, что проблема кратчайшего направления для горнозаводских южных грузов в центральный район, выдвигаемая автором, не дает экономически целесообразного решения вопроса. Ред.

худосочные линии Купянск—Белгород и Купянск—Елец, которые с трудом воспринимали пред'являемый поток грузов.

Под таким давлением фактов была разрешена в 1908 г. постройка новой углевозной магистрали Северо-Донецкой, открытой для движения в 1911 г. и снявшей с загруженных старых дорог половину работы. Министерство было в унынии от падения перевозок, но жизнь доказала неосновательность этого: уже в 1913 г. притихшая работа казенных углевозных магистралей почти восстановилась, а общие перевозки вместе с Северо-Донецкой ж. д. были таковы, что их старые дороги не смогли бы сами выполнить. В 1915/16 г. перевозки по старым дорогам по количеству поездов восстановились полностью, а по размерам перевозок превзошли довоенные, а Северо-Донецкая дорога оказалась загруженной до заполнения всей своей провозной и пропускной способности, вывозя из Донецкого бассейна в Харьковский узел ежедневно 1.800 вагонов груза. И эти перемены имели место на протяжении всего 5 лет.

Позволительно задать вопрос: что было бы, если бы не была построена Северо-Донецкая дорога?

Но работа углевозных дорог для снабжения Центрального района упиралась тогда в Московско-Курскую ж. д., которая в течение десятилетия непрерывно улучшалась, но в итоге продолжала служить тормозом для работы выходящих из Донецкого бассейна линий.

Поэтому уже во время войны были выдвинуты два новых варианта удовлетворения вывоза из Донецкого бассейна горнозаводских продуктов на север, построенных на опыте работы Донецкой дороги: 1) сооружение самостоятельной новой линии Донецкий бассейн — Москва, для чего предполагалось организовать новое железнодорожное общество, и 2) сооружение линии Донецкий бассейн — Ленинград, что намеревались осуществить два общества существовавших железных дорог: Северо-Донецкой и Московско-Виндаво-Рыбинской. Для первой дороги намечалось направление Луганск—Воронеж—Коломна—Москва, а для второй Лиман—Купянск—Щигры—Орел—Новгород—Петроград. Ни одна из этих дорог или частей их осуществлена не была.

В настоящее время наблюдается повторение прошлого. Донецкая дорога так загружена вывозом горнозаводских продуктов на север и северо-запад, что справиться с ними не может и вынуждена сокращать у себя пассажирское движение. У старых углевозных дорог Славянск—Лозовая—Харьков и Попасная—Купянск—Белгород есть возможность увеличить свои перевозки, но все они, вместе с тем, что дает мощная линия Лиман—Харьков, упираются в Курске для Центрального района в Московско-Курскую ж. д., которая полностью принять их вывоз не может. Так как это направление является кратчайшим, то Московско-Курская дорога работает с полным напряжением и не в состоянии перевезти все то, что ей может быть пред'явлено в Курске. Самостоятельная внутренняя работа этой дороги чрезвычайно велика, пассажирское транзитное и местное движение является наибольшим из других аналогичных дорог, и общая работа ее выходит за пределы того, что может быть выполнено двупутной магистралью с тяжелым профилем, хотя и хорошо оборудованной с точки зрения пропускной способности.

Но больше всего затруднений, и затруднений непреодолимых, представляет северный участок Московско-Курской ж. д. от Тулы до Москвы

в силу зонности пригородного пассажирского движения, которое по известным причинам склонно к дальнейшему значительному росту.

Выходом из этих затруднений являются следующие мероприятия, проектируемые и разрабатываемые в настоящее время.

I. Усиление провозок по Московско-Курской ж. д. путем смягчения профиля переустройства узлов и увеличения пропускной способности, что выдвигается НКПС и признается им на первое время достаточным.

За отсутствием цифр и данных трудно высказывать решительное суждение по этому вопросу. Несомненно, что это привычный путь железных дорог в узком смысле этого слова, а не коренное мероприятие планового характера. Краткие факты из прошлого, на что только что было указано, подтверждают это. „Донецкий бассейн — это такой резервуар энергии, что для его использования и возможности развития надо каждый год строить по однопутной вывозной из него железнодорожной линии“ — так говорили промышленники в довоенное время, это подтверждается и теперь, но к этому было глухо б. Министерство Путей Сообщения.

Если исходить из положения, что Московско-Курская ж. д. уже теперь не удовлетворяет пред'являемым перевозкам, что время перестройки и развития потребует нескольких лет, что в течение этого периода провозная работоспособность дороги не сможет увеличиваться, а скорее ослабнет, что полный успех от этого получится лишь тогда, когда все работы будут закончены, что после перестройки и усиления все неудобства из-за большого количества узлов и плотного пассажирского движения останутся неустраненными, и если не забыть, что „Курское направление“ отнюдь не является кратчайшим направлением из Донецкого бассейна до Москвы, то выдвигаемую меру можно оправдать только при наличии исключительной финансовой выгодности или при отсутствии возможности поступить иначе. Только при полном отсутствии других, более надежных способов коренной помощи в этом вопросе можно пойти по этому пути, не забывая, что недостаточность и кратковременность действия его осуждены железнодорожной историей. Надлежит отметить, что это направление в настоящее время является самым длинным (Лиман—Москва=965 клм.), а со смягчением профиля станет еще более длинным.

II. Усиление пропускной способности второго северного маломощного направления, пока несуществующего в кратчайшем направлении и являющегося факультативом для основного потока горнозаводских грузов: Купянск—Валуйки—Узловая с постройкой короткой линии Узловая—Венев (52 клм.) для выхода на Каширу — Москву по Рязанско-Уральской ж. д.

Несомненно, что это может оказать некоторую временную помощь основному, пока Курскому направлению, сняв с него 200—300 вагонов, как максимум, и только после основательного переустройства всего направления и развития узлов. Недостаточность этого мероприятия, могущего отсрочить коренное разрешение вопроса лишь на несколько лет, подробно разобрана Ю. И. Успенским [1], и с этим нельзя не согласиться. Расстояние этого направления (Попасная — Москва = 945 клм.) также не

[1] „Современное положение проблемы железнодорожных выходов из Донбаса на Север“. „Плановое Хозяйство“ № 2. 1928 г.

является кратчайшим, равняясь примерно „Курскому или Воронежскому“ направлению с большим числом слабо развитых узлов.

III. Электрификация железных дорог от Лимана до Москвы, при чем этому вопросу уделяется максимум внимания и в печати и на с'ездах.[1]

Несомненно, что это мероприятие более основательно разрешает вопрос, чем усиление провозной и пропускной способности Московско-Курской ж. д., о котором только что было сказано. Но, несмотря на все достоинства этого решения, трудно согласиться, что оно является наиболее целесообразным и легко выполнимым, по следующим главнейшим основаниям:

I. Курское направление не является кратчайшим для горнозаводских грузов из Донбасса в Центральный район.

2. Московско-Курская дорога требует исправления профиля и еще большего поэтому удлинения для возможности осуществить электрическую тягу всех поездов.

3. Полная загруженность этой дороги местными перевозками и пассажирским движением заставляет не нагружать ее массовыми транзитными грузами, а снимать их для обеспечения возможности удовлетворять местным нуждам и прочим перевозкам, помимо горнозаводских.

4. Развитие узлов Курского направления требует больших затрат и сноса строений в заселенных пунктах, не устраняя вредного влияния на успешность железнодорожных перевозок и усиливая жилищную нужду, и без того обостренную.

5. Электрификация требует затраты громадных средств порядка 300 миллионов почти одновременно для своего осуществления, не давая в итоге приращения железнодорожной сети. Цифра расхода по электрификации 300 млн. рублей значительно превышает основную стоимость электрифицируемых дорог вместе с их пассажирским и товарным подвижным составом, стоимость коего составляет от 50 до 70 % общей стоимости. Стоимость электрификации на километр выражается цифрой 325.000 рублей, а стоимость подлежащих электрификации дорог и их подвижного состава составляет на тот же километр для Московско-Курской жел. дор. $88+60=148$ тыс. р. Донецкой $69+32=101$ тыс. р., Южных $54+27=81$ тыс. рублей.

6. Обязательным условием электрификации является одновременное сооружение двух новых электрических центральных станций в Курске и Туле и значительное усиление строющихся и построенных станций близ Москвы, Харькова и в Донбасе, существующая выработка электроэнергии коих совершенно недостаточна для осуществления электрификации магистральной железной дороги.

7. Отсутствие плановости и невозможность постепенного осуществления электрификации столь большой линии, как Лиман—Москва (965 клм), полностью зависящей от заграничных заказов, не говоря уже о нежелательности расходовать средства на это.

[1] 1) Н. П. Садиков. „Электрификация магистрали Москва—Курск—Донбасс“, „Плановое Хозяйство“ № 10, 1927 г. 2. Б. Н. Широкогоров. „Перспективы введения электрической тяги на магистрали Москва — Курск — Харьков — Донбасс“. „Вестник Инженеров“, 1928 г. №№ 2 и 3. 3) Б. Н. Лебедев. „Электрификация Московско-Курской магистрали“. Доклад соединенному IV теплотехническому и IX электротехническому с'ездам в Москве в мае 1928 г.

8. Длительный срок осуществления (4—5 лет), в течение коего работоспособность Курского направления не может быть усилена, а может подвергнуться ослаблению, что совершенно недопустимо, и невозможность осуществления частичной электрификации отдельных участков Курского направления, так как только осуществление электрификации всей Московско-Курской ж. д. сможет дать эффект увеличения перевозок продуктов промышленности горнозаводского юга в Центральный район.

9. Необходимость одновременно с электрификацией перехода товарного подвижного состава на автоматическое торможение и даже на усиление сцепных приборов, без чего неосуществимо ведение больших составов товарных поездов, являющееся обязательным при электрификации.

10. Отсутствие опыта и кадра высшего и среднего командного состава, необходимого для эксплоатации электрических мощных железных дорог значительного протяжения и с ответственной, большой напряженной пассажирской и товарной работой.

11. Получение, в итоге электрификации Курского направления, единственной мощной магистрали для связи Центра с Югом, при отсутствии факультатива и резерва на соседних кружных линиях, только удовлетворяющих своим местным нуждам и не могущих, даже в случае закрытия этой работы, выполнить в сумме половины перевозок, ожидаемых по Курскому направлению после его электрификации.

12. Соображения военного вредительства, чрезвычайный ущерб от него и затруднительность относительно скорой ликвидации его результатов и даже случайных аварий.

Можно не разделять некоторых из этих соображений, но нельзя признать их необоснованными. Даже если финансовые затруднения не считать стоящими на первом плане по обстоятельствам настоящего момента и мобилизацию капитала не менее, чем в 300 млн. рублей, осуществимой в предстоящие 2—3 года для выполнения заграничных заказов и внутренних работ, то без перехода на автоматическое торможение товарных поездов результат электрификации не может дать ни того технического, а тем более экономического эффекта, которые выводятся, как непреложные, сторонниками электрификации Курского направления. Их предложения и расчеты, имеющие много условных предпосылок, совершенно неразработанных и априорных, особенно в экономическом освещении вопросов выгодности, в условиях нашей действительности нельзя считать реальными, ибо нельзя ко времени окончания электрификации переделать или построить новый товарный подвижной состав для силы тяги по сцепке в 50 тонн электровозами в 4.000 HP. А исчисленный только при таких предпосылках коэфициент эксплоатации электрифицированной магистрали в 45—50 %, не считая затрат на товарный вагонный парк, ставит под сомнение и самый вопрос о высокой рентабельности электрификации.

IV. Сооружение новой железной дороги магистрального типа для самостоятельного массового вывоза горнозаводских грузов из Донецкого бассейна, или „сверхмагистрали“, как принято в последнее время называть такую дорогу. Такая новая магистраль для снабжения Москвы и Центрального района продуктами горнозаводского юга предполагается осуществимой в двух вариантах: 1) от Луганска (или Родаково), через

Старобельск — Воронеж — Коломна — Московское окружное кольцо (это и есть тот вариант, который выдвигался московскими финансовыми кругами в 1915/16 г.) или 2) Лиман—Купянск—Елец — Коломна — Московское кольцо, являющийся новым предложением, соединяющим начало довоенного варианта б. О-ва Северо-Донецкой ж. д. и конец только что упомянутого московского.

Первый из этих вариантов изложен проф. Л. Н. Бернацким [1], полагающим, что вопрос признания такой трассы наивыгоднейшей можно считать окончательно решенным, и что она является во всех отношениях абсолютно наилучшей.

Второй вариант кратко очерчен А. Заорским [2], представившим подробные расчеты его эксплоатационной целесообразности и наибольшей выгодности в смысле самого высокого коэфициента эксплоатации в сравнении с предыдущим и в сравнении с вариантом электрификации Курского направления. К тому же вариант А. Заорского требует и наименьших строительных затрат.

Эксплоатационные расстояния этих трех вариантов представляются в следующем виде:

1) Лиман — Харьков — Курск — Москва 965 километров (что при смягчении под'емов должно увеличиться на 15—25 клм.).

2) Луганск или Родаково — Воронеж — Коломна — Москва 963 клм. (что кажется нам преувеличенным и по сравнению с воздушной линией равно 119%).

3) Лиман — Купянск — Елец — Коломна — Москва 929 клм. (что в сравнении с воздушной линией равно 118%).

Идеально кратчайшее расстояние от Донбасса до Москвы, считая исходным пунктом Лиман, равно 708 клм., а с прибавлением тех же 19% на развитие уклонов составит всего 842 километра.

Уже одно это сопоставление заставляет усомниться в том, что только с точки зрения расстояния ранее приведенные два варианта новой магистрали Донбасс—Москва являются наилучшими и наиболее целесообразными.

Но кроме этого коренного недостатка, оба варианта новой сверхмагистрали имеют еще следующие отрицательные стороны:

1) ни одна из них не дает удовлетворения проблемы в плановом смысле сооружения, или другими словами, только сооружение всей целой новой, проектируемой линии облегчает Курское направление и позволяет снять с Московско-Курской дороги горнозаводские грузы;

2) оба варианта требуют одновременного вложения всей строительной стоимости и мобилизации основного капитала полной стоимости их в течение срока сооружения, т.-е. в течение 3 лет, а частичное осуществление их не дает ожидаемого результата;

3) оба варианта неизбежно получат в себе внутренние узлы с значительной работой и отщеплением части потоков горнозаводских грузов в сторону и дадут некоторое количество грузов кратчайшего направления их в Москву; все это приведет к снижению эксплоатационных эффектов

[1] „Сверхмагистраль Москва—Донбасс". „Транспорт и Хозяйство" № 1—2. 1927 г.

[2] „Электрификация Курского направления перевозок Донбасс—Москва или же электрификация сети железных дорог Донбасса" „Плановое Хозяйство" № 4. 1928 г.

в работе такой сверхмагистрали, понижая коммерческую скорость поездов;

4) проходя через крупные населенные пункты и являясь кратчайшим направлением для связи центра с югом, оба варианта привлекут к себе значительную пассажирскую работу, что не вполне увязывается с крупной массовой перевозкой горнозаводских грузов, мешая одно другому в эксплоатационном смысле;

5) оба варианта пересекают значительное количество более крупных и средних рек и железнодорожных линий, при чем последнее является соблазном для образования узлов, передаточных пунктов и работы в кратчайшем направлении, что в итоге затруднит и ухудшит выполнение прямой задачи — быть сверхмагистралью для массовых транзитных грузов, перевозимых с возможно большей скоростью и наилучшим оборотом подвижного состава.

Трудно оправдать уклонение этих вариантов от прямой цели — служить задаче ближайшей связи Москвы и Донецкого бассейна. На основании этого нельзя согласиться с тем, что выдвинутые варианты являются самыми целесообразными и наиболее совершенными.

В короткой статье „О сверхмагистрали Москва—Донбасс" инженер Н. К. Фомин [1] высказывает сомнение в основательности утверждения проф. Бернацкого, что Воронежское направление проектируемой сверхмагистрали для вывоза продуктов горнозаводского юга в Центрально-Промышленный район является абсолютно наилучшим и что вопрос признания такой трассы наивыгоднейшей можно считать с полной отчетливостью окончательно решенным. В краткой статье не приведено данных о том, какое же направление должно противостоять предложению проф. Бернацкого и почему именно.

К несчастью, смерть помешала сделать это Н. К. Фомину, а мнение такого известного железнодорожного изыскателя, строителя, знатока как Донецкого бассейна, так и всех конфигураций различных попыток разрешать проблемы постройки железных дорог было бы веским. В дальнейших строках сделана попытка восполнить этот пробел, основываясь на близком знакомстве с трактуемым вопросом по совместной работе на б. Северо-Донецкой ж. д., построенной по принципам современно именуемой „сверхмагистральности" с самого начала постройки и работы ее до конца существования общества этой дороги.

Нигде в столь полной мере не дает себя чувствовать принцип кратчайшего расстояния, как при массовых перевозках горнозаводских грузов по дешевым тарифам. Это ясно вытекает из б. Общего Устава железных дорог, а равно действующего ныне Устава, и подтверждается опытом постройки и существования отдельных дорог в Донецком бассейне и из него выходящих.

Обращаясь к прошлому, необходимо указать, что достаточно было построить какую-нибудь линию, хотя бы за пределами Донецкого бассейна, но спрямляющую прежнее направление и сокращающую пробег горнозаводских грузов на незначительное даже расстояние, как на эту дорогу устремлялась такая масса грузового потока, что ко второму году существования новопостроенной дороги пропускная способность ее ока-

[1] „Транспорт и Хозяйство" № 5. 1927 г.

зывалась заполненной, и при попытках увеличить перевозки горнозаводских грузов с полной очевидностью выявлялись все недостатки проектирования и постройки такой дороги. [1] Это имело место до тех пор, пока не строилась новая линия, с еще более короткой трассой: тогда предшествовавшая линия передавала свой поток на новую и обращалась в совсем малодеятельную.

Такой линией является, напр., линия Купянск — Белгород, где движение в 1903—1908 гг., исчерпывая всю пропускную способность в 15 пар товарных поездов при двойной тяге и подталкивании их, с открытием С. Донецкой дороги упало до 1 пары и не восстановилось даже и в настоящее время; линия Попасная—Купянск является таким же примером, но не столь ясно выраженным. Короткая линия Очеретино-Никитовка в Донецком бассейне, построенная сразу в два пути, оказалась совершенно излишней вследствие спрямления линий другого направления, дающих укорочение всего на 1 версту, и была совершенно ликвидирована.

Линии за пределами Донецкого бассейна, предназначавшиеся для спрямления старых направлений, сохраняли свою полную загрузку горнозаводскими грузами, ожидая постройки кратчайших направлений; такими линиями оказались, напр., Пятихатки—Користовка и Лозовая—Полтава, неудачно построенные по профилю, но полностью загруженные и ожидавшие постройки магистрали Гришино—Ровно, чтобы почти совершенно прекратить транзитную работу.

С другой стороны, прекрасно и с легким профилем построенные линии, но не дававшие сокращения расстояния сравнительно со старыми направлениями, хотя и предназначавшиеся для разгрузки его, не получали естественного течения и массового потока грузов, и последние направлялись на них лишь искусственно; такой линией явилась известная „2-я Екатерининская“ дорога Волноваха — Александровск — Доминцево. Подобных примеров для юга СССР можно привести несколько.

Все эти факты дают основание вывести следующие положения: 1) каждая линия для массовой перевозки горнозаводских грузов должна строиться по кратчайшему направлению, 2) линии, построенные вне соответствия с этим положением, обрекаются на длительное бездействие в случае постройки нового кратчайшего направления.

Ни одному из этих положений ни вариант электрификации Курского направления в 965 клм., ни вариант Воронежского направления в 963 клм., ни даже Елецкого в 929 клм. не удовлетворяют, и единственным правильным решением является создание кратчайшего варианта, каким может быть только направление Лиман —Купянск— Тула—Москва протяжением, как максимум, в 842 клм. Разница между этими протяжениями настолько значительна, что никакого преимущества иное направление, чем кратчайшее, иметь не может, а равно иное кратчайшее направление создано быть не может. Следовательно, при постройке магистрали для вывоза горнозаводских продуктов из Донецкого бассейна в Москву и Центрально-Промышленный район в основу всего должен быть положен принцип только кратчайшего направления, и новая дорога, построенная в полном с ним соответствии, будет обеспечена горнозаводскими грузами настолько, сколько сможет их вывезти, развиваясь и усиливаясь в соответствии с этим.

[1] Е. И. Мокрицкий. „Как возят грузы „углевозные“ дороги“. „Инженер“ № 1. 1904 г.

Выдвинутое в 1916 г. московскими финансовыми кругами Воронежское направление магистральной дороги из Донецкого бассейна диктовалось иными соображениями, в настоящее время неприменимыми. Двумя мощными железнодорожными обществами выдвигалась постройка прямой дороги Донецкий бассейн — Ленинград через Орел, при чем к частичному осуществлению дороги Орел—Ленинград О-во Московско-Виндавской ж. д. даже приступило и, конечно, линия Лиман—Купянск—Щигры—Орел О-вом Северо-Донецкой ж. д. была бы также построена. При таком положении осуществление московскими кругами кратчайшего варианта железной дороги Донецкий бассейн — Москва, совпадающаго с запроектированной линией Донецкой дороги на половине почти южного протяжения, становилось невозможным, тем более, что линия Лиман — Орел уже была согласована, а линия Донецкий бассейн—Москва лишь намечалась к организации еще не существовавшим фактически железнодорожным обществом. Поэтому направление Луганск—Москва через Воронеж или Елец для такого предприятия являлось предпочтительным, ибо а) у этого направления не могло быть конкурирующего в близком будущем, б) оно являлось надолго кратчайшим из Донбасса в Центральный район, сравнительно с Курским, в) обеспечение его как горнозаводскими грузами с юга на север, так и обычными ценными с севера на юг в пункты крупного потребления, как Елец, Воронеж, Луганск и весь Донецкий бассейн, было несомненным, г) имея исходной точкой восточную часть Донецкого бассейна, это направление несколько облегчало внутренние задачи перевозок внутри бассейна, д) такое направление разгружало старые дороги, связывавшие Центр с Донецким бассейном и не справлявшиеся с перевозками, е) даже при частичном осуществлении этого направления оно обеспечивалось перевозками в обоих направлениях и естественными потоками в кратчайших направлениях, ж) в сумме этих оснований оно было приемлемо для правительственных сфер в смысле разрешения без особых трудов и проволочек, облегчая задачи удовлетворения железнодорожным транспортом возросших потребностей промышленности, торговли и земледелия.

При изменившейся кон'юнктуре в настоящее время ни один из только что приведенных факторов не имеет места, и государство, как единый хозяин, должно разрешать основную задачу: для снабжения Москвы и Центрального района продуктами промышленности Донбасса строить магистральную дорогу в кратчайшем направлении, имея целью минимальные расходы и снижая тем самым стоимость перевозки, а, следовательно, и стоимость горнопромышленных продуктов на месте потребления.

Кроме самого лучшего разрешения основной задачи, постройка линии Донбасс—Москва в кратчайшем направлении от Лимана через Купянск—Тулу попутно наиболее полно удовлетворяет и другим задачам, мимо которых нельзя пройти без должного внимания. В краткой формулировке они выражаются в следующем.

1. Постройка линии Донбасс—Москва по кратчайшему направлению требует минимальных затрат. Если остановиться на цифрах А. Заорского в его последней работе, то стоимость километра такой сверхмагистрали

вместе с подвижным составом определяется цифрой порядка 200.000 рублей за километр, что составляет для вышеуказанного кратчайшего направления ничтожную цифру стоимости 168 млн. рублей. Та же стоимость Воронежского и Елецкого направлений составляет 193 и 186 млн. руб., а для электрификации Курского — 300 млн. руб.

2. При минимальных строительных затратах получаются обеспечивающие перевозки и минимальные эксплоатационные расходы, ибо провозная способность к 1940 году может быть у всех трех направлений одна и та же. Если исходить из тех же прекрасно разработанных цифр А. Заорского, то стоимость только эксплоатации кратчайшего направления выразится цифрой 45 млн. руб. в год, стоимость эксплоатации электрифицированного Курского направления обойдется в 55 млн. руб., а в средине между ними расположатся эксплоатационные расходы Воронежского и Елецкого направления. Новая кратчайшая дорога даст наилучший коэфициент эксплоатации, и подтверждением этому может служить б. Северо-Донецкая ж. д., построенная по принципам, ныне выражаемым понятием „сверхмагистральности", и давшая в довоенное время минимальный среди всех дорог коэфициент менее 40% при односторонней грузовой работе по перевозке почти исключительно горнозаводских грузов, в то время, как Московско-Курская ж. д., имевшая двустороннее грузовое течение и более высокой тарификации, имела этот коэфициент между 55 и 60%.

3. Постройка направления Лиман—Купянск—Тула—Москва не потребует постройки линий внутри Донецкого бассейна. Имеет это место потому, что железнодорожные выходы из Донбасса развиты в северо-западном направлении, и станция Лиман представляет собой крупнейшую в Донбассе станцию громадной емкости, имеющую избыточную входящую в нее мощность грузовых потоков сравнительно с выходной. К тому же эта входящая мощность грузового потока легко может быть усилена постройкой простых питательных ветвей: Краматорская — Гришино для пламенных углей этого района и Орловская — Овраги — Штеровка для тощих углей и антрацитов, длиной 30—35 клм. каждая, но втрое сокращающих расстояние от этих месторождений до выходного пункта Лиман с облегчением старых линий. При назначении выходного пункта на магистраль в Западной части Донецкого бассейна по Воронежскому варианту, т.-е. Родако́во или Луганск, к этим пунктам должны быть построены внутренние мощные питательные линии из наиболее продуктивных пунктов Донбасса.

4. Выбор кратчайшего направления через Тулу позволяет осуществить сооружением новую магистраль в плановом порядке в зависимости от возможной мобилизации строительных капиталов. Каждый элемент новой магистрали облегчает существующие и предстоящие затруднения на Московско-Курской ж. д. Развитие и усиление новой линии может итти постепенно и в соответствии с ростом потребности, чего не позволяет ни электрификация Курского направления, ни постройка Воронежского и Елецкого вариантов, которые могут оказать свое влияние только после окончания сооружения всей линии в целом. Новая кратчайшая магистраль мыслится в конечном результате как двупутная электрифицированная линия, что и должно соответствовать максимуму ее провозной способности; но не нарушая стройности постепенного подхода к такому

состоянию, эта дорога может пройти через ряд этапов, каждый из коих будет соответствовать усилению провозной способности: в этом и выразится плановость и рациональное использование средств.

5. Если мобилизация строительных капиталов для приступа к постройке всей новой линии по ее полной длине затруднительна, то сооружение ее может итти звеньями, при чем каждое звено, вступая в работу своей частью, дает полный эффект по использованию себя полностью, облегчая этим существующее положение. Такими скромными этапами можно наметить в порядке очередности:

а) постройку линии Тула—Московское кольцо (всего вероятнее Перово или Бирилево), даже однопутной вначале, стоимостью 15 – 20 млн. руб. без подвижного состава, в 2—3 года, с расчетом пропуска 15 пар товарных поездов и 2-местных пассажирских, чем совершенно освобождается наиболее загруженный Тульский участок Московско-Курской ж. д. от горнозаводских грузов;

б) постройку линии Купянск — Тула, также однопутной вначале, для использования линии Попасная—Купянск, ныне весьма слабо работающей, несмотря на свое мощное оборудование;

в) обращение в двупутную линию Тула—Москва;

г) постройку однопутной линии Лиман—Купянск;

д) обращение в двупутную линию Купянск—Тула;

е) электрификацию линии Тула—Москва;

ж) постройку второго пути на уч. Лиман—Купянск;

з) электрификацию линии Купянск—Тула;

и) электрификацию линии Лиман—Купянск;

к) постройку линии Донбасс—Ленинград.

Все преимущества такого последовательного удовлетворения назревающим в будущем потребностям, соответствующие к тому же развитию финансовых возможностей, ясны без особых пояснений. Каждый шаг явится определенно плановым и постепенность развития может быть на любом этапе оставлена или замедлена, если бы того потребовали особые обстоятельства, не нарушая последовательной связности.

6. Магистральная дорога Донбасс—Москва по кратчайшему направлению через Тулу будет иметь минимум узлов и пересечений крупных и средних рек, сравнительно с Воронежским и Елецким направлениями. Такими узлами будут лишь Купянск, имеющий собирательное значение, Тула с незначительной работой для основного направления и, может быть, Мармыжи для грузов на Курск и Орел. Воронежское и Елецкое направления представляют гораздо большие затруднения в этом отношении.

7. При наличии кратчайшей дороги Донбасс — Москва, кратчайшим направлением до Ленинграда сравнительно с существующим Льговским или, что то же, Витебским, станет направление через Москву на Октябрьскую ж. д., чем вовлекается в работу магистраль Москва — Ленинград, мало загруженная товарной работой и имеющая большой запас пропускной способности. Освобождая этим перегруженное витебское направление для местных грузов, такая комбинация будет существовать впредь до сооружения новой более короткой линии Донбас — Ленинград, что дает еще новый этап усиления вывоза грузов из Донбасса в Центральный район по намечаемой кратчайшей магистрали.

8. Постройка новой линии по кратчайшему направлению, начиная с первого этапа Тула—Москва, не потребует специально для этого участка нового подвижного состава, ибо состав, естественно, перебросится, как снимаемый с участка Тула—Москва Московско-Курской ж. д. Во всяком случае, для линии кратчайшего направления, да еще с ожидаемым улучшенным сравнительно с существующими коэфициентами, подвижного состава требуется меньше, чем для какого-либо другого способа усиления перевозок или других линий, и состав должен приобретаться в зависимости не от постройки, а исключительно от роста перевозок.

9. Кратчайшая линия Лиман—Тула—Москва не дает выхода горнозаводским грузам на восток от Москвы, что более успешно разрешает Воронежское направление примыканием к Коломне. Но если бы действительно в этом встретилась очевидная необходимость и количество таких грузов стало бы заметным, то постройка соединительной ветки Тула—Кашин—Озеры—Коломна (последняя часть существует) очень легко удовлетворит этому.

Все это вместе с уроками прошлого заставляет признать, что наиболее рациональным способом обеспечения вывоза производительности Донецкого бассейна и горнозаводского юга для снабжения ими Центрального, Северо-Западного и Ленинградского районов в настоящее время является постройка новой железнодорожной линии магистрального типа с паровозной пока тягой по кратчайшему направлению, начиная от ст. Лиман через Купянск, Тулу и до Москвы. Сооружение такой линии может быть начато в скромных размерах, в зависимости от наличия могущих быть выделенными на это средств, но с расчетом будущего максимального развития, которое должно выполняться постепенно и в соответствии с пред'являемыми промышленностью требованиями. Названное направление позволяет это выполнить полностью, что будет соответствовать обстоятельствам момента, удовлетворит всем пред'являемым требованиям, явится самым экономным как в смысле затраты капитала, так и эксплоатационных расходов, позволит в любое время применить все новейшие усовершенствования и выведет из продолжающихся почти полвека затруднений с вывозом горнозаводских грузов через Московско-Курскую ж. д.

Сооружение такой дороги, не облекаемое в громкие наименования модными словами и в новые недостаточно испытанные приемы работы, будет наиболее правильным решением трудной очередной задачи, может быть проведено по разработанному на много лет вперед плану и явится обеспеченным удовлетворением потребностей обновляемого железно дорожного хозяйства страны.

А. Чаплыгин

Что дает заграничный опыт для проблемы широкой ирригации Заволжья

Проблема засухи, точнее выражаясь — проблема реконструкции сельского хозяйства, в засушливых районах не является специфически „нашей" проблемой. Засуху, неустойчивость урожая пшеницы и кормов в районах с недостаточным или неравномерным выпадением осадков, с высокой летней температурой, с малой влажностью воздуха,—словом, в районах с дефицитом влаги — знает ряд заграничных стран. Представляет интерес вопрос, в какой же мере там использовался в целях борьбы с засухой тот метод, который предложен мною для Заволжья? В какой мере проблема орошения сотен тысяч гектаров пшеничных и кормовых полей Заволжья находит себе подтверждение в опыте других государств, имеющих свое „Заволжье" со сменой влажных и засушливых годов и соответствующим колебанием урожаев пшеницы и кормов?

Вопрос этот естественно возник при проработке в Госплане СССР схемы реконструкции сельского хозяйства в острозасушливых районах Заволжья. В дальнейшем изложении используются материалы, проработанные для указанной схемы И. И. Беляевым, М. М. Железновым и другими лицами по заграничным районам, аналогичным по климату Заволжью, а также материалы, опубликованные Н. В. Макридиным и Е. Е. Скорняковым.

Сходные с Заволжьем по естественно-историческим условиям и типу сельского хозяйства районы мы находим в Северной Америке, С.-А. С. Ш. и Канаде, в некоторых провинциях Индии, в Австралии, в Южной Африке, в Испании и отчасти — в Северной Италии и Южной Франции. В дальнейшем изложении по каждой из выше перечисленных стран вкратце приводятся характерные естественно-исторические и сельскохозяйственные данные, а на ряду с этим и данные по применяющемуся орошению.

С.-А. С. Ш. По признаку засушливости С.-А. С. Ш. изогиетой в 500 мм в год, проходящей в меридиональном направлении, делится на две половины: восточная с годовым количеством осадков свыше 500 мм и западная с количеством осадков ниже 500 мм, за исключением крайней западной приморской части, где количество осадков также выше 500 мм. Внутри изогиеты в 500 мм, охватывающей засушливые штаты С.-А. С. Ш. и Канады, количество осадков уменьшается от периферии к расположенным в центре штатам Невада и Юта, где годовые осадки составляют всего лишь 200 мм в год. Осадки за период апрель — октябрь в засушливой части С.-А. С. Ш. составляют 165 — 180 мм, а в штате Альберта (Канада) из 408 мм годовых осадков на период апрель — октябрь приходится 331 мм. Приведенные цифры весьма близки к данным Заволжья,

которое, как выше указывалось, в северной части в районе Б. Иргиз-Самарка характеризуется 350—400 мм годовых осадков и 200—250 мм за апрель — октябрь, а в южной части, между Волгой и линией Сталинград—Уральск, имеет от 200 до 350 мм в год и 150 — 200 мм за апрель — октябрь с минимумом в марте — апреле — мае и максимумом в июле — августе.

Средняя годовая температура выше указанной засушливой части Сев. Америки колеблется от +3° для штата Альберты и +6° для северных штатов С.-А. С. Ш. до +18° для южных штатов, в то время, как в Заволжье мы имеем колебания от +3° для севера и до +8° для юга. Средняя температура июля в Альберте равна +16°, а в северных штатах С.-А. С. Ш. +24° и в южных доходит до +29°. В Заволжье на севере мы имеем +20° и на юге +24—25°. Безморозный период в С.-А. С. Ш. колеблется от 100 до 200 дней, в Заволжье в среднем 200 дней.

Испаряемость в Колорадо равняется 1.025 мм в год, в Неваде на опытной ферме Ньюленд 1.673 мм в год, в Айдаго за апрель — сентябрь 494 мм. В Заволжье мы имеем по данным проф. Давида испаряемость за период май—сентябрь на севере около 500 мм, в центре—700 мм и на юге 800—900 мм, а по непосредственным наблюдениям в М. Узене, годовое испарение составляет в среднем 911 мм в год, при чем на период май — сентябрь приходится 777 мм, или 85%.

Относительная влажность воздуха в штате Монтана 40%, в Юте—46%. В Заволжье относительная влажность воздуха в 1 час дня в среднем 60%, с максимумом до 80 — 85% зимой и минимумом 40—50% в мае — июле.

Почвы Канады и С.-А. С. Ш., в большинстве являясь суглинистыми, варьируют от тяжелых глин до песчаных суглинков. В общем характер их сходен с заволжским, где на северо-востоке мы имеем сыртовые тяжелые глины, переходящие в сильно опесчаненные суглинки у Волги и суглинки прикаспийских отложений на юге.

Приведенная краткая сравнительная характеристика естественно-исторических условий засушливой части Северной Америки и Заволжья свидетельствует о большом их сходстве. Естественно, что и тип сельского хозяйства при всей разнице экономических условий, технических приемов ведения хозяйства и организации хозяйства в Сев. Америке и нашем Заволжье в основном — в отношении состава культур и в отношении роли животноводства — оказывается совпадающим.

По переписи 1920 г. в С.-А. С. Ш. в 19 западных штатах общее число хозяйств составляло 1.916.391, при чем число орошаемых хозяйств составляло 231.541 или 12%. Общая площадь обрабатывавшихся земель в этих штатах составляла 86,58 млн. гект, а площадь фактически орошавшихся земель 7,74 млн. гект., или 9%.

Из указанных 7,74 млн. всех орошавшихся земель на долю штатов, не возделывающих ценных культур, а имеющих полеводственное хозяйство типа зернового и кормового, т.-е. на долю штатов Колорадо, Айдаго, Монтана, Юта, Вайоминг, Орегон, Невада, Вашингтон, Сев. и Южн. Дакота, Небраска и Канзас, приходилось 5.100.000 гект. Следующая таблица дает состав и процентное распределение орошаемых культур в этих штатах.

Культуры	Колорадо	Айдаго	Монтана	Невада	Орегон	Юта	Вашингтон	Сев. Дакота	Южн. Дакота	Небраска	Вайоминг	Канзас	На площади всех штатов
1. Зерновые	23,8	32,9	25,0	8,5	16,7	25,0	22,4	100	26,0	34,9	14,3	25,7	24,6
В том числе:													
Пшеница яровая	5,8	25,0	14,1	5,2	7,9	10,9	11,3	72	16,3	4,9	6,0	0,8	12,2
„ озимая	7,1	1,7	4,6	0,9	1,6	4,9	1,8	—	1,7	7,7	0,5	14,6	3,8
2. Кормовые	62,8	56,6	69,0	90,6	80,4	59,1	65,0	—	69,0	40,3	83,8	63,6	65,1
В том числе:													
Люцерна	34,7	43,0	25,5	32,9	37,2	40,8	47,1	—	57,4	28,2	34,6	55,0	36,0
3. Овощи	3,1	2,7	0,5	0,9	0,7	1,7	2,6	—	0,5	3,8	0,9	—	2,1
4. Фрукты	1,1	1,6	1,8	—	2,2	1,8	8,2	—	—	—	—	—	1,5
5. Сахарная свекла	7,1	2,7	1,0	—	—	11,0	1,5	—	1,5	21,5	0,5	3,0	4,9
6. Прочие	2,1	3,5	2,2	—	—	1,4	0,3	—	3,0	—	0,5	7,7	1,8
Итого в %%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Всего орош. площ. в гект.	1.340.000	996.000	670.000	220.000	400.000	550.000	210.000	5.000	40.000	170.000	480.000	19.000	5.100.000

Приведенные цифры подтверждают сделанную выше характеристику орошаемого сельского хозяйства С.-А. С. Ш., как хозяйства с зерновым и кормовым типами полеводства. Ценные культуры, как хлопок и рис, здесь отсутствуют. Сахарная свекла занимает весьма скромное место — 4,9%. Наибольшая площадь — 65,1% отводится под кормовые, главным образом люцерну, и под зерновые — 24,6%, главным образом, яровую пшеницу. Люцерна и яровая пшеница,— вот основные орошаемые культуры С.-А. С. Ш., и им же будет принадлежать главное место в будущей широкой ирригации Заволжья.

Какова же эффективность орошения этих культур в С.-А. С. Ш.? Следующие таблицы освещают этот вопрос по данным переписи 1920 г.

Наименование штата	Урожай люцерны на *га* в тоннах		Процентное увеличение урожая
	на землях неорош.	на землях орошаемых	
Колорадо	4,3	6,0	137,7
Айдаго	4,3	7,5	172,6
Монтана	2,9	4,7	161,9
Невада	6,1	7,1	117,6
Орегон	6,6	7,7	115,5
Юта	1,1	5,5	478,3
Вашингтон	5,0	8,3	165,0

Наименование штата	Урожай яровой пшеницы на *га* в тоннах		Процентное увеличение урожая
	на землях неорош.	на землях орошаемых	
Колорадо	0,7	1,4	213,0
Айдаго	0,7	1,6	232,5
Монтана	0,2	0,8	386,4
Невада	0,8	1,5	174,1
Орегон	0,8	1,1	141,5
Юта	0,7	1,4	184,8
Вайоминг	0,4	1,0	273,9
Вашингтон	0,8	1,7	206,3

Приведенные цифры показывают, что свою основную орошаемую культуру — люцерну — американцы считают целесообразным орошать, несмотря на сравнительно высокую ее урожайность на неорошенных землях и относительно небольшую потому эффективность ее орошения. В штатах с большой орошаемой площадью люцерны — Колорадо, Айдаго, Орегон — урожай неполивной люцерны 4,3 — 6,6 тонны. Орошение повышает здесь урожай люцерны на 15 — 72%. В нашем Заволжье, где неорошаемая люцерна дает урожай порядка 0,8 — 1,6 тонны и орошаемая порядка 5 — 6,6 тонны, мы имеем значительно лучшие перспективы для ее орошения, близкие к условиям штата Юта, где неполивная люцерна дает лишь 1,1 тонны, а поливная 5,5 тонны.

Та же картина и для американской пшеницы: в большинстве штатов яровая пшеница без орошения дает урожай 0,7 — 0,8 тонны на *га*, в то

время как в Заволжье неорошаемая яровая пшеница дает 0,3 — 0,5 тонны на *га*. Орошение в С.-А. С. Ш. удваивает урожай яровой пшеницы, а в некоторых штатах, как Монтана и Вайоминг, утраивает и даже учетверяет урожай неорошаемых земель. В среднем, при высокой урожайности неорошаемой земли и потому сравнительно низкой эффективности орошения, повышающего урожай яровой пшеницы лишь в два раза, эта культура оказывается второй по месту в орошаемом хозяйстве С.-А. С. Ш., и в 1920 г. в 19 западных штатах с 408.000 *га* орошаемой яровой пшеницы сняли урожай до 574 тыс. тонн, что составляет 1,4 тонны на *га*.

Любопытны американские данные о возможных перспективах урожая пшеницы на поливных землях. Опытная станция Gooding в штате Айдаго исследовала урожай орошаемой яровой пшеницы в зависимости от сорта, и получила урожай от 2,3 до 3,5 тонны на *га*, в то время как урожай яровой пшеницы фермерского хозяйства штата Айдаго в среднем составлял 1,5 тонны на орошаемой земле и 0,6 тонны на неорошаемой.

Опытная станция Grunwille в штате Юта, расположенная на глинистом суглинке, однообразном по своим физическим и химическим свойствам на глубину до 2,5 метров, т.-е. на почве, весьма схожей с заволжской, исследовала в 1912 — 1915 гг. влияние оросительной нормы и сроков полива на урожай пшеницы и получила следующие цифры: один полив в 1.260 кб. метр., произведенный при высоте растения 0,15 — 0,20 метра, дал урожай 2,7 тонны на *га*; дача кроме вышеуказанного первого полива еще второго полива той же величины, когда растения были в цвету, увеличила урожай до 3 тонн на *га*; наконец, дача второго полива той же величины при выходе в трубку, а третьего той же величины в период цветения дала урожай в 3,5 тонн на *га*.

Эти и ряд других исследований американских опытных станций указывают, что при умелом поливе вышеуказанный средний фермерский урожай яровой пшеницы в 1,3 тонны на *га* может быть значительно повышен.

Анализируя состояние ирригации в С.-А. С. Ш., следует иметь в виду, что там основной задачей широких правительственных ирригационных работ являлось не создание выгодного коммерческого предприятия, а осуществление крупной народнохозяйственной проблемы — слабо заселенный засушливый край с неустойчивым сельским хозяйством сделать продуктивной, трудоемкой частью страны. С 1902 г. в деле ирригации земель западных штатов приняло участие Федеральное правительство С.-А.С.Ш., создавшее для проведения этих работ особый мелиоративный фонд, исчислявшийся к 1921 г., по данным Н. В. Макридина, в сумме—255,6 млн. руб., израсходованных Федеральным правительством, и 72,7 млн. руб. сборов с водопользователей. К 30 июня 1923 г. правительством было затрачено на постройку, ремонт и эксплоатацию ирригационных систем 308.356.000 руб., при чем подготовлено к орошению было 682.666 *га* и средняя стоимость орошения одного *га* оказалась равной 400 руб.

Общий размер и темп капитальных вложений и рост орошенной площади во всех западных штатах С.-А. С. Ш. приведены в следующей таблице, составленной по данным американских переписей, обработанных Е. Е. Скорняковым (см. табл. на след. стр.).

Приведенные цифры свидетельствуют об интенсивном росте ирригации в С.-А. С. Ш. за тридцатилетие 1890—1920 гг.: первое десяти-

	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
1. Капитальные вложения в ирригацию 19 западных штатов С.-А. С. Ш. (в млн. руб.)	57,7	136,9	628,4	1.363,9
2. Площадь подготовленных к орошению земель (в *га*) .	—	—	8.181.094	10.494.100
3. Площадь фактически поливавшихся земель (в *га*) . .	1.498.565	3.123.344	5.820.930	7.740.000
В том числе в штатах с хозяйствами зерново-кормового типа.	1.000.000	2.200.000	3.900.000	5.200.000
. Число орошаемых хоз. . .	54.136	113.829	162.723	213.541
5. Капитальн. вложения в работу на 1 фактически поливаемый *га* (в руб.) . . .	38	43	108	176

летие дало прирост фактически орошавшихся земель в 1.624.779 *га*, второе — в 2.697.586 *га* и третье — в 1.919.070 *га*, а построено за третье пятилетие 2.313.000 *га*. Этот бурный рост имел место, несмотря на все увеличивавшуюся стоимость одного *га*: в 1890 г. на 1 *га* падал строительный расход в 38 руб., в 1920 г. уже 176 руб., а стоимость прироста фактически поливавшейся земли третьего пятилетия на 1 *га* составляла 383 руб. Если бы заволжскую ирригацию мы развивали таким же темпом, то для осуществления орошения площади 2.000.000 *га* потребовалось бы меньше 10 лет.

Народнохозяйственный эффект указанных крупных затрат С.-А. С. Ш. на ирригацию характеризуется, во-первых, увеличением продукции с гектара земли. По данным XX отчета Службы Мелиораций, урожай в рублях с одного гектара, общий для С.-А. С. Ш. и с орошенных земель, характеризовался такими цифрами:

	1910 г.	1915 г.	1919 г.	1920 г.
Вся территория С.-А. С. Ш. . .	73,26	79,60	171,36	101,52
Территория государств. ирригац. систем	141,48	113,22	376,83	270,45
Урожай орошен. гектара в % к урожаю с гектара всей территории	193	142	220	245

Эти цифры показывают постепенно увеличивающийся эффект орошения. Нарушение этой закономерности мы встречаем за время до 1915 г. Об'яснение этого снижения заключается в том, что в этот период после перехода в государственные ирригационные системы небольшого ядра ранее орошавшихся земель, давших соотношение урожаев 1910 г., в них

начали включаться новые орошенные участки, не дававшие сначала полного урожая, что и снижало соотношение урожаев до 1915 г. Затем положение начало выправляться и соотношение урожаев стало непрерывно расти в сторону, благоприятную для ирригации.

Показательно сопоставление роста хозяйствующих единиц на всей территории С.-А. С. Ш. и на орошенной территории. Следующая таблица дает это сопоставление:

	Число ферм		
	1900 г.	1910 г.	1920 г.
1. На всей территории С.-А. С. Ш.	5.737.372	6.351.502	6.448.343
2. На территории 19 западных штатов . .	1.095.675	1.776.046	1.916.391
3. На орошенной территории	113.829	162.723	231.541
4. Проц. соотношение числа ферм на орошенной территории к числу ферм			
а) на всей территории С.-А.С.Ш. . . .	2	2,6	3,6
б) на территории запад. штатов	10,4	9,1	12,1

Эти цифры показывают, что в росте числа хозяйств всей страны орошенные территории принимают все большее участие.

Наконец, следует отметить крупную социальную роль ирригационных предприятий. Так, в 1910 г. 45,7% оросительных предприятий были единоличными и групповыми, 12,5% коммерческих и 41,8% кооперативных в том или ином виде. В 1920 г. единоличные предприятия составляли 35,7%, коммерческие — 9,5%, и 54,8% — кооперативные или переходные к ним. Таким образом, за 10 лет кооперативные предприятия и переходные к ним на территории орошения возросли на 31%.

Положение ирригационных правительственных мероприятий С.-А. Соед. Штатах было обследовано в 1923 г. особой правительственной комиссией экспертов, получившей название Комиссии особых советников. Общий вывод этой Комиссии сводится к положению, что несмотря на некоторые существенные ошибки в этом деле, опыт федеральной ирригации земель следует признать удавшимся. Производительность созданных правительством ирригационных систем, охвативших площадь в 682.000 *га* и обошедшихся в 275 млн. руб., выражалась в последние годы суммой от 100 млн. руб до 150 млн. руб с фактически поливаемых земель, составляющих 485.000 *га*. Можно ожидать, что благодаря увеличению площади полива, составляющей пока около 71% от площади, могущей орошаться построенными системами, указанные цифры производительности орошенных земель будут еще расти. Кроме того, получают воду и дают повышенные урожаи 447.000 гект. частных земель.

В районах государственных ирригационных систем на пустынных до ирригации землях создалось 283 города и до 33.000 фермерских хозяйств, из коих 73% экономически вполне крепки. Общее количество населения на орошенной территории равно 450.000 чел., в том числе

сельского населения 125.000 чел. Здесь возникло 879 школ, 217 банков с 283.876 вкладчиками и общей суммой вкладов 278 млн. руб.

Таковы в общих чертах положительные итоги широкой ирригации засушливых штатов С.-А. С. Ш и, в частности, ирригационных систем, построенных Федеральным правительством.

Однако, в удачном, в общем, деле осуществления Федеральным правительством С.-А. С. Ш широкого ирригационного строительства имеются и существенные теневые стороны, которые нельзя не отметить, как ошибки, изучить которые нам следует с тем, чтобы их не повторять.

Основным дефектом проведенных Федеральным правительством ирригационных мероприятий явился недоучет экономической и организационной стороны дела и, как результат, ошибочное проектирование финансового плана. Финансовый просчет выразился в том, что проектные предположения о возмещении водопользователями средств, затраченных правительством на ирригацию, оправдались в очень незначительной части.

Проектные предположения заключались в том, что затраты на ирригационное строительство, производимое из фонда, образованного по закону 1902 г. путем передачи в него сумм, вырученных от продажи орошаемых земель, будут погашены поселенцами по первоначальному предположению в 10-летний, а по последующему — в 20-летний срок. На практике оказалось, что к 30 июня 1923 г. правительством было затрачено на постройки, эксплоатацию и ремонт ирригационных систем 308 млн. руб., а покрыто водопользователями 52 млн. руб., т.-е. 17%, при чем на построечные суммы приходится 11% и на эксплоатационные — 67%.

В чем причины этого финансового просчета? Освещение этого вопроса дает вышеупомянутая Комиссия особых советников.

Во-первых, выбор площадей для орошения, ограниченный требованием закона, чтобы на каждый штат тратились те же суммы, какие поступали от него в мелиоративный фонд, оказывался не всегда достаточно удачным. Некоторые особо неудачные ирригационные системы пришлось даже закрыть совсем.

Во-вторых, почти всегда исполнительная смета на много превосходила первоначальную. Явление это, столь знакомое нам в СССР, об'ясняется рядом обстоятельств: большей частью, причиной служило невключение в первоначальный проект некоторых частей системы — распределительной сети, дренажной сети и т. д. или просчет в стоимости высокой плотины, длинного тоннеля и т. п. сооружений, действительная стоимость которых может быть определена лишь после самого подробного исследования и даже лишь в процессе постройки. Строительству был дан слишком быстрый темп. Предварительные исследования не были достаточно подробны, в особенности была недостаточно освещена почвенная часть проектов, в силу чего в ряде систем получились технические недочеты с этой стороны.

Но основной дефект заключается в том, что Федеральное правительство достаточно обеспечило дело создания хорошей ирригационной системы, но совершенно не обеспечило дело создания хорошего фермера, использующего эту систему. Возможности земельной спекуляции и, следовательно, обременение платежами за землю водопользователя, получившего ее не из первых рук, не были в должной мере предусмотрены.

Наличность у поселенца средств, необходимых для организации хозяйства и правильного его развития, в виде ли собственного капитала поселенца, в виде ли организованного, экономически приемлемого для него кредита, также не была обеспечена. Вопрос организации поселенца и его хозяйства на орошаемой земле явился основным слабым местом 20-летнего опыта американской правительственной ирригации, и на исправление этого дефекта направлена сейчас деятельность С.-А.С.Ш. в этой области.

Нельзя не упомянуть о любопытной в этом отношении работе, проведенной в штате Калифорния по инициативе современного главы ирригации С.-А.С.Ш.— доктора Э. Мида. Там были организованы с 1918 г. опытные работы по рациональной колонизации орошенных земель. На двух ирригационных системах размером от 2.500 до 3.500 *га* — Дерхемского и Дельфийского орошаемых участков — были подготовлены не только оросительные системы и разбиты фермерские участки размером от 40 до 50 *га*, но на некоторых участках были произведены и посевы первого года, так что фермеру в первый трудный год предстояло лишь собрать урожай. Кроме обычных фермерских участков, здесь были выделены совсем мелкие участки специально для рабочих, от которых требовался первоначальный взнос лишь в 40 рублей, а остальная сумма выплаты за участок рассрочивалась на 20 лет.

Отбор поселенцев производился строго, с учетом их сельскохозяйственного опыта, общего развития, здоровья и т. д. По заключении контракта для каждой фермы разрабатывался совместно с ее владельцем индивидуальный план ведения хозяйства. Для возведения построек поселенцы пользовались руководством архитектора администрации. Ежегодно производилось экономическое обследование фермерских хозяйств, подводился для каждого из них хозяйственный баланс и составлялся бюджет на будущий год.

Любопытно, что в результате трех-пятилетнего опыта с этими участками наибольший успех оказался с малыми (около одного гектара) наделами для рабочих. Ни одно такое хозяйство не потерпело краха. Капитал этих поселенцев возрос за указанный краткий срок в пять раз. Таким образом, поселенец на мелком наделе, с отсутствием капитала, все же оказывается даже более жизнеспособным, чем обычного типа фермер — при условии обеспечения его хозяйства кредитом и заботами администрации.

Заканчивая на этом краткое изложение наиболее интересного для нас опыта ирригации в С.-А.С.Ш., необходимо еще раз отметить, что этот колоссальный пример ирригационного строительства в условиях зерново-кормового хозяйства, несмотря на выше отмеченные крупные дефекты при его осуществлении, в результате подробного обследования его народнохозяйственного значения и длительной общественной проверки признан опытом удачным и подлежащим дальнейшему развитию.

Ирригационный опыт Канады значительно менее богат, чем вышеописанный опыт С.-А.С.Ш. Интерес ее опыта заключается в том, что более северное положение ее, чем С.-А.С.Ш., большее количество осадков и еще более ярко выраженный характер зернового хозяйства дают основания для суждений на основе этого опыта о перспективах ирригации северных частей нашего Заволжья.

Штат Альберта, о котором дальше идет речь, общей площадью около 66 млн. гект. разделяется на три района — северный, центральный и южный. Вопрос об орошении возник лишь для южной части, где годовое количество осадков, составляя в среднем 350 — 400 мм, колеблется в пределах от 200 до 600 мм, а температура меняется от минимума — 45° зимой и до максимума + 35° летом. Основными культурами штата являются — пшеница, овес и люцерна, занимающие примерно одинаковую площадь, а в общем до 78% всей посевной площади. К настоящему времени здесь в двух районах — Кальгарском и Лефбриджском — орошено 732.000 *га* и находится в постройке системы для орошения 432.000 *га*. Темп ирригационного строительства характеризуется цифрами — 42.000 *га* к 1900 г., 200.000 *га* к 1910 г. и 732.000 *га* к 1925 г. Стоимость постройки системы Лефбриджского района выразилась в 274 руб. за *га*. Урожайность неорошенной пшеницы колеблется между 0,5 и 1,2 тонны на *га*. На орошенной земле урожай достигает весьма больших цифр: так, в 1924 г. на участке в 520 *га* около Нобльфорда был получен урожай пшеницы в 3,8 тонн на *га*.

Вышеуказанные районы орошения в С.-А.С.Ш. и Канаде, будучи весьма схожи с Заволжьем по естественно-историческим и сельскохозяйственным условиям, отличаются от него тем, что ирригация здесь проводилась в условиях колонизациии неосвоенных еще территорий.

Индия. В этой стране условия ирригации более отличны от заволжских в климатическом и сельскохозяйственном отношениях, но зато между ними имеется сходство, заключающееся в том, что ирригация в Индии, как и в Заволжье, спасает от засухи уже давно и густо освоенные земледельческие территории.

Климат Индии характеризуется высокой температурой, равной для северных ее провинций — Пенджаба и Соединенных провинций — в среднем в год + 25,5° и повышающейся к югу до + 28°. Самый жаркий месяц — июнь, имеющий в Северной Индии среднюю температуру + 33°, + 37°. Температура января + 11°, + 15°. Осадки здесь обусловлены юго-западным ветром, приносящим в период июля — октября влагу с моря на материк. Осадки этого периода составляют до 85% всего годового их количества. Северо-восточный ветер, дующий с марта — апреля по июнь приносит засуху, характеризующуюся отсутствием осадков и низкой относительной влажностью воздуха (38% — 54%). Весь год делится на три периода — летний, дождливый с июня по сентябрь, зимний с октября по февраль с незначительными осадками порядка 75 — 100 мм и летний — с февраля по май, когда осадков почти нет. Среднее годовое количество осадков Северной Индии на равнине 600 мм, в предгорье 750 мм и выше.

В соответствии с вышеуказанными климатическими условиями, посев культур производится в Северной Индии дважды: в октябре — ноябре, с уборкой в марте — апреле, сеются пшеница, ячмень и стручковые, а в июне, с началом июньских дождей — рис, хлопок, просяные, кукуруза — с уборкой их в сентябре — декабре. Недостаток осадков в вышеуказанные периоды вегетации, бывающий в годы засух, обусловливал неурожай, а этот последний, в связи с дробностью землепользования, бедностью населения, недостаточностью путей сообщения, влек за собой бедствия голода. Голодные катастрофы в Индии, как и в России, имеют

свою весьма давнюю историю. В последние годы наиболее крупные катастрофы были в 1861 г., когда голод охватил район с населением в 20 млн. человек, в 1865 — 67 гг., когда вымерла 1/3 всего населения голодавшего района, в 1868 — 70 гг. — на площади с населением до 44,5 млн. человек, в 1873 — 74 гг., в 1876 — 78 гг. в районе с населением 58,5 млн. человек, в 1895 — 1896 гг. в районе с населением до 70 млн. человек, в 1899 — 1900 гг. небывалая засуха охватила район свыше 1.000.000 кв. клм. Голод сопровождался холерой и падежом скота, гибнувшего миллионами голов.

Этот колоссальный размер бедствий вследствие засухи побудил правительство Индии к широкому ирригационному строительству, как наиболее верному средству борьбы с засухой. Образованная после голода 1900 года особая правительственная комиссия, изучив положение ирригационного дела в Индии и значение его для борьбы с засухой, пришла к заключению о необходимости оросить для этой цели около 2,5 млн. гектаров, с затратой на это 440 млн. рублей. Несмотря на то, что выполнение этой программы обременило бы бюджет государства ежегодным расходом в 7,4 млн. руб., а этот ежегодный расход вызвал бы уменьшение правительственных расходов во время будущих голодовок лишь на 3,1 млн. руб., комиссия все же считала необходимым эту программу выполнить, чтобы таким путем пресечь катастрофические последствия засухи.

К 1917/18 г. правительство вложило в дело ирригационного строительства в Индии 755 млн. рублей, в том числе на так называемые „защитные" системы, т.-е. на системы коммерчески невыгодные, но предупреждающие катастрофы засух, 101 млн. руб. Общая площадь правительственного орошения — 7,28 млн. *га* и, следовательно, стоимость орошения одного гектара — около 104 руб. К 1924/25 г. общая орошенная площадь в Британской Индии составляла 18,3 млн. *га*, из них на правительственные системы приходилось 8,1 млн. *га*. Площадь посева всей Индии равнялась 92 млн. *га* и, следовательно, орошаемая площадь составляла 20,3% от площади посева.

Основными культурами Индии являются: рис, пшеница, просяные, стручковые и хлопок. В северной ее части — в Пенджабе и Соединенных провинциях — первое место принадлежит пшенице.

На описании сельского и ирригационного хозяйства в этой части Индии мы, с точки зрения интереса ее для проблемы ирригации Заволжья, остановимся в дальнейшем.

В 1924/25 г. посевная площадь Соединенных провинций равнялась 14,2 млн. *га* и Пенджаба — 10,9 млн. *га*, а всего — 25,1 млн. *га*, а площадь посева, вследствие двукратности засева некоторых площадей, составляла 17,6 млн. *га* в Соединенных провинциях и 12,8 млн. *га* в Пенджабе.

Площади орошаемых культур в этих провинциях, считая площади посева обоих урожаев, т.-е. больше, чем фактическая площадь ирригационных систем, представлены в следующей таблице, в млн. гектаров (см. табл. на след. стр.).

Из приведенных цифр следует, что в Соединенных провинциях из 17,6 млн. *га* посева общих урожаев орошались в 1924—25 гг. 3,6 млн. или 20,4%, а в Пенджабе из 12,8 млн. *га* — 5,41 млн. *га*, или 42%.

	Рис	Пшеница	Ячмень	Проч. зерн. просяные и стручков.	Сахарный тростник	Кормовые	Хлопок	Прочие	Всего
Соед. пров. (в млн. га)	0,12	1,18	0,70	0,83	0,38	0,12	0,13	0,14	3,60
В %%	3,3	32,8	19,4	23,1	10,5	3,3	3,6	4,0	100
Пенджаб.	0,24	1,91	0,10	0,81	0,13	0,09	0,83	1,30	5,41
В %%	4,5	35,3	1,9	15,0	2,4	1,6	15,3	24,0	100
Всего в млн. . . .	0,36	3,09	0,80	1,64	0,51	0,21	0,96	1,44	9,01
В %%	4,0	34,0	9,0	19,0	5,7	2,3	10,7	15,3	100

Площадь правительственного орошения к 1917—18 гг. в Соединен. провинциях составляла 1,3 млн. *га* и в Пенджабе 3,48 млн. *га*, а размер капитальных вложений в правительственное орошение выразился цифрами: в Соединенных Провинциях 125,9 млн. руб. и в Пенджабе 223,9 млн. руб.

Темп развития обрабатываемой и поливной площади в этих двух провинциях характеризует следующая таблица (в млн. *га*):

	1886/90 г.	1891/1900 г.	1900/01 г.	1903/04 г.	1924/25 г.
Соединенные провинции					
Обрабатываемая площадь	13,03	13,33	13,83	14,06	17,65
Поливная „	3,37	3,66	3,47	4,40	3,44
В %% орош. к обрабатываемой	26	27	25	31	19
Пенджаб					13,0
Обрабатываемая площадь	9,06	9,76	10,55	10,83	
Поливная „	2,48	3,25	4,13	4,45	5,3
В %% орош. к обрабатываемой	27	33	33	41	41

Из приведенных таблиц следует, что основными орошаемыми культурами в Соединен. провинциях являются зерновые, занимающие 62% всей орошаемой площади. Ценные культуры — хлопок, сахарный тростник, рис — занимают 20,4%, кормовые занимают весьма скромное место — 2,3%. Таким образом, хозяйство здесь зерновое, и тем не менее площадь орошения все время растет и за 40 лет с 1885 по 1925 г. увеличилась с 5,85 млн. *га* до 8,7 млн. *га*.

Эффективность орошения характеризуется такими цифрами урожайности пшеницы по данным за 1913—1918 гг.

	Урожайность в тоннах на га			
	На орошаемых землях		На неорошаемых	
	Максимум	Средняя	Максимум	Средняя
Соединенные провинции	1,4	1,3	0,9	0,8
Пенджаб	1,26	0,9	1,1	0,5

Стоимость устройства правительственной ирригации на один гектар в Соединенных провинциях составила 97 р., а в Пенджабе для главных систем — от 47 руб. для Нижне-Ченабской до 350 рублей для Верхне-Джелюмской, а в среднем 86 р.

Австралия. Имеющиеся относительно немногочисленные данныя о развитии ирригации в засушливых районах Австралии рисуют такую картину.

Засушливые районы Австралии расположены в центральной и южной ее части в глубине материка. Находящиеся на востоке Австралии высокие горы препятствуют проникновению с востока, откуда преимущественно дуют ветры, достаточного количества влаги во внутренние территории. В период дождей, приходящийся на юге в зимнее время, осадки выпадают большими массами, вызывая наводнения. Сухой период сопровождается горячими ветрами, несущими массу пыли, дующими от пустынь к берегам и поднимающими температуру воздуха до 50°. Жестокая засуха повторяется в Австралии через 10—12 лет и губит массу хлеба и скота. Так, в засуху 1925 года в одном штате Квинсленд погибло от недостатка воды 10.000.000 овец и 2.000.000 рогатого скота, а учитывая стоимость корма, содержание пастухов, перевозку продовольствия и т. д., убытки от засухи в 1925 году по одному скотоводству подсчитаны в сумме до 130—150 млн. рублей.

Следующие данные характеризуют распределение осадков по Штатам Австралии: северная часть штатов Западная Австралия, Северная Австралия и Квинсленд имеет количество летних осадков свыше 500 мм в год. Центральные части штата Западная Австралия, южная часть штата Северная Австралия, юго-западная часть штата Квинсленд и восточная часть штата Новый Южный Уэльс характеризуются летними осадками 250—125 мм в год. Южная часть штатов Западная Австралия, Южная Австралия и восточная часть штата Южный Уэльс за исключением приморской полосы характеризуются количеством летних осадков 125 мм в год со средней температурой лета 25—26°.

Из изложенного краткого описания климата Австралии видно, что значительная часть ее территории находится в полосе неустойчивого, вследствие засухи, земледелия и скотоводства. Поэтому здесь уже осуществлены и, кроме того, намечены к осуществлению большие ирригационные работы.

Общая площадь орошения в Австралии составляет свыше 2 млн. *га*, из коих в бассейне реки Меррей в штатах Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия расположено 600.000 *га*, в Квинсленде — 150.000 *га*, в Западной Австралии — 200.000 *га* и т. д.

В штатах Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия орошается главным образом пшеница, а также сады, виноградники, огороды и травы — люцерна и клевер. В штате Квинсленд, расположенном в субтропической зоне, кроме пшеницы, орошается хлопок и сахарный тростник.

Распределение культур в *га* для всей посевной площади Австралии (данными о распределении культур на орошаемой площади мы, к сожалению, не располагаем) за 1920—24 гг. было таково: пшеница—3.813.000, ячмень—120.000, овес—391.000, маис—102.000, рожь—2.000, овощи—140.000, хлопок—11.000 и хмель—668.000, т.-е. всего около 6.500.000 *га*.

Площадь под травами составляет до 15.000.000 *га*. Таким образом, тип сельского хозяйства Австралии является ярко выраженным пшенично-кормовым и, как следует из выше приведенных цифр площадей орошения, значительная часть посевов и лугов обеспечивается от засухи ирригационными сооружениями.

В Европе орошение интересующего нас зерново-кормового типа развито в Италии, Испании и Южной Франции.

Италия. В Северной Италии равнина р. По, защищенная от влияния Средиземного моря горами, имеет материковый климат со средней температурой +13°, с температурой января 0° и температурой лета +24°. В Ломбардии, где орошение наиболее развито, климат характеризуется такими цифрами:

Средняя годовая температура	от +12,6°	до 13,5°
Максимальная „	„ +25,3°	„ 22,7°
Минимальная „	„ —15,0°	„ —4,4°

Годовые осадки в Ломбардии равны 730 — 850 мм.

Осадки в Средней части долины р. По характеризуются цифрами: весной 137 мм, летом 137 мм, осенью 219 мм, зимой 140 мм, а всего 633 мм.

Общая площадь орошения в Северной Италии до 1.500.000 *га*. Орошается пшеница, рис, ячмень, рожь, кукуруза, овес, луга и фрукты. Орошение в Италии платное, при чем до войны орошение одного гектара лугов стоило 15—20 руб., риса—26—27 руб., других культур—12—17 руб.

Испания. Сильно засушливой страной Европы является Испания, где в центральной части годовое количество осадков 250—350 мм, выпадающих в виде ливней в мае, сентябре и октябре. Остальное время здесь засуха. К югу (к Средиземному морю) количество осадков увеличивается до 533 мм в год, из коих на лето приходится 20 мм. Средняя годовая температура здесь +19,3° испарение достигает 1.650—2.000 мм в год. На юге и юго-востоке Испании климат менее жаркий, количество осадков около 350 мм с засухой в период март — сентябрь.

Наиболее развито орошение в Валенсии и Каталонии. Всего в Испании орошается до 1.500.000 *га*. Главнейшими культурами являются: пшеница, кукуруза, овощи, виноградники, оливковые деревья, сады. Орошаются также луга.

Франция. Южная Франция характеризуется в климатическом отношении такими цифрами: средняя температура +13°, +15°, с максимумом +30,5°, +40° и минимумом от—5,5° до — 15°; годовые осадки составляют от 324 мм до 674 мм; более подробные данные об осадках для

устьев Роны следующие: весной — 133 мм, летом — 65 мм, осенью — 121 мм, зимой — 123 мм, а всего — 540 мм.

Орошение развито в департаментах Нижних и Верхних Альп, Морских Альп, Од, Устьев Роны, Дром, Гард, Верхней Гароны, Луары, Нижних Пиринеев, Восточных Пиринеев, Воклюз. Орошается здесь пшеница, кукуруза, люцерна, огороды, отчасти оливки, виноградники.

Южная Африка. Наконец, подходящим к Заволжью по климатическим условиям районом является Южная Африка, где годовое количество осадков колеблется от 460 до 680 мм с сухим летом (май — август) и с испарением значительно большим, чем количество осадков (от 1.000 до 2.400 мм). Орошается здесь пшеница, рожь, табак, свекла, огороды люцерна, сады и виноградники.

Изложенными данными и цифрами мы закончим обзор положения ирригационного дела в заграничных районах зерново-кормового хозяйства.

Каковы же выводы из этих данных? Первый и самый главный вывод заключается в том, что дело широкой ирригации в целях борьбы с засухой в районах зерново-кормового хозяйства с точки зрения мировой практики не является чем-то новым и неизведанным. Наоборот, мировой опыт в этом вопросе весьма велик, так как с этой целью орошено уже до 20 млн. гектаров (5.100.000 *га* в С.-А. С. Ш., 732.000 *га* в Канаде, 8.700.000 *га* в Индии, 2.000.000 *га* в Австралии, 1.500.000 *га* в Италии, 1.500.000 *га* в Испании и т. д.). Таким образом, идея широкой ирригации Заволжья не должна представляться нам попыткой свершить небывалого риска и трудности дело. Наоборот, казалось бы удивительным, почему при столь широком развитии во всем мире этого метода борьбы с засухой мы до сих пор его игнорировали и предпочитали тратить колоссальные деньги на засуху (голод) впустую, тогда как могли бы за кизрасходованные таким образом средства оросить несколько „Заволжий".

Удачен ли мировой опыт борьбы с засухой ирригационными мероприятиями? Уже сама цифра осуществленного в этих целях орошения дает ответ. Если бы этот опыт был не удовлетворительным, не было бы 20 млн. гектаров орошения в засушливых районах. Мы не наблюдали бы такого неуклонного и широкого развития его во всех приведенных странах.

Какие же выводы из описанного мирового опыта борьбы с засухой должны сделать мы в отношении наших засушливых территорий и, прежде всего, Заволжья? Кажется, вывод ясен — нет никаких оснований считать, что в Заволжьи неприменимо то, что применимо с успехом за границей в районах, аналогичных по климату и сельскому хозяйству, что заволжское крестьянство не воспримет орошения, не справится с тем типом хозяйства, с которым справляются американские, австралийские, испанские, французские, индусские земледельцы.

Мы находимся в лучшем положении, так как в нашем распоряжении огромный опыт заграничной ирригации. Мы должны изучить его, в особенности, изучить ошибки, которых там было не мало, изучить современную технику ирригационного дела, которая чрезвычайно продвинулась вперед за истекшие 35 лет широкой ирригации за границей и которая открывает нам новые горизонты в области использования энергетических ресурсов для ирригации, в области способов выпуска оросительной воды на поле, в области укрупнения и удешевления процесса подачи воды, в области механизации строительного процесса и т. д.

Но прежде всего мы должны усвоить основные организационные выводы из заграничного опыта. Они заключаются в том, что дело широкой ирригации, как и всякое другое крупное государственное дело, может успешно осуществляться только в порядке широко организованного правительственного строительства и что задачей правительства является не только это строительство, но еще в большей степени самое тщательное, детальное и продуманное руководство организацией и ведением хозяйства на орошенных землях. И здесь наши возможности весьма расширяются тем, что у нас это хозяйство мыслится не только в формах индивидуального мелкого хозяйства, что типично для заграничного орошения, но и в форме крупных государственных и коллективных хозяйств. При помощи последних освоение и успешное ведение сельского хозяйства на орошенных землях чрезвычайно облегчается.

Можно ли из сделанного краткого обзора заграничных ирригационных мероприятий сделать более детальные выводы по отношению к Заволжью? Можно ли, например, на основании приведенных цифр сделать предположение относительно возможной стоимости ирригационного строительства в Заволжье? Думается, что такого рода выводы, даже в самой предварительной форме, были бы рискованны, так как техническая сторона дела слишком индивидуальна для каждого проекта, зависит от слишком большого количества факторов, чтобы можно было сделать какой-то общий вывод. В С.-А. С. Ш., по данным Census'а, стоимость прироста поливной площади на 1 *га* выразилась за период 1890—1900 гг. в 50 руб., 1900—1910 гг.— в 182 руб., 1910—1920 гг.— в 383 руб., стоимость там же механического орошения на площади свыше 1.100.000 *га* составила 133 руб. на *га*. Стоимость правительственного орошения там же за период 1900—1920 гг. выразилась в среднем цифрой 395 руб. на *га*, с колебаниями от 203 руб. для системы Бельфурш в Сев. Дакоте до 768 руб. для системы Океноген в Вашингтоне. Стоимость орошения Лефбриджского района в Канаде составила 274 руб. на *га*. Стоимость правительственного орошения в Соединенных провинциях Индии выразилась в 97 руб. на *га*, в Пенджабе — 86 руб. на *га*, с колебаниями от 47 руб. для Нижне-Ченабской системы и до 350 р. для Верхне-Джелюмской. Цифры стоимости, следовательно, весьма разнообразны, зависят от проекта, от стоимости рабсилы (доходящей в С.-А. С. Ш. до 5 долларов в день) и ряда других обстоятельств. Кроме того, и перевод долларов и рупий в рубли является в значительной мере условным

Таким образом, из обзора заграничного опыта борьбы с засухой пока следует ограничиться следующим главным и самым ценным для нас выводом: во всех странах, имеющих засуху в районах зерново-кормового хозяйства, при весьма разнообразных климатических условиях и различных стоимостях ирригационных работ, широкая ирригация, как средство борьбы с засухой, завоевала себе значительное и прочное место. Перед лицом этого факта нельзя не признать необходимости поставить, наконец, и у нас дело серьезного изучения и исследования на основе заграничного опыта такой борьбы, в первую очередь, в наиболее угрожаемом участке фронта борьбы с засухой — в Заволжье.

Л. Бинович

К вопросу организации Центрально-Промышленной Области [1]

1. Хозяйственный облик Ц. П. О.

Характеристика Центрально-Промышленной Области заключается в самом названии. Именно благодаря центральному своему положению и удобству сношений со всеми районами страны через расходящиеся во все стороны железнодорожные и водные пути, Центрально-Промышленная Область издавна завоевала командные высоты в отношении к остальной территории, став крупнейшим торговым и промышленным районом страны. Выгоды сбыта, благодаря широкому потребительскому спросу, а также высокая плотность населения при недостаточной плодородности почвы, обусловили здесь раннее развитие кустарных промыслов, а вслед за ними крупной промышленности, опиравшейся на дешевую и уже и обученную силу кустарей. При суглинистых почвах, зерновое земледелие Ц. П. О. служит только для неполного покрытия потребности населения в продуктах земледелия. На ряду с этим в Ц. П. О. наблюдается крупное производство льна и широкое развитие огородничества и молочного хозяйства, при привозе значительных количеств мяса и хлеба извне. Область характеризуется наименьшим для всего Союза процентом сельского населения, существующего сельскохозяйственным промыслом, так как главное его занятие — промышленность и кустарные промыслы. Заключая в своих пределах подмосковный каменноугольный бассейн с ископаемыми бурыми углями, огнеупорными глинами, железными рудами, колчеданом, известняками, доломитами и песчанниками, Ц. П. О. и вне этого бассейна обладает большими запасами бурых железных руд, строительных материалов, фосфоритов и, кроме того, горючих сланцев и сапропелей. Огромные запасы торфа и значительная площадь лесов дополняют природные ресурсы края.

Таким образом, Ц. П. О. в значительной степени обеспечена источниками тепла и энергии для промышленности, быта, электростанций и транспорта. Силикатная, керамическая, химическая, стекольная и в известной степени металлургическая промышленность имеют все данные для своего развития на местном сырье. Большое значение имеет местное сырье также и для кустарных промыслов, получивших в области большое развитие.

Описанные признаки и условия развития области привели к тому, что уже к концу XIX века Ц. П. О. сложилась в мощный промышленный комбинат, имеющий влияние на экономику всей страны.

Перейдем к краткой иллюстрации экономического облика Ц. П. О., пользуясь в цифровой части в тех случаях, где это представляется возможным, самыми новейшими статистическими данными.

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

Природные условия. Общим для всей территории, заключенной в границы Ц. П. О., является равнинный характер местности — весьма положительный природный фактор, благоприятствующий условиям транспорта, как водного (более медленное течение), так и сухопутного (большая легкость и дешевизна проведения дорог). Другой, также однородный для Ц. П. О., но уже отрицательный природный фактор заключается в неблагоприятных для сельского хозяйства климатических и почвенных условиях. В главной подавляющей своей массе область расположена в полосе северных дерново-подзолистых почв, мало плодородных и требующих обильного удобрения. Что касается климата, то колебания температуры и осадков настолько велики, что затрудняют возможность для сельского хозяйства к ним приспособиться: жаркие и засушливые годы сменяются холодными и настолько сырыми, что происходит заболачивание почвы.

Сельское хозяйство. Влияние климата при описанном качестве почв обусловливает значительное однообразие зернового хозяйства Ц. П. О. В посевной площади всех губерний Ц. П. О. преобладают посевы зерновых хлебов, занимающие в среднем по области три четверти (с лишком) ее посевной площади. Структура последней в ее главнейших составных частях показана (в относительных величинах) в следующей таблице:

Структура посевной площади Ц. П. О. и ее динамика за 1916—1926 гг.

Губернии Ц. П. О.	% зернов. хлебов			% льна			% картофеля		
	1916 г.	1924 г.	1926 г.	1916 г.	1924 г.	1926 г.	1916 г	1924 г.	1926 г.
Владимирская	78,4	80,6	75,7	5,1	3,5	3,3	9,0	11,6	12,8
Ив.-Вознесенск.	—	77,9	72.4	—	5,6	4,6	—	8,8	8,0
Калужская	75,0	78,2	77,5	6,6	4,3	4,6	8,4	8,2	10,0
Костромская	80,9	81,6	78,8	8,4	4,5	5,6	6,0	8,7	7,9
Московская	66,7	71,1	65,0	4,6	3,0	2,5	14,2	13,2	15,0
Нижегородская	85,0	82,7	82,5	3,0	3,0	3,3	5,5	7,4	8,7
Рязанская	85,5	83,0	82,7	0,8	0,8	0,8	8,1	10,0	11,9
Тверская	68,5	74,9	65,2	16,0	10,7	12,2	6,0	8,3	9,3
Тульская	85,8	87,0	83,3	0,2	0,5	0,4	6,8	7,0	9,4
Ярославская	64,2	66,4	64,9	14,8	7,4	8,8	12,1	11,4	12,3
Ц. П. О. (в среднем)	79,9	79,8	76,3	5,1	3,4	3,9	7,7	9,0	10,6

Из технических культур наибольшее значение в Ц. П. О. имеет лен, занимающий в среднем около 4% посевной площади; довольно большое значение, и не только кормовое, но и как продукт для переработки, имеет в Ц. П. О. также картофель, на долю которого приходится в среднем 9—10% посевной площади.

Обращают на себя внимание те незначительные пределы, в которых колеблется процентное соотношение главнейших культур в губерниях Ц. П. О., свидетельствующее об однородности зернового хозяйства области. Так, например, в семи губерниях (Владимирской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Рязанской и Тульской) из десяти — процент зерновых хлебов составляет от 72 до 83% всей посевной площади. Лишь в трех губерниях — Ярославской, Тверской и Московской — структура посевной площади носит более интенсивный характер, с большим против среднего по Ц. П. О. процентом технических культур и посевных трав. В частности, при среднем проценте льна в Ц. П. О. в 3,9%, удельный вес льна в посевной площади Тверской губернии равняется 12,2% и 8,8% по Ярославской губернии. В Московской губернии меньший % зерновых хлебов об'ясняется огородно-молочно-травопольным направлением сельского хозяйства губернии, приспособленным в известной степени к потребительским нуждам городских центров.

Кустарные промыслы Ц. П. О. Достаточно бросить самый беглый взгляд на помещенную ниже таблицу, чтобы усмотреть, какое большое, повсеместное и типическое развитие имеют в Ц. П. О. кустарные промыслы.

Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Ц. П. О. за 1925 г.

Число кустарей, выработка на одного кустаря и удельный вес отдельных производств в общем валовом обороте (в %)

Губернии Ц. П. О.	Число кустарей на 10.000 жителей	Выработка на 1 кустаря в руб.	Металлообрабат. промышлен.	Обработка дерева	Пр-во пищев. продук. и напитков	Кожев. и мехов. промышленность	Обработка хлопка	Одежда и туалет	Прочие производства	Вся валовая продукция
Владимирская	183	284	7,6	3,6	58,3	1,9	3,4	18,0	7,2	100,0
Ив.-Вознесенск.	400	229	3,7	2,8	54,7	7,0	—	24,0	7,8	100,0
Калужская	209	312	3,4	2,1	69,5	3,6	1,6	12,2	7,6	100,0
Костромская	225	256	2,9	2,6	65,3	1,8	—	18,9	8,7	100,0
Московская	468	252	6,7	7,9	19,8	4,1	23,7	30,1	7,4	100,0
Нижегородская	330	228	7,4	5,8	64,5	2,8	—	12,1	7,4	100,0
Рязанская	144	244	2,4	2,5	74,4	1,6	1,6	11,8	5,7	100,0
Тверская	258	268	3,8	3,8	42,4	4,9	—	41,9	4,2	100,0
Тульская	178	357	12,5	1,3	64,8	1,4	0,04	13,6	6,4	100,0
Ярославская	259	261	5,3	3,3	66,3	3,1	—	18,9	3,1	100,0
Ц. П. О (в среднем)	271	258	5,9	4,2	54,3	3,2	4,8	21,2	6,4	100,0

Приведенные цифры говорят о большой однородности структуры кустарных промыслов в Ц. П. О. Так, например, преобладающее значение по стоимости валовой продукции (в среднем по Ц. П. О. 54,3%) принадлежит в области производству пищевых продуктов, за исключением Московской губернии, где первое место занимает производство предметов одежды и туалета. Далее, во всех губерниях (кроме Московской) на втором месте находится производство предметов одежды и туалета. (В Московской губернии на втором месте по своим размерам находится обработка хлопка). Размещение других кустарных промыслов в Ц. П. О.

таково: в губерниях Тульской, Нижегородской, Ярославской и Владимирской наибольшее распространение после упомянутых выше производств имеют промыслы по обработке металлов. В остальных губерниях размещение промыслов носит более пестрый характер, однако все же с известным однородным уклоном. Так, например, довольно заметное распространение имеет обработка дерева, почти во всех губерниях занимающая среди промыслов четвертое или пятое место.

Таким образом, мы видим, что распределение по области кустарных промыслов довольно близко совпадает с географическим размещением по Ц.П.О. фабрично-заводской промышленности, что лишний раз свидетельствует о той внутренней связи, которая существует в области между отдельными элементами ее народного хозяйства.

Промышленность Ц.П.О. Промышленное значение области в общесоюзном народном хозяйстве исключительно велико. Приведем в подтверждение этого несколько цифр.

Размер средств, вложенных в основной капитал промышленности Ц.П.О., составляет, по данным Ц.С.У., 30% от общего капитала, вложенного в промышленность СССР. Потребление топлива промышленностью и транспортом области составляло по довоенным данным свыше 25% общероссийского потребления топлива на указанные цели. Мощность первичных двигателей на силовых установках промышленных предприятий Ц.П.О., не считая станций общественного пользования, составляет около 527.000 клвт., т.-е. около 30% мощности силовых промышленных установок всего Союза. На фабриках и заводах Ц.П.О. в 1926/27 г. было занято около 40% всех рабочих СССР, выработавших за тот же период до 40% валовой продукции всей цензовой промышленности СССР. Еще более велик удельный вес промышленности Ц.П.О. в отношении промышленности, находящейся на территории РСФСР. По данным ЦСУ за 1926/27 г., на долю Ц.П.О. приходится 53% всей продукции цензовой промышленности, расположенной на территории РСФСР, и такой же процент всего числа занятых в ней рабочих. По сравнению с Ц.П.О., удельный вес даже таких районов, как Ленинградская область с ее 16% продукции и 14% рабочих, Северо-Кавказского края с его 7,4% продукции и 4,5% рабочих, Урала с 5,4% продукции и 9,1% рабочих, представляется очень скромным.

Характерной особенностью промышленности Ц.П.О. является то, что она базируется не на каком-либо определенном, особо удобном транспортном пункте, как промышленность Донбасса, Ленинграда и Н.-Новгорода, и не на источниках сырья, как промышленность Донбасса и Урала, а на удобстве центрального географического положения всей области в целом и на ресурсах квалифицированной рабочей силы. Другой особенностью промышленности Ц.П.О. является ее размещение на территории области. Она не сосредоточена целиком в каком-либо одном городском центре (напр., Ленинград), но имеет развитую сеть промышленных пунктов вне городских центров. Это последнее обстоятельство особенно существенно, ибо оно обеспечивает организующее влияние промышленности и ее связь с остальными отраслями народного хозяйства области и, в частности, с сельским хозяйством. Наконец, третьей, типовой особенностью промышленности Ц.П.О. является ее группировка по принципу агломерации, т.-е. ряд отраслей возникал в области, будучи притянут уже сложившимися производствами, с целью обслуживания их спроса. Так, например, химические заводы возникли для обслуживания текстильных фабрик красками и кислотами. Также на основе снабжения имеющейся уже промышленности необходимым оборудованием и материалами возникли в Ц.П.О. машиностроительные заводы и строительная промышленность; наконец, концентрированный спрос больших масс городского населения повышенного культурного уровня создал предпосылки для быстрого роста промышленности, изготавливающей предметы питания и широкого потребления (пищевкусовая промышленность, производство предметов одежды и туалета и кожевенно-обувное производство). Все эти особенности нашли отражение в структуре промышленности Ц.П.О., данные о которой представлены в следующей таблице:

Структура цензовой промышленности Ц. П. О. в 1926/27 г. по валовой продукции (в относительных величинах)

Губернии Ц. П. О.	Текстильн. промышл.	Пищевкус. промышл.	Металлич. промышл.	Химическ. промышл.	Итого по 4 отрасл.	Прочие отрасли	Вся промышлен.
	1	2	3	4	5	6	7
Владимирская	74,9	2,9	13,4	0,03	91,2	8,8	100,0
Ив.-Вознесенская	92,8	1,7	1,2	1,5	97,2	2,8	100,0
Калужская	29.6	9,5	19,4	2,1	60,6	39,4	100,0
Костромская	53,2	23,3	2,4	1,0	79,9	20,1	100,0
Московская	53,1	10,7	10,2	7,4	81,4	8,6	100,0
Нижегородская	8,0	17,5	40,3	5,4	71,2	28,8	100,0
Рязанская	37,9	24,4	5,8	0,6	68,7	31,3	100,0
Тверская	63,2	8,4	4,3	0,2	76,1	23,9	100,0
Тульская	1,7	48,9	28,3	0,01	78,9	21,1	100,0
Ярославская	44,0	28,7	3,0	5,2	80,9	19,1	100,0
Итого по Ц.П.О.	57,5	10,6	10,2	5,1	83,4	16,6	100,0

Мы не будем повторять всем известных подробностей о значении отдельных отраслей в промышленности Ц.П.О. Нашей задачей является показать, насколько можно или нельзя считать промышленность Ц.П.О. по ее структуре, по ее хозяйственным задачам и по перспективам ее развития — однородной. Приведенная выше таблица дает исчерпывающий на это ответ. Во всех десяти губерниях, входящих в Ц.П.О., преобладающее значение принадлежит четырем отраслям: текстильной, пищевкусовой, металлической и химической. На долю перечисленных отраслей приходится в среднем по Ц.П.О. более 80% валовой продукции. Удельный вес отдельных губерний по сумме продукции этих отраслей колеблется в довольно близких пределах—от 60,6% (Калужская губ.) до 97,2% (Иваново-Вознесенская губ.).

Переходя к оценке промышленного значения отдельных губерний, нужно сказать, что по своему удельному весу в промышленности Ц.П.О. на первом месте находится Московская губерния (57,8% всей валовой промышленной продукции области), за ней следуют Иваново-Вознесенская (14,7%), Владимирская (8,2%), Нижегородская (5%), Тверская, Ярославская, Костромская, Рязанская, Тульская и Калужская.

Заканчивая на этом краткую характеристику экономического облика Ц.П.О., считаем, что последняя дает основания к следующим выводам.

1. Ц. П. О. характеризуется исключительной производственной мощью, выделяющей эту область на первое место среди остальных экономических районов Союза. 2. Влияние Ц. П. О., как крупнейшего организующего индустриального центра, глубоко проникает в экономику народного хозяйства всего Союза. 3. По своему экономическому облику, своим культурным и материальным ресурсам (энергетическая база, резервы квалифицированной рабочей силы, исторически накопленный основной капитал, развитие взаимно обусловливающих друг друга разнообразных отраслей производства со специализацией на выработке высокосортных готовых изделий и средств производства, развитая транспортная и торговая связь) Ц. П. О. является целостным хозяйственным территориальным комбинатом с устойчивым положением в перспективах своего дальнейшего мощного развития.

2. Варианты состава и внешних границ Ц.П.О.

Первоначальный вариант Госплана. В состав Ц. П. О., согласно проекту, разработанному Госпланом еще в 1921 году, должны были войти следующие 10 губерний:

1) Московская,
2) Владимирская,
3) Иваново-Вознесенская,
4) Калужская,
5) Костромская,
6) Нижегородская,
7) Рязанская,
8) Тверская,
9) Тульская,
10) Ярославская.

Данный состав Ц.П.О. за истекшие годы в своей основе завоевал признание заинтересованных губерний, за исключением Нижегородской, выдвинувшей проект создания самостоятельной Верхне-Волжской (Нижегородской) Области.

Вопрос о создании Верхне-Волжской Области с центром в Нижнем-Новгороде был выдвинут нижегородским губисполкомом еще в июне 1921 года, однако, в ноябре 1921 года Комиссия ВЦИК по районированию под председательством тов. М. И. Калинина признала образование Верхне-Волжской Области нецелесообразным и установила территориальный состав Ц. П. О. из 10 уже упомянутых выше губерний с центром в г. Москве.

Кроме того, после годичной проработки вопроса о Ц. П. О. как на местах, так и в Госплане, полную ясность в вопросе о целесообразности создания области дал междугубернский с'езд Ц. П. О. (16—17 февраля 1923 г.).

С'ездом была принята единогласно следующая резолюция:

„С'езд считает целесообразным положить в основу районирования СССР проект Госплана, как перспективный план, учитывающий все необходимые стадии и формы перехода от современного состояния к новым формам хозяйства; по отношению к Центрально-Промышленной Области материалы Госплана и доклады губисполкомов об экономическом положении губерний предусматривают его цельность, его экономическую однородность и производственную связанность губерний между собой".

Точно так же, как и упомянутая Комиссия под председательством тов. Калинина, С'езд высказался за включение в состав области перечисленных 10 губерний.[1]

В третий раз Н.-Новгород выступил со своим проектом на специальном с'езде, им же созванном, в 1924 г., на котором присутствовали представители городов: Владимира, Иваново-Вознесенска, Ярославля и Костромы.

В результате на этом с'езде пришли к тому, что Нижегородскую Область образовывать не следует, что такая область является нецелесообразной (см. стенографический отчет совещания ГСНХ и Губпланов Ц. П. О. 6—8 июля 1925 г., стр. 26—27).

Таким образом, к настоящему времени мы не имеем никаких новых обстоятельств или оснований экономического порядка, которые подвергали бы сомнению основы проекта Госплана по районированию Центрально-Промышленной Области в намеченном им составе.

Мы позволяем себе это подчеркнуть с особой настойчивостью, ибо поскольку нам известно, в результате предпринятой Госпланом РСФСР весной текущего года проверки первоначального проекта, при которой были посланы запросы всем заинтересованным губерниям, от таковых никаких протестов или возражений против внешних границ Ц. П. О., как они были запроектированы, не поступило. Лишь Нижегородская губерния выступила в четвертый раз с проектом образования самостоятельной области; все же остальные 9 губерний, намечавшиеся к включению в Ц. П. О., и в 1928 году точно так же, как и пять лет тому назад на междугубернском с'езде (в 1923 г.), вновь подтвердили полную целесообразность и обоснованность первоначального проекта.

Наличие нового нижегородского проекта, а также осложнения с созданием Западной Области побудили, однако, плановые органы снова подвергнуть обсуждению с местами вопрос о внешних границах Ц. П. О., тем более, что данный вопрос оказался тесно связанным с судьбой проектов смоленского и нижегородского Губпланов, претендующих на отрезки Ц. П. О. с запада и с востока.

Обратимся теперь к общей характеристике обоих проектов.

Смоленский проект. Смоленский вариант возник в связи с осложнением вопроса о создании Западной Области, потерявшей больше половины своей первоначальной территории, в виду образования самостоятельной Белорусской ССР, к которой отошел еще Гомельский уезд.

В результате, в составе Западной области остались лишь две губернии — Брянская и Смоленская, с территорией в 97 тыс. кв. клм., с населением в 4 млн. человек и с бюджетом в 36 млн. руб. Признавая шаткость создания области при данных условиях, Смоленский Губплан выдвинул проект организации области в составе губерний — Смоленской и Брянской с присоединением: а) Великолуцкого округа Ленинградской области, б) почти всей Калужской губернии, в) Ржевского уезда, а также значительной части Осташковского и Новоторжского уездов Тверской губернии, г) Волоколамского и части Можайского уезда Московской губернии, д) Дмитровского уезда (сев.-зап. половина) Орловской губернии. Благодаря таким прирезкам, территория Западной Области вырастет с 97 до 160 тыс. кв. клм., население с 4 до 7 млн. человек, а бюджет с 36 до 53 млн. р.

Насколько важно для создания Западной Области присоединение перечисленных отрезков губерний, лежащих за пределами области, видно

[1] См. „Центрально-Промышленная Область", издание Оргбюро Ц. П. О., кн. 1. 1924 г.

из того, что без прирезков налицо пока, примерно, лишь 50% области, почти столько же должны дать территории, числящиеся за другими областями. Экономическая идея Западной Области, по изложенному проекту, заключается по утверждению смоленского Губплана в том, что основной ее специальностью является льноводство и коноплеводство.

Специализация льняной культуры, которая подчеркнута в проекте Смоленска, не дает еще оснований для организации специальной области, так как по существу льняной массив здесь не замыкается. Этот льняной массив с таким же ярким выражением имеет место в середине Псковской губернии и в пределах Тверской и Ярославской губерний.

Далее, Ржевский уезд Тверской губернии, на включении которого в состав Западной области особенно упорно настаивает смоленский Губплан, по направлению своей промышленности тесно связан с Ц. П. О. В частности, Ржевский уезд имеет сильно развитую льнопромышленность, органически связанную с однородной промышленностью Кашинского и Бежецкого уездов той же Тверской губернии. В Ржевском уезде, кроме того, значительно развита маслобойная промышленность, об'единенная по всей Тверской губернии. Экспортные операции по льну Ржев ведет также через Москву, а не через Смоленск, при чем транспортная связь его с Москвой более оживленная, чем с смоленском [1]. Что же касается Осташковского уезда, то имеющееся в нем довольно крупное кожевенное производство об'единено с однородным производством в Тверском уезде в лице Тверского Кожевенного Треста и поэтому из'ятие Осташковского уезда создаст производственное разобщение кожевенной промышленности Тверской губернии.

В отношении претензий Западной Области на Волоколамский уезд можно заявить, что они вряд ли заслуживают особого внимания, ибо при их осуществлении, границы Западной Области пройдут среди дачных подмосковных поселков, не говоря уже о том, что по своему развитому молочному хозяйству Волоколамский уезд всецело тяготеет к Москве.

Нежелательным также с общеэкономической точки зрения явилось бы отторжение от недавно оформившейся Ленинградской Области Великолуцкого округа.

В заключение оценки Смоленского проекта следует остановиться на вопросе о Калужской губернии.

Отторжение Калужской губернии от Ц. П. О. нецелесообразно по двум причинам: прежде всего не следует забывать, что в пределах Калужской губернии находится значительная часть подмосковного угольного бассейна, являющегося не только внутренней топливной базой Ц. П. О., но и базой для производства электроэнергии для сложных промышленных комбинатов по переработке угля (газификация), тесно связанных с перспективами развития промышленности Ц. П. О. Кроме того, с точки зрения интересов народного хозяйства в целом, нельзя допустить, чтобы весьма слабый по своим материальным и финансовым ресурсам район, каковым является Калужская губерния, сама по себе требующая укрепления и поддержки, был бы использован в качестве района, укрепляющего хозяйство Западной Области. В самом деле, ее бюджет составляет всего 9 млн. руб. и является самым маломощным бюджетом в Ц. П. О. Точно так же в промышленном отношении Калужская губерния является самой отсталой в Ц. П. О., имея на всех своих

[1] Должно отметить, что и само население Ржевского уезда выражает свое отрицательное отношение к Смоленскому проекту о присоединении этого уезда к Западной Области.

промышленных предприятиях всего лишь около 12.000 рабочих, т.-е. ничтожную часть (1,3%) той грандиозной трудовой армии в 900.000 рабочих, которая работает на территории Ц. П. О. Между тем, в слабой Западной Области Калужский округ по индустриальной стороне хозяйства должен занимать достаточно видное положение (из докладной записки смоленского Губплана). Думается, что сказанного достаточно, чтобы признать неприемлемость отторжения Калужской губернии от Ц. П. О. Только в составе Ц. П. О. отсталая экономика Калужской губернии может рассчитывать на свое дальнейшее развитие в индустриальном направлении.

Проект нижегородского Губплана предусматривает с одной стороны отмежевание от Ц. П. О., кроме Нижегородской губ. и почти всей Костромской губернии (без Нерехтского уезда), значительных частей Иваново-Вознесенской (Макарьевский и Юрьевецкий уезды) и Владимирской губернии (Муромский и Вязниковский уезды). К перечисленным территориям Нижегородский проект присоединяет Вятско-Ветлужский край целиком. В результате этой перекройки, Нижний проектирует образование самостоятельной Нижегородской Области с центром в Нижнем-Новгороде.

Проявляемая нижегородцами настойчивость вновь поставить на разрешение затронутую проблему обязывает к самому внимательному рассмотрению нижегородского проекта.

Последний базируется на двух следующих основных предпосылках, приводимых в формулировках авторов проекта [1], гласящих:

1. „Если до войны Нижний тяготел к Западу и тесно увязывался с Центрально-Промышленным районом как по типу развития так и по общности хозяйственных интересов, то в послевоенное время единство в их хозяйственном облике существенно изменилось, и своим хозяйственным комплексом Нижегородская губерния существенно отличается (курсив наш) от прочих районов, подлежащих включению в Ц. П. О."

2. „Основным районом Востока, с которым в первую голову может быть увязан Нижний, является Вятская губерния"... „Об'единение этих двух районов, возможное в виду их хозяйственной структуры, перспектив, имеющихся и намечающихся транспортных связей, и целевая установка на дальнейшую их индустриализацию прежде всего, усилит их возможности (курсив наш) в отношении их общехозяйственного, в частности, промышленного развертывания".

Перейдем к анализу аргументации нижегородцев. Факторы экономического порядка, единственные, которые должны быть положены в основание образования того или иного экономического района, не говорят в пользу нижегородского проекта. Приведенная в первой части статьи характеристика экономического облика Ц. П. О. и составных ее частей, в данном случае Нижегородской губернии, не дает никаких оснований, чтобы согласиться с утверждением Нижегородского проекта о „разнородности" и существенном отличии производственного лица и специализации и задач Нижегородской губернии от хозяйства Ц. П. О. Самые существенные признаки народного хозяйства Ц. П. О.—специализация на выработке высокосортных готовых изделий и средств производства, направление сельского хозяйства в сторону производства интенсивных культур и продуктов животноводства, большие резервы квалифицированной рабочей силы, работа на привозном сырье, повсеместное развитие однородных кустарных промыслов и прочее, — все эти основные черты

[1] См. „К организации Нижегородской области". Изд. нижегородского губисполкома. 1928 г.

отражены и в производственном облике Нижегородской губернии и сохранили свою силу до настоящего времени. Тяжелая индустрия Нижегородской губ. (в лице Сормова) имеет в Ц. П. О. совершенно однотипную производственную единицу в лице „Коломенских машиностроительных заводов". К тому же вся металлопромышленность Нижегородской губернии по своему удельному весу в металлической промышленности Ц. П. О. занимает довольно скромное место.

Так, например, выработка металлургической промышленности за 1926/27 г. составила для Московской губернии 35,7 млн. руб., а для Нижегородской губернии 25,1, млн. р., т.-е. по металлургии Московская губернии превосходит Нижегородскую губернию в $1^1/_2$ раза. Еще больше отстает Нижегородская губерния по металлообработке и машиностроению, уступая не только Московской губернии, но также и Владимирской губернии. Таким образом, подчеркивание Нижним значения своей тяжелой индустрии и базируемое им на этой почве утверждение о разнородности хозяйственной структуры и установок Нижегородской губ. по сравнению с таковыми в Ц. П. О. следует признать искусственным. Все время твердя „об основной установке Ц. П. О. на легкую индустрию", Нижний, повидимому, находится в несогласии с соответствующими директивами Союзного Госплана, которые мы считаем не лишним напомнить: „на ряду с высокой индустриализацией, — говорят директивы Госплана по построению пятилетки, — своеобразной чертой Ц. П. О. является значительно диференцированная структура внутри-областной промышленности. Промышленный облик Ц. П. О., характеризующийся развитыми в ней многообразными отраслями производства, как обрабатывающей, так и добывающей промышленности, как легкой, так и тяжелой индустрии, при значительном преобладании текстильного производства, в целом должен сохранить свои основные черты".

Таким образом, мы видим, что не только по своему современному хозяйственному облику, но и по перспективам своего развития Нижегородская губерния является вполне однородной Центрально-Промышленной Области.

За отсутствием места мы полагаем необходимым остановиться только на двух обстоятельствах, почти не затронутых ведущейся дискуссией. В качестве одного из аргументов, доказывающего организационную потенциальность Нижегородской области, проект подчеркивает значение Нижнего, представляющего собой крупный пролетарский центр. Вполне разделяя мысль, что наличие пролетарских центров является благоприятным и веским фактором при формировании экономических районов, мы бы хотели, однако, внести ясность в действительное положение вещей. Пролетарский центр действительно важен, но еще важнее степень удельного веса пролетариата в составе всего населения района и его размещение по территории.

В нижеследующей таблице приведены сведения о численности населения в Ц. П. О. (по переписи 1926 г.) и выведен процент рабочего населения ко всему населению.

Таблица показывает, что по проценту рабочего населения Нижегородская губерния занимает среди губерний Ц. П. О. одно из последних мест, имея среди своего населения лишь 2,2% рабочих, в то время как средний процент по области равен 4,7%. Если при этом учесть присоединение к нижегородской губернии еще Вятской губернии, где процент рабочих совершенно ничтожен, то вряд ли можно будет согласиться с Нижним относительно мощности пролетарского ядра проектируемого района.

Губернии Ц. П. О.	Численность населения (в тыс. чел.)	Численность рабочих в ценз. пром. (в тыс. чел.)	% рабочего населения
Нижегородская	2.743,5	60,5	2,2
Московская	4.565,6	439,3	9,4
Владимирская	1.321,1	100,4	7,6
Ив.-Вознесенская . . .	1.195,9	151,0	12,7
Калужская	1.151,6	12,0	1,4
Костромская	811,6	23,4	2,9
Рязанская	2.428,9	17,9	0,7
Тверская	2.238,9	48,6	2,2
Тульская	1.505,3	14,7	1,0
Ярославская	1.343,2	40,5	3,1
Итого . . .	19.305,6	908,3	4,7

Мы считаем необходимым остановиться еще на одном весьма существенном факторе, сигнализирующем сугубую осторожность в особом муссировании промышленного капитального строительства в Нижегородском районе.

Перспективы газофикации подмосковного угля, в связи с блестящими результатами опытов, произведенных с ним в самое последнее время в Германии, приобретают вполне реальные очертания. Эти опыты по газованию и перегонке каменного угля, произведенные в заводском масштабе, дали подтверждение возможности получения газа такого качества, которое вполне удовлетворяет техническим и домашним нуждам. На ряду с этим, достигнутые усовершенствования техники обеспечивают полную возможность транспортировки газа на большие расстояния Так, например, в Германии уже приступлено к выполнению плана снабжения городов (Гамбурга и Берлина) газом из Рурского бассейна, отстоящего от них на расстоянии 500 клм. По калькуляции инженера А. Чаманского[1] „денежные выгоды от применения газа (из подмосковного угля) вместо сжигания донецкого угля дают разницу в 500—600 проц.", т.-е. газ — выгоднее угля в шесть раз. Осуществление проблемы газофикации подмосковного бассейна совершит коренной переворот не только во всем топливном балансе Ц.П.О., устранив необходимость подвоза огромного количества донецкого угля, но и создаст новые, особо благоприятные предпосылки для развития ближайших к бассейну районов (Москва, Серпухов, Подольск, Тула). Эти районы прежде всего получат возможность благодаря дешевому газовому топливу удешевить себестоимость производства и, наоборот, конкурентноспособность более отдаленных районов, каким является Нижний, будет этим обстоятельством в немалой степени ослаблена, так как стоимость транспорта газа также зависит от расстояния, и кроме того, финансовые причины вынудят на ближайшие годы ограничиться постройкой газотрубопроводов от Подмосковного бассейна к наименее отдаленным районам.

[1] Известия ЦИК от 18 июля 1928 г. А. Чаманский. „Газофикация подмосковного угля".

Подводя итоги, резюмируем: перед Ц.П.О. поставлен ряд крайне серьезных задач, которые она призвана выполнять в целях реконструкции и индустриализации народного хозяйства СССР.

Естественно, что выполнение их может последовать лишь при условии образования Ц. П. О. в таком составе, который обеспечил бы ее мощность.

Центрально-Промышленная Область должна быть организована в составе десяти центральных губерний (Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Рязанская, Тульская и Калужская), являющихся мощным и целостным хозяйственным комбинатом.

При разрешении вопроса о западной границе области в связи с проэктом организации Западной Области целесообразно сохранение в составе Ц. П. О. большей части Калужской губернии, Ржевского уезда, Тверской губернии и Волоколамского уезда Московской губернии. При разрешении же вопроса о завершении районирования центральной части РСФСР, Центрально-Промышленная область должна рассматриваться, как стержень индустриальной проблемы, а не как резерв для консолидации смежных районов.

А. Самойлов

Черноморская железная дорога[1]

(К пятилетнему перспективному плану народного хозяйства ЗСФСР)

В процессе экономического роста Советский Союз переживает сейчас момент особо большого значения. В текущем году наша страна вступила в период широких реконструктивных работ. Но мы находимся лишь в самом начале эпохи коренной реконструкции всех отраслей народного хозяйства, и в каждой отрасли возникает ряд трудных и сложных технико-экономических проблем.

Грандиозный размах намечающихся и частью уже начатых работ требует исключительного внимания к вопросам строгой согласованности конкретных программ с принципиальными целевыми установками.

Если эти установки твердо даны в директивах XV С'езда партии и в ряде важнейших принципиальных решений Правительства, — то выполнение этих директив в отдельных случаях и на примере отдельных об'ектов может внушать некоторую тревогу.

Общий курс экономического развития намечен в четкой формуле „индустриализации", но в каждой отрасли хозяйства проблема индустриализации выдвигает свои особые задачи.

Повышение удельного веса промышленности в народнохозяйственном целом и усиление роли тяжелой индустрии, с одной стороны, и рационализация сельского хозяйства — с другой, составляют основные экономические цели. Но достижение этих целей требует осуществления ряда условий и параллельного развития специфических обобщающих отраслей хозяйства; таковы в первую очередь задачи электрификации, химификации страны и разрешение транспортной проблемы.

При этом следует сказать, что в обширных пространствах Советского Союза и в особых условиях нашей горной страны, необходимо выделить особо транспорт и трудно переоценить важность транспортных проблем в системе хозяйства СССР вообще и ЗСФСР в частности.

Характерно, что все уже начатые в Союзе осуществлением и намечаемые крупнейшие строительства огромного реконструктивного значения являются или чисто транспортными, или транспортными комбинатами. Таковы: Туркестано-Сибирская магистраль, Волго-Донской канал, Днепрострой со шлюзованием Днепра, намеченные сверхмагистрали — Сибирская, Москва — Донбасс — Кривой Рог, проблема Перевальной дороги[2] через Кавказский хребет и др.

---

[1] Печатая статью тов. Самойлова в порядке обсуждения, редакция полагает, что при всей полноте экономических преимуществ Черноморской ж. д., освещенных автором, технические вопросы достройки этой дороги (в особенности трудности, связанные с прохождением линии частью по оползням, частью в непосредственной близости к осыпающимся откосам Черноморского побережья) остаются неразрешенными. В связи с этим, расчеты полной стоимости достройки дороги, приводимые автором, вряд ли могут считаться окончательными. Ред.

[2] Вопрос о Перевальной дороге пока остается открытым даже для генерального плана. Ред.

Необходимо особо подчеркнуть важность правильной линии на первых порах: ошибочно взятое вначале направление, неверные первые шаги могут привести к серьезным затруднениям в дальнейшей работе. Практика истекших лет по многим строительствам, осужденная в ряде постановлений РКИ и Совета Труда и Обороны, дает тому немало примеров.

Сложность решения основных хозяйственных задач связана именно с их новизной, отсутствием необходимого опыта и недостаточной подготовкой.

Отсюда вытекает исключительная важность углубленной проработки перспективного плана народного хозяйства и тщательного технико-экономического обоснования важнейших об'ектов предстоящего строительства. Как раз в настоящее время во всей стране идет напряженная работа по выполнению так называемых „заданий первого срока".

В конце июля в Москве состоится С'езд Председателей СНК и Госпланов республик для обсуждения основных элементов плана и для установления ориентиров и лимитов капитальных вложений по отраслям и районам. Тогда же должны получить принципиальную санкцию на включение в пятилетку крупнейшие об'екты строительства.

Короткий срок, остающийся в нашем распоряжении, должен быть использован с наибольшей продуктивностью.

Трудно при состоянии наших материалов и имеющихся сил к указанному времени дать хотя бы грубо сверстанный народнохозяйственный план в целом.

Но можно и тем более необходимо выделить и обосновать узловые проблемы, — эти рычаги реконструкции, при помощи которых мы стремимся перевести хозяйство нашего района на новую техническую и экономическую базу.

В современных условиях состояния производительных сил Закфедерации, в числе задач, определяющих весь ход дальнейшего развития экономики ЗСФСР, задача скорейшей достройки Черноморской ж. д. должна быть поставлена на одно из первых мест.

К сожалению, нужно констатировать, что прохождение этого вопроса в центральных союзных органах сопровождается серьезными затруднениями. Но с уверенностью можно утверждать, что затруднения эти об'ясняются главным образом неосведомленностью в вопросе и частью составляют результат предвзятого подхода к проблеме, сложившегося в итоге случайных недоразумений.

Приходится также отметить, что и в ЗСФСР руководящие органы до последнего времени недостаточно оценивали роль Черноморской жел. дороги.

Между тем, Черноморская побережная дорога имеет уже почти тридцатилетнюю историю, которую хотя бы в самых кратких чертах необходимо знать для оценки места этого транспортного строительства в системе экономических мероприятий на ближайшее 5-летие.

За время с 1901 года, когда впервые практически был поставлен вопрос о дороге, накоплен большой исследовательский материал технического и экономического характера.

В 1903/04 годах О-вом Владикавказской ж. д. были произведены изыскания и составлен первый проект, по которому предположено было и начать постройку, но война с Японией приостановила осуществление этого плана. Экономическая депрессия в результате войны на 9 лет затормозила вопрос о Черноморской линии, и лишь в 1913 году, после произведенных быв. МПС в 1911 году изысканий, начало работ по сооружению магистрали стало реальным фактом.

В 1914 году частное общество, взявшее концессию на постройку линии, ужо широко развернуло работы.

Характерно стремление частного капитала (сначала со стороны группы Владикавказской ж. д., а затем группы Международного банка) захватить в свои руки это сооружение огромной важности. Предприниматели имели широкие планы: линия Туапсе-Ахалсенаки должна была составить лишь часть магистрали большого протяжения от примыкания к Закавказским жел. дор. (у Ахалсенаки) через Туапсе — Новороссийск и Таманский полуостров до Керчи с грандиозным мостом через Керченский пролив. Эта линия, в соединении с участком Керчь — Джанкой и проектировавшейся дорогой Джанкой — Умань, должна была образовать крупнейшую транзитную магистраль международного значения, дававшую кратчайшую связь Европы через Украину и Кубань с Черноморским побережьем, Закавказьем и странами Ближнего Востока.

По утвержденной расценочной ведомости, стоимость работ по сооружению Черноморской дороги оценивалась без подвижного состава и оборотного капитала в 55.800.000 рублей.

Развернувшиеся в 1914 году работы однако были сорваны войной 1914 года: местные власти, не учитывая возможной роли дороги в случае быстрого окончания постройки, вместо всемерного содействия, проводили разрушительную тактику мобилизаций и реквизиций. В результате мобилизации личного состава и обозов, реквизиций имущества, затруднений в финансировании, работы почти замерли к концу 1915 года.

Однако, уже в 1916 году военное командование поняло, что была допущена крупная ошибка, и решено было всемерно форсировать сквозную достройку дороги с рядом временных сооружений и по облегченным техническим условиям. На достройку были брошены большие средства, предполагалось к концу 1917 года открыть сквозное движение. Но работы велись неорганизованно, уже назревал крах царского режима, и осуществление плана достройки было прервано начавшейся после революции гражданской войной. К 1918 году фактически было открыто рабочее движение с севера до Сочи (80 клм.) и с юга до станции Хета (25 клм). На момент перерыва постройки по приближенным подсчетам было исполнено работ примерно на 25 — 26 млн. довоенных рублей, и стоимость достройки можно была оценивать в тех же рублях в сумме порядка 30 млн. руб., или около 60 млн. рублей по современным ценам. Ниже дается величина стоимости достройки, определенная на основании иных данных.

Гражданская война вновь на 5 лет прервала строительство дороги, и лишь в 1923 году медленным темпом начато было возобновление работ на северном участке дороги (от Туапсе до Гагр — 137 клм.). На южном участке работы возобновлены с 1925 года, и в настоящее время укладка пути доведена с севера до Адлера (103 кил.) и с юга до реки Ингур (44 клм.), так что недостроенной остается средняя часть линии протяжением 203 клм.

После возобновления работ НКПС'ом было произведено экономическое обследование района дороги, результаты которого подверглись обсуждению в Междуведомственной Комиссии по новым путям сообщения (при НКПС) в заседании 3/XI 1926 г. По данным этих материалов, основные технико-экономические элементы предприятия определялись нижеприведенными данными.[1]

Расчет грузооборота по транзиту, ввозу, вывозу и местным перевозкам был сделан условно в предположении открытия дороги в год про-

[1] См. книгу „Черноморская ж. д." Сухум, 1928 г., изд. ЭКОСО Абхазии, и указанные материалы НКПС.

изводства обследования (1925/26), и затем для последующих лет была принята динамика роста работы дороги при весьма осторожном темпе нарастания грузооборота, а именно: в 4% в год по ввозу, вывозу и местным грузам и в 7% по транзитным грузам.

Самый грузооборот был исчислен без учета роста производительных сил, для развития которых факт проведения дороги должен был явиться могучим стимулом.

Таким образом, к выявлению экономических перспектив в районе дороги со стороны НКПС был проявлен весьма сдержанный подход, и реальные перспективы народного хозяйства были приняты с чрезмерной осторожностью, а реконструирующее влияние такого огромного фактора, как проложение магистрали в чрезвычайно богатой стране, не учтено ни в какой мере.

Для характеристики „минимализма" в расчетах НКПС можно привести две — три данности.

По записке НКПС на 1925/26 г. было определено количество пассажиров по всей линии: транзитных—175.000 чел. и местных 849.000 чел., или в сумме—1.024.000 чел., что дает на 1 километр дороги при протяжении 350 клм. — 2.926 человек. Между тем, на южном участке при временном крайне неудобном движении, при тарифе в $1^1/_2$ раза более нормального, при скорости в 15 клм. в час, уже теперь на коротком тупике длиною в 40 клм. можно в текущем году ожидать свыше 2.700 чел. за километр. На северном участке Туапсе—Сочи пассажирское движение значительно превосходит уже теперь расчетные данные, и едва ли можно было бы по Черноморской дороге принимать густоту пассажирского движения меньшую, чем на Закавказских ж. д. (4.500 чел. на клм.).

Так же преуменьшенно подсчитаны перевозки по дороге лесных грузов — всего в количестве 54.180 тонн, считая в том числе и вывоз из богатейшего лесного Бзыбского района — 16.670 тонн, и из лесных массивов в басейне р. Ингур 25.100 тонн. В то же время, уже в 1927 г. по короткому тупику Зугдиды-Ахалсенаки при тройном тарифе и необорудованности лесных дач было вывезено 16.000 тонн леса, помимо удовлетворения собственных нужд постройки в лесоматериалах. По планам ВСНХ Грузии только из Ингурского района намечен в ближайшие годы вывоз свыше 3 млн. кубофут. леса, или около 60.000 тонн.

Характерно также, что в грузооборот дороги совершенно не был введен вывоз ткварчельского угля, а между тем теперь уже обязательно следует учитывать перевозки угля в количестве не менее 50 млн. пудов. Ткварчельское предприятие в настоящее время привлекает внимание не только Закавказских органов, но и ВСНХ СССР и особенно Юго-Стали, как мощный источник для получения ценного металлургического кокса.

Но приведенные замечания сделаны не для того, чтобы критиковать экономическое обследование НКПС, выполненное с большой тщательностью и базирующееся только на осторожной констатации хозяйственной статики.

Мы хотим лишь подчеркнуть, что к ниже приведенным величинам из расчета НКПС следует подходить, как к данным преуменьшенным и недоучитывающим реальные условия. Однако, тем большую ценность приобретают эти данные и выведенные из них расчеты рентабельности дороги для убеждения „скептиков" и ознакомления лиц неосведомленных, каковых — к сожалению — в отношении Черноморской ж. д. насчитывается не мало.

Работа дороги по данным НКПС ожидались в следующих размерах.

	Род грузооборота	На годы: 1925/26	1930/31	1935/36
а.	Ввоз в район в тыс. тонн	42,1	51,6	65
б.	Вывоз „ „	83,2	100	125
в.	Местные перевозки „ „	37,5	45	56,6
	Итого в тыс. тонн . . .	162,8	196,6	246,6
г.	Транзит тыс. тонн	330	466	800
	Итого кругло в тыс. тонн . . .	500	665	916,6
д.	Грузооборот на 1 километр дор. в тоннах .	1.341,6	1.900	2.616
е.	Количество пассажиров всего;	1.024.000	1.434.000	2.048.000
	„ на 1 километр	2.900	4.000	5.800
ж.	Общая работа дороги в поездо-километ. .	877.900	1.181.000	1.731.000
з.	Поездо-километров на 1 километр	2.508	3.374	4.946

Финансовые результаты эксплоатации дороги определялись следующими цифрами.

	Род показателей	На годы 1925/26	1930/31	1935/36
I.	Ожидаемый валовой доход по эксплоатации в тыс. руб.			
	а) от перевозки транзитных грузов . . .	2.419	3.387	4.838
	б) „ „ прочих грузов	629	755	943
	в) „ „ пассажиров	1.584	2.218	3.168
	г) „ „ багажа	190	266	380
	д) Прочие доходы	87	119	168
	Всего доходов	4.909	6.745	9.497
	Доходов на 1 клм. дороги . . .	14,02	19,27	27,13
II.	Расходы эксплоатации в тыс. руб.			
	Всего расходов	3.663	5.090	6.647
	Расходов на 1 километр . . .	10,47	14,54	19
III.	Чистый доход по эксплоатации в тыс. руб. .	1.246	1.655	2.850
IV.	Коэфициент эксплоатации	0,75	0,75	0,70

Расчеты экономии народного хозяйства, получаемые на транспорте грузов и пассажиров после постройки Черноморской ж. д. и исчисления общей рентабельности дороги, приведены ниже.

Относительно стоимости достройки линии необходимо сказать, что в настоящее время имеются составленные расценочные ведомости работ

по северному и южному участкам. Материалы по южному участку, составленные на основании работ специальной изыскательской партии по восстановлению линии в 1925/26 г., дают совершенно определенные результаты.

Расчеты составлены в предположении достройки линии от Ахалсенак до Гагр с соблюдением полностью всех требований технических условий для магистралей без каких-либо облегчений.

При этом участок Сухум — Гагры (134 — 211 клм.) на протяжении 28 клм. (от 174 до 202 клм.) принят по так называемому низовому или приморскому варианту в районе Пицундского мыса. Здесь в утвержденном проекте основная линия намечалась по нагорному варианту, но в период попытки спешной достройки в 1916 — 1918 гг., в целях ускорения работ бывшим обществом Черноморской дор., в обход нагорной линии, трасса была проложена на 28-ми километрах по приморскому направлению с облегченными техническими условиями (предельный фиктивный под'ем 11,8 тыс. и минимальный радиус 213 *м*) против условий основного проекта (фиктивный предельный под'ем 7,3 тыс. и минимальный радиус 600 *м*).

Окончательный выбор линии на этом участке должен быть сделан на основе дополнительных изысканий, но по произведенным Управлением работ южного участка расчетам стоимость работ на этом участке по низовому варианту с переходом на нормальные технические условия должна дополнительно составить максимум 5 млн. руб.

С этой оговоркой итоги произведенных и предстоящих затрат по южному участку можно свести в таблицу: [1]

Наименование участков	Протяжение в километрах	Исполнено по 1/X—1927 г.		Необходимо исполнить для полной достройки, считая с 1/X 1927 г.	Полная стоимость работ
		Быв. О-вом Черномор. жел. дор.	Управлен. южного участка		
Ахалсенаки — Зугдиды .	40	1.612.668	2.870.527	3.190.332	7.673.527
Зугдиды — Очемиры . .	40	2.878.284	487.730	6.852.022	10.218.036
Очемиры — Сухум . . .	54	5.909.119	20.250	10.580.973	16.510.342
Сухум — Гагры . . .	77	15.641.914	—	21.286.705	41.928.619
Пицундский низовой вариант				5.000.000	
Всего . . .	211	26.041.985	3.378.507	46.910.032	76.330.524

В текущем году отпущен 1 млн. руб., и таким образом достройка южного участка должна оцениваться кругло (с 1/X 1928 г.) в 46 млн. руб.

При введении облегченных технических условий стоимость работ, как показывает анализ элементов расценочной ведомости, могла бы быть понижена примерно до 40 млн. руб.

В отношении стоимости работ северного участка в настоящее время также составлены определенные расчеты, и по имеющимся сведениям, при некотором, вполне допустимом, облегчении технических условий, потребную сумму можно принять в размере 10 млн. руб.

[1] Из материалов Управления работ южной части Черноморской ж. д.

Таким образом, открытие сквозного движения вполне обеспечивается суммой вложений порядка 50 млн. руб.

Ниже — в расчетах рентабельности линии, в целях учета полностью требований технических условий, запасом на возможный максимум неблагоприятных условий и без расчета на снижение стоимости строительных работ за 5 лет, — называется цифра, потребная для полной достройки, в 60 млн. рублей.

Чтобы покончить с материалами, собранными НКПС в 1925/26 г., необходимо сказать, что данные эти подверглись обсуждению в Комиссии по новым путям сообщения 3 ноября 1926 г. При этом Комиссия единогласно приняла (в числе других пунктов):

„Рассмотренные данные исчерпывающим образом доказывают:

1) Важное значение Черноморской ж. д. как магистрали, сокращающей сообщение с Закавказьем в среднем на 713 клм. и тем самым дающей значительную экономию народному хозяйству Союза.

2) Черноморская ж. д. явится главнейшим фактором интенсификации хозяйства и использования как природных богатств, так и курортных возможностей района.

В виду этого, признать необходимым произвести в течение ближайших 5 лет достройку Черноморской ж. д. на всем протяжении."

Несмотря на это исключительно благоприятное заключение, ассигнования на достройку за последние 3 года производились в ничтожном размере, а в конце 1926 г. и в 1927 году в НКПС создалось, по совершенно необ'яснимым причинам, отрицательное отношение к вопросу о срочной достройке Черноморской дороги. Постепенно под это предвзятое отношение подводится кажущееся убедительным обоснование, и проблема огромной важности попадает в тупик.

Между тем, с точки зрения интересов реконструкции народного хозяйства в Закфедерации, достройка Черноморской дороги должна быть признана предприятием исключительного значения. Основным фактором при учете влияния этой магистрали на экономику страны должно быть принято огромное сокращение транзитных расстояний между Северным Кавказом и Закавказьем, и следовательно, между Закавказьем, Персией (через Джульфу) и Турцией (через Ленинакан) с одной стороны и всеми крупнейшими центрами Союза — с другой. Известно, что при длине всей Черноморской дороги в 350 километров (из которых уже открыто для движения 143 клм.), новая линия даст сокращение пробегов: до Тифлиса в 650 клм., [1] до Батума в 1.140 клм., до Поти в 1.200 клм.

Тарифно-грузораздельный пункт, определяющий границы районов тяготения между направлениями через Черноморскую дорогу и через Петровск—Баладжары, получается в 330 километрах к востоку от Тифлиса (между станциями Мюсюсли и Карабуджах ЗКВ ж. д.). Эти цифры совершенно наглядно показывают, что значение дороги выходит далеко за пределы ЗСФСР, Северного Кавказа и приобретает всесоюзный характер.

Можно было бы говорить о связи Черноморской дороги с еще более крупными транспортными проблемами, в которых линия Туапсе—Ахалсенаки должна составить участок транзитного пути мирового значения из Европы в Азию. С развитием строительства Транс-Персидской магистрали, перспективы, казавшиеся отдаленными, начинают становиться достаточно реальными.

[1] Цифры (как и последующие) показываются с округлением.

Но мы остановимся на близких и ясно определившихся задачах. Чтобы оценить народнохозяйственное значение вышеприведенных цифр, достаточно вспомнить, что в Европе и Америке предпринимаются грандиозные работы для достижения сокращения транзитных расстояний всего в несколько десятков километров.

Важнейшей иллюстрацией, характеризующей значительность такого фактора, как сокращение пробега грузов на расстояние от 600 до 1.200 километров, может быть простой расчет экономии народного хозяйства в расходах на транспорт вследствие уменьшения дальности перевозок.

Как можно усмотреть из ряда имеющихся серьезно проработанных материалов, сознательно осторожный расчет показывает, что грузооборот дороги только по транзитным грузам при достройке линии в 1932/33 году (т.-е. к концу периода пятилетки) составит в первый год эксплоатации 533 тыс. тонн. Если среднее сокращение пробега принять только в 700 клм. и себестоимость перевозки 1 тонно-километра в 1,5 коп. (около $^1/_{40}$ коп. за пудо-версту) [1], то уже в первом году эксплоатации народное хозяйство Союза сэкономит благодаря Черноморской ж. д. только на перевозке грузов 5,6 млн. руб. В дальнейшем из года в год эта величина должна расти не менее, чем на 7—8%, вследствие естественного и неизбежного возрастания грузооборота. [2]

При этом все расчеты, проделанные НКПС и проверенные в ЗСФСР, показывают, что дорога, рассматриваемая, как транспортное предприятие, дает чистый доход по эксплоатации в первый год (1932/33) около 2 млн. руб.

Однако, если даже не принимать в расчет этого дохода, поскольку вопрос связывается со всем хозяйством НКПС, если также не учитывать весьма значительного сокращения расходов государства на перевозку транзитных пассажиров [3], то капитализированная из 6% годовых стоимость ежегодной экономии только от перевозки транзитных грузов составит свыше 93 млн. руб. Но этот расчет сделан для первого года работы дороги. Естественно, что эти исчисления для последующих лет значительно повышают капитализированную стоимость выгод, приносимых дорогой.

Одновременно — вследствие уменьшения пробегов грузов и пассажиров — уменьшается потребное количество подвижного состава, или иначе говоря — освобождается для перевозок на других линиях значительное количество подвижного состава, а именно: более 50 паровозов, свыше 2.000 товарных и до 50 пассажирских вагонов. Стоимость этого подвижного состава оценивается приблизительно в 12 млн. руб. и является прямой экономией для союзного транспортного хозяйства.

Можно однако произвести расчет не по фактическому сбережению грузоотправителей, а из осторожности принять в расчет только расходы перевозок в части, зависящей от движения. В этом случае сумма сбережений транспорта на грузах и пассажирах составит в первый год не менее 5 млн. руб. Капитализированная стоимость этих сбережений из 6% даст 83 млн. руб.

Эти краткие замечания показывают, что экономическое значение дороги при самом осторожном подходе можно выразить следующим положением:

[1] Закавказские дороги определяют себестоимость перевозок цифрой около $^1/_{30}$ коп. за пудо-версту, или около 2 коп. за тонно-километр.

[2] Расчет преувеличен, так как нельзя принимать полностью себестоимость, т.-е. полностью расходы, не зависящие от движения.

[3] При 250.000 пассажиров в год и стоимости 1 пас.-кил. в 1,5 коп. экономия получается около 2,5 млн. руб.

Если бы достройка Черноморской дороги потребовала даже 95 млн. руб. (83 + 12), то и в этом случае такая затрата была бы весьма выгодной и целесообразной для государства, обеспечивая не менее 6% на капитал уже в первый год эксплоатации. Но таких больших сумм не требуется для достройки дороги.

Составленные в настоящее время расценочные ведомости достройки линии на все протяжение с выполнением всех требований технических условий для магистралей приводят к максимальной цифре в 60 млн. руб. [1]. При вполне возможном проведении достройки по облегченным техническим условиям, для открытия правилного сквозного движения потребуется не боле 50 млн. руб. В таком случае дорога на затраченный капитал уже в первом году даст народному хозяйству Союза около 12%. Одно это обстоятельство заставляет признать дорогу предприятием исключительного значения. Должно быть признано бесспорным, что при таких условиях дорога явится могучим рычагом для роста экономических связей в стране, давая в то же время сильный импульс к развитию производительных сил Закавказья и сопредельных территорий.

Можно с уверенностью сказать, что трудно где бы то ни было найти дорогу, которая была бы столь рентабельна, как Черноморская ж. дор. Это и естественно: дорога сокращает расстояние и расходы на транспорт на 700 кмл., т.-е. непосредственно разрешает ту транспортную проблему, которая несомненно должна составить базу всех планов реконструкции хозяйства страны и к разрешению которой в других районах Союза можно подходить лишь по пути осуществления идеи сверхмагистрализации транспорта (Москва — Донбас, Сибирская линия). Но транзит не исчерпывает значения дороги, и необходимо было остановиться на этом (весьма важном) моменте только потому, что еще недавно высказывались мнения о нерентабельности Черноморской жел. дор.

Между тем, эта линия дает исключительно благоприятное сочетание: короткого транзитного направления с огромными естественными богатствами обслуживаемого района. Достаточно назвать упомянутое уже Ткварчельское угольное месторождение, нетронутые лесные массивы ценных пород по Бзыши и Кодору и все побережье от Туапсе до Сухума — этот сплошной всесоюзный курорт и „дом отдыха", куда уже теперь ежегодно устремляются сотни тысяч трудящихся из всех частей Союза.

Вопросы местных перевозок в настоящее время также полностью освещены в имеющихся материалах, разработанных, как отмечено выше, сугубо осторожно в НКПС. Но и из этих данных очевидно, что дорога сыграет огромную роль в пробуждении к жизни исключительно богатых, но дремлющих производительных сил Черноморья, Абхазии и Западной Грузии.

Вместе с тем, дорога должна разрешить и ряд крупнейших реконструктивных проблем закавказского хозяйства: связь рельсовой колеей Закавказских жел. дор. с районом Ткварчели, после доказанной последними изысканиями ценности месторождения, дающего металлургический кокс, подводит прочную базу под металлургическую промышленность в ЗСФСР. Проблема плавки Дашкесанских руд магнитного железняка на ткварчельском коксе при наличии такого потребителя черного металла, как Бакинский район, становится безусловной реальностью. Нет надобности говорить о том, какое значение для индустриализации нашей федерации (и для Союза) будет иметь создание мощного металлургического центра в районе Ганджи. Одновременно ткварчельский кокс сильно по-

[1] Цифра эта взята, как возможный максимум, без учета снижения стоимости строительства за 5 лет.

вышает рентабельность нашей медной промышленности и обеспечивает разрешение вопроса о добыче других цветных металлов. Если принять во внимание бесспорно выявившееся значение ткварчельского угля для керченского завода Югостали[1] и возможный экспорт угля в Турцию (например, для медеплавильных заводов близ Батума — Дзансульского и Кварцханского), то станет возможным сказать, что и „местное“ значение дороги далеко перерастет пределы обычного понимания этого термина. Можно было бы подробнее остановиться на вопросе о связи Ткварчельской проблемы с Черноморской дорогой, но здесь следует отметить, что ткварчельский уголь — лишь один из многих и делеко не главный аргумент в пользу скорейшей достройки дороги.

Вообще учет так называемой „косвенной рентабельности“ Черноморской дороги заставляет считать ее сооружение одним из крупных и важных об'ектов в плане реконструкции экономики всего Союза.

И тем не менее, насмотря на очевидную (по нашему мнению) необходимость интенсивно вести достройку дороги, имеются противники этого мнения.

Еще недавно высказывалась даже такая точка зрения, что достройку дороги следует прекратить с юга у Зугдид и с севера у Адлера и передать эти ветки в эксплоатацию дорогам примыкания.

Указанное крайнее мнение, повидимому, уже не находит поддержки авторитетных органов, и обязательность доведения дороги с Юга до Очемчир (откуда пойдет ветвь на Ткварчели) теперь уже признается и Госпланом, и ВСНХ СССР, и НКПС.

Мы говорим, что „повидимому“ в органах Центра отказались от крайнего мнения—о прекращении достройки линии, так как некоторые факты говорят о существовании упорных защитников этого „взгляда“.

Действительно, в № 116 „Экономической жизни“ под заголовком „Бесхозяйственность на транспорте“ приведен отчет по докладу в ЦК Союза железнодорожников о капитальных вложениях на жел. дор. транспорте. В прениях по докладу, как сообщает „Э.Ж.“, выступил председатель Союза, тов. Амосов, который отметил в работах НКПС „отсутствие плана и необоснованность“ и в качестве одной из иллюстраций этого положения — по словам „Э.Ж.“ — сделал заявление: „На Черноморской дороге строится линия, содержание которой обойдется очень дорого, а между тем, там была бы рентабельнее эксплоатация автобусов“. Тов. Амосов далее считает нужным проверить целесообразность капитальных вложений, которые произвел НКПС.

С сожалением приходится отметить, что такой крупный работник, как руководитель железнодорожного союза, в Черноморской дороге не усмотрел никакого иного значения, кроме... дачного места, кроме района для поездок туристов. Ничем другии нельзя об'яснить заявления, что „там рентабельнее была бы эксплоатация автобусов“. Ведь не предполагает же тов. Амосов, что 500—600 тыс. тонн транзитных грузов и 200—250 тыс. тонн по ввозу, вывозу и в местном сообщении будут перевозиться на автобусах.

Нужно принять также во внимание, что с открытием дороги безусловно все транспортное пассажирское движение Москва — Тифлис и в Западное Закавказье перейдет на Черноморскую дорогу, и едва ли пассажиры дальнего следования станут пересаживаться в Туапсе или Ахалсенаки на автобусы.

[1] Ткварчельский уголь обходится в Керчи дешевле донецкого угля на 3 р. 60 к.— 4 р. 20 к. на тонну и на происходившей в конце мая в Харькове Сессии Совета Югостали, последний решительно высказался за скорейшую разработку Ткварчельского месторождения.

Еще более странным кажется указанное заявление, если принять в расчет уже состоявшееся решение ВСНХ СССР о начале с 1928/29 г. разработки месторождений ткварчельского угля, который по минимальным расчетам должен дать не менее 850 тыс. тонн груза. Имеются 3 варианта решения проблемы транспорта угля из Ткварчели в Керчь: чезез Поти, Очемчиры и Сухум. Для первого и ближайшего периода вероятно придется сделать выбор только между Поти и Сухумом. Не входя в обсуждение этого вопроса (требующего специального освещения) скажем, что, по нашему мнению, вопрос следует решить в направлении на Сухум. Но во всяком случае, этот груз (не для автобусов) в количестве не менее 850 тыс. тонн должен выйти на Черноморскую дорогу. В настоящее время жизнь поставила перед нами еще новую задачу всесоюзного значения, которую необходимо связать с Черноморской ж. д. Это выдвинутый НТУ ВСНХ, Институтом сооружений, Комиссией по строительству при СТО и Закавказскими органами вопрос о транспорте нового строительного материала, замечательного по своим свойствам и экономическому значению. Мы говорим о розовом пемзовом артикском туфе, краткие данные о котором приведены ниже. Повидимому, всего этого тов. Амосов не знает.

Но если по вопросам ткварчельского угля и артикского туфа основные материалы сосредоточены в ЗСФСР, то целый ряд материалов по экономическому значению Черноморской дороги имеется в НКПС.[1] Можно также привести мнение недавно умершего крупного авторитета и деятеля советского транспорта — И. Н. Борисова — об этой дороге: „Что же касается Черноморской жел. дор., то размеры затраченных уже средств на среднюю ее часть и ее огромное транзитное значение (курсив наш — А. С.) как линии, сокращающей пробег закавказских грузов в среднем на 750 километров, а равно ее несомненная рентабельность заставляют признать крайнюю желательность скорейшего ее окончания“.[2]

К сожалениию, такого рода взгляды, как приведенное заявление т. Амосова, служат примером того, как в отношении Черноморской жел. дороги неосведомленность в вопросе приводит к ошибочным утверждениям, тормозящим разрешение проблем, имеющих огромное экономическое значение для всей страны.

Поэтому, решительно возражая против подобных установок в отношении Черноморской жел. дор., нельзя не согласиться с мыслью о необходимости проверить целесообразность вложений, производимых НКПС, так как мы убеждены в нецелесообразности производить достройку дороги тем медленным темпом, каким она идет в последние годы.

Как уже отмечено выше, Госплан Союза и НКПС в настоящее время держатся иных взглядов на Черноморскую дорогу.

Так, Госплан СССР в „Директивных указаниях“[3] о работах по перспективному плану железнодорожного транспорта в тезисе № 24 о новом строительстве указывает в перечне подлежащих осуществлению об'ектов (пункт „н“): „Достройку незаконченных и находящихся на консервации линий, кроме тех линий, достройка которых экономически нецелесообразна“.

[1] Мы можем рекомендовать познакомиться с Экономической запиской, составленной Отделом по Сооружению жел. дор. (ЦОС) в 1926 г., и с протоколом Междуведомственной Комиссии по новым путям сообщения от 3/XI—1926 г.

[2] См. „Плановое Хозяйство“, № 6. 1927 г. Статья И. Н. Борисова, стр. 48.

[3] Утверждены Президиумом Госплана 27 апреля 1928 г.

Едва ли теперь возможно говорить об экономической нецелесообразности Черноморской жел. дор., — и потому нужно уверенно думать, что приведенная формула включает достройку этой линии.

В разосланнных в конце мая Госпланом СССР „Предположениях НКПС по перспективному плану“ на стр. 44 в перечне достраиваемых линий приведена по № 33 „Южная часть Черноморской жел. дор.“, при чем указана длина 80 клм. Это протяжение показывает, что НКПС все же не включает сквозную достройку на всем протяжении (около 200 клм.), а лишь достройку до Очемчир. Так как Очемчиры составляют тот пункт Черноморской дороги, где к магистрали должна примкнуть угольная Ткварчельская ветвь, то ясно, что намечаемая в предположениях НКПС постройка 80 клм. южного участка связывается с угольным предприятием.

Здесь НКПС допускает двойную ошибку.

Во-первых, при этом упускается основное значение линии, как транзитной, сокращающей пробеги миллионов тонн грузов более чем на 700 клм. Если же принять в расчет (см. ниже) перевозки пемзового туфа из Армении, то можно будет говорить не о миллионах, а о десятках миллионов тонн.

Во-вторых, выдвигая на первый план местное значение дороги (перевозку угля), НКПС не разрешает вопроса рациональной перевозки угольных грузов в Керчь — достройка участка до Очемчир (80 клм.), так как наиболее целесообразное решение даст направление перевозок угля через Сухум (134 клм.).

Таким образом, нужно констатировать, что по вопросу о Черноморской дороге все еще нет единства взглядов. Конечно, и решение вести достройку до Очемчир означает уже некоторый прогресс. Но это еще не решение вопроса в целом.

Чем же, однако, кроме упомянутых „автобусов“, мотивируют свое отношение к Черноморской дороге противники полной достройки линии в ближайшее пятилетие?

Раньше одним из серьезных аргументов было соображение о „нерентабельности“ дороги и недостаточной ее загруженности, но теперь едва ли кто-нибудь возьмется защищать это положение.

Однако, совершенно неожиданно из утверждения о большом транзитном значении Черноморской дороги создаются мотивы... против достройки: такова сила предвзятого мнения!

При этом высказывается мысль, что Черноморская дорога создает новый мощный поток грузов, который не смогут переработать Армавир-Туапсинская дорога и примыкающие участки Закавказских жел. дор. Потребуется значительное усиление этих линий и, может быть, даже необходимо будет для разгрузки участка Армавир — Туапсе строить специальную линию Туапсе — Краснодар. К этому присоединяют сомнения в правильности исчисления стоимости достройки, высказывают предположения, что сооружение линии сопряжено с весьма большими трудностями, что предстоит трудная борьба с тяжелыми оползнями, что все эти условия приводят к весьма большим суммам потребных капиталов, которыми и аргументируют против достройки. Однако, сумма при этом не называется.

Нужно определенно сказать, что вся эта аргументация беусловно неосновательна и является опять только результатом неосведомленности в вопросе.

Не развивая детально соображений, подробно освещенных в имеющихся надежных материалах, можно отметить лишь следующие противоречия и неправильности в указанных возражениях против достройки Черноморской дороги.

Прежде всего, об оползнях нужно сказать, что в районе дороги действительно имеются места с неустойчивыми грунтами; но такие места лишь в небольшом количестве встречаются на южном участке (всего на протяжении 3-х километров в районе к северу от Сухума), при чем в смете полностью учтены расходы с солидным запасом на прохождение оползня вполне надежными сооружениями. Оползневые места имеются на 143, 145, 146, 153 и 160 километрах. Предположено пересечь их виадуками с заложением опор на коренной породе, при чем все указанные места геологически обследованы. Большая часть оползневых мест имеется на северном участке, но все места не только известны и изучены, но уже пройдены линией, открытой для движения, на которой эксплоатация совершается нормально в течение ряда лет (между Туапсе и Сочи).

Если поэтому исключить „версию“ с оползнями, то неопределенности в смете нет, и названную цифру полной достройки в 60 млн. руб. (по подсчетам на 1/X 1927 г.) нужно принять как величину со значительным запасом, против которой может быть достигнута крупная экономия за счет снижения стоимости, рациональности конструкций и облегчения технических условий.

Еще менее обоснованы соображения об усилении соседних линий и о постройке линии Туапсе — Краснодар. Эти утверждения являются плодом недоразумения и об'ясняются полной неосведомленностью в вопросе. Армавир-Туапсинская дорога в настоящее время имеет такой большой запас пропускной способности, что без всякого развития сможет пропустить транзитный грузооборот [1] и пассажирские поезда с Черноморской дороги, и при таких условиях говорить теперь уже о постройке линии Туапсе — Краснодар (для „разгрузки“ Армавир — Туапсе) положительно не имеет никакого смысла. Если же спустя ряд лет или вскоре [2] после открытия Черноморская жел. дор. даст такие потоки грузов, что потребует постройки новой линии, это будет только подтверждением целесообразности и неотложности ее сооружения [3]. Ведь дороги строят для того, чтобы возить по ним грузы, и значение каждой дороги в народном хозяйстве возрастает по мере роста грузооборота.

Что касается Закавказских жел. дорог, то и здесь наши противники ошибаются в корне. Уже сейчас идут работы по усилению магистрали Баку — Батум. Перевальный участок электрифицируется вне всякой связи с Черноморской ж. д., и электрификация перевала вместе с постройкой нового нефтепровода создадут запас в пропускной способности этого самого „узкого“ места на ЗКВ ж. д. По планам развития грузооборота ЗКВ ж. д., также независимо от Черноморской ж. д., необходимо будет усиливать уже в течение первого пятилетия участок к западу от Тифлиса с началом работ по электрификации участка Тифлис — Хашури и рационализацией работы на участке Зестафони-Самтреди. По тем же предположениям НКПС, в которых учтена достройка участка Черноморской ж. д. только до Очемчир, намечена электрификация к 1931/32 г. Перевального участка и к 1932/33 г. участка Тифлис — Хашури.

[1] Этот грузооборот (в начале) составит 500—600 тыс. тонн, из коих примерно 2/3 в сторону Туапсе, что даст всего 2 пары товарных и 3 пары пассажирских поездов. Значение Черноморской ж. д. в том и заключается, что при относительно небольшом транзитном грузообороте она дает огромную экономию на пробегах.

[2] Этот вопрос связан с проблемой транспорта артикского розового туфа, о чем см. ниже.

[3] Нельзя упускать из виду возможность в будущем усиления пропускной способности Армавир-Туапсинской ж. д., как торной линии с уклоном в 0,017, путем введения электрической тяги.

Таким образом, нужно констатировать, что все „добавочные" соображения против достройки Черноморской ж. д. являются только затемняющими сущность вопроса.

В самое последнее время возникло новое обстоятельство, заставляющее решительно настаивать на всемерном усилении темпа достройки.

На рассмотрении Союзных и Закавказских органов находится один вопрос, разрешение которого может иметь немалое значение для экономики всего Союза и осуществление которого тесно связывается с проблемой Черноморской жел. дор. Речь идет о новом строительном материале — „Розовом артикском [1] туфе", применению которого в строительстве НТУ ВСНХ СССР и, в частности, Институт Сооружений придает огромное значение.

Здесь не приходится подробно говорить об этом туфе и нужно думать, что по этому вопросу выскажутся подробно Институт Сооружений при НТУ ВСНХ или Комиссия по строительству при СТО.

Бегло касаясь свойств артикского туфа, нужно сказать, что будучи вдвое легче кирпича (удельный вес около 1), туф в то же время по прочности равен кирпичу и в $2^1/_2$ раза менее теплопроводен, чем кирпич. Поэтому, вместо стены в $2^1/_2$ кирпича (70 см.) из туфа можно строить в условиях Москвы стены толщиной в 40 см. Туф свободно пилится пилой, крайне легко поддается всякой обработке, из него можно делать плиты, доски и друг. части; в туф легко забиваются гвозди, как в дерево, туф огнестоек, морозоупорен, — словом, как строительный материал, он обладает исключительными качествами и некоторыми замечательными свойствами (гвоздимость, легкость, нетеплопроводность).

Подсчеты, произведенные в Институте Сооружений при НТУ ВСНХ, показывают, что даже в Москве, при существующем жел.-дор. тарифе, если его везти через Баладжары — Ростов, стоимость стены из туфа будет стоить дешевле, чем из кирпича, на 30 %. Естественно, что для Донбасса, Ростовского, Харьковского района, Северного Кавказа туф может иметь огромное значение: в туфе может оказаться действительное средство для снижения себестоимости жилстроительства.

Институт Сооружений считает необходимым срочно поставить так широко дело добычи розового туфа, чтобы отправлять в СССР в первые годы 1 млн. куб. метров или 1 млн. тонн, затем довести отправку до 2 млн. тонн в год.

Конечно, такие перспективы ставят перед нами весьма сложные транспортные задачи.

И вот, если отправлять туф не через Баладжары, а по Черноморской жел. дор., то получится сокращение пробега на 650 клм., что по действующему тарифу дает сбережение на 1 куб. метре около 4 руб., а следовательно, для всего народного хозяйства вначале — 4 млн. руб. в год (на 1 млн. тонн), а затем до 8 млн. руб. в год.

Если капитализировать только по этой добавочной перевозке выгоды, даваемые Черноморской жел. дорогой, из 6 % годовых, окажется, что был бы прямой смысл для Союза затратить на постройку дороги (сверх всех сумм, исчисленных ранее) до 70 млн. руб. в целях достижения удешевления строительства. При этом нужно иметь в виду, что уже 1 млн. куб. метров туфа заменяет потребность до 500 млн. штук кирпича, т.-е. сокращает потребность в капитальных затратах на строительство новых кирпичных заводов. Но так как вложения в сумме

[1] Артик находится в 25 клм. к юго-востоку от Ленинакана.

порядка 50 млн. руб. на достройку Черноморской дороги и без учета туфа вполне рентируются, возможность перевозки туфа по Черноморской жел. дор. чрезвычайно подымает и без того весьма высокую рентабельность этой дороги при учете ее народнохозяйственного значения.

Следует добавить, что по имеющимся исследованиям только в одной части района залегания туфов и по осторожным исчислениям геолога проф. Залесского, запасы туфа минимально определялись в 60 млн. куб. метров; последние же исследования геологического Комитета в июне 1928 г. повышают размер запасов до 200 млн. куб. метров, что обеспечивает потребление (по 2 млн. куб. метров) на 100 лет.

Проблема артикского розового туфа, разрешение которой приобретает актуальный характер, является серьезным добавочнным аргументом в пользу скорейшего завершения постройки дороги, начатой в 1913 г. Но и вне этого обстоятельства для твердого решения вопроса не может и не должно быть никаких сомнений.

В стремлении к истинной реконструкции основной — транспортной — базы народного хозяйства трудно было бы указать об'ект более благодарный и эффективный, чем Черноморская жел. дорога, и промедление с радикальным решением этого вопроса было бы непростительной ошибкой.

Г. Вермишев

Кустарная промышленность ССР Армении

В народном хозяйстве Закавказья, в частности ССРА, кустарные промыслы в силу специфических бытовых и экономических условий, в особенности в малоземельных нагорных частях с долгими зимними периодами, играли издавна крупную роль в хозяйственной жизни страны.

Несмотря на чрезвычайно примитивные орудия производства, тысячелетний опыт населения позволил выработать в некоторых отраслях нужный технический и художественный навык и давать ценимую рынком продукцию, конечно, за счет низкой производительности и ничтожного заработка ремесленника.

Вопрос изучения и развития кустарной промышленности ССРА в настоящее время, рядом постановлений и директив регулирующих, партийных и хозяйственных органов, поставлен во всем об'еме, соответствующем ее удельному весу в экономике страны.

По предварительным ориентировочным данным обследования ЦСУ Армении, в 1927 г. всего по республике насчитывалось 14.662 [1] мелко-кустарных промышленных единиц с 24.859 лицами, занятыми в них. По отдельным отраслям эти цифры разбиваются следующим образом:

	Число промышлен. единиц	В них занято лиц
Добывание и обработка камней, земель и глины	440	1.082
Металлообрабатывающая промышленность	1.510	2.425
Обработка дерева	1.844	2.613
Производство пищевых продуктов, напитков и табака.	2.788	5.412
Производство по обработке шерсти	5.165	9.184
В том числе:		
Ткацкое производство	1.729	1.930
Производство шерстяных и полушерстяных ковров и т. п.	3.167	6.550
Одежда и туалет	2.554	3.397
Остальные	361	746
	14.662	24.859

Необходимо отметить, что в производствах по обработке шерсти и ковров на рынок работают не более 35—40% общего числа кустарей, занятых в этих промыслах. Число ковровщиц надо считать крайне преуменьшенным в смысле потенциальной возможности республики; как указывается ниже, с ремеслом этим знакома почти каждая женщина в сельских (нагорных) местностях Армении.

По сельским местностям главнейшими производственными районами по кустарной промышленности являются Делижанский, Лори-Памбакский, Зангезурский и Эриванский уезды, т.-е. преимущественно нагорные части Армении, главным образом, за счет основных и исконных отраслей кустарной промышленности Армении — производства ковров и обработки шерсти.

[1] Без производства вина и грежи.

В отраслевом разрезе важнейшие виды кустарных промыслов в ССРА характеризуются следующими данными.

Ковровый промысел. Основными предпосылками к развитию этого промысла в довоенное время, имеющего в нагорных районах Армении характер прежде всего бытового явления, были следующие обстоятельства:

1) Высоко развитое скотоводство (главным образом овцеводство) указанных районов, дающее основное сырье для ковроткачества — шерсть.

2) Длительные зимние периоды (до 6—7 месяцев), создающие благоприятную обстановку для кустарных промыслов.

3) Сравнительная простота и распространенность самого ремесла (в каждой семье крестьянина скотоводческих районов Армении имеются одна — две мастерицы и несколько примитивных станков, на которых ткут ковры, паласы и т. д.).

Количество ковровщиц в Армении в довоенный период, по данным Кустарного Музея, доходило до 100.000 чел.

Качество армянских (казахских и карабахских) ковров довольно высоко оценивалось на заграничных рынках как по оригинальному подбору старинных рисунков, так и по окраске натуральными (растительными) красками, обеспечивающими долговечность ковров.

Этому положению вещей соответствовало производство ковров в Армении к концу прошлого столетия.

Все усиливающийся спрос на ковры из-за границы сильно оживил до войны деятельность скупщиков. По данным Закгосторга, общая стоимость вывоза за границу ковров закавказского происхождения достигал 4—5 млн. руб., из коих на долю Армении падало не менее $1\frac{1}{2}$ млн. рублей, что при средних ценах на 1 *кв. м* 8—10 руб. соответствует, примерно, ковровой продукции до 150.000 *кв. м* в год.

Таким образом, производство ковров в Армении в довоенный период росло в количественном отношении, но ухудшалось качественно, вследствие хищнической эксплоатации ковровщиц со стороны скупщиков, проникновения в ковровые районы дешевых анилиновых красок, упрощения и модернизации старинных ковровых рисунков, чем совершенно обесценивалась ковровая продукция на заграничных рынках.

За время империалистической и гражданской войн скотоводство Армении пришло в упадок, и лишившись в значительной степени своей сырьевой базы, ковровое производство в Армении сильно сократилось. К тому же в период 1918—20 гг. низкая валюта закавказских республик позволила иностранцам за бесценок скупить и вывезти выброшенное населением по нужде значительное количество лучших ковров, в результате чего в стране сильно сократилось число старинных ковров, служивших образцами.

За восстановительный период 1922—26 гг. скотоводства Армении сырьевую базу для коврового промысла можно считать почти восстановленной; однако, снабжение шерстью ковровщиц в ССРА совершенно недостаточно по чисто организационным причинам.

С другой стороны, все возрастающий спрос на ковры со стороны экспортирующих организаций является также стимулирующим фактором для коврового промысла в ССРА.

В экспорте ЗСФСР вывоз закавказских ковров, по данным Закнаркомторга [1], в 1926/27 г. уже составляет в ценностном выражении 1.612 тыс. руб., или 17% всего закавказского экспорта.

[1] См. „Экономический сборник ЗСФСР“ № 3, статья М. Шукяна. „Ковровые промыслы в ЗСФСР“.

В ССРА, при наличии значительного кадра ковровщиц (в настоящее время он может быть определен не менее, чем в 40 — 50 тысяч) и восстановленной сырьевой базы имеется полное основание к организации и развитию коврового промысла, с доведением его в ближайшие же годы до довоенного уровня. Основными мероприятиями должны явиться контрактация коврового производства и планомерное снабжение кустарей через промыслово-кустарную кооперацию необходимыми материалами — пряжей, красителями и старинными рисунками; последние мероприятия тем более важны, что вопрос кооперирования ковровщиц неизбежно связан с планомерным снабжением и авансированием производства, поскольку частник до сего времени играет весьма значительную роль в снабжении кустарей и скупки ковровой продукции для вывоза на внутренние рынки СССР.

Производственная программа Союза промысловой кооперации ССРА „Айтнаркоop“ на 1927/28 г., вследствие позднего начала заготовительных операций, предусматривает выработку ковровых тканей только в размере 1.400 *кв. м.*

В условиях нормального развития заготовительных операций по шерсти (для чего необходимо обязать основных заготовителей шерсти в ССРА к первоочередной сдаче таковой кустарно-промысловой кооперации), завоза красителей и расширения имеющихся установок по переработке и окраске сырья, программа по ковровому производству к следующему году может быть увеличена до 15.000 *кв. м.*

Ткацкий промысел. Бумаготкацкое кустарное производство как и шерстоткацкое, достигло в годы гражданской войны известного развития, из-за отрыва ССРА от российских производящих текстильных районов. С возобновлением завоза фабричной текстильной продукции,р азвитие бумаготкачества остановилось и даже регрессировало.

В настоящее время бумаготкачество сосредоточено в кустарных артелях, об'единяемых Айтнаркоопом, среди которых имеется много высококвалифицированных кустарей — ткачей выселенцев из Арабкира (Турция), вырабатывающих высококачественные бумажные и шерстяные ткани, в частности, джиджимы (ткани, представляющие экспортный интерес) и сарпинку, не уступающую саратовской.

Ювелирный промысел. В числе кустарных промыслов в Армении, имеющих также экспортное значение, необходимо отметить ювелирный.

В настоящее время в Эривани проживают около 50—60 мастеров из числа знаменитых ванских ювелиров, переселившихся в Армению из Турции в результате военных действий 1914—1918 гг. Ванские ювелиры, число коих в довоенное время, по имеющимся данным, доходило до 800 человек, достигли высокой степени совершенства в производстве художественных серебряных изделий, имевших широкий сбыт на рынках Востока (Индия, Египет, Анатолия, Балканы) и Европы. Особенно славилась работа чернью. По изяществу и тонкости эта работа превосходит изделия дагестанских мастеров.

В настоящее время в мастерских Наркомпроса и Айтнаркоопа занято на производстве не более 20—25 человек.

Расширением производства этих мастерских, приобретением потребных комплектов инструментов и обеспечением основными материалами — серебром и золотом — можно добиться значительного увеличения экспортного контингента этих изделий; в текущем году на вывоз за границу предназначена пробная партия.

Гончарный промысел. Центром гончарной кустарной промышленности в ССРА является селение Ювa, вырабатывающее гончарную посуду, которая обесценивается примитивностью выработки по старым методам и вследствие этого грубостью внешнего вида; между тем, при соответствующем переоборудовании (механизацией) производства, есть полная возможность выделки из высокосортной (по оценке экспертов) ювинской глины ценной глазурированной посуды и т. п.

Металлообрабатывающий промысел. Артелирование кустарей металлистов должно пойти, главным образом, по линии повсеместного развития в сельских местностях Армении кузнечно-слесарных и ремонтных мастерских для обслуживания нужд населения по ремонту сельскохозяйственных орудий и тракторов. Снабжение кустарных артелей основными материалами идет через Айтнаркооп.

Деревообделочный промысел представлен преимущественно колесно-ободьевым производством в Делижанском уезде.

Деятельность Союза кустарно-промысловой кооперации ССР Армении „Айтнаркоопа“ за истекший период и по промфинплану на 1927/28 год характеризуется следующими цифровыми данными.

На 1/X 1927 г. „Айтнаркооп“ об'единял 49 кустарных артелей с 623 членами.

Производственную программу „Айтнаркоопа“ за 1926/27 год (по отчетным данным) и на 1927/28 год (по плану) иллюстрирует следующая табличка (в тыс руб):

Промыслы	1926/27 г. Всего	1927/28 г. Всего	1927/28 г. В т. числе сырье
Металлический	12	100	70
Ткаческий	440	500	300
Ковровый	12	150	75
Кожеобувный	20	145	75
Мыловаренный	120	360	300
Прочие	—	800	560
Всего	384	2.055	1.400
В % к предыдущ. году		587,3	

Столь значительный намеченный на 1927/28 год рост производственной программы „Айтнаркоопа“ возможен лишь в условиях планового и бесперебойного снабжения его производственных артелей основными материалами и сырьем, а также соответствующего финансирования производства.

Из отдельных отраслей обращает внимание значительный рост (по плану на 1927/28 г.) ковровой продукции. Заключенный Айтнаркоопом договор на поставку ковров Всекопромсоюзу и пред'являемый спрос на ковры со стороны экспортирующих организаций обеспечивает под'ем коврового промысла в намеченных планом размерах.

Перспективы производственной деятельности кустарно-промысловой кооперации в ССР Армении, при всех благоприятных факторах к ее существованию, упираются, однако, в финансовые проблемы. Повышение техники производства, усовершенствованные станки и т. п. развитие профтехнического (кустарно-промыслового) обучения и инструктаж требуют капитальных вложений, которые кустарно-промысловая кооперация одними своими средствами (паевые капиталы и внутрипромышленные накопления) не сможет осилить.

В этих целях, а также в целях борьбы с капиталистическим посредничеством, путем снабжения в достаточном размере необходимым сырьем и другими основными материалами необходима помощь со стороны государства ассигнованиями из бюджета и увеличением долгосрочных и краткосрочных ссуд до уровня действительной потребности, обеспечивающей дальнейшее развитие кустарной промышленности ССРА.

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Советская экономика. Опыт пособия для самостоятельного изучения теоретических проблем переходного хозяйства. „Московский рабочий", 1928 г., цена 55 коп.

Теоретические проблемы советского хозяйства давно уже стали в порядок дня. Новая экономическая политика, хозяйственная политика пролетарского государства имеет дело с совершенно новым типом производственных отношений, в которых на ряду с „последовательно социалистического" типа отношениями мы имеем остатки старых производственных отношений. Но эти остатки деформируются и, все более втягиваясь в сферу влияния обобществленного пролетарского сектора, где господствуют производственные отношения „последовательно-социалистического типа", отличаются от типа производственных отношений сходных „укладов" в капиталистической системе. Этим об'ясняется сложность проблем советской экономики, которые не могут быть уложены целиком и полностью в рамки теоретической экономии, трактующей проблемы капиталистического хозяйства. Совершенно естественен интерес всех, имеющих в той или иной степени отношение к теории или практике советского хозяйства, к каждой новой статье по отдельным проблемам советской экономики и тем более к книге, дающей, насколько возможно в наших условиях, когда очень многое еще находится в „стадии становления", систематическое освещение важнейших проблем советской экономики.

Рецензируемая книжка Леонтьева и Хмельницкой — „Советская экономика" — не протендует на полный теоретический охват всех поставленных на очередь дня проблем советского хозяйства. Авторы хотят „оказать помощь" всем занимающимся конкретными вопросами советской экономики посредством „сводки литературы по этим вопросам" и „наметки и систематизации основных направлений теоретического анализа советской экономики". С этой целью книжка разбита на 10 глав: 1) общая характеристика переходного хозяйства и метод его исследования; 2) проблема регулятора производства; 3) денежно-кредитная система; 4) отношения распределения; 5) восстановительный процесс и реконструкция; 6) накопление и расширенное воспроизводство; 7) индустриализация; 8) условия динамического равновесия; диспропорции и кризисы; 9) СССР и мировое хозяйство; 10) борьба тенденций и перпективы развития в переходном хозяйстве. В книжке все же поставлены все основные проблемы советской экономики, что является большой заслугой авторов. Необходимо отметить, что авторы недостаточно решительно определяют место предмета своего исследования. Поскольку советская форма хозяйственной деятельности уже не капитализм и еще не социализм, она требует своего самостоятельного теоретического исследования, так как мы имеем дело в переходный период с производственными отношениями нового типа. Авторы, конечно и признают и решительно подчеркивают специфические черты нового периода и новых производственных отношений, но в постановке некоторых проблем они не договаривают до конца. Многие до сих пор считают, что теория советской экономики все еще может быть представлена, как отрезок теории капиталистического хозяйства. Авторы, конечно, далеки от такой постановки, но отголосок

такого подхода замечается, когда они говорят, что „для познания переходного хозяйства вовсе не требуется создание новой теории“ (стр. 15). Этим может быть об'ясняется и то, что и о категориях советской экономики авторы говорят следующее: „После революции начинается постепенный процесс выцветания этих категорий, перерождения тех общественных отношений, отображением которых теоретико-экономические категории являются“ (стр. 14; речь идет о категориях теоретической экономии — М. Г.). И дальше: „теоретический анализ переходной экономики должен лишь дать картину постепенного выцветания и линяния прежних экономических законов, раскрытых Марксовой теоретической экономией, и их замены новым (социалистическим) типом общественных отношений, по своей прозрачности и вообще по своей природе не нуждающихся в теоретическом исследовании“ (стр. 15).

Казалось бы, раз между капитализмом и социализмом лежит переходный период, то речь не может итти только о выцветании и линянии категорий; также и модификация категорий теоретической экономии, изучающей товарно-капиталистические отношения, не дает еще ясного понимания того специфически нового, что лежит между капитализмом и социализмом. Эти категории, поскольку мы их употребляем, не только „выцветают“ и „линяют“, но постепенно наполняются новым содержанием, становятся все более полнокровными, если можно так выразиться, пока в категориях вообще не будет надобности, пока производственные отношения переходного периода не станут производственными отношениями чисто социалистического типа. Для большей ясности мы позволим себе прибегнуть к аналогии, как разворачиваются и приобретают полное капиталистическое содержание категории теоретической экономии. Правда, авторы указывают на то, что будущие „категории“ социалистического общества не требуют „теоретического исследования“. Но для переходного периода как раз и важно исследование процесса становления новых „категорий“, которые в будущем быть может и не потребуют специального изучения. Для примера возьмем категорию „прибавочной стоимости“. Эта категория не сразу получила то содержание, которое она имеет при промышленном капитализме. Производственные отношения торгового капитализма, когда капитал уже подчинил себе мелкое производство, также были антагонистичны, также имели в основе своей эксплоатацию. Тем не менее, для эпохи торгового капитала мы не можем в полной мере употребить категорию „прибавочной стоимости“ для характеристики производственных отношений между торговым капиталистом и кустарем или ремесленником. Мы употребляем эту категорию условно. Каждая категория теоретической экономии, трактующая об антагонистических отношениях при капитализме, проделала различные фазы, прежде чем она получила то содержание, прежде чем она стала отображать тот тип производственных отношений, который данная категория характеризует.

Почему нельзя предположить, что раз социалистические производственные отношения имеют своим предшественником не только капиталистические, но и переходного типа между капитализмом и социализмом производственные отношения, то и категории переходного периода не только „выцветают“, не только „линяют“, но и приобретают новое содержание, которое постепенно по мере роста социалистического сектора будет все более полным.

Своими недомолвками авторы не дают возможности завершить тот логический процесс, который необходим для совершенно ясного понимания новых проблем новой экономики. Мы не хотим этим сказать, что ясности у авторов нет, но к сожалению, она несколько завуалирована.

Уже в перечне проблем мы видели, что почти все проблемы советской экономики, стоящие уже на известном теоретическом базисе, освещаются в этой книжке. Трудно еще в настоящее время дать законченное теоретическое освещение всех этих проблем, поскольку каждый новый период роста социалистических элементов нашего хозяйства вливает все больше новой крови в новый организм, делает все более доступными теоретическому анализу новые производственные отношения. Поэтому книжка не может быть законченным теоретическим курсом. Тут еще многое исправит жизнь, многое исправит и теория. Но некоторые дефекты, которые уже бросаются в глаза, с точки зрения достигнутого уровня опыта, практики и теории, нуждаются в том, чтобы их здесь отметить. В главе „Отношения распределения“, когда речь идет о частном торговом капитале и прибыли частного торгового капитала, авторы слишком мало внимания уделяют проблеме нормы прибыли частного торгового капитала. Масса прибыли частного торгового капитала в СССР и абсолютно и относительно невелика, но норма прибыли его безусловно высока. Авторы правильно отмечают: „Размеры торговой прибыли в целом, регулируемые при капитализме средней нормой прибыли, в обобществленной торговле включены в рамки регулирования цен (курсив авторов — М. Г.). Частный торговый капитал в общем и целом вынужден приноравливаться к этим средним пределам; однако, обстановка товарного голода по ряду продуктов, а также большая скорость оборотов частной торговли создает большие отклонения от этого предела“ (стр. 48). Нам кажется, что на больших отклонениях от нормы прибыли госпредприятий и нужно было бы на данной стадии анализа больше остановиться.

Такое же небольшое упущение мы имеем и в вопросе об аренде земли. Авторы пишут: „Поскольку сдача земли в аренду падает в основной массе на хозяйство бедняцкого типа, взаимоотношения между арендаторами и сдающими землю также не похожи на капиталистические арендные отношения“ (стр. 50). Это само по себе совершенно верно, но недостаточно. Ведь все-таки известная часть арендованной земли попадает кулаку и отношения аренды самым настоящим образом являются отношениями капиталистической аренды, поставленными правда в иные условия. Между тем, по приведенному отрывку может получиться впечатление, что у нас капиталистической аренды вообще нет.

Еще одно замечание необходимо сделать по вопросу о темпе накопления и расширенного воспроизводства. Авторы о темпе говорят следующее: „Не гоняясь за непосильной нормой накопления в течение первых лет, — ибо это привело бы к кризисам и потрясениям, — переходная экономика имеет возможность постепенного ускорения (курсив авторов — М. Г.) темпа развития, основанного на постоянном повышении нормы народнохозяйственного накопления“ (стр. 68). Из приведенного отрывка видно, что вопрос сводится к тому, что мы стремимся избегнуть кризиса и потрясений. Это, опять-таки, верно, но недостаточно. А то, что мы не живем за счет некапиталистических слоев, за счет колоний, грабежей и войн, этого совершенно нет. Авторы об этом не говорят. Указание на эти, казалось бы, элементарные общеизвестные признаки следовало привести для полноты и для правильности характеристики.

Дискуссия вокруг проблем советской экономики в последнее время снова оживилась. Как на страницах „Большевика“, так и в Комакадемии мы имели большую дискуссию по этим вопросам. Снова ставятся, выясняются и освещаются проблемы советской экономики. Это не только не умаляет, но усиливает значение книги, которая в чрезвычайно сжатой

и краткой форме, в виде тезисов дает постановку и об'яснение важнейших проблем советской экономики. К хорошо систематизированному материалу приложен систематический указатель, ценность которого весьма велика. Недостаток этого указателя в том, что он не дан постранично. Несмотря на некоторые дефекты изложения — в некоторых местах чрезмерная сжатость и недостаточно полные формулировки, местами недоговоренность — книга явится безусловно полезным пособием, дающим возможность всем заниматься проблемами советского хозяйства. Краткость изложения и формулировок, в отличие от других „курсов", является в этом отношении также большим достоинством.

М. Гурвич

К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Материалы исследования НК РКИ СССР под ред. Я. А. Яковлева. ГИЗ, 1928 г., стр. 450. Ц. 2 р.

Материалы исследования НК РКИ появились на книжном рынке накануне XV партийного с'езда. Они имеют целью дать ответ на серьезнейший вопрос нашего социалистического строительства: какие социально-экономические процессы развиваются в деревне, каковы дальнейшие пути ее развития, какова наша работа в деревне.

НК РКИ произвел „ряд обследований в целях проверки выполнения партийной линии в деревне государственными, кооперативными и пр. органами, разработал 2.419 крестьянских бюджетов для исследования организации и техники крестьянского хозяйства, при участии Союза Союзов с.-х. кооперации обследовал 35 кооперативных гнезд (64.000 кратких подворок и 1.754 бюджета) для анализа процессов кооперирования. Кроме того, 40 местных органов ЦКК РКИ обследовали отношения аренды и земельного найма рабочей силы в крестьянских хозяйствах,[1] наконец, разработаны данные рыночного опроса 26.460 хозяйств.

Сводкой результатов этих многочисленных работ большого коллектива и явилась рецензируемая книга. Это не просто собрание отдельных монографических описаний, а целостный труд, последовательно выдержанный в смысле единства общей линии и выводов во всех своих частях.

Содержание „Материалов" распадается на следующие главы: диференциация деревни, организация и техника крестьянского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация, советские хозяйства, внешняя торговля и сельское хозяйство, внутренняя торговля и сельское хозяйство.

Этим главам предпослана сжатая, яркая, весьма интересная статья Я. А. Яковлева—„К постановке вопроса о социалистическом переустройстве сельского хозяйства", вводящая читателя в круг проблем, которые трактуются в книге.

В небольшой рецензии невозможно исчерпать все содержание „Материалов", поэтому ограничимся краткими замечаниями.

Процессы диференциации деревни изучаются по массовым данным, по признакам экономической мощности групп крестьянства. Авторы правильно отмечают, что такие данности не отражают классовых групп и могут рассматриваться как материалы, „иллюстрирующие лишь тенденцию эволюции" (стр. 10) деревни.

[1] Более подробно результаты данного исследования наемного труда в крестьянских хозяйствах опубликованы в вышедшей недавно книге П. П. Плешкова „Наемный труд в крестьянском хозяйстве СССР". Под редакцией и с предисловием Я. А. Яковлева. ГИЗ, М. 1928 г.

Общая картина диференциации, данная в сборнике, сопровождается анализом элементов, „по руслу которых развиваются важнейшие социальные связи и зависимости между хозяйствами различных групп", как-то: аренда земли, наем скота и инвентаря, отпуск и наем рабочей силы.

Выводы исследования сводятся к следующему. В результате аграрной революции произошла нивелировка деревни, исчезли крайние группы, середняк стал „центральной фигурой земледелия" т.-е. мы имели процесс, обратный диференциации, когда „разложение крестьянства, развивая за счет среднего „крестьянства" его крайние группы, создает два новые типа сельского населения".[1]

С переходом к нэп'у процесс диференциации возобновился, но он имеет принципиально иной характер, ему присущи неизвестные ранее особенности — „консолидация средины в противоположность ее размыву в условиях капитализма". Середняк остался центральной фигурой земледелия, он „концентрирует наибольшее количество и средств производства, и продукции, и товарной массы и т. п.".

Этот социальный облик деревни определяет основные черты дальнейших наших задач в деревне. Первая задача—это обеспечить развитие бедняцко-середняцкой массы деревни, ограничив капиталистические элементы последней. XV с'езд партии призвал страну к форсированному наступлению на кулака.

Задача эта может быт разрешена путем соответствующей налоговой политики, более точно выявляя и облагая доход кулачества, путем землеустроительных работ, кредитования бедняцко-середняцкого крестьянства, пресекая ростовщичество, регулирования отношений аренды—найма земли, скота и инвентаря, найма рабочей силы и т. п.

Категорически должны быть устранены те извращения партийной линии в этих вопросах, которые наблюдаются на местах: несоблюдение „временных правил", регулирующих наем рабочей силы (даже точно не определены местами те группы крестьянства, которые могут пользоваться рабочей силой на основании „временных правил", а не „Кодекса законов о труде"), недостаточная организованность бедноты, нанимающей скот и инвентарь, для борьбы со спекулятивными тенденциями кулачества, недостаточно решительные меры к пресечению доступа кулачества в сельскохозяйственную кооперацию.

Труднейшая и основная проблема предстоящего периода — это коренная социалистическая перестройка деревни на базе под'ема производительных сил сельского хозяйства.

Что из себя представляет подавляющее большинство нашей деревни—бедняцкие и середняцкие хозяйства?

Материалы дают детальный анализ техники и организации крестьянского хозяйства по бюджетам, собранным ЦСУ в 1925 г. В разработку вошли хозяйства 18 различных районов. Все хозяйства разбиты на семь групп по годовой валовой продукции таким образом: I группа — с продукцией до 200 руб., II — от 201 до 400 руб., III — от 401 до 600 руб., IV — от 601 до 800 руб., V — от 801 до 1.000 руб., VI — от 1.001 до до 1.400 руб. и VII—свыше 1.400 руб.

Эти группы затем разбиты на три подгруппы по удельному весу в продукции интенсивных культур, для выявления влияния последних на организацию хозяйства в одних и тех же группах. Анализ идет по двум направлениям: выявление закономерностей от низших групп к высшим и организационно-техническая характеристика бедняка и середняка, как основного ядра деревни.

[1] В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России", т. III, стр. 132.

Из 25 миллионов крестьянских хозяйств не менее $^4/_5$ составляют хозяйства мелкие и мельчайшие. Не говоря уже о бедноте, наше середняцкое хозяйство в подавляющей массе также мелкое.

Материалы рисуют яркую картину прозябания мелкого хозяйства. Оно не землеустроено (в Самарской губ. из 329 селений только 12% имеют землю на расстоянии до 3 верст, на Урале 36% селений имеют землю дальше 10 верст), имеет ничтожные по размеру полоски, которые нельзя правильно обработать, да и обработка обходится дорого, имеет плохо организованные средства производства и не может их рационально использовать; хозяйство односторонне, земля обрабатывается плохо. Поэтому, при больших затратах труда, в мелких хозяйствах низка его производительность и невероятно низок уровень благосостояния. Даже средние хозяйства дают на душу в год 35—40—50 руб., реже 60—80 и совсем редко 80 руб. „В этом низком уровне кроется и диспропорция уровней города и деревни и, в значительной своей части, проблема аграрного перенаселения“ (стр. 103).

В двух последних главах, посвященных анализу рыночных отношений сельского хозяйства, с достаточной полнотой вскрыта происходящая в основном от указанной выше структуры сельского хозяйства слабость его рыночных связей, что затрудняет связь деревни с городом и задерживает его ведущее влияние на деревенскую экономику. Все это, конечно, не является новостью. Но,—справедливо задают вопрос авторы „Материалов“—„продумана ли каждым до конца и усвоена ли основная мысль... *что так жить дальше нельзя?*“.„Это необходимо поставить в центр общественного внимания партии, ибо признание этого и есть начало понимания в полном об‘еме тех задач реконструкции сельского хозяйства, которые встали сейчас перед нами во всю ширь своих нерешенных вопросов“ (стр. 154).

Каковы же пути этой технической и социальной реконструкции сельского хозяйства? Теоретически говоря, мыслимы три пути развития крестьянского хозяйства. Путь капиталистический — путь создания мощного слоя кулаков, которые бы сконцентрировали в своих руках командные высоты деревни. Но этот путь мыслим только в результате победы контр-революции, при диктатуре пролетариата он заказан.

Второй путь — сохранение мелкого и мельчайшего хозяйства. Но это *„перспектива продолжающейся растраты человеческого труда и средств в дорогих, нелепо организованных, некультурных и антикультурных мелких и мельчайших хозяйствах*. Это перспектива крестьянской ограниченности“... (стр. XXVII).

Остается единственно правильный путь кооперативной переделки крестьянского хозяйства. Этим путем „мы решим задачу дать крестьянскому хозяйству — мелкому и мельчайшему — основные преимущества крупного хозяйства без разорения, без его превращения в навоз для кулацкого роста“ (стр. XXVIII).

В связи с этим „Материалы“ дают обстоятельный разбор имеющегося опыта кооперативной работы, посвящая этому специальную главу.

Сельскохозяйственная кооперация на 90 с лишком процентов — кооперация бедняцко-середняцкая. В ее деятельности имеется целый ряд существенных недостатков. Так, велика масса диких кооперативов, не входящих в систему — 90% простейших производственных об‘единений, 60% колхозов, что свидетельствует о том, что „движение широких крестьянских масс к производственному кооперированию развивалось больше как чисто стихийное движение, не всегда встречавшее должное руководство со стороны руководящих кооперативных организаций“

(стр. 290). Этот момент чрезвычайно важен, так как об‘единение кооперации в целостную систему означает ее органическую связь с государственным хозяйством, как ведущим началом. А это — необходимая предпосылка социалистичности ее работы. Недостатками кооперации являются: замедление темпа кооперирования, обслуженность верхних слоев деревни, несоответствующая их удельному весу (в особенности в кредите), некооперативные формы связи с членами, высокая стоимость кооперативных услуг, которую авторы книги называют „основной болезнью системы, препятствующей действительному об‘единению действительных масс населения“ (стр. 263), хозяйственно-финансовая слабость, благодаря чему кооперация „в настоящее время не является еще достаточно мощной гарантией и фактором, противодействующим эксплоататорским тенденциям верхней группы кооперированных хозяйств“ (стр. 211).

Все же это не дает права закрывать глаза на ту положительную работу, которая развернута кооперацией. „Материалы“ сравнивают эволюцию кооперированных и некооперированных крестьянских хозяйств и устанавливают, что кооперация бедняку и середняку, уже на данной ступени своего развития, дает возможность экономически подняться, построить свое хозяйство более прогрессивно. Так, за 4 года безлошадники некооперированные увеличили посевную площадь на 100%, а кооперированные на 200%. Кооперированные хозяйства во всех группах отличаются более рациональным строением средств производства, технические культуры в них занимают большее место, доходность хозяйства выше, при чем повышение идет главным образом за счет с.-х. производства, кооперированные хоз-ва не закабаляются ростовщиком — из 1.264 обследованных хозяйств, пользовавшихся кредитом с 1/X—1924 г. по 1/VII—1926 г., кооперированные из общей массы кредита от ростовщика получили 7,3%, а некооперированные—47,1%.

Эти данные убеждают в правильности и реальности *кооперативного плана переустройства деревни*. Но для этого теперь в кооперативной работе должен быть сделан сдвиг в смысле перенесения центра тяжести работы на производственное кооперирование.

Факт громадного количества диких производственных об‘единений показывает, что „сельскохозяйственная кооперация, занятая великолепными миллионами сбыта, немного по-барски, свысока отнеслась к делу развития простейших производственных об‘единений“. Развивая сбыто-снабженческую работу, укрепляя кооперацию по этой линии, надо „признать, что сейчас наступил момент, когда в строительстве с.-х. кооперации необходимо сделать решительный поворот в сторону производственного кооперирования деревни“ (стр. 307).

Задача технической и социальной реконструкции сельского хозяйства может быть решена лишь в связи с общим курсом партии на индустриализацию страны. „Ведущее начало индустрии проявляется в свете реконструкции сельского хозяйства с особой силой“ (стр. 154). „Прямой рост кооперации производственного типа есть в огромной мере функция роста государственной промышленности“ (стр. XLIII). Правильная политика цен, снабжение деревни необходимыми средствами потребления, развитие сельскохозяйственной индустрии, подготовка промышленностью базы электрификации сельского хозяйства, машиноснабжение деревни и т. п.— необходимые предпосылки реализации Ленинского кооперативного плана.

Таково в общих чертах содержание „Материалов исследования НК РКИ“.

В заключение пару слов о технической стороне издания книги. Издана книга хорошо, жаль только, что сравнительно высокая цена

(2 рубля) задержит ее широкое распространение, которого она несомненно заслуживает. Видимо, вследствие спешности издания, неряшливо составлены некоторые таблицы: не оговаривается в некоторых местах охватываемый данными круг, не указан период, к которому они относятся, не указаны единицы счета, вследствие чего, напр., по таблице на стр. 174 выходит, что в 35.010 кооперативах 34.153 члена; некоторые таблицы недостаточно проверены и т. д.

К небрежности издателя надо отнести местами неудовлетворительную верстку — напр., таблицы на стр. 290.

Но эти мелкие погрешности, конечно, ни в какой степени не уменьшают достоинств книги, которая прочтется читателем с большим интересом.

Ал. Попов

Влияние налогов на народное хозяйство Союза ССР. Часть I — Акцизы. Сборник статей под ред. проф. П. П. Гензеля. Финансовое издательство НКФ СССР. М. 1928 г. Тираж 2.000 экз., стр. 356.

В области бюджетных проблем, и прежде всего в части налоговой, накоплен за последние 7 лет обширный материал и богатый опыт. Особенный интерес в условиях экономики СССР представляет не узко фискальное освещение вопроса, не налоговая система „в себе", но тема более широкая, охватывающая связь налогового бремени с общим экономическим развитием страны. Эту задачу и ставит перед собой рецензируемая книга, посвященная крупнейшему разделу налоговой номенклатуры бюджета — акцизам. Изучение экономического влияния акцизов представляет более благодарную задачу, чем анализ прямого обложения: здесь сравнительно узкий круг облагаемых об'ектов, большей частью высокие ставки, хорошо разработанный, хотя бы в чисто налоговой сфере, цифровой материал; помогает осязательность самого налогового об'екта и т. д. Все это позволяет достаточно удобно для целей исследования локализировать внимание „как во времени, так и в пространстве", при чем сравнительно глубоко прощупывается налоговая травма. Поэтому к оценке роли акцизов могут быть пред'явлены повышенные требования.

В рецензируемой работе интересна вводная статья проф. Гензеля, который заостряет внимание на основных моментах нашей акцизной политики на фоне выдвигаемой им определенной теоретической концепции; насыщены конкретным материалом отдельные очерки, посвященные 10 главнейшим акцизам. Большинство авторов отлично владеет материалом, отчетливо ставит задачи акцизной политики, подлежащие разрешению, и демонстрирует многочисленными цифровыми колонками зависимость акцизного дохода от промышленной продукции соответствующих отраслей. Довольно хорошо разработан вопрос о роли акциза в ценообразовании, об акцизном доходе и финансовом положении промышленности (к сожалению, не всегда достаточно полно), о влиянии льготного срока. Рельефны сопоставления с довоенными условиями (того же нельзя сказать об иностранной практике). Общими недочетами книги являются: 1) перегруженность большинства статей описательным материалом в ущерб экономическому анализу; 2) недостаточное внимание к вопросу о тяжести обложения для основных социальных групп населения и сдвигах в потреблении подакцизных продуктов под влиянием изменения цен и акциза; 3) отсутствие хотя бы попытки поставить акцизную проблему в разрезе районов, что по условиям материала не может уже быть признано совершенно безнадежным; 4) некоторая устарелость части материала (здесь возможна вина не составителей, а издательства) и пристрастие некоторых авторов к газетным и журнальным статьям для извлечения статистических

данных; некоторое пренебрежение отчетными материалами повлекло за собой известные цифровые неточности.

Вводная статья, принадлежащая перу проф. Гензеля, идет под заголовком „Акцизы и акцизная политика СССР". Констатируя быстрое развитие акцизного дохода в связи с энергичным ростом продукции и потребления, обогнавших по ряду важнейших подакцизных товаров довоенные нормы (нефтепродукты, соль, галоши, папиросы и т. д.), автор справедливо подчеркивает неизбежность в наших условиях быстрого роста акцизного дохода и в дальнейшем, поскольку вытеснение частнохозяйственного сектора ослабляет возможности и выгоды прямого обложения. Эта верная в общем мысль уже нашла свое выражение и в пятилетке Госплана СССР. Спорным представляется утверждение автора, что как налоговые, так и неналоговые из'ятия из госсектора должны „совершаться за счет сокращения потребления населения и соответствующего уровня цен". Поскольку значительная доля указанных из'ятий (подоходный налог, отчисления от прибылей) не может быть обычно переложена в обстановке лимитных цен и к тому же служит лишь для перераспределения между отраслями промышленности, не будучи просто бюджетным из'ятием — выдвинутое проф. Гензелем положение вряд ли будет иметь место. Далее, проф. Гензель резко подчеркивает относительность градации предметов потребления на продукты первой и второстепенной необходимости, при чем рекомендует отказаться от усиленного обложения последних, ибо это приводит к неравномерности обложения (например, переобременены курильщики). Если бы можно было исходить из того положения, что форсирование ставок и, следовательно, цен не влияет на размеры потребления и не может затормозить потребление вредного продукта, то тезис автора был бы безупречен. Поскольку, однако, это не так и одновременно приходится считаться, — как ни относительны наши суждения, — с безусловным вредом, приносимым водкой в наших условиях невысокого культурного уровня широких кругов населения с чувствительным уроном делу здравоохранения со стороны табака (последние медицинские исследования, как-будто, еще более категорически подтверждают это положение) — то естественно встает вопрос об использовании акциза как фактора, тормозящего нежелательное потребление. При этом социальная опасность алкоголизма побуждает в отношении водки выдвигать на первый план политику торможения потребления (не возрождая, однако, самогона и способствуя некоторым снижением цены на водку его дальнейшему вытеснению) и лишь во вторую очередь учитывать интересы фиска; для табака на первом плане нам представляется возможным считаться с бюджетным доходом.

Лишь в меру создания предпосылок (культурных и экономических) для ослабления алкоголизма в городе и в интересах борьбы с деревенским самогоном возможно итти по пути снижения цен на хлебное вино. Во всяком случае одним из принципов акцизной политики вполне закономерно считать противодействие потреблению вредных (в условиях данного времени и места) продуктов.

Указывая на неуязвимость акцизов с точки зрения политики снижения цен, проф. Гензель отмечает нежелательность в условиях товарного дефицита снижения акцизов, что может пойти лишь на пользу перекупщикам. Своевременно поднят вопрос о необходимости согласовать акцизное обложение с уравсбором. Вновь поставлена достаточно злободневная тема о диференцированной цене на водку. С чем никак нельзя согласиться, это с предложением ликвидировать акцизную систему и заменить ее „откупом", как выражается автор, полагая, что этим путем промышленность избавится от излишней отчетности по акцизу и получит

добавочный стимул к расширению продукции. Здесь недооцениваются, на наш взгляд, два момента — во-первых, крупное организационное значение хозрасчетного принципа, и во-вторых, давление налоговой политики на структуру цены. Если исходить из предпосылки общего государственного кармана и признать бесплодной диференциацию ставок в зависимости от ассортимента облагаемого товара (а это имеет вполне реальное значение и вынуждает промышленность к соответствующему приспособлению цен: регулирующие органы также учитывают данную акцизную ставку), то позиция проф. Гензеля может быть признана достаточно сильной. Но и в этом случае указанное предложение не может быть принято, ибо оно несет вполне осязательную угрозу бюджету. Уже опыт централизованного обложения сахара показал, что строить расчеты с трестами на планах реализации по меньшей мере рискованно; бюджет может недосчитаться в нужные сроки крупных сумм, а данная отрасль промышленности получит в руки на значительный период случайные, шальные деньги. С другой стороны, в случае недореализации против плана трест, конечно, не сможет уплатить „откупную“ сумму. Отказ от акцизов является пока преждевременным, и ничего, кроме дезорганизации, переход к „планам реализации“ не принесет. Столь же опасен отказ от акцизного надзора; последний обходится казне недорого и окупает себя той организованностью, которая вносится во взаимоотношения трестов и фиска. При отсутствии в нашей экономической организации автоматических регуляторов движения капиталов и при мощной инерции, развиваемой в своем поступательном движении каждым предприятием, бюджет как основной перераспределитель капиталов должен располагать надежными источниками привлечения средств. Поэтому различные формы налогового контроля (в частности наиболее дешевого — акцизного) должны пока сохранить свое значение. [1]

Несколько односторонен тот тезис автора, который гласит, что роль акциза в цене не существенна, и тяжесть обложения может быть измерена лишь отношением суммы данного акциза, которую вносят различные категории плательщиков, к их доходу. Прежде всего одинаковый процент из'ятия из дохода при значительной разнице в уровне последнего, как отмечает сам проф. Гензель, не является показательным; значительно меньшая доля из'ятия из меньшего дохода может явиться более тягостной. Удовлетворительным же методом соразмерения этих тягот мы пока не располагаем. Во-вторых, высокая ставка акциза поднявшая в свою очередь цену, может значительно с'узить потребление и уменьшить отношение акциза к доходу плательщика; однако, это еще не будет означать, что высокий акциз легче переносится плательщиком, чем низкий. Если для комплекса налогов наиболее приемлемым путем выяснения их обременительности может служить именно отношение налоговых платежей к доходу, то для отдельного акциза подчас его роль в цене окажется более верным показателем обременительности установленных ставок. Кроме того, изучение влияния акциза на цену, а через посредство ее на размеры спроса, условия производства, покупательную способность рубля и т. д. имеет самостоятельную ценность помимо проблемы тяжести обложения, и поэтому приговор проф. Гензеля — „соотношение себестоимости продукта и высоты акциза говорит вообще очень мало“ — пожалуй, слишком суров.

Относительное недообложение деревни, о котором пишет проф. Гензель, в части косвенных налогов представляется нам в ближайшие

[1] Возражения т. Гордина против реорганизации налоговой системы под углом зрения единства интересов социалистического сектора редакцией не разделяются. Ред.

годы неизбежным, ибо деревня в силу примитивности своих требований к промышленной продукции, располагая к тому же возможностью заменить ряд облагаемых продуктов изделиями собственного производства, обладает гораздо большими возможностями уклониться от косвенного обложения, чем город. Поэтому, а также в силу специфической социальной значимости диференциации доходов крестьянства, роль прямого обложения здесь оказывается доминирующей.

Наконец, необходимо остановиться на перспективах, намечаемых проф. Гензелем на предстоящее пятилетие. В общем и целом автор полагает возможным исходить из стабильности ставок и ставит рост дохода в зависимость от роста потребления подакцизных продуктов. Однако, тут же отмечается, что развитие акцизного дохода следует проектировать лишь в уровень с ростом населения. Нам представляется, что подобная проектировка оказалась бы преуменьшенной, в особенности если стать на позицию автора в отношении понижения цены водки, что значительно расширит ее потребление и поднимет соответственную доходную статью (несмотря на снижение ставок). Полагая, что снижение ставок будет компенсироваться дополнительным расширением потребления в ближайшие годы, следовало бы связать судьбу акцизного дохода не только с динамикой населения, но и с повышением благосостояния народных масс, а также намечаемым ростом промышленной продукции и импорта (чай). Поскольку проф. Гензель в начале статьи отмечает неизбежность падения темпа роста прямых налогов и „увеличение роли именно косвенного обложения“, проектировка всего налогового дохода, согласно наметке автора, должна была бы исходить из роста около 2% в год, что вряд ли может быть признано достаточным (за 25 довоенных лет средне-годовой прирост — 5,1%).

Статья П. М. Лебедева — „Акциз со спирта“ дает весьма обстоятельное изложение развития соответствующего налогового законодательства, винокуренной промышленности и потребления водки, как в дореволюционной России, так и за последние годы; приведен богатый калькуляционный материал. Показана роль водочного дохода в бюджете и связь этого дохода как с акцизной политикой, так и с развитием потребления. Слабым местом статьи является недостаточно глубокий анализ влияния водочного акциза на общую народнохозяйственную кон'юнктуру (доход по прочим бюджетным источникам, покупательную способность и денежное обращение, производительность труда и т. д.). Отсутствует серьезная попытка выяснить экономические и социальные результаты запрещения водки в 1914 году.

Акцизу с пива посвящена статья А. В. Левицкого, который тщательно анализирует вопросы техники обложения (вплоть до рассмотрения технологических процессов). Недостаточно освещена зависимость между ростом потребления пива и водки.

П. В. Микеладзе написал очерк об акцизе с соли. Автор учел, что с отменой соляного акциза вопросы узко фискальные не могут представлять интереса, и потому сосредоточил все внимание на оценке экономического положения соляной промышленности, роли акциза в цене и результатах отмены акциза. Недооцениваются, на наш взгляд, автором положительные стороны ликвидации соляного акциза, как в части снижения цен, так и в отношении характера тех потребностей, которые удовлетворяет деревня, приобретая соль (засолка впрок, при кормежке скота и т. д.).

Статья Н. А. Падейского, посвященная акцизу с сахара, является достаточно полным обзором сложившихся взаимоотношений фиска и промышленности, динамики цен и потребления. Автор приходит к выводу

о нежелательности снижения акциза в ближайшие годы, ибо возросший спрос трудно будет удовлетворить.

Основано на полнейшем недоразумении следующее положение автора: „Значительное расхождение между валовой и товарной продукцией, свидетельствующее о том, что реализуется далеко не весь выработанный сахар, естественно выдвигает вопрос о рынках и возможностях сбыта сахара". Указываемое расхождение (табл. на стр. 128) говорит лишь об увеличении роли рафинадного производства, которое дублируется при учете валовой продукции, но не о недостатке рынка сбыта; рынок достаточен — был бы лишь сахар.

Недостаточно обосновано утверждение, что при довоенном росте потребления в 5,9% за год, у нас этот рост будет равен 2—3%. Подобный тезис не выдерживает никакой критики.

Так же, как и предыдущий очерк касательно соли, весьма содержательна статья П. Микеладзе об акцизе на чай. Недостаточно освещен лишь вопрос о потреблении чая для отдельных социальных групп населения и, в частности, влияние на спрос колебаний в цене. Слабо, с нашей точки зрения, оттенена необходимость форсирования потребления чая, который должен помочь борьбе с алкоголизмом и дать крупный фискальный эффект, а в то же время до сих пор ютится на задворках. Интересно было бы осветить вопрос о влиянии диференцированных акцизных ставок на „формальный" и „фактический" ассортимент. Статья И. А. Грузмана приводит материал хорошо систематизированный и достаточно полный для оценки роли табачного акциза у нас и на Западе.

Любопытный факт констатирует автор статьи об акцизе с махорки — Я. Г. Колосов, отмечая, что после повышения 1/IV 1926 г. акцизной ставки, разница в накидке кооперативной и частной торговли упала с 10% до 3%.

В статье Л. Аллавердова об акцизе со спичек очень сильно чувствуется гипноз довоенных норм. Если потребление табачных изделий пойдет и дальше вверх, несомненно дальнейшее расширение потребления спичек. Сама статья достаточно обстоятельна, затронуты вопросы калькуляции, динамики цен и потребления.

Обширная статья проф. Н. Г. Петухова и И. М. Михеева об акцизе в текстильной промышленности особенно подробно и интересно освещает вопрос о разных вариантах обложения текстильных изделий, о роли акциза в цене (в частности, показано переобложение льняных и полушерстяных камвольных тканей) и льготном сроке, при чем оттеняется завязывание (не в пример прочим акцизам) средств промышленности в акцизных платежах. Ненормальность последнего обстоятельства сглаживается, правда, незначительностью самого акциза. Несколько перегружена статья изложением конъюнктурных моментов текстильного рынка, при чем влияние колебаний цен (следовательно и роль акциза) охарактеризовано недостаточно выпукло. Опущен, к сожалению, вопрос довоенного производства и потребления в его сопоставлении с современным положением вещей.

Весьма любопытные выкладки, разносторонне освещающие вопрос, находим в статье М. Т. Герб об акцизе на нефтепродукты.

Следовало бы больше внимания уделить экспортным премиям, которые для данной темы более существенны, чем, например, вопрос о том, куда вывозится нефть.

Работа ценная с точки зрения фактического материала, но она изобилует большим количеством спорных положений.

А. Гордин

Кир. Черевко. Сезонные железнодорожные тарифы. Седьмой выпуск трудов Экономического бюро НКПС, Москва, Транспечать, 1928 г.

В новой организационной схеме ведомства путей сообщения „Экономическое бюро" не нашло себе места и, таким образом, рассматриваемый выпуск трудов бюро, повидимому, является последним.

Выпущенный в последнее время ряд трудов бюро, в том числе рецензируемый, затрагивает самые жизненные вопросы железнодорожной экономики.

Работа Кир. Черевко ограничивается обследованием условий применения сезонных тарифов к топливным грузам.

Работа распадается на следующие разделы: методология изучения вопроса о сезонных железнодорожных тарифах с точки зрения их народнохозяйственной целесообразности; история вопроса о сезонных тарифах на каменный уголь и дрова; сезонность в железнодорожных перевозках топливных грузов; анализ условий, определяющих сезонность перевозки по железным дорогам дров, каменного угля и нефти, и финансово экономическое обоснование сезонных тарифов на каменный уголь; вопрос о сезонных тарифах на топливные грузы в современной железнодорожной тарифной практике СССР.

Кир. Черевко приходит к выводу о целесообразности установления „на перевозки каменноугольных грузов по железным дорогам, вместо действующей ныне общей схемы и исключительных тарифов во внутренних сообщениях", сезонных тарифов, разнящихся по размеру своих ставок в разные периоды года: с апреля по июль или август — пониженных, и с августа или сентября по март — повышенных; при чем дается (обосновывается) и самый размер изменения провозных плат: 15% для снижения и 10% для повышения.

В основу своих предложений Кир. Черевко положил ряд таблиц о количестве перевезенных топливных грузов, сделанных ими пудоверстах и пр., и произвел много подсчетов, доказывающих правильность выдвигаемых им предложений. Но крупным недостатком всех этих исчислений является то, что они базируются на данных о перевозках дров и каменного угля за 1923/24 и 1924/25 гг., когда, вследствие еще не полной налаженности хозяйства страны, перевозки по железным дорогам протекали действительно чрезвычайно неравномерно. По данным Кир. Черевко (в переводе на тонны), за 1924 г. по сети было перевезено 7,83 млн. тонн коммерческих грузов угля, или в среднем 0,65 млн. тонн в месяц, что при равномерности погрузки дает в течение 5 месяцев 3,26 млн. тонн. Между тем, за пять осенних и зимних месяцев было фактически перевезено 4,2 млн. тонн, т.-е. на 9,4 млн. тонн больше, чем было бы перевезено, если бы коммерческие перевозки каменного угля распределялись равномерно на протяжении всего года. Эти 9,4 млн. тонн и являются отправным пунктом для суждений Кир. Черевко. Между тем, данные за последующие годы не дают уже такой большой разницы между летними и зимними отправками каменного угля по нашей сети. Если анализировать позднейшие данные по методу Кир. Черевко, то мы получим, что в 1926 г. превышение зимних перевозок над летними составило всего только 763 тыс. тонн, а в 1927 г. и того меньше — 378 тыс. тонн. Для большей наглядности выразим приведенные данные в процентах, и тогда получается: в 1924 г. подлежащее „срезу" количество угля достигало 12,0 всей перевозки; в 1926 г. оно падает до 3,4; а в 1927 г. оно составляет всего лишь 1,4 от общего перевезенного по сети количества каменного угля. Само собою разумеется, что данные о перевозках за указанные нами годы должны иметь большее значение, как относящиеся к уже

нормальному ходу каменноугольного хозяйства в СССР, тогда как в 1924 г. это хозяйство еще только налаживалось.

Большое сомнение вызывает принятый Кир. Черевко для исчисления ущерба получателей каменного угля, вследствие его дополнительного хранения, размер процента потери на капитале — всего 3% от затрат на приобретение, перевозку по железным дорогам, разгрузку, хранение и пр. Не следует забывать, что донецкий каменный уголь подвержен самовозгоранию и посему требует при долговременном хранении особых приспособлений: прокладки вытяжных труб и т. п. Но самое главное, совершенно, повидимому, не учтенное Кир. Черевко, это потеря теплопроизводительности донецкого каменного угля при хранении на складах, достигающая, по исчислениям некоторых авторов (инж. Белов), 20% в течение четырех месяцев. Эта поправка должна сильно изменить расчеты Кир. Черевко.

Но дело не в допущенных автором разбираемого труда погрешностях, зависевших в значительной мере от недостатка в пору разработки вопроса необходимых статистических данных. Заслуживающим специального обсуждения является развиваемое автором положение необходимости при установлении железнодорожных тарифов считаться с коммерческим расчетом грузополучателей, чего, к сожалению, доселе не могут усвоить некоторые работники НКПС, полагающие достаточным, как это сделано, например, Н. К. Мекком[1], пред'явлениек угольной промышленности требования перевозить в течение четырех месяцев (апрель — июль) по крайней мере половины всей годовой потребности этого топлива. Кир. Черевко добивается взаимно выгодного для железных дорог и их клиентуры разрешения вопроса, и в этом его главная заслуга, не говоря уже о массе произведенных им подсчетов и исчерпывающем изложении истории вопроса и его современного положения.

Н. В. Ивановский

Wernen Sombart. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus (I u. II Halbbände des III Banpdes „Der Moderne Kapitalismus). Munchen u. Leipzig, 1927.

В. Зомбарт. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма. I и II полутомы III тома „Современного капитализма". Мюнхен и Лейпциг, 1927.

Появление в свет последнего тома заново проработанного труда Зомбарта является несомненно одним из крупнейших событий в экономической литературе. Интерес представляет как сам автор книги — его позиция в отношении основных проблем современной эпохи, которые образуют главное содержание работы, так и содержание книги безотносительно к автору, по богатству собранного материала, по меткости наблюдений, по тонкости и художественности отделки частей, — качества, издавна выделяющие Зомбарта из ряда экономистов, как мировую величину.

В отличие от первых двух томов своего труда, где Зомбарт выступает, главным образом, как историк и археолог, производящий раскопки экономической истории Европы, третий том носит на себе яркую печать современности. Здесь Зомбарт выступает, главным образом, как теоретик, социолог и даже публицист, берущийся за разрешение самых злободневных и острых вопросов нашей эпохи.

[1] „Плановое Хозяйство" № 10 за 1925 г.

Зомбарт неоднократно афишировал свою близость к Марксу. Несмотря на то, что с началом войны он выступил, как открытый враг марксизма и социализма и в своей работе „Der proletarische Socialismus" обрушил на социалистов целые потоки злобы, клеветы и инсинуаций, он продолжает и в своей последней книге заявлять о себе, как о последователе и ученике Маркса. Больше того, он считает свой „Современный капитализм" продолжением и завершением Марксовского труда. Тем не менее, подвергая проверке важнейшие законы капиталистического хозяйства, формулированные в „Капитале", Зомбарт не соглашается ни с одним из них: к каждому Марксовскому положению он вводит поправки, больше частью из числа тех, которые уничтожают смысл самого положения. Так, он последовательно отрицает Марксовский закон концентрации, закон возрастания противоречий и обострения кризисов, теорию катастроф, закон обнищания и т. д. Зомбарт — решительный противник революции и „скачков", которых, по его мнению, в хозяйственной жизни вообще не бывает. Как видим, своеобразный ученик и последователь.

В каком смысле следует все-таки понимать утверждения Зомбарта? Прежде всего в том, что Зомбарт, подобно Марксу, отчетливо сознает своеобразие капиталистической системы хозяйства. Зомбарт признает, что экономические законы капиталистической эпохи исторически ограничены рамками капитализма. Подход к экономическим явлениям с точки зрения их развития и изменения — другая черта Зомбарта, сближающая его с Марксом. На этом пути он даже позволяет себе довольно часто кокетничать с диалектикой. Так, например, анализируя капиталистические противоречия, он приходит к выводу, что капитализм при помощи кредитной системы „демократизируется" в двух смыслах: с одной стороны, крупные капиталы складываются через аппарат кредита из массы мелких сбережений и накоплений, которые образуют основу современной акционерной формы предприятий. С другой стороны, фактическими руководителями современной индустрии (captain of industry) все в большей степени являются выходцы из низших классов, выбившиеся в люди, лица без собственных капиталов, но с капиталистической инициативой, которая ставит себе на службу весь могущественный аппарат общественного кредита. Но наряду с этой демократизацией и на ее основе совершается другой процесс — аристократизации и бюрократизации хозяйства, ибо прогрессирующая централизация экономического могущества в руках немногих об единений ведет к тому, что 300—400 магнатов управляют всей экономикой человечества.

Подобная же эволюция происходит и в области движения кон'юнктуры. В периодической смене под'емов и кризисов Зомбарт видит не больное место, а наоборот, сильную сторону классического капитализма. В периоды под'ема вперед выдвигаются типы дельцов с широким коммерческим кругозором, с большой и смелой предприимчивостью, капиталисты с „взором, устремленным в будущее" (Zukunftsaugen). Они вызывают порывистое движение вперед всей хозяйственной машины. В годы кризисов, наоборот, на первый план выступают капиталисты-рационализаторы и организаторы, сосредоточивающие внимание на кропотливых технических улучшениях производства, устраняющих недостатки механизма. Вопросы количества уступают место вопросам качества, предпринимательский размах заменяется изобретательностью, тренировкой, умением приспособляться к обстановке и т. д.

Капитализм, однако, эволюционирует в сторону все большей стабилизации кон'юнктуры, чему содействует ряд самых разнообразных факторов: рационализация кредита и рынка, монополизация хозяйства в руках

синдикатов и трестов, возрастающее влияние государства в экономической жизни, все большая стандартизация, массовидность и унификация потребления, рост информации о хозяйственных явлениях и пр.,— все это смягчает колебания кон'юнктурного цикла.

Но капитализм без кон'юнктурного цикла — уже не капитализм, а зародыш какой-то новой хозяйственной системы. Зомбарт этого и не отрицает, наоборот, он ставит себе основной задачей — доказать, как при помощи таких диалектических изменений капитализм постепенно превращается в какую-то новую хозяйственную систему. Под его ловкими руками исчезает основное содержание Марксовской теории капиталистических превращений, нарастание противоречий, которые путем взрыва ликвидируют капиталистическую систему. Зомбарт, как и Маркс, исходит из идеи самоликвидации капитализма. Но в его представлении капитализм ликвидирует себя постепенно, в результате медленного, но неуклонного ослабления, а не нарастания противоречий. По Зомбарту, капитализм не взрывается, а засыпает, постепенно дряхлеет, ткани его постепенно перерождаются и заменяются новой тканью общественного „бюрократизированного" хозяйства. Одним словом, старая теория „врастания".

Но признав наличие „седых волос" в капиталистической системе, констатируя смену Hochkapitalismus довоенной эпохи послевоенным „Spätkapitalismus", который обнаруживает все черты старческого вырождения, Зомбарт тут же спохватывается: ему жалко расставаться с экономической системой, исследованию которой он посвятил почти четыре десятка лет. Неужели конец? „Нет, весь я не умру" — отвечает Зомбарт от имени умирающего капитализма. Ни одна хозяйственная система не исчезает бесследно, утверждает Зомбарт. Он считает, что ликвидация класса капиталистов не будет иметь большого значения в смысле поднятия зарплаты рабочих, так как их личное потребление составляет ничтожную долю всего общественного потребления. Расчеты его по этому вопросу лишены всякой убедительности.

Теория сохранения всех хозяйственных укладов не нова, фактически она не соответствует даже фактам современности. В развитых капиталистических странах мы не видим ни форм первобытного коммунизма, ни феодальных отношений, ни патриархальщины. Они сохранились еще именно там, где капитализм делает лишь первые шаги. Что касается мелкотоварного производства, то оно существует еще повсюду, но формы и условия его существования при капитализме совершенно не те, которые существовали, например, в средние века. Сам Зомбарт уделяет очень много внимания вопросу о положении крестьянства в условиях капитализма. Он констатирует повсеместный и прогрессирующий рост эксплоатации крестьянства капиталом — явление, которого не знало натуральное крестьянское хозяйство средневековья. Следовательно, общественные отношения, в которые вплетено современное крестьянское хозяйство, совершенно иные, как бы ни хотелось Зомбарту представить дело так, что законы Маркса неприложимы к деревне, в которой якобы сохраняется полная неподвижность форм.

В центре движущих сил капиталистического общества Зомбарт ставит личность капиталиста. Предприниматель, как таковой, со всеми характерными чертами этого человеческого типа, созданными в результате сочетания и пересечения исторических тенденций,— вот истинный творец и двигатель капиталистической экономики. Личность организатора хозяйства витает над хозяйством и определяет его направление и темп. Все остальное есть только предпосылки и условия, но не движущие силы развития.

К числу решающих материальных предпосылок, обусловивших небывалый рост производительных сил человечества в XIX — XX вв., Зомбарт относит в первую голову современную научную рационалистическую технику, которая пришла на смену традиционной технике прошлых веков.

Приложение физики и химии к технологии, регулярность, правильность, бесперебойность производственного процесса стали возможны в невиданных раньше размерах.

Материально-технические причины вызвали и изменения общественных условий хозяйства. Капитализм получил способность к внезапным расширениям производства, которое раньше стеснялось ограниченностью органических материалов. Это кладет начало новейшему типу кон'юнктурных циклов, вызываемых периодическими толчками, периодической экспансией, обусловливающей периодические кризисы капитала, тогда как в предыдущую эпоху кон'юнктурные циклы обусловливались обыкновенными кризисами сбыта.

Другая основная предпосылка капиталистической экспансии — кредит. В области теории кредита Зомбарт придерживается так называемой динамической точки зрения, согласно которой кредит не только способствует превращению потенциального капитала в активный путем мобилизации сбережений, концентрации высвобождающихся денежных сумм и т. д., но обладает и творческой ролью: он творит капитал „из ничего", создавая новую покупательную силу, которая, будучи предоставлена в распоряжение предпринимателей, дает возможность активизации запасных, резервных производительных сил общества. Кредит не только перераспределяет наличные производительные силы в сторону отраслей, производящих средства производств, но и вовлекает добавочные ресурсы в производство. В этом вопросе Зомбарт примыкает к взглядам Мак-Леода и Гана, отличаясь от них, однако, в одном существенном пункте: он утверждает неразрывную связь кредита с золотом. Попутно с этим Зомбарт развивает свои взгляды на сущность сбережения, которое, по его мнению, есть только известная форма перераспределения производительного фонда общества в сторону производительных рабочих. Здесь он делает попытку реабилитировать старую теорию классиков, опровергнутую Марксом.

Но кроме мертвых материальных ресурсов и кредитной системы, капитализм для своей экспансии нуждается в рабочей силе. XIX век дал небывалый во всей истории человечества прирост народонаселения.

Кроме того, в распоряжении капитализма были предоставлены богатейшие человеческие ресурсы, которые он также хищнически использовал, как и ископаемые ресурсы земных недр, в рабской, полурабской или „свободной" форме наемного труда; наконец, высвобождение рабочей силы из сферы домашнего, мелкого ремесленного, крестьянского хозяйства,— все это обеспечило капитализм нервами и мускулами в такой степени, что, несмотря на колоссальный спрос на рабочую силу, он смог удержать зарплату в границах, не угрожавших интересам его накопления.

Любопытны взгляды Зомбарта по вопросу об эксплоатации наемного труда и о классовых взаимоотношениях. Он считает простой тавтологией ту мысль, что прибавочная стоимость есть результат избыточного труда рабочих. Но в то же время он оспаривает положение, что рабочие не получают полной стоимости продукта своего труда. В пользу последнего утверждения он выдвигает вульгарнейший довод, что продукт создается не только трудом, но и другими факторами производства.

Классовую борьбу рабочих Зомбарт считает не только не минусом, но плюсом для капитализма (за исключением, разумеется, тех „случаев", когда эта борьба переходит в революцию). С одной стороны, повышенная требовательность рабочих заставляет капиталистов налегать на рационализацию производства. С другой стороны, рост организованности рабочих, применение системы коллективных договоров и пр. ведут к тому, что договоры найма приобретают все более устойчивый, стандартизованный характер, облегчающий коммерческие расчеты, а растущая касса профсоюзов служит лучшей гарантией от стачек и забастовок. Одним словом, все к лучшему в сем лучшем из миров.

Проблему рынка и реализации прибавочной стоимости Зомбарт считает теоретически не существующей для капитализма. В общем он стоит здесь на точке зрения „оптимистов", которые считали, что капитализм сам себе создает рынок. „Сколько производится, столько и спрашивается". При этом он оспаривает взгляд Маркса, что из ежегодно накапливаемой доли прибавочной стоимости все меньшая часть идет на содержание рабочих, поскольку постоянно возрастает доля, идущая на производство средств производства. Зомбарт считает, что увеличение последней есть только перераспределение фонда между рабочими в сторону занятых в тяжелой индустрии, ибо увеличение „С" (постоянного капитала) есть не что иное, как увеличение живого труда, занятого в выработке орудий. Таким образом, накопление прибавочной стоимости вовсе не ведет к относительному сокращению рабочего спроса. Затруднения сбыта, по Зомбарту, могут проистекать не из накопления, а наоборот, из недостаточного накопления, если вырученные деньги просто тезаврируются или поступают в фонд спекулятивных операций.

Возражения Зомбарта против марксистской теории часто основано на нарочитом извращении взглядов Маркса (например, в вопросах концентрации). В других случаях они основаны на грубейшем игнорировании живой деятельности (например, в „теории" о постепенной стабилизации кон'юнктуры, смягчения кризисов и т. д., столь гармонирующей хотя бы с послевоенной эпохой). Зомбартская теория накопления и сбережения также не прибавляет новых аргументов к тем, которые до него были выдвинуты вульгарной экономией против Маркса. В некоторых вопросах Зомбарт, однако, действительно ставит новые проблемы. Так обстоит дело в частности с теорией народонаселения.

Много метких замечаний у Зомбарта по вопросу о структуре современного рынка, о характере потребления, о формах и тенденциях торговли. Основными тенденциями капитализма Зомбарт считает прежде всего тенденцию к единообразию форм потребления. Он считает важным психологическое стремление уподобиться во всем массе—„погрузиться в массу" исчезнуть в ней, укрыться, лишь бы „не странствовать в жизни в вечном одиночестве",— характерное для современного жителя больших городов.

Другая черта современного потребления — интенсивность и разнообразие потребления. Оно вытекает из ускоренного темпа жизни. „Гете сидел за обедом 3 часа, современный конторщик 10 минут". В одинаковое время современный человек успевает удовлетворить во много раз больше потребностей, чем его предок. В ту же сторону действует развитие транспорта. „Дама, пользующаяся мотором, успевает сыграть партию в теннис, выпить чаю, прослушать доклад в то самое время, которого ей прежде едва хватило бы на свидание". Из того же корня вырастает частая смена вкусов, калейдоскоп моды.

Господство суррогатов в современном потреблении вытекает как из слабой привязанности человека к вещам, так и из того, что суррогаты — наиболее естественный продукт капиталистического производства; в подавляющем большинстве случаев они являются результатом замены органических материалов неорганическими.

Какие тенденции вызывает эта эволюция потребления в структуре торгового аппарата? Прежде всего, удельный вес населения, занятого в торговле, обнаруживает стремление к росту.

Зомбарт отмечает колоссальную роль рекламы в современной торговле, но вместе с тем указывает на ряд явлений, которые постепенно подрывают основы рекламного дела. „Там, где все стараются перекричать друг друга, никого не слышно". Реклама сама себя с'едает.

Универсализм современных магазинов оказывается неспособным удовлетворять диференцированному вкусу. А с другой стороны, первоначальный экономический эффект от соединения многих торговых отраслей сменяется увеличением накладных расходов в результате чрезмерного организационного расширения.

Мы отметили только немногое из того богатства живых наблюдений, которые рассыпаны по этим вопросам в разных местах книги.

Далеко не во всем, конечно, Зомбарт оригинален. Пожалуй, наоборот, в последнем томе его труда мы встречаем гораздо больше заимствований из более или менее известных монографий, больше материала и обобщений из вторых рук, чем в первых двух томах, где он действительно прокладывал новые пути в первобытном лесу неисследованных фактов раннего капитализма. Значение II тома не в материале, как таковом, а в его подборе и компановке, не в теоретическом анализе, где Зомбарт слаб, но в мастерски выпуклом изображении фактов, процессов и тенденций.

Книга Зомбарта — антисоциалистическая, антимарксистская книга. Если бы мы задались здесь целью ее критического разбора, то для этого потребовался бы ряд статей. Мы полагаем, что в нашей литературе ей будет уделено с этой стороны достаточно внимания, тем более, что она скоро появится в русском переводе. Мы же имели в виду только обратить на нее внимание, как на умную и умелую апологию современного капитализма со стороны виднейшего идеолога его.

А. Светлов

М. Батуев. Мировые источники сырья. 1928. ГИЗ, стр. 148. Ц. 1 руб. 25 коп.

Несмотря на ряд достижений в области синтетической добычи сырья, проблема его естественных источников еще надолго останется одной из центральных проблем мирового хозяйства. Еще долго „мирная" борьба за нефть, каучук, хлопок, уголь и различные металлы будет являться поводом для военных столкновений капиталистических конкурентов.

Серьезное место занимает сырьевая проблема и в экономике СССР. Мы вынуждены выступать на мировом рынке как сравнительно крупный импортер сырья. С другой стороны, мы выступаем на мировом рынке как крупные экспортеры и обладатели богатейших потенциальных запасов важнейших видов сырья. Все это ставит перед нами острейшую потребность внимательного изучения теоретических и конкретных проблем сырья.

Книга Батуева имеет одну несомненную ценность: автор дает неплохое описание основных сырьевых источников мирового хозяйства, показывает борьбу за эти источники и пытается, правда не всегда удачно, наметить перспективы этой борьбы.

Зато значительно хуже обстоит дело у Батуева, когда он пытается теоретизировать — обобщать то статистическое „сырье“, которое он довольно обильно приводит в описательной части своей книги.

Остановимся прежде всего на „общей характеристике сырьевой проблемы мирового капитализма“, где Батуев пытается сделать теоретический анализ роли сырья в мировом хозяйстве.

Проблема сырья выступила впервые как самостоятельная проблема в эпоху промышленной революции XVIII столетия. Паровой двигатель Уатта, прядильный станок Харгрифа, ткацкий станок Картрайта, паровоз Стефенсона и пароход Фультона поставили уже реально проблему массовой потребности промышленности в сырье и способы удовлетворения этой потребности путем привоза сырьевых продуктов из заокеанских стран.

Шерстяная промышленность Германии, опиравшаяся раньше исключительно на туземное сырье, попадает в зависимость от импорта шерсти из Австралии, Капленда и Лаплаты, от ввоза красильных веществ из Индии. Хлопчатобумажная промышленность Европы оказывается связанной с хлопковыми плантациями в Соединенных Штатах, в Египте, Ост-Индии. Перу, Бразилии и некоторых районах центральной Африки.

С ростом производительных сил, в частности машинного производства, проблема сырья становится все актуальнее, меняя в то же время номенклатуру „злободневных“ товаров.

Если эпоха промышленной революции ставит на место сельскохозяйственного сырья уголь и железо, то последующие фазы капиталистического развития выдвигают на передний план нефть, каучук, цветные металлы и т. д.

Происходит „общественное“ (Маркс) разделение труда в международном масштабе, выражающееся в диференциации мировых стран на „город“ и „деревню“.

Мировые деревни становятся сырьевым „гинтерландом“ промышленных городов мира.

Характерным для монополистического капитализма является экспорт капитала, о котором Батуев даже не упоминает в своих теоретических размышлениях. А между тем, невозможно понять ни одной проблемы современного мирового хозяйства, элиминируя вопрос об экспорте капитала.

Прав автор в том, что „захват колоний, борьба за них между главнейшими капиталистическими странами, усиление стремления последних не допустить экономическую и политическую самостоятельность колоний,— все это имеет в качестве одной из основных предпосылок стремление главнейших стран обеспечить себя сырьевыми ресурсами“ (стр. 5) Однако, эту правильную по существу мысль автор не развивает и, главное, не связывает с остальными своими теоретическими положениями.

Проблема сырья в эпоху монополистического капитализма сводится в основном к монопольному овладению теми или иными концернами и трестами, всеми источниками необходимого сырья.

„Основной особенностью новейшего капитализма,— пишет Ленин в „Империализме“, — является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватывают в одни руки все источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия к тому, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. д.“.

Эта перманентная борьба за все источники данного вида сырья, при чем не столько активные (уже разрабатываемые), сколько потенциальные, и отличает степень остроты капиталистических противоречий в области сырья от противоречий в области экспорта капитала и рынков сбыта.

Противоречия основных империалистических держав в области экспорта капитала глубже, органичнее, но острота этих противоречий замаскированнее, чем в борьбе за рынки сырья. Экспорт капитала происходит более „мирными“ путями проникновения, чем захват сырья.

В экспорте капитала мы можем подчас наблюдать временные блоки сотрудничества тех или иных глубоко враждебных по существу друг другу капиталистических организаций. Английские и американские банкиры, несмотря на глубокие противоречия, существующие между ними, создают временные блоки для финансирования германской промышленности по плану Дауэса или даже специальные общества, вроде последнего англо-американского общества финансирования, созданного Альфредом Мондом. Эти временные блоки ни в коей мере не означают уничтожения или смягчения протоворечий, это лишь своеобразное, временное „мирное“ перевоплощение и в то же время расширенное воспроизводство глубочайших противоречий.

В области же сырья мы такое сотрудничество, даже временное, встречаем значительно реже. Стандарт-Ойлю и Деч-Шеллу гораздо труднее договориться о совместной эксплоатации нефтяных источников, чем Моргану и Норману (директор английского банка) о совместном финансировании.

Причина этой остроты противоречий в области сырья указана выше: борьба здесь идет за монопольное овладение сырьевыми источниками, которые, „раз попав в руки одних „национальных“ групп, пропадают для других“ (Бухарин). Этого основного, характерного в проблеме сырья — борьбы за монопольное овладение всеми источниками сырья — Батуев не видит.

Не анализирует Батуев также и роли сырья в ценнобразовании промышленных продуктов. Проблема сырья для финансового капитала является в значительной мере проблемой сырьевых цен и их отражения на норме прибыли своей промышленности.

„Стоимость сырых и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала переходит на продукт лишь по мере снашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что цена продукта гораздо в большей степени затрагивается ценой сырого материала, чем ценой основного капитала... При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении обратном по сравнению с движением цены сырого материала“ (Маркс, „Капитал“ т. III).

Цитируя Бисмарка о роли железа и угля, Батуев перепевает известную концепцию империализма Павловича, не упоминая о последнем ни слова.

Мы не будем останавливаться на остальных мелких ляпсусах и неточностях в теоретической части и перейдем к конкретной части, в которой найдем более интересный материал.

В конкретной части Батуев дает характеристику сырьевых источников, металлургической и металлообрабатывающей промышленности, текстильной и т. д. Заканчивает автор описательную часть анализом продовольственной проблемы мирового капитализма. Особенно подробно Батуев останавливается на анализе взаимоотношений угля и нефти и

тех теоретических споров, которые ведутся вокруг вопросов, кому принадлежит будущее — нефти или углю. Тут Батуев в общем правильно ставит вопрос, что современный кризис угольной промышленности не означает того, что уголь, как источник энергетического хозяйства, окончательно сошел со сцены, уступив место нефти. Будущее принадлежит жидкому топливу, синтетически добываемому из угля.

Сравнительно мало автор обращает внимания на такие цветные металлы, как алюминий, который приобретает большое значение в наше время, особенно в связи с военной опасностью. Мало автор останавливается на синтетическом сырье, которому предстоит в будущем сыграть большую роль и над которым сейчас так усиленно работают ученые капиталистических стран и отдельные тресты.

Покуда синтетическое сырье не вышло из недр лаборатории, но в тот момент, когда наука добьется возможности массового применения синтетического сырья, проблема сырья вообще предстанет перед миром в совершенно новом свете.

Дм. Бухарцев

А. Ф. Притула. Нефтепроводы Соед. Штатов, их сооружение и эксплоатация. Изд. Совета нефт. пром., 1927 г., стр. 267, ц. 6 руб.

Советские нефтетресты — Азнефть и Грознефть — ведут энергичные работы по сооружению нефтепроводов к Черному морю, рассчитанных на массовый экспорт советских нефтепродуктов. Дело это для нас, можно сказать, совершенно новое, так как до сих пор наша нефтяная промышленность знала лишь укладку нефтепроводов на сравнительно небольшие расстояния, преимущественно в рамках нефтяных районов; но технические основания и условия прокладки в этих случаях, так же как и в деле прокладки старого керосинопровода Баку — Батум, весьма существенно отличаются от современного крупного нефтепроводного строительства. Поэтому следует признать появление книги А. Ф. Притулы своевременным, учитывая руководящую роль Соед. Штатов в нефтяной технике. Труд А. Ф. Притулы является достаточно солидным. Автором использована богатая американская литература по нефтепроводному вопросу и нефтепроводной практике, и в результате данная книга может послужить в качестве ценного справочника по данному вопросу.

В частности, большой интерес представляет гл. IV — „Расчет нефтепроводов", так как эта область, как правильно отмечает автор, только в последнее время получила достаточно разработанную теоретическую базу. Однако, упоминая бегло об этих теоретических предпосылках и приводя затем ряд весьма полезных, без сомнения, эмпирических формул и практических таблиц, автор не указывает достаточно ясно связи между первыми и последними. Имеются и прямые неясности: напр., приводя теоретическую формулу для определения „коэфициента трения" при параллельно-струйном движении (стр. 53), автор на следующей странице предлагает определенную отсюда величину подставлять в формулу турбулентного движения, имеющего в действительности иное сопротивление движению. Другой пример: на стр. 68 предлагается на графике, служащем для расчета нефтепроводов, наносить „линию вязкости" и „линию температур" в „одних и тех же масштабных единицах", между тем как понятно, что различные по природе физические величины не могут иметь одинакового масштаба. Пробелом, на наш взгляд, является отсутствие в этой главе основных теорем гидравлики: они были бы здесь весьма уместны. Кроме того, число примеров расчета следовало бы увеличить

и разнообразить по условиям, и лучше было бы проделать это в метрических мерах.

Наиболее полезными представляются главы об устройстве и оборудовании насосных станций и об организации строительства, а равно о технических приемах укладки и соединения труб и защиты их от разъедания. Здесь можно найти много полезных указаний, подчас „мелочей" с теоретической точки зрения, но таких, игнорирование которых может вести к большим убыткам. Однако, мы не нашли здесь указаний на технические методы „герметизированной" перекачки, без резервуаров на промежуточных станциях, „из насоса в насос", по выражению Азнефти (см. изд. Азнефти „Нефтепровод Баку — Батум", 1927 г.), предполагающей применить такой способ для своего нефтепровода в целях уменьшения потерь наиболее ценных фракций нефти при ее перекачке. Было бы весьма полезно получить технические иллюстрации этого приема, если он применим в американской практике (у А. Ф. Притулы имеется только ссылка на применение резервуаров небольшой емкости), тем более, что Азнефтью эта задача, по выражению той же книги, „безусловно решена"; однако, такие заверения, до их опытной проверки, должны бы делаться с большей осторожностью.

Книга, между прочим, отмечает широкую механизацию в Америке различных работ при сооружении нефтепроводов (рытье траншей, свинчивание труб, их очистка, укладка и др.), неизвестную в нашей практике. К сожалению, автор не пускается в исследование вопроса об экономической применимости и выгодности введения аналогичных приемов в наших условиях.

Глава X излагает затруднения при перекачке вязких нефтей и способы борьбы с ними. Надо напомнить, что при большой вязкости грозненских нефтей в холодное время года грозненский нефтепровод должен будет столкнуться в свою очередь с подобными затруднениями. Вытекающие отсюда трудности и невыгоды, смягчавшиеся многими в период „борьбы за нефтепроводы", могут отразиться на экономической стороне эксплоатации нефтепровода и, что серьезнее, грозят в той или иной степени подчинять режим всего нефтепроводного и Туапсинского заводского хозяйства климатическим и сезонным условиям.

Глава XI о стоимости сооружения и эксплоатации нефтепроводов сравнительно бледна, особенно в отношении данных о стоимости эксплоатации, что было бы сейчас для нас весьма интересным.

Надо особо упомянуть и о первой главе — „значение нефтепроводов в экономике Соед. Штатов и нефтяной промышленности". Эта тема сама по себе весьма обширна и интересна, так как нефтепроводы сыграли исключительную роль в условиях распределения дохода между капиталистическими группами, в образовании мировых нефтяных монополий, в экспроприации ими промышленной прибыли от производителей и ренты — от собственников недр, а также в деле сложившегося районирования нефтеперерабатывающей промышленности и во многих особенностях, отличающих в этом последнем отношении нефтепромышленность разных стран. Было бы интересно провести параллель между ролью нефтепроводов в нефтяной экономике С.-А. С. Ш. и СССР, чтобы показать именно не столько аналогию, сколько различие обеих стран в этом отношении. С этих точек зрения рецензируемая книга далеко не исчерпывает темы об экономической роли нефтепроводов: но, разумеется, автор и не ставил себе такой задачи, имея, повидимому, целью лишь дать вводную главу к своему, преимущественно, техническому труду. Но все-таки и эта глава дает некоторый материал для понимания крупного общественного значения нефтепроводов в Америке, помимо их чисто-транспорт-

ной роли,— в частности и как способа укрепления монополий и господства их над разрозненными производителями. Эта глава выиграла бы, если бы к ней приложена была географическая карта с нанесением нефтедобывающих районов и нефтепроводной сети С.-А. С. Ш.

Книга, в общем, дает большой технический, преимущественно описательный и справочный, материал, каковой должен быть учтен и использован в советском нефтяном капитальном строительстве, — разумеется, с учетом и всех наших естественных и экономических особенностей.

А. С—ль

НОВЫЕ КНИГИ

Р. Е. Вайсберг. Проблемы пятилетнего перспективного плана. ГИЗ, 1928, стр. 167, цена 75 коп.

Работа т. Вайсберга характеризует основные экономические проблемы в области пятилетнего перспективного планирования. Подходя к пятилетнему плану, как к составной части всей системы планирования, автор освещает проблемы „пятилетки“ в связи с другими формами планирования (генеральный план, пятилетний, контрольные цифры, конъюнктурные наблюдения). В книге использованы новейшие материалы.

А. Леонтьев. Социалистическое строительство и его критики. ГИЗ, 1928, стр. 234, цена 90 коп.

Работа А. Леонтьева посвящена характеристике буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в вопросах хозяйственного строительства СССР. Автор дает анализ темпа и направления хозяйственного развития Союза, в частности, путей развития советской деревни. Конечным выводом этого анализа является обоснование социалистического, а не капиталистического (как это утверждают буржуазные критики) характера хозяйственного строительства СССР.

Промышленный экспорт. Итоги и перспективы. (Иностранный Отдел ВСНХ СССР). ГИЗ, 1928, стр. 230, цена 1 р.

Целью настоящей книги является выявление возможностей расширения промышленного экспорта СССР на основе конкретного материала проработанного Иностранным Отделом ВСНХ Союза. В книжке охвачены почти все крупные статьи промэкспорта, причем в отношении всей экспортной номенклатуры приводится перечень конкретных мероприятий, обеспечивающих намечаемое расширение.

Д. Шапиро. Кустарная промышленность и народное хозяйство СССР. ГИЗ 1928, стр. 108 цена 60 коп.

Брошюра Д. Шапиро является опытом характеристики современного состояния кустарной промышленности СССР и вместе с тем комментированным собранием постановлений партии и правительства о кустарной промышленности и промысловой кооперации.

Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за пять лет. (1923/24 — 1927/28). Изд. Всесоюзного Совета Синдикатов. Москва 1928, стр. 111, цена не указана.

Настоящий сборник цифровых и графических материалов иллюстрирует основные этапы развертывания государственной промышленности за указанное выше пятилетие в области ее торговых функций. Проработанный на основе единой методологии, сборник освещает динамику роста всей синдикатской системы СССР в целом.

В. В. Оболенский (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и в СССР. Изд. ЦСУ СССР, Москва, 1928, стр. 137, цена 2 руб.

Работа т. Осинского является частью коллективного труда, издаваемого американским статистиком В. Вильконсом и посвященного итогам международной и межконтинентальной миграции в XIX и начале XX века. Работа освещает проблему миграции в довоенной России и СССР, причем наряду с общими статистическими иллюстрациями российской эмиграции и иммиграции в целом и по национальным группам, автор останавливается на выявлении характера и социальных причин эмиграции: финской, польской, литовской, еврейской, русской и т. д.

Н. Д. Кондратьев и Д. И. Опарин. Большие циклы конъюнктуры. Ранион. Институт экономики. Москва, 1928, стр. 287, цена 2 р. 50 к.

Настоящая книга составлена из докладов обоих авторов в Институте экономики Ранионa и прениям по ним, посвященным вопросам конъюнктуры. Книга открывается докладом проф. Кондратьева — „Большие циклы экономической конъюнктуры“, затем следует содоклад Д. И. Опарина — „Критический анализ „больших циклов конъюнктуры“ проф. Кондратьева и об'яснение длительных колебаний некоторых экономических элементов“ и выступления участников прений. В качестве приложения в книге приведен цифровой иллюстративный материал.

Г. С. Гордеев. Обезземеление американского фермера. Процессы диференциации. Изд. „Новый агроном“. М. 1928, стр. 242, цена 2. р. 90 к.

Основная задача работы Гордеева — анализ процессов концентрации и диференциации американского фермерства. Этому анализу предшествует первая часть, являющаяся очерком развития капиталистического сельского хозяйства и земельной политики в С.Ш. Характеристике же процессов обезземеливания посвящены вторая и третья (последняя) части, охватывающие проблемы фермерства и земельных отношений в С.Ш. как до, так и после войны.

Г. Александров. Капитализм и колониальная политика. Изд. „Моск. Рабочий“. М. 1928, стр. 151, цена 1 р. 50 коп.

Книжка Г. Александрова является очерком, рисующим этапы развития и роста колониальной политики капитализма на протяжении ряда столетий, вплоть до наших дней. Характеризуя движущие силы колониальной политики, автор на ряде исторических примеров иллюстрирует деятельность капитализма в колониях и нарастающую борьбу колониальных народов с колонизаторами.

Р. Зонтер. Новый немецкий империализм. Предисловие А. Тальгеймера. Изд. „Прибой“. 1928, стр. 161, цена 1 р. 50 к.

Задача книги Р. Зонтера — осветить сущность и основные тенденции современного германского империализма на основе политико-экономических факторов послеверсальского периода. Определив экономический базис нового германского империализма, его отражение в политике капиталистической Германии и его социально-классовую опору (роль II Интернационала, германской социал-демократии и т. д.), автор дает характеристику порождаемых империализмом экономических и политических коллизий.

МЕСТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Магнитогорский металлургический завод. Технико-экономический очерк. Материалы к пятилетнему плану хозяйству Урала. Изд. Уралплана. Свердловск. 1928. Стр. 96 + 3 карты., цена 1 р. 50 к.

Настоящий коллективный очерк, составленный работниками Уралплана, имеет в виду детальное техническое и экономическое исследование проблем сооружения Магнитогорского завода. Экономическая часть очерка включает материалы, выявляющие общие предпосылки сооружения завода, возможности и стоимость подноса к нему кузнецкого угля и характерные особенности горы Магнитной, как наиболее благоприятного района для развития минеральной плавки. Техническая часть касается месторождений железных руд, проекта их эксплоатации, проекта сооружения самого завода и т. д.

А. Д. Ратнер и В. П. Ренке. Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна. Изд. Донугля. Харьков, 1928, стр. (больш. формата) 34 + 76 таблиц, цена 3 руб.

Цель этой работы — выявить на основании имеющихся материалов тенденции развития современной каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса и дать сравнение по ряду основных производственно-экономических показателей Донецкого бассейна с работой иностранных угольных бассейнов (Германии, Англии, Соед. Штатов). Приведенные в конце книги статистические таблицы диференцируют данные по каждому отдельному району и по отдельным шахтам Донбасса.

Сырьевые ресурсы Средней Азии. Вып. 1-й — Овцеводство (стр. 172, цена 85 к.), вып. 2-й — Садоводство (стр. 81, цена 50 к.). Изд. Ср. Аз. Экосо и Ср. Аз. конторы Акц. Об-ва „Шерсть“, Ташкент, 1928.

Оба выпуска являются результатом работы, предпринятой Комиссией Средне-Азиатской Экосо по изучению сырьевых проблем. Вопросы садоводства и овцеводства, как крупнейших отраслей в экономике Средней Азии по современному своему состоянию и по будущим перспективам, проработаны в первую очередь.

Вопросы экономического районирования применительно к Волжско-Камскому краю. Изд. Госплана Татреспублики, Казань, 1928, стр. 80 + 4 карты, цена 80 коп.

К организации Нижегородской Области. Изд. нижегородского губисполкома Н.-Новгород, 1928, стр. 71 + 2 картограммы.

Обе брошюры представляют собой методологическое и экономическое обоснование проектов образования двух новых областей, в связи с происходящим в настоящее время районированием РСФСР. Содержанием первой является защита проекта организации Волжско-Камского края с центром в Казани, во второй обосновывается проект Нижегородской Области, как самостоятельной экономической области. Обе книжки содержат всестороннюю характеристику экономики проектируемых районов.

М. Баренгольц

Емкость промышленного рынка в СССР [1]

1. Внутрипромышленное потребление продуктов сельского и лесного хозяйства

Прежде чем перейти к анализу данных о динамике внутрипромышленного потребления продуктов сельского и лесного хозяйства, считаем нужным оговорить, что в нашем изложениии под последним следует понимать только те виды растительного и животного сырья, которые поступают в промышленность для первичной обработки. Но эти же виды сырья, если они после первичной промышленной обработки поступают в то же или другое промышленное заведение, в ту же или другую отрасль для дальнейшей (вторичной и т. д.) обработки, рассматриваются нами, как продукты промышленного происхождения, ибо как продукты, поступившие из менового фонда с. х., они уже были учтены один раз, когда они поступали в промышленность для первичной обработки.

Так, например, хлопок-сырец, поступающий на хлопкоочистительные заводы, учитывается нами, как продукт сельского хозяйства, но хлопок, поступающий из хлопкоочистительных заводов для прядения в хлопчатобумажную промышленность, рассматривается уже как продукт промышленного происхождения и относится нами к внутрипромышленному обороту. Точно так же зерно, поступающее на мельницу, — продукт сельского хозяйства, а мука, отправляемая из мельницы на пекарню и на кондитерскую фабрику, является уже товаром промышленного происхождения, и т. д. Короче говоря, как продукт сельского хозяйства, сырье учитывается только один раз — в момент его поступления из внепромышленного сектора в сферу промышленного производства; дальнейшее же обращение этого сырья внутри последнего должно рассматриваться в порядке внутрипромышленного оборота.

Исходя из такого ограничительного понимания сельскохозяйственного сырья, размеры внутрипромышленного потребления продуктов сельского и лесного хозяйства в общей массе потребляемых промышленностью материалов определяются в следующих размерах (см. табл. 1—3).

При сравнении полученных в табл. 1 итогов современного и довоенного (1913 г.) потребления сырья и топлива в ценовой фабрично-

---

[1] Настоящая работа, предпринятая несколько лет тому назад по инициативе Пром. Эконом. Совета ВСНХ, оказалась по состоянию материалов трудно выполнимой в том об'еме, как она была намечена. Отчетные материалы сильно запаздывают, и потому последний отчетный год, который удалось использовать в публикуемой нами работе, — 1924/25. За 1922/23 и 1923/24 годы отчетный материал оказался недостаточно надежным уже вследствие того, что за эти годы, на ряду с червонцем, функционировала падающая совзначная валюта. Кроме того, за неполнотой отчетности многие пробелы пришлось восполнять путем привлечения косвенных данных и приближенных исчислений. Все это в значительной степени обесценивает абсолютное значение полученных автором цифровых коэффициентов. Тем не менее, соотношение полученных величин для разных лет и отраслей промышленности весьма показательно и может быть использовано для экономической ориентировки в мало исследованной еще области проблем емкости нашего рынка. Ред.

заводской промышленности, прежде всего обращает на себя внимание резкое сокращение удельного веса потребления продуктов сельского и лесного хозяйства. Здесь в основном сказывается с одной стороны некоторое изменение структуры промышленного производства, а с другой стороны — расхождение индексов цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Естественно, что при более высоком индексе промышленных цен удельный вес потребляемых в промышленном производстве сырья и материалов промышленного происхождения, при одном и том же соотношении в материальной массе потребления, в ценностном выражении возрастает, а удельный вес с.-х. сырья, наоборот, уменьшается. Еще в большей степени на уменьшение удельного веса потребляемого в цензовой промышленности сельскохозяйственного сырья оказало влияние изменение структуры валового оборота самой промышленности. Яркий пример для иллюстрации этого положения представляет группа X— производств по обработке хлопка — где мы имеем наибольшее сокращение удельного веса потребляемого с.-х. сырья: с 49,49% в 1913 г. до 2,52% в 1922/23 г. и 7,32% в 1924/25 г. Правда, в этом случае данные за 1913 г. в том виде, как они представлены в таблице 1, не совсем сопоставимы с данными за 1922—25 гг. ибо последние имеют в виду только хлопок-сырец, поступивший на хлопкоочистительные заводы, в то время как за 1913 г. очевидно показано все количество очищенного хлопка, поступившее в хлопчатобумажное прядильное производство, включая импорт, которое, по принятому нами методу, должно быть отнесено к промышленному сырью. Однако, если указанную в таблице цифру потребления хлопка в 431 млн. руб. отнесем к промышленному сырью, а стоимость потребленного на русских хлопкоочистительных заводах хлопка-сырца условно примем в 180 млн. руб., все же общая величина потребления с.-х. сырья за 1913 г. составит по группе X 20,7%, т.-е. в несколько раз больше, чем в 1922—25 гг. Последнее об'ясняется всецело изменением структуры производства в X группе, где доля продукции хлопкоочистительных заводов значительно сократилась, что видно из следующего сравнения (в млн. золотых руб., по ценам на месте потребления).

Годы	Всего потр. хлопка	Стоимость хлопка-сырца, поступившего на хлопкоочистительн. заводы	Гр. 2 в %% к гр. 1
	1	2	3
1913	431,2	(180)	41,7
1922/23	122,0	10,2	8,3
1923/24	189,7	24,2	12,8
1924/25	294,5	67,0	22,7

По мере роста продукции хлопкоочистительных заводов, увеличивается и удельный вес с.-х. сырья в X группе. Аналогично тому, что мы видели в группе X по обработке хлопка, мы имеем и в группе VII—пищевой промышленности, где удельный вес мукомолья подвергался резким колебаниям за эти годы, что неизбежно повлияло на общий итог потребления с.-х. сырья. Характеристику влияния на удельный вес

с.-х. сырья тех изменений, которые имели место внутри хлопкообрабатывающей и пищевой промышленности, дает нам следующее сопоставление итогов по всей промышленности при исключении указанных двух отраслей:

Потребление сырья и топлива в цензовой промышленности

(в млн. золотых рублей)

		1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
Вся промышленность	а)	3.263[1]	1.727	2.380	3.772
	б)	1.044[1]	462	772	1.160
	в)	31,9	26,8	32,4	30,8
Вся промышленность без хлопкообраб. промышленности	а)	2.212	1.324	1.857	2.857
	б)	865	452	748	1.093
	в)	22,2	33,3	40,1	38,2
Вся промышленность без мукомолья	а)	2.744	1.557	2.054	3.210
	б)	803	314	472	657
	в)	29,3	20,1	22,9	20,5
Вся промышленность без мукомолья и хлопкообрабат. промышленности	а)	1.873	1.153	1.534	2.292
	б)	552	304	447	591
	в)	25,7	26,4	29,2	25,7

Примечание: а) Всего потреблено сырья и топлива; б) потребление сырья и топлива из сельск. и лесн. хоз.; в) процентное отношение группы „б" к группе „а".

В общем, если элиминировать влияние структурных изменений в пищевой и хлопкообрабатывающей промышленности, то за исключением 1923/24 г., когда мы имели резкое колебание индексов цен, удельный вес потребления с.-х. не знает резких колебаний и держится около довоенного уровня.

Наконец, на ряду с указанными факторами, оказавшими влияние на изменение удельного веса с.-х. сырья, следует еще указать на установившуюся за последнее время тенденцию к минерализации топливного хозяйства промышленности, в связи с чем уменьшается потребление древесного топлива, что уже нашло свое явное выражение в итогах за 1922—25 гг. При некоторых колебаниях по отдельным отраслям, в частности, при увеличении за период 1922—25 гг. потребления древесного топлива в горнозаводском деле (что находит себе об'яснение в росте уральской металлургии, потребляющей древесный уголь), в общем по всей промышленности удельный вес потребления древесного топлива за указанный период неуклонно падает.

По мелкой промышленности (см. табл. 2), по которой мы располагаем данными только за 1923/24 и 1924/25 гг., наблюдаются довольно резкие колебания потребления с.-х. сырья по отдельным отраслям, об'ясняемые, как и в цензовой промышленности, главным образом изменением внутренней структуры той или иной отрасли или группы производства. Но в общем, если вычесть пищевую промышленность, то в итоге получим за оба учтенные года стабильную цифру около 20%.

[1] Эти цифры получены путем внесения указанной в тексте необходимой для сопоставимости с последующими годами методологической поправки на хлопок (180 млн.), поступившей в хлопкоочистительные заводы, и перемещение потреб. хлопка (431 млн.) из рубрики сельского хозяйства в рубрику промышленности.

(В млн. черв. рублей)

Годы	Всего потреб. сырья в мелк. промышлен.	Из этого продуктов сельск. и лесн. хозяйства		Всего потреб. сырья в мелк. пром. без пищевой	Из этого продуктов сельск. и лесн. хоз-ва	
		абсол.	в %		абсол.	в %
1923/24	2.367	1.744	73,68	562	113	20,1
1924/25	2.765	1.954	70,69	733	144	19,6

В результате указанных выше изменений в потреблении с.-х. сырья фабрично-заводской и мелкой кустарной промышленности, общий итог потребления с.-х. сырья во всей промышленности в целом (см. табл. 3) выразится в следующем:

(В млн. золотых рублей)

Годы	Всего потреблено в ценз. и мелк. кустарн. пром. сырья, материалов и топлива	Из этого продуктов сельского и лесного хозяйства		Всего потребл. в фабрично-заводск. и мелкой кустарн. промышлен. без пищевой	Из этого продуктов сельского и лесного хозяйства	
		Всего	в %		Всего	в %
1923/24	4.732	2.516	53,2	2.332	412	17,7
1924/25	6.523	3.115	47,8	3.448	553	16,1

2. Внутрипромышленное потребление и внутрипромышленный оборот

Внутрипромышленное потребление продуктов промышленности функционально распределяется на следующие 4 категории: 1) потребление средств производства — машины и орудия, сырье, полуфабрикаты, топливо, вспомогательные материалы, 2) потребление в строительстве, 3) потребление личное (спецодежда, спецпитание) и 4) потребление канцелярских принадлежностей; последние две группы, разумеется составляют весьма малую часть общей массы потребления.

Потребление средств производства, в свою очередь, может быть разделено на 1) потребление авансированного основного капитала и 2) потребление предметов оборотного капитала. Потребление первого рода, как проблема баланса воспроизводства, однако, не входит в круг рассматриваемых нами вопросов, связанных с внутрипромышленным оборотом в пределах данного годового производства. Поэтому в настоящем очерке в отношении потребления в процессе производства мы будем рассматривать только потребление предметов оборотного капитала и возникающую в связи с этим потреблением связь между отдельными промышленными предприятиями и отдельными отраслями промышленности (внутрипромышленный оборот).

Если размеры строительства и, следовательно, потребление в строительстве, предопределяя в значительной степени дальнейшие возможности развития промышленного производства, сами не зависят исключительно от достигнутого уровня промышленного производства, а определяются условиями общеэкономической кон'юнктуры и политики (соотношение производительного и непроизводительного потребления, перераспределения накопления в стране, притока иностранных капиталов и т. д.), то годовое потребление средств производства в процессе производства функционально связано с данными размерами годовой продукции.

При данных технических условиях, т.-е. если нет никаких изменений в самой технике производства, обусловливающих уменьшение расходов сырья, топлива и вспомогательных материалов на единицу продукта или вызывающих замену одного вида сырья и топлива другим, более экономным и более дешевым, размеры потребления в натуре по отношению к размерам производства являются величиной постоянной, и изменения в ценностном выражении этого потребления, если таковые имеются, определяются только сдвигами в области цен. Поэтому при отсутствии технической „революции" в области производства, коэфициенты внутрипромышленного оборота в отношении так называемого „валового оборота" дают в натуре, а при соответствующей поправке на изменения цен и в ценностном выражении, вполне устойчивые динамические показатели как для определения общего размера потребления и внутрипромышленного оборота, так и для установления конкретной взаимной связи между отдельными отраслями промышленности.

Это положение должно служить для нас основным критерием при рассмотрении вопроса о внутрипромышленном обороте; этим же положением мы и руководствовались при разработке материалов о внутрипромышленном потреблении. Однако, мы должны тут же оговорить, что в отношении „валовой продукции", как она понимается в нашей промышленной статистике, динамические коэфициенты внутрипромышленного оборота менее показательны и не обладают такой строгой закономерностью, как это имеет место в отношении „валового оборота", в виду беспрерывно совершающихся структурных изменений в организации производства (большая специализация и выделение некоторых подсобных производств в самостоятельные производственные единицы статистически увеличивают размеры „валовой продукции" и, наоборот, соединение нескольких производств в одном заведении статистически уменьшает „валовую продукцию", хотя материальные размеры производства при этом отнюдь не изменились). Поэтому при анализе данных о внутрипромышленном обороте необходимо исходить из „валового оборота" потребляющих отраслей, определяющего размеры потребления этими последними продукции других отраслей. В связи с этим следует поставить вопрос об организационной структуре внутрипромышленного оборота.

Со стороны организационной внутрипромышленный оборот можно рассматривать трояко: 1) весь материальный оборот, совершающийся в процессе производства и воспроизводства внутри промышленности, 2) только оборот между заведениями, что по терминологии Маркса предпочтительнее было бы назвать товарным оборотом,[1] или 3) только товарно-рыночный оборот.

„Весь материальный оборот" в данном случае следует понимать не в буквальном, а в статистическом смысле этого слова, т.-е. не материальный оборот, совершающийся между отдельными стадиями каждого данного производства, а оборот между отдельными производствами одного и того же промзаведения, которые учитываются в так называемом „валовом обороте". Таким образом, весь материальный оборот связан с „валовым оборотом" и включает,

[1] Часть Т' (в известных случаях, в известных областях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла, как товар; благодаря этому, устраняется лишь превращение ее стоимости в действительные деньги, или в денежные знаки, или же она получает самостоятельное выражение только для счета. Эта часть стоимости не входит в обращение. (Маркс, „Капитал, том II, стр. 38).

помимо оборота между заведениями, также оборот внутри заведения между отдельными статистически учитываемыми производствами, или, другими словами, „валовой оборот“ минус „весь материальный оборот“ равняется „валовой продукции“ минус „оборот между заведениями“. Под товарно-рыночным оборотом мы понимаем оборот между трестами, или оборот, совершенный через рынок, т.-е. оборот между всеми заведениями минус оборот между заведениями одного и того же треста.

Говоря об организационной структуре внутрипромышленного оборота, следует еще различать оборот между цензовой и мелкой ремесленно-кустарной промышленностью. Однако, по этому вопросу мы никакими прямыми статистическими данными не располагаем, и поэтому взаимную связь между цензовой и мелкой промышленностью приходится установить косвенным образом, путем балансирования производства и потребления по каждой данной отрасли, и каждое найденное превышение потребления над производством — скажем, в мелкой промышленности—условно рассматривать, как полученное из цензовой промышленности, а также наоборот. Таким образом, в отношении взаимоотношений между цензовой и мелкой промышленностью мы получим фактически не полный оборот, а только сальдо по обороту, что нужно иметь в виду в дальнейшем, когда будет речь об обороте между цензовой и мелкой промышленностью (см. табл. 4—6).

3. Взаимная связь между отдельными отраслями в цензовой промышленности

Прежде чем перейти к рассмотрению организационной структуры всего внутрипромышленного оборота в цензовой промышленности в целом, необходимо более подробно остановиться на характеристике отдельных видов потребления и, в первую очередь, — потребления в процессе производства (включая текущий ремонт) сырья, топлива, вспомогательных материалов и тары, которое (потребление), как уже было отмечено выше, обусловливает и предопределяет ту постоянную функционную связь, которая существует между отдельными отраслями промышленности.

При этом следует отметить, что за обозреваемый нами период 1922—25 гг. в нашей промышленной статистике учетной единицей считалось промышленное заведение, и если в том или ином промзаведении было об'единено несколько производств, относящихся к различным отраслям (напр., мукомольно-лесопильное, обувно-колодочное и т. д.), то заведение в целом все же относилось по какому-либо преимущественному признаку к одной из отраслей. Таким образом, оборот между различными отраслями, который имел место внутри одних и тех же заведений, нашей промстатистикой совершенно не улавливался.

Поэтому связь между отдельными отраслями возможно изучать только в пределах оборота между заведениями.

Последний же за период 1922—25 гг. по ценам их на месте производства представляется в следующем виде (см. таблицу 8).

При изучении внутрипромышленного потребления мы исходили из натуральных величин, которые для удобообозримости были нами переоценены по тем же ценам, по которым произведена статистическая оценка продукции каждого данного товара. Таким образом мы получили адэкватное материальной массе потребления ценностное выражение, которое мы бы назвали условно-материальным, позволяющее нам сравнивать и сбалансировать по различным отраслям промышленности потребление с производством и найти удельный вес первого.

Однако, если для получения условного материального баланса необходимо изучать потребление по ценам на месте производства, то с точки зрения баланса воспроизводства важно знать конечную валовую ценность продукта, когда он выходит из сферы обращения, т.-е. по ценам на месте потребления. Это необходимо также для изучения чистой продукции. Поэтому в прилагаемых таблицах внутрипромышленного оборота между отдельными заведениями [1] по группам и подгруппам производства мы приводим потребление и по ценам производства и по ценам потребления.

При этом считаем нужным предостеречь от попыток путем сопоставления цен на месте производства и на месте потребления вывести размер „накидок“ и их динамики по годам. Такого рода попытки по существу весьма законны; но надо определенно сказать, что результат их может оказаться далеко не удовлетворительным. Дело в том, что при том состоянии нашей промышленной статистики, которое мы имели и имеем до сих пор, нет никаких гарантий, что цены на месте производства действительно являются, как того требовала инструкция, отпускными ценами. Скорее надо думать, — в этом убеждает нас и анализ цен по отдельным товарам, — что на местах статистическая оценка продукции производится не по отпускным ценам данного заведения, а чаще всего либо по себестоимости, либо по ценам треста, либо по каким-то еще условно принятым для счета ценам. Таким образом, оценка валовой продукции в большей части является счетной, статистической или какой угодно условностью, но отнюдь не реальной действительностью. С точки зрения интересующей нас в данном случае условно-материальной оценки потребления, нет никакой беды в том, что эта оценка не представляет собою конкретной реальности, ибо для нас важно только одно — чтобы цены, по которым оценивается потребление известных товаров, совпали бы с теми ценами, по которым статистически было оценено их производство. Но для определенных выводов относительно нарастания цены между производством и потреблением, относительно издержек промышленности на обращение, эти цены явно не годятся. Поскольку последний вопрос имеет актуальное значение и в особенности с точки зрения правильной организации внутрипромышленного оборота, остается только пожелать, чтобы наша промстатистика впредь больше уделяла бы внимания вопросу о конкретности цен, по которым производится оценка валовой продукции, и поставила бы эту оценку на должную высоту.

Возвращаясь к приведенной выше таблице о внутрипромышленном потреблении средств производства в цензовой промышленности, мы должны отметить, что за исключением топливной и текстильной групп, где по причинам, изложенным ниже, в 1923/24 г. имело место понижение удельного веса внутрипромышленного производственного потребления, мы в общем по всей цензовой промышленности наблюдаем неуклонный рост внутрипромышленного потребления, не только абсолютно, но и относительно валовой продукции.

В отношении топливной промышленности сокращение удельного веса потребления цензовой промышленности за 1923/24 г. отчасти об'ясняется относительным перепроизводством донтоплива и образованием значительных запасов угля, в связи с чем на 1924/25 г. в свое время наметилось сокращение производственной программы угольной промышленности.

[1] В отношении оборота внутри одного и того же заведения эта разница отпадает, ибо здесь цена на месте производства совпадает с ценой на месте потребления. Поэтому в дальнейшем, когда мы будем рассматривать весь материальный (т.-е. включая и оборот внутри заведений) оборот в цензовой промышленности, последний будет дан только по ценам производства.

В нефтяной промышленности, начиная с 1923/24 г., возрастает доля экспорта и одновременно падает удельный вес керосина и вообще перегонки, в связи с чем неизбежно относительное уменьшение удельного веса внутрипромышленного оборота. На ряду с этим можно констатировать значительные успехи в экономии топлива, и норма расходования топлива на единицу продукции с 1922/23 г. неуклонно падает. Особенно это явно сказалось в самой топливной промышленности, где собственное потребление падает не только относительно, но и абсолютно при продолжающемся росте продукции. Это заметно и в металлургии, где в 1923/24 г. потребление топлива незначительно учеличилось при росте продукции, по довоенным ценам равном почти 50%.

В текстильной промышленности уменьшение удельного веса внутрипромышленного потребления обусловлено уменьшением относительного веса внутреннего оборота в самой текстильной промышленности, что об'ясняется несколькими причинами. Во-первых, в сумму потребления для баланса с продукцией не включен хлопок импортный.[1] Если учесть последний, то % внутреннего оборота текстильной промышленности в отношении валовой продукции несколько возрастет. Во-вторых, за эти годы, благодаря улучшению ассортимента и повышению качества, мы наблюдаем рост удельного веса в общей массе потребленных материалов продуктов других отраслей промышленности, в частности, красителей, и наоборот, падение удельного веса текстильного сырья; в особенности это имеет место по хлопчатобумажной промышленности.

Текстильное сырье, как видно из сопоставления табл. 1 и 8, в цензовой промышленности составляло в 1922/23 г. 91,8%, в 1923/24 г. 88,3% и в 1924/25 г. 82.9% от общей суммы стоимости потребленного в производстве сырья и материалов промышленного происхождения; благодаря этому, рост валовой продукции обгоняет рост потребления текстильного сырья и полуфабриката, и отношение потребления к валовой продукции уменьшается.

Таким образом, колебания в общем итоге внутрипромышленного потребления средств производства в отношении к валовой продукции об'ясняются главным образом указанными изменениями в топливной и текстильной промышленности. Если исключить последние, мы получим более стройную картину неуклонного роста внутрипромышленного потребления, что видно из следующего:

(В %% к валовой продукции)

	Потреблено в цензовой промышл. средств производства промышлен. происхождения	То же без топливной и текстильной промышленности
1922/23 г.	28,7	16,3
1923/24 г.	26,5	18,8
1924/25 г.	32,2	25,3

Недостаток места не позволяет нам подвергнуть более детальному анализу производственное потребление в цензовой промышленности и существующую на основе этого взаимную связь отдельных отраслей промышленности. Поэтому ограничимся только несколькими замечаниями в отношении тех случаев, когда вместо ожидаемой плавности динамических рядов мы видим резкие скачки вверх или вниз.

Тут уместно будет еще раз подчеркнуть, что неправильно было бы сопоставлять темп развития валовой продукции какой-либо отрасли и роста потребления в данной отрасли продуктов других отраслей и

[1] Напоминаю, что хлопок очищенный, по нашему методу, относится к промышленным товарам. В таблицах по отраслям (в знаменателе) дан итог, включающий импортный хлопок.

искать здесь полной пропорциональности. Помимо различной динамики цен и структурных изменений внутри валового оборота, следует еще знать имевшие место изменения в качестве сырья и в ассортименте продукции. Так, например, замена в мыловаренной промышленности животного сала гидрогенезированным растительным маслом уменьшает потребление продуктов сельского хозяйства и соответственно увеличивает потребление продуктов промышленности, при чем далеко не в той пропорции, в которой увеличилась валовая продукция мыловаренного производства. От ассортимента хлопчатобумажных тканей зависят размеры потребления красок и других вспомогательных материалов, как крахмал, декстрин и т. п. Поэтому при анализе внутрипромышленного потребления необходимо учесть все те отдельные изменения, которые имели место в том или ином производстве. В связи с этим при изучении внутрипромышленного оборота лучше пользоваться данными по подгруппам, а не суммарными групповыми итогами, которые часто сглаживают и скрывают значительные изменения.

Так, резкое повышение потребления продуктов добывания и первичной обработки минералов в горной промышленности в 1924/25 г. об'ясняется относительно большим ростом в железнорудной и машиностроительной промышленности фасонного и проч. литья и увеличением в связи с этим потребления огнеупорных глин (см. приложенную табл. потребления продуктов, подгр. Iа). Скачок в потреблении продуктов гр. I в пищевой промышленности находит себе об'яснение в увеличении выпуска водочных изделий и росте потребления стекольной посуды.

По металлургии динамика потребления в общем следует росту продукции. По металлообрабатывающей промышленности внутрипромышленное потребление возрастает несколько быстрее, в связи с упорядочением и усилением с 1923/24 г. текущего ремонта.

Аналогичное мы видим и по деревообделочной промышленности, где, в связи с усилением текущего ремонта, увеличилось потребление крепежного и прочего леса в топливно-рудной промышленности. Увеличилось потребление леса и в металлобработке и машиностроении, а также в пищевой, бумажной и швейно обувной промышленности, где больше стали применять деревянную тару. В последних трех отраслях за последние годы интенсивно проводится электрификация, в связи с чем при росте потребления электроэнергии уменьшается собственное потребление минерального топлива.

Выше мы рассмотрели только производственное потребление. Ниже мы приводим данные о потреблении в цензовой промышленности строительных материалов, спецодежды и канцелярских принадлежностей. (см. табл. 7).

Для выяснения вопроса об об'еме и составе материальных затрат промышленности в строительстве мы не располагаем прямыми статистическими материалами, как, например, в отношении производственного потребления, где имеются ежегодные отчетные данные о потреблении, ибо, к сожалению, до сих пор, кроме балансовых отчетов об общей сумме затрат, у нас нет еще налаженной статистики промстроительства и потребления строительных материалов. Поэтому для построения указанной таблицы нам прежде всего пришлось выделить из общей суммы затрат на строительство ту часть, которая была затрачена на приобретение материалов. Для выяснения этого были использованы материалы к балансам по промышленности Союза и РСФСР за 1923/24 и 1924/25 гг. Полученные коэфициенты с некоторыми поправками были распространены на все промстроительство. В отношении электро- и жилстроительства пришлось пользоваться только сметными предположениями (см. стр. 348).

Потребление сырья, топлива и вспомогательных материалов в фабрично-заводской промышленности

(В тысячах червонных рублей, по ценам на месте потребления)

Таблица 1

Потребляющие отрасли промышленности	Годы	Всего потреблено	В том числе: Продукты земледелия и животного происхожд.		продуктов сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства					
					Продукты лесного хозяйства				Итого	
					Всего		В том числе топливо			
			в тыс. черв. руб.	в %%%	в тыс. черв. руб.	в %%%	в тыс. черв. руб.	в %%%	в тыс. черв. руб.	в %%%
А	Б	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Добывание и обработка минералов	1913	56.320,5	369,8	0,66	17.029,4	30,24	17.013,5	30,22	17.399,2	30,90
	1922/23	22.517,7	—	—	7.19 ,5	31,97	7.035,8	31,25	7.199,5	31,97
	1923/24	33.743,7	—	—	8.369,8	25.05	8.293,0	24,82	8.369,8	25,05
	1924/25	49.484,0	—	—	10.298,6	20 81	10.298,6	20,81	10.298,6	20,81
II. Горнодобывающая и горнозаводская промышленность	1913	302.390,6	224,5	0,07	35.373,8	11,70	28.246,0	9,34	35.598,3	11,77
	1922/23	261.909,1	—	—	2.124,9	0,81	1.973,0	0,75	2.124,9	0,81
	1923 24	276.950,5	—	—	7.315 1	2,64	5.256,9	1,90	7.315,1	2,64
	1924/25	373.381,2	—	—	9.293,7	2,49	9,035,2	2,42	9.293,7	2,49
III. Металлообрабатывающая промышленность	1913	112.614,3	—	—	2.850,0	2,53	1.826,2	1,62	2.850,0	2,53
	1922/23	60.165,2	—	—	1.372,9	2,28	1.372,9	2,28	1.372,9	2,28
	1923/24	84.999.4	—	—	1.340,3	1,58	1.340,3	1,58	1.340,3	1,58
	1924/25	133.632,3	190,7	0,14	1.346,2	1,01	1.346,2	1,01	1.536,9	1,15
IV. Машиностроение	1913	165.607,7	14,1	0,01	11 477,5	6,93	2.774,3	1,68	11.491,6	6,94
	1922/23	72.474,3	—	—	3.731,2	5,15	3.731,2	5,15	3.731,2	5,15
	1923/24	102.175,9	—	—	3.111,6	3,05	3.111,6	3,05	3.111,6	3,05
	1924/25	174,526,6	228,6	0,13	2.497,8	1,43	2.497,8	1,43	2.726,4	1,56
V. Обработка дерева	1913	97.745,1	86,8	0,09	60.484,3	61,87	1.358,4	1,39	60.571,1	61,96
	1922/23	57.306,0	3.235,0	5,65	47.416,1	82,74	2.242,2	3,91	50.651,1	88,39
	1923/24	89.349,3	—	—	75.669,1	84,67	21.088,2	23,60	75 669,1	84 67
	1924/25	126.095,3	3.860,7	3,06	100.400,0	79,63	10.068,8	7,99	104.260,7	82,69
VI. Химическая промышленность	1913	146.048,1	7.576,2	5,19	24.261,9	16,61	22.076,1	15,12	31.838,1	21,80
	1922/23	70.462,2	7.474,0	10,67	3.673,8	5,21	3.095,0	4,39	11.147,8	15,82
	1923/24	85.194,1	3.429,8	4,03	3.675,0	4,31	2.875 0	3,37	7.104,8	8,34
	1924/25	151.967,9	1.199,9	0,79	3.635,4	2,39	2.709,9	1,78	4.835,3	3,18
VII. Пищевкусовая промышленность	1913	922.398,5	523.887,4	56,79	36.450,4	3,95	18.842,3	2,04	560.337,8	60.74
	1922/23	314.074,2	193.164,6	61,50	45.997,5	14,65	45.997,5	14,65	239.162,1	76,15
	1923/24	595.126,0	459.253,8	77,15	13.648,3	2,29	13.648,3	2,29	472.902,1	79.44
	1924/25	1.043.853,6	716.157,9	68,61	34.925,1	3,34	34.925,1	3,34	751.083,0	71,95
VIII. Обработка твердых материалов животного происхождения	1913	8.106,0	287,0	3,54	210,1	2,59	210,1	2,59	497,1	6,13
	1922/23	5.008,2	2.768,5	55.29	1.094,4	21,85	1.094,4	21,85	3.862,9	77,14
	1923/24	7.292,4	4.170.2	57,17	248,4	3,41	248,9	3,41	4.419,1	60,58
	1924/25	12·450,2	2.637,5	21.19	448,4	3,60	448,4	3,60	3.085,9	24,79
IX. Кожевенная и меховая промышленность	1913	50.579,6	38.268.4	75,66	9.421,3	18,62	846,3	1,67	47.689.7	94.28
	1922/23	81.061,9	59.905,7	73,92	9.326,1	11,51	9.326,1	11,51	69.231,8	85,43
	1923/24	112.075,1	83.226,6	74,26	3.224,7	2,88	3.224,7	2,88	86.451,3	77,14
	1924/25	162.118,3	117.782,5	72,65	4.695,4	2,89	4.695,4	2,89	122,477,9	75,54
X. Обработка хлопка	1913	871.474,0	431.275,7	49,49	10.355,7	1,19	10.355,7	1,19	441.631,4	50,68
	1922/23	403.763,9	10 160,3	2,52	9.907,2	2,45	9.907,2	2,45	20.067,5	4,97
	1923/24	522.466,3	24.250,7	4,64	15.591,1	2,99	15.591,1	2,99	39 841,8	7,63
	1924/25	914.988,2	66.989,1	7,32	13.260,5	1,45	13.260,5	1,45	80.249,6	8,77

Потребляющие отрасли промышленности	Годы	Всего потреблено	В том числе: Продукты земледелия и животного происхожд. — В тыс. черв. руб.	в %%
А	Б	1	2	3
XI. Обработка шерсти	1913	120.348,3	20 493,4	17,03
	1922/23	101.341,7	8.034 8	7,93
	1923/24	140.410,5	3.720,0	2,65
	1924/25	190.559,9	5.491,3	2,88
XII. Обработка шелка	1913	26.701,0	3.823,3	14 32
	1922/23	10 890,8	2 355.7	21 63
	1923/24	14 045,5	2.769,4	19,72
	1924/25	13.361,4	5.329,5	39,89
XIII. Обработка льна	1913	57.74[illegible],4	26.215,7	35,97
	1922/23	46.099,2	17.807,8	38,63
	1923/24	60.824,3	26 250,1	43,15
	1924/25	71.889,7	26.217,7	36,47
XIV. Обработка пеньки и пр. волокнистых веществ растительного происхождения	1913	21 178 2	16 632,8	78,54
	1922/23	12.799 6	4 488,5	35,07
	1923/24	17.218,3	7.727,4	44,88
	1924/25	26.560,7	11.918,0	44,87
XV. Обработка смешанных волокнистых веществ	1913	13.146,7	14,8	0,11
	1922/23	4.492,5	—	—
	1923 24	7.391,7	427,7	5,78
	1924/25	11.500,8	—	—
XVI. Одежда и туалет	1 13	23.245,4	4.149,4	17,85
	1922/23	111.008,3	—	—
	1923/24	124.724.8	2.866,1	2,30
	1924/25	150.255,7	3.294,9	2,26
XVII. Бумажная промышленность	1913	37 601,9	126,6	0,34
	1922/23	24.541.9	628,7	2 56
	192 /24	34.693,5	264,3	0,76
	1924/25	53.519,2	679,2	1,27
XVIII. Полиграфическое пр-во	1913	32.298,1	—	—
	1922/23	24.121,2	—	—
	1923/24	42.935,8	—	—
	1924/25	77.240,4	—	—
XIX. Художественно научная промышленность	1913	5.980,6	—	—
	1922/23	606.8	—	—
	1923/24	1.457,9	—	—
	1924/25	3 473,5	—	—
XX. Производство физических сил и водоснабжение	1913	11.686,1	3,1	0,03
	1922/23	42.879,3	—	—
	1923/24	(20.518.9)	—	—
	1924/25	30.995,2	—	—
Вся цензовая промышленность	1913	3.083.219,1	1.073.449,0	34,81
	1922/23	1.727.524,0	310.023,6	17,95
	1923/24	2.379.593,9	618.356,1	25,99
	1924/25	3.771.854,1	961.977,5	25,50

Продолжение к таблице 1

продуктов сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства					
Продукты лесного хозяйства: Всего		В том числе топливо		Итого	
в тыс. черв. руб.	в %%	в тыс. черв. руб.	в %%	в тыс. черв. руб.	в %%
4	5	6	7	8	9
2.192,0	1,82	2.190,9	1,82	22.685,4	18,85
2.877,7	2 84	2.877,7	2,84	10 912,5	10,77
3.847,1	2,74	3.847,1	2,74	7 567,1	5,39
2.319,4	1,22	2.319,4	1,22	7.810,7	4,10
412,8	1,54	412 8	1,54	4.236,1	15,86
128.5	1,18	128,5	1,18	2.484,2	22,81
290,3	2,07	290,3	2.07	3.059,7	21,79
304,1	2,27	304,1	2,27	5.633,6	42,16
2 825,4	3,87	2.825,4	3,87	29.041,1	39,84
2 339,9	5 07	2.339,9	5,07	20 147,7	43,70
3.381,1	5,56	3.381,1	5,56	29 631,2	48,71
2.672,4	3,72	2.672,4	3,72	28.890,1	40,19
134,4	0,63	134,4	0,63	16.767,2	79 17
1.811,3	14,15	1.811,3	14,15	6.299,8	49 22
304,8	1,77	304,8	1.77	8 032,2	46,65
113,9	0,43	113,9	0,43	12.031,9	45,30
92,4	0,70	92,4	0,70	107,2	0,81
139,5	3,11	139,5	3,11	139,5	3,11
268,6	3 64	263.6	3 64	696.3	9.42
121,1	1,05	121,1	1,05	121,1	1,05
776,1	3,34	151,8	0,65	4.925,5	21.19
645,1	0,58	645,1	0,58	645,1	0.58
946,2	0,76	946,2	0,76	3 812,3	3 06
707,4	0,48	707,4	0,48	4.002,3	2,74
6.811,0	18,11	4.373,1	11,63	6.937,6	18,45
7.965,4	32.46	5.425,5	22,11	8.594,1	35.02
8.844,2	25,49	6.683,0	19,26	9.108,5	26,25
8.878,9	16,58	6.347,8	11,86	9.558,1	17,85
86,1	0,27	86,1	0.27	86,1	0,27
304.9	1,26	304,9	1,26	304.9	1,26
495,4	1,15	495,4	1,15	495,4	1.15
345,4	0,45	345,4	0,45	345,4	0,45
38,2	0,64	38,2	0,64	38,2	0.64
31.1	5,13	31.1	5,13	3 .1	5,13
77,4	5,31	77,4	5.31	77.4	5,31
2 ,1	0,78	27,1	0,78	27,1	0,78
450,8	3,99	447.0	3.96	453,9	4,02
4 304,5	9,99	4,304,5	9 9)	4.304,5	9,99
(3.000,0)	1.13	(3.0 .0.0)	1,13	(3.000,0)	1,13
2.178,5	7,03	2.178,5	7,03	2.178.5	7,03
221.733,6	7,19	114.301,0	3,71	1.295 182,6	42.00
152 391,5	8,82	103 783.3	6,01	462.415,1	26.,7
153.649,0	6,45	93.971,9	3.95	772.005,1	32,44
193.469,3	5,26	104.423,0	2,77	1.160.446,8	30,76

Потребление сырья и материалов в мелкой
(В тысячах червонных рублей,

Потребляющие отрасли промышленности	Годы	Всего потреблено сырья и топлива	В том числе	
			Продукты земледелия и животного происхождения	
			В тысячах черв. рублей[1]	в %%
А	Б	1	2	3
I. Добывание и обработка минералов	1923/24	2.893,5	50,9 / 50,9	1,76
	1924/25	6.377,5	118,3 / 118,3	1,85
II. Горнодобывающая и горнозаводская промышленность	1923/24	—	—	—
	1924/25	—	—	—
III. Металлообрабатывающая промышленность	1923/24	64.872,6	—	—
	1924/25	66.383,6	—	—
IV. Машиностроение	1923/24	5.575.6	—	—
	1924/25	5.968,9	—	—
V. Обработка дерева	1923/24	51.309,9	—	—
	1924/25	40.403,3	—	—
VI. Химическая промышленность	1923/24	13.750,2	—	—
	1924/25	15.362,3	466,1	3,03
VII. Пищевкусовая промышленность	1923/24	1.805.797,1	1.614.902,3	89,43
	1924/25	2.031.736,9	1.794.210,8 / 34,4	88,32
VIII. Обработка твердых материалов животного происхождения	1923/24	1.057,3	710,3	67,18
	1924/25	4.903,1	727,6	14,84
IX. Кожевенная и меховая промышленность	1923/24	61.128,4	55.561,5	90,90
	1924/25	78.649,6	604,8 / 9,4	65,58
X. Обработка хлопка	1923/24	4.132,1	—	—
	1924/25	38 013,1	65.2	0,17
XI. Обработка шерсти	1923/24	14.738,8	6.650,5	45,12
	1924/25	43.012,8	34.271,7	79,68
XII. Обработка шелка	1923/24	3.102,1	615,6	19,85
	1924/25	3.216,7	1.799,2	55,94
XIII. Обработка льна	1923/24	2.594,5	2.359,6	90,94
	1924/25	1.609,3	42,0	2,61
XIV. Обработка пеньки и пр. волокнистых веществ растительного происхождения	1923/24	7.020,1	3.920,6	55,83
	1924/25	18.345,8	1.805,7	9,85
XV. Обработка смешанных волокнистых веществ	1923/24	1.876,9	68,4	3,64
	1924/25	874,2	86,2	9,60
XVI. Одежда и туалет	1923/24	318.951,8	9.200,4	2,88
	1924/25	389.649,3	23.932,4 / 3,3	6,14
XVII. Бумажная промышленность	1923/24	1.080,1	—	—
	1924/25	4.416,3	—	—
XVIII. Полиграфическое производство	1923/24	2.003,2	—	—
	1924/25	6.365,1	—	—
XIX. Художественно-научная промышленность	1923/24	5.716,3	—	—
	1924/25	9.317,4	52,6	0,56
Вся промышленность	1923/24	2.367.600,5	1.694.040,1 / 50,9	71,55
	1924/25	2.764.605,2	1.909.182,6 / 165,4	69,06

[1] В числителе — всего, в знаменателе — в том числе топливо.

и кустарно-ремесленной промышленности
по ценам на месте потребления)

Таблица 2

продуктов сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства						
Продукты лесного хозяйства				Итого	
Всего		В том числе топливо			
В тысячах червон. рублей	в %%	В тысячах червон. рублей	в %%	В тысячах червон. рублей	в %%
4	5	6	7	8	9
980,5	33,89	980,5	33,89	1.031,4	35,65
2.751,5	43,15	2.751,1	43,15	2.869,8	45,00
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
2.595,2	4,00	2.595,2	4,00	2.595,2	4,00
438,7	0,66	160.4	0,24	438.7	0,66
458,0	8,11	458,0	8.11	458,0	8,11
906,6	15,19	12,5	0,20	906,6	15,19
14.101,2	27,48	3.748,7	7,30	14.101,2	27,48
16.292,2	40,32	484,3	1,20	16.292,2	40,32
391,2	2,85	391,2	2,85	391,2	2,85
3.380,8	22 00	675,8	4.40	3.846,9	25,03
16.275,6	0,90	16.055,3	0,89	1.631.159,9	90,33
16.740,8	0,82	15.364,8	0,76	1.810.951,6	89,14
127,9	12,10	127,9	12,10	838,2	79,28
137,0	2,79	137,0	2,79	864,6	17,63
2.229,8	3,65	830 0	1,36	57.791,3	94,55
1.088,5	1,38	888,5	1,13	52.693,3	66,96
108,5	2,61	108 5	2.61	108,5	2,61
60,2	0,16	60.2	0,16	125,4	0,33
187,6	1,25	187,6	1,25	6.838,1	46,40
129,5	0,30	126,5	0,29	34.401,2	79,98
61,6	1,98	61 6	1,98	677,2	21 83
71,3	2,21	71 3	2,21	1.870,5	58,15
107,8	4,15	107 8	4,15	2.467,4	95,09
0,8	0,05	0.8	0,05	42.8	2,66
183,6	2,61	183,6	2.61	4.104,2	58.44
0,5	0,003	0,5	0,003	1.806,2	9,853
125,1	6,67	125,1	6,67	193,5	10,31
—	—	—	—	86,2	9,60
11.958,2	3,75	11.958,2	3,75	21.158,6	6,63
3.002,4	0,77	2.516,1	0,65	26.934,8	6,91
60,0	5,55	60,0	5,55	60.0	5,55
8,1	0.18	8,1	0,18	8,1	0,18
167.0	8,34	167,0	8,34	167,0	8,34
40.4	0,63	40,4	0,63	40,4	0,63
230.0	4.02	230,0	4,02	230,0	4,02
18,7	0,20	—	—	71,3	0,76
50.330,8	2,13	38.376,2	1,62	1.744.370,9	73,68
45.068,0	1,63	23.298,3	0,84	1.954.250,6	70,69

Потребление сырья, топлива и вспомогательных материалов в фабрично-заводской, мелкой и кустарной промышленности *Таблица 3*
(В тысячах золотых рублей, по ценам на месте потребления)

Потребляющие страсли промышленности	Годы	Всего потреблено	В том числе							
			Продукты земледелия и животного происхождения		Продукты лесного хозяйства				Итого	
					Всего		В том числе топливо			
			В тысячах черв. рублей [1]	в % %	В тыс. черв. руб.	в % %	В тыс. черв. руб.	в % %	В тыс. черв. руб.	В % %
А	Б	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Добывание и сбработка минералов	1923/24	36.637,2	50,9 50,9	0,14	9.350,3	25,52	9.273,5	25,31	9.401,2	25,66
	1924/25	55.861,5	118,3 118,3	0,22	13.050,1	23,36	13.049,7	23,35	13.168,4	23,57
II. Горнодобывающая и горнозаводская промышленность	1923/24	276.950,5	—	—	7.315,1	2,64	5.256,9	1,90	7.315,1	2,64
	1924/25	373.381,2	—	—	9.293,7	2,49	9.035,2	2 42	9.293,7	2.49
III. Металлообрабатывающая промышленность	1923/24	149.872,0	—	—	3.935,5	2,32	3.935,5	2,32	3.935.5	2.32
	1924/25	200.015,9	190,7	0,10	1.784,9	0,89	1.506 6	0,75	1.975,6	0.99
IV. Машиностроение	1923/24	107.751,5	—	—	3.569,6	3,31	3.569,6	3,31	3.569.6	3.31
	1924/25	180.495.5	228,6	0,13	3.404,4	1,88	2.510,3	1,39	3.633.0	2,01
V. Обработка дерева	1923/24	140.659,2	—	—	89.770,3	63,82	24.836,9	17,66	89.770,3	63.82
	1924/25	166.498,6	3.860,7	2,32	116.692,2	70,08	10.553,1	9,21	120.552,9	72,40
VI. Химическая промышленность	1923/24	98.944,3	3.429,8	3,47	4.066,2	4,11	3 .266.2	3.30	7.496 0	7,58
	1924/25	167.330,2	1.666,0	1,00	7.016,2	4,19	3.385.7	2,02	8.682,2	5, 9
VII. Пищевкусовая промышленность	1923/24	2.400.923,1	2.074.156,1	86,39	29.9 5,9	1,24	29.703,6	1,24	2.104.062,0	87,63
	1924/25	3.075.5 0,5	2.510.368,7	81,62	51.665,9	1,68	50.28 ,9	1,63	2.562.034,6	83,30
VIII. Обработка твердых материалов животного происхождения	1923/24	8.349,7	4.880,5	58,47	376,8	4,51	376,8	4.51	5.257.3	62.98
	1924/25	17.353,3	3.365,1	19,39	585,4	3,38	585,4	3 38	3.950.5	22,77
IX. Кожевенная и меховая промышленность	1923/24	173.203,5	138.788.1	80,12	5.454.5	3,15	4.054,7	2,34	144.242.6	83.27
	1924/25	240.767,9	169.387,3	70,35	5.783,9	2,40	5.583,9	2,32	175.171,2	72.76
X. Обработка хлопка	1923/24	511.007.3	24.250,7	4,75	15.699,6	3,07	15.699,6	3.07	39.950,3	7.82
	1924/25	939.740,8	67.054,3	7,14	13.320,7	1,41	13.320,7	1,41	80.375,0	8,55
XI. Обработка шерсти	1923/24	155.149 3	10.370,5	6,68	4 034,7	2.60	4.034,7	0,26	14.405.2	9.28
	1924/25	233 572,7	39.763,0	17,02	2.448,9	1,05	2.445.9	1.04	42.211,9	18.07
XII. Обработка шелка	1923/24	17.147 6	3.385,0	19,74	351,9	2,05	351,9	2.05	3.736.9	21,79
	1924/25	16.578,1	7.128,7	43,00	375.4	2,26	375,4	2,26	7.504,1	45.26
XIII. Обработка льна	1923/24	63.418 8	28.609,7	45,12	3.488,9	5,50	3.488,9	5.50	32.098.6	50,62
	1924/25	73.499,0	26.259,7	35,74	2.673,2	3,64	2.673,2	3.64	28.932,9	39,38
XIV. Обработка пеньки и прочих волокнистых веществ растительного происхождения	1923 24	24.238,4	11.648,0	48 06	488,4	2,01	488,4	2.01	12.136,4	50 07
	1924/25	44.906,5	13.723 7	30,56	114,4	0,25	114,4	0,25	13.838,1	30,81
XV. Обработка смешанных волокнистых веществ	1923/24	9.268,6	496,1	5,35	393,7	4,25	393 7	4.25	889.8	9,60
	1924/25	12.375,0	86,2	0,70	121,1	0,98	121,1	0.98	207.3	1,68
XVI. Одежда и туалет	1923/24	443.676,6	12.066,5	2,72	12.904,4	2,91	12.904,4	2.91	24.970,9	5,63
	1924/25	5 9.905,0	27.227,3	5.05	3.709,8	0,68	3.223,5	0,60	30.937 1	5,73
XVII. Бумажная промышленность	1923/24	35.773,6	264,3	0,74	8.904,2	24 89	6.743,0	18.85	9.168,5	25,63
	1924/25	57.935,5	679,2	1,17	8.887,0	15,34	6.355,9	10,97	9.566,2	16,51
XVIII. Полиграфическое производство	1923/24	44 939,0	—	—	662,4	1,47	662,4	1,47	662,4	1,47
	1924/25	83.605,5	—	—	385,8	0,46	385,8	0,46	385,8	0,46
XIX. Художественно-научная промышленность	1923/24	7.174.2	—	—	307,4	4,29	307,4	4.29	307,4	4,29
	1924/25	12.790,9	52,6	0,41	45,8	0,36	27,1	1,21	98,4	0,77
XX. Производство физических сил и водоснабжение	1923 24	(26.518.9)	—	—	(3.000,0)	11,31	(3.000,0)	11,31	(3.000,0)	11.31
	1924/25	30.995,2	—	—	2.178,5	5,40	2.178,5	5,40	2.178,5	5,40
Вся промышленность	1923/24	4.731.603,3	2.312.396,2	48.87	203.979,8	4,31	132.348,1	2.80	2.516.376,0	53,18
	1924/25	6.523.198,8	2.871.160,1	44,02	243.537,3	3,73	127.721,3	1,96	3.114.697,4	47,75

[1] В числителе — всего, в знаменателе — в том числе топливо.

Внутрипромышленный оборот цензовой промышленности в 1922/23 г. *Таблица 4*

(В тысячах червонных рублей, по ценам на месте производства)

Группы производств	Валовой оборот	Из него пошло в дальнейшую переработку, потреблено в строительстве, для личных и канцелярских нужд внутри промышленности										
		В той же отрасли					В других отраслях				В том числе	
		Внутри того же заведения	В других заведениях			Итого гр. 2+гр. 5	В заведениях того же треста	В заведениях других трестов	Итого	Всего гр. 6+гр. 9	В других заведениях гр. 5+гр. 9	Внутри того же треста гр. 2+3+7
			Того же треста	Других трестов	Итого							
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Добыван. и обраб. минералов	73.438	2.365	976	218	1.194	3.559	7.379	10.057	17.436	29.995	18.630	10.720
II. Горн. и горнозавод.	788.195	125.370	174.542	20.703	195.245	320.615	69.849	96.255	166.104	486.719	361.349	369.761
III. Металлообрабат.	128.191	2.795	1.080	163	1.243	4.038	5.042	3.124	8.166	12.204	9.410	8 917
IV. Машиностроение	171.932	15.544	1.058	176	1.234	16.778	—	22.824	22.824	39.602	24.058	16.602
V. Обработка дерева.	105.317	—	468	100	568	568	—	19.791	19.791	20.359	20.359	468
VI. Химическая	171.315	7.427	7.347	6.075	13.422	20.849	2.365	34.510	36.875	57.724	50.297	17.139
VII. Пищевкусовая	580.955	—	24.853	5.751	30.604	30.604	—	21.437	21.437	52.041	52.041	24.853
VIII. Обработ. животн. продуктов	9.506	—	80	51	131	131	612	492	1.104	1.235	1.235	692
IX. Кожевенн., обувн. и меховая	209.596	47.289	16.606	2.936	19.542	66.831	—	8.810	8.810	75.641	28.353	63.895
X. Обработка хлопка.	885.192	250.659	203.232	33.698	236.930	487.589	—	35.506	35 506	523.095	272.436	453.891
XI. Обработка шерсти.	358.903	150.073	28.210	44.509	72.719	222.792	—	25.109	25.109	247.901	97.828	178.283
XII. Шелковая	12.631	—	—	7.649	7.649	7.649	—	—	—	7.649	7.649	—
XIII. Льняная	166.640	76.246	13.220	9.805	23.025	99.271	—	4.040	4.040	103.311	27.064	89.466
XIV. Пеньков. и проч. волокн. веществ.	31.413	9.346	2.218	1.703	3.921	13.267	—	4.093	4.093	17.360	8.014	11.564
XV. Смешан. волокн. вещества	7.429	354	—	—	—	354	—	642	642	996	642	354
XVI. Одежда и туалет.	148.169	—	—	—	—	—	—	20.555	20.555	20.555	20.555	—
XVII. Бумажная	40.023	—	300	6.347	6.647	6.647	—	24.889	24.889	31.536	31.536	300
XVIII. Полиграфическая.	76 313	—	—	337	337	337	—	1.433	1.433	1.770	1.770	—
XIX. Художеств.-научн.	2.781	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XX. Электростанции и водоснабжение	134.799	—	—	—	—	—	—	23.133	23.133	23.133	23.133	—
Вся промышленность.	4.102.738	687.468	474.190	140.221	614.411	1.301.879	85.247	356.700	441.947	1.743.826	1.056.360	1.246.904

Внутрипромышленный оборот цензовой промышленности в 1923/24 г. *Таблица 5*

(В тысячах червонных рублей, по ценам на месте производства)

Группы производств	Валовой оборот	Из него пошло в дальнейшую переработку, потреблено в строительстве, для личных и канцелярских нужд внутри промышленности										
		В той же отрасли					В других отраслях				В том числе	
		Внутри того же заведения	В других заведениях			Итого гр. 3+гр. 6	В заведениях того же треста	В заведениях других трестов	Итого	Всего гр. 7+гр. 10	В других заведениях гр. 6+гр. 10	Внутри того же треста гр гр. 3+4+8
			Того же треста	Других трестов	Итого							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Добыван. и обраб. минералов	133.191	26.633	1.565	449	2.014	28.647	17.263	41.344	58.967	87.614	60.982	45.821
II. Горн. и горнозавод.	1.077.653	247.276	152.040	32.988	185.028	432.304	28.031	126.937	214.968	647.272	399.993	487.347
III. Металлообрабат.	196.072	33.510	7.190	558	7.748	41.258	6.350	11.147	17.497	58.755	25.245	47.050
IV. Машиностроение	245.498	44.304	3.752	90	3.842	48.146	—	117.479	117.479	165.625	121.321	48.056
V. Обработ. дерева	159.823	2.743	556	122	678	3.421	4.524	44.272	48.796	52.217	49.474	7.823
VI. Химическая	212.317	32.056	14.026	10.078	24.104	56.160	2.638	64.018	66.655	122.815	90 759	48.720
VII. Пищевкусовая	1.014.250	19.446	32.778	12.454	45.232	64.678	1.430	29.228	30.658	95.336	75.890	53.654
VIII. Обраб. животных продуктов	14.161	950	120	659	779	1.728	1.020	1.481	2.501	4.229	3.280	2.090
IX. Кожевен., обувн. и меховая	252.226	84.665	26.287	3.287	29.574	114.239	—	12.839	12 839	127.077	42.412	110.952
X. Обработка хлопка.	1.192.987	381.876	195.440	55.908	251.348	633.224	9.200	33.664	43.864	677.088	295.212	536.516
XI. Обраб шерсти	419.156	191.455	35.705	34.491	70.196	261.651	—	24.365	24.365	286.016	94.561	227.160
XII Шелковая	30.565	9.323	—	9.847	9.847	19.170	—	1.606	1.606	20.776	11.453	9.323
XIII. Льняная	250.914	137.109	16.553	10.084	26.637	163.746	—	9.728	9.728	173.474	36.364	153.662
XIV. Пеньков. и проч волокн. веществ.	38.186	14.164	2.620	1.862	4.482	18.646	545	8.680	9.226	27.871	13.707	17.329
XV. Электростанции и водоснабжение	156.607	2.326	—	1.624	1.624	3.950	—	25.857	25.857	29.807	27 481	2.326
XVI. Одежда и туалет	81.817	10.567	528	12.717	13.245	23.812	—	37.350	37.350	61.162	50.595	11.095
XVII. Бумажная	89.245	—	—	2.035	2.035	2.035	—	2.774	2.774	4.809	4.809	—
XVIII. Полиграфическая.	4.990	178	—	—	—	178	—	—	—	178	—	178
XIX. Художеств.-научн.	154.826	—	—	—	—	—	—	21.271	21.271	21.271	21.271	—
XX. Смешанн. волокн. веществ.	14 988	4.030	—	—	—	4.030	—	1.235	5.235	5.265	1.235	4.030
Вся промышленность.	5.739.473	1.242.611	489.160	189.252	678.412	1.921.023	131.361	616.274	747.635	2.668.658	1.426.047	1.863.133

Таблица 6

Внутрипромышленный оборот цензовой промышленности в 1924/25 г.

(В тысячах червонных рублей, по ценам на месте производства)

Группы производств	Валовой оборот	Из него пошло в дальнейшую переработку, потреблено в строительстве, для личных и канцелярских нужд внутри промышленности										
		В той же отрасли					В других отраслях				В том числе	
		Внутри того же заведения	В других заведениях			Итого гр. 3 + гр. 6	В заведениях того же треста	В заведениях других трестов	Итого	Всего гр. 7 + гр. 10	В других заведениях гр. 6 + гр. 10	Внутри того же треста гр гр. 3+4+8
			Того же треста	Других трестов	Итого							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Добыван. и обраб. минералов	202.718	35.295	3.385	601	3.986	39.281	29.276	72.076	101.352	140.632	105.337	67.956
II. Горн и горнозавод.	1.402.500	446.064	145.468	56.572	202.040	648.104	110.383	216 619	327.002	975.106	529.042	701.915
III. Металлообрабат.	338.305	89.294	7.189	1.427	8.616	97.909	10.000	27.771	37.771	135.680	46.387	106.4 3
IV. Машиностроение.	500.846	116.888	10.063	1.841	11.904	128.792	—	183.959	183.959	312.751	195.862	126.951
V. Обработка дерева.	233.260	14.909	1.731	163	1.894	16.803	6.937	75.512	82.449	99 252	84.343	23.578
VI. Химическая	389.861	59.212	36.490	14.293	50.783	109.995	6.001	121.383	127.384	237.378	178.167	101.703
VII. Пищевкусовая	1.655.673	55.793	105.814	23.842	129.656	185.449	2.807	75.799	78.606	264.055	208.263	164.414
VIII. Обработ. животн. продуктов	24.702	—	189	7.416	7.605	7.605	1.683	3.107	4.790	12.395	12.395	1.872
IX. Кожевенн., обувн. и меховая	343.231	115.798	45.505	4.633	50.138	165.936	—	15.198	15.198	181.134	65.336	161.303
X. Обработка хлопка.	1.961.449	568.955	411.682	110.534	522.216	1.091.171	19.538	48.699	68.237	1.159.407	590.453	1 000.175
XI. Обработка шерсти.	519.315	220.901	54.060	3.664	57.724	278.625	—	58.602	58.602	337.227	116.326	274.961
XII. Шелковая	30.564	7.208	—	4.640	4.640	11.848	—	1.724	1.724	13.572	6.364	7.208
XIII. Льняная	279.071	147.914	19.956	10.561	30.517	178.431	—	14.875	14.875	193.306	45.392	167.870
XIV. Пеньков. и проч. волокн. веществ.	72.613	32.761	3.859	6.697	10.556	43.317	805	13.448	14.253	57.569	24.808	37.425
XV. Смешанн. волокн. веществ	26.523	7.135	—	—	—	7.135	—	2.977	2.977	10.112	2.977	7.135
XVI. Одежда и туалет.	174.836	85.416	—	3.030	3.030	88.446	—	31.681	31.681	120.127	34.711	85.416
XVII. Бумажная	124.995	2.211	954	22.017	22 971	25.182	—	84.890	84.890	110.072	107.861	3.165
XVIII. Полиграфическая.	170.998	—	—	3.444	3.444	3.444	—	9.471	9.471	12.915	12.915	—
XIX. Художеств.-научн.	10.327	898	—	—	—	898	—	—	—	898	—	898
XX. Электростанции и водоснабжение	158.602	10 904	—	—	—	10.904	—	36.762	47.666	36.762	10.904	147.698
Вся промышленность	8.620.389	2.017.556	846.345	275.373	1.121.718	3.139.275	187.429	1.094.553	1.281.982	4.421.257	2.403.701	3.051.330

Таблица 7

Потребление в фабрично-заводской промышленности[1] строительных материалов, спецодежды и канцелярских принадлежностей

(В тысячах червонных рублей)

Из какой отрасли производства	По ценам на месте потребления			По ценам на месте производства		
	1922/23 г	1923/24 г.	1924/25 г	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
А	1	2	3	4	5	6
I. Добывание и обработка минералов	11.379.5	60.236,4	78.689,3	7.739,1	43.631,0	68.475,0
В том числе:						
А. Добыча и первичная обработка минералов	307,5	7.386,1	9.501,7	246,0	575,0	8.000,0
Б. Керамическая промышленность	4.255,5	28.019,8	36.817,0	2.680,0	21.400,0	26.955,0
В. Стекольная промышленность	1.191,5	10.220,0	13,147,9	875,6	8.500,0	16.220,0
Г. Цементная промышленность	5.625,0	14.610,5	19.222,7	3.937,5	13.156,0	17.300,0
II. Горная и горнозаводская промышлен.	13.670,0	29.824,7	36,790.3	11.447,2	24.743,6	32.186,0
А. Каменноугольн.	220,0	528,0	679,8	182,2	369,6	581,0
Г. Черная металлургия	13 350,0	29.056,7	35.801,5	11.220,0	24.249,0	31.440,0
Е. Цветная металлургия	100,0	240,0	309,0	45,0	125,0	165,0
III. Металлообрабатывающая промышл.	2.850.0	6.845,7	8.806,5	2.148,0	6.100,0	7.690,0
IV. Машиностроение	25.000,0	120.800,0	166.600,0	22.000,0	113.800,0	152.500,0
V. Деревообрабатывающая промышл.	8.250,0	18 421,5	24.852,5	5.388,0	13.910,1	18.764,5
В том числе:						
А. Смолокурение	50,0	120,1	154,5	50,0	120,1	154,5
Б. Лесопильно-фанерное производство	8.200,0	18.301,4	24.698,0	5.338,0	13.790,0	18.610,0
VI. А. Основная химическая и лакокрасочная промышленность	460.0	1.104,0	1.421,3	345,0	880,3	1.192,0
VII. Пищевая промышл.	925,0	2.220,0	2.858,5	695,0	1.678,0	2.314,0
В том числе:						
Д. Крахмалопаточная промышленность	100,0	240,0	309,0	80,0	192,0	255,0
Е. Маслобойная пром.	825,0	1.980,0	2.549,2	615,0	1.486,0	2.059,0
VIII. Обработка твердых веществ животного происхождения	50,0	120,0	154,5	50,0	120,0	154,5
IX. Одежда и туалет	22.000,0	30.000,0	36.000,0	22.000,0	30.000,0	36.000,0
В том числе:						
А. Кожаная обувь	4.000,0	6 000,0	6.000,0	4.000,0	6.000,0	6.000,0
Б. Швейная пром.	18.000,0	24.000,0	30.000,0	18.000,0	24.000,0	30.000,0
X. Бумажное производ.	400,0	450,0	500,0	320,0	387,0	400,0
XI. Полиграфическая промышленность	600,0	750,0	850,0	600,0	750,0	850,0
ИТОГО	85.584,5	270.772,3	357.522,9	72.732,3	236,000,0	320.526,0
В т. ч. строит. материалов	62.584,5	239.572,3	320,172,9	49.812,3	204.863,0	283.276,0

[1] Без военной промышленности, но включая электростроительство и жилищное строительство в промышленности.

Потребление в цензовой промышленности в процессе произ
(в червонных

водства и в текущем ремонте продуктов промышленности [1]

Таблица 8

рублях)

Отрасли потребляющие / Группы производств	Годы	Валовая продукция	Добывание и обработка минералов	Горнодобывающая промышленность	В том числе		Металлообрабатывающая промышленность (включая машиностроение)	Вся металлическая промышленность	Деревообрабатывающая промышленность	Химическая промышленность	Пищевкусовая промышленность	Кожевенная промышленность	Текстильная промышленность	Прочие отрасли промышленности	Вся промышленность
					Топливная	Металлургия									
А	Б	В	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Добывание и обработка минералов	1922/23	71.073,5	5.400,7	1.769,4	—	1.769,4	628,9	2.270,6	47,4	2 022,8	522,2	270,6	111,1	117,8	10.890,9
	1923/24	106.557,9	8.339,0	2.584,6	90,3	2.494,3	1.869,4	4.168,2	77,3	1.491,0	2.081,0	235,8	171,8	500,9	17.350,8
	1924/25	167.423,1	11.111,7	7.110,5	318,7	6.791,8	5.329,9	11.267,7	111,4	2.081,6	8.792,2	356,9	284,0	1.684,0	36.862,2
II. Горнодобывающая промышленность	1922/23	662.825,4	3.523,7	217.702,1	164.867,5	52.834,6	74.559,2	126.428,7	184,8	6 449,4	6.147,3	984,7	10.014,4	30.336,4	349.902,0
	1923/24	830.377,5	4.693,9	212.334,9	134.159,5	78.175,4	109.603,0	186.604,9	284,1	9.347,4	7.868,5	1.483,1	14.151,4	15.486,6	375.252,9
	1924/25	956 435,5	8.011,5	254.692,5	112.447,0	142.245,5	164.736,2	305.126,3	425,5	10.470,8	12.320,1	1.448,3	24.526,8	20.222,9	496.855,6
В том числе:															
II а. Топливная	1922/23	500.813,8	3.425,9	186.399,8	164.762,2	21.637,6	11.995,5	32.814,0	158,2	4.542,5	6.141,1	819,0	10.014,4	29,967,4	253.463,8
	1923/24	578.631,4	4.576,4	156.646,9	133.681,6	22.965,3	13 546,3	35 507,6	247,6	6.684,0	7.760,2	1.453,4	14,151.4	15.062.8	220.129,0
	1924/25	557.220,4	7.828,2	155.387,4	109.033,9	46.353,5	17.730,1	62.677,9	368,5	5.948,7	11.936,0	1.400,2	24.526,8	19.217,4	244.344,3
II б. Металлургия	1922/23	162.011,6	97,8	31.302,3	105,3	31.197,0	62.563,7	93.614,1	26,6	1.906,9	6.2	165,7	—	369,0	96.438,2
	1923/24	251.746,1	117,5	55.688,0	477,9	55.210,1	96.056,7	151.097,2	36,5	2.663,4	108,3	29,7	—	423,8	155.123,9
	1924/25	399.215,1	183,3	99.305,1	3.413,1	95.892,0	147.006,1	242.448,4	57,0	4 522,1	384,1	48,1	—	1.005,5	252.511,3
III. Металлообрабатывающая промышленность (вкл. машиностроение)	1922/23	281.784.1	287,4	89.8	—	89,8	6.776,6	6 860,8	493,7	478.2	48,0	20 2	576,4	548,9	9.319,2
	1923/24	363.756.3	488,6	3.039,7	904,3	2.135,4	16.980,1	19.115,5	620,2	1.522,2	560,8	71 6	1.939,1	1.434,7	26.666,0
	1924/25	632.968,7	937,4	21.076,5	15.365,6	5.710,9	35.648,1	41.345,5	2.293,3	5.177,1	2.296,7	107,5	11.927,9	2.594,4	82.059,2
III а. То же, включая металлургию	1922/23	431.195,2	385,0	31.246,1	20.918,5	10.327,6	69.340,3	100 323,0	519,9	2.195,6	480,0	20,2	576,4	917,9	105.573,6
	1923/24	596.232,3	60 .7	58.531,7	22.865,6	35.648,1	113.036,8	167.054,7	665,7	3.935,3	659,2	71,6	1.939,1	1.858,5	1 1.303,6
	1924/25	1.016.977,6	182,5	119.885,7	60.313,4	59.572,3	182.654,2	276.283,6	2.350,3	9 325,0	2.625,1	107,5	11.927,9	3.588,7	332.646,9
IV. Деревообрабатывающ. промышленность	1922/23	105.317,4	322,5	6.024,3	2.972,5	3.051,8	2.667,5	5.692,8	2.748,9	1.410,5	768,8	62,8	516,7	448,8	14.970,8
	1923/24	157,079,7	1.299,3	13.390,7	3.107,1	10.283,6	5.573,4	15,794.0	7.938,9	2.273,3	3.394.2	263,3	669.3	761,5	35.563,9
	1924/25	218.351,1	2.221,3	24.538,3	7.512,8	17.025,5	12.481,3	29.269,9	12.085,6	4.328.9	6.418,2	501,2	1.297,3	1.707,6	65.578,6
V. Химическая промышленность	1922/23	163.887,6	1.808,7	1.964,9	1.268,5	696,4	2.086,7	2.730,4	573,7	16.107.9	255,0	7 951,7	16 005,1	3.198,1	49.951,8
	1923/24	180.260,7	4.649,3	3.660,3	540,4	3.119,9	4.112,4	7.203,3	1.033,2	31.072.5	2.448,9	9.084,6	27.110,6	6.705,9	89.877,7
	1924/25	330.648,9	6.379,2	7.272,3	1.244,8	6.027,5	8.887,0	14.691.5	2.035.8	66.042.7	5,439,9	13.207,4	57.975,1	9.735,1	176.974,5
VI. Пищевкусовая промышленность	1922/23	580.955,2	1,2	—	—	—	64,4	64,4	—	7.890,2	41.973,3	280,7	1.115,4	21,2	51.346,4
	1923/24	994.803,9	1,2	—	—	—	82,1	82,1	—	7.722.0	64.260.3	572,2	1.568,5	5,8	74.212,1
	1924/25	1.599.880,6	1,9	—	—	—	125,5	125,5	39,5	19.533,8	182.308,8	1.382,4	2.466,3	90,8	205.949,0
VI . Кожевенная промышленность	1922/23	171.813,9	22,4	—	—	—	336,8	390,8	13,4	147.7	42,0	651,2	774,0	23.550,7	25.538,2
	1923/24	180.772,7	105,4	108,3	108,3	—	555,5	555,5	49,4	267,4	76,1	10.499,9	1.157,9	26.078,6	38.898,5
	1924/25	252.135,3	203,0	1.073 2	1.073,2	—	1 813,3	1.813,3	98,5	497,4	217,4	24.947,6	2.008,5	40.699,0	71.557,9
VIII. Текстильная промышленность	1922/23	975.532,5	120,8	31,0	31,0	—	1.079,9	1.080.5	127,4	9.087,1	989,8	100,0	348 964,4	53.134,1	413.634,5
	1923/24	1.208.838,5	252,2	28,8	28,8	—	1.399,6	1.400,4	34,3	5.028,5	4.943,1	197,1	371.648,9	68.999,5	452.532,0
	1924/25	1.904.661,4	490,6	706,5	706,5	—	4.439,6	4.439,6	333,5	10.809,7	4.839,1	308,9	689.440,3	74.952,1	786.320,4
IX. Прочие отрасли промышленности	1922/23	402.084,9	215,7	2.123,8	1.889,7	234,1	4.637,0	4.829,6	581,1	4.047,7	8.159,6	355,2	1.762.0	36.191,5	58.073,6
	1923/24	474.414,5	221,1	5.417,1	5.213,2	203,9	4.178,3	5.330,6	553,1	3.661,5	10.185,7	702,9	3.168,1	51.604,6	79.692,4
	1924/25	540.328,7	574,4	11.002,5	10.656,7	345,8	6.877,8	9.314,9	921,8	7.142,0	24.010,7	855,9	4.827,0	104.805,5	161.017,6
Итого: Абсолютные цифры	1922/23	3.415.274,5	11.703,1	229.705,3	171.029,2	58.676,1	92.837,0	150.348.8	4.770,4	47.641,5	58.906,0	10.677,1	379.839,5	147.547,5	983.627,4
	1923/24	4.496.861,7	20.649,8	240.564,4	144.151,9	96.412,5	144.353,8	240.254,5	10.599,5	62.385,8	95 818,6	23.110,5	421.585,6	171.578,1	1.190.046,3
	1924/25	6.602.833,3	29.931,3	327.472,3	149.325,3	178.147,0	240.338,7	117.394,2	18.344,9	126.084,0	246.643,1	43.116,1	794.753,2	256 491,4	2.083.175,0
В % %	1922/23	100,0	0,34	6,73	5,01	1,72	2,72	4,40	0,14	1,39	1,71	0,31	11,12	4,32	28,80
	1923/24	100,0	0,45	5,35	3,21	2,14	3,21	5,34	0.24	1.39	2,11	0,51	9,38	3,82	26,46
	1924/25	100,0	0,45	4,96	2,26	2,70	3,60	1,78	0.28	1.91	3,74	0,65	12,04	3,88	31,55

[1] Без военной промышленности.

Для выяснения конкретного состава материальных затрат последние были разбиты на основании прямых балансовых данных на затраты по: 1) капитальному ремонту, 2) новому строительству (по отдельным видам) и 3) оборудованию. В дальнейшем состав затрат по капитальному ремонту был исчислен как на основании нормативных данных, так и отчасти по различным сметным предположениям. Для определения состава затрат по новому строительству было использовано также произведенное ЦОС ВСНХ обследование строительства трестов, которое дало некоторый ориентировочный материал для определения характера построек.

Таким образом были исчислены в натуре размеры потребления отдельных видов строительных материалов, которые затем были оценены по тем же ценам, что и производственное потребление.

В отношении спецодежды пришлось руководствоваться общими нормативными исчислениями, исходя из примерного числа лиц, пользующихся правом на тот или иной вид спецодежды.

Потребление канцелярских принадлежностей исчислено из расчета на одного служащего. При значительном росте потребления строительных материалов в связи с развертыванием капитального ремонта и нового строительства, мы наблюдаем относительно более быстрый рост потребления продуктов машиностроения и вообще металлопромышленности.

Сравнительно медленный рост потребления спецодежды об'ясняется как изменением цен, так и пересмотром самих норм спецодежды. В общем следует отметить, что рост расходов на спецодежду все же обгоняет значительно рост занятой в цензовой промышленности рабочей силы.

Наоборот, расходы на канцелярские принадлежности увеличиваются весьма мало, что в первую очередь обусловливается ограничением и упорядочением штатов служащих, которые в промышленности увеличиваются довольно медленно.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Ознакомившись со статьей тов. Дунаевского в № 2 „Планового Хозяйства“ за 1928 г., в которой он излагает свои впечатления от германской рационализации и предлагает создать в СССР „цитадель технической мысли“, мы хотели бы обратить нашим письмом внимание читателей „Планового Хозяйства“ на один существенный вопрос, на котором тов. Дунаевский не остановился.

Строить учреждение, о котором пишет Дунаевский, следует, использовав для него достижения не только отечественной техники, но и, конечно, в первую голову иностранной. Само собою разумеется, что следует это сделать и в области организации управления промышленностью. Считать, что путем для этого явится путь отдельных командировок наших ученых и инженеров с тем, чтобы каждый из них порознь впитывал в себя могущее пригодиться в СССР — едва ли правильно. Такой способ не дает гарантии систематического, непрерывного изучения всего того, что мы можем и должны взять на Западе. Это можно достигнуть работой на месте, там, где находится и где нужно изучать нео ходимый материал. Нам п этому кажется, что следовало бы в порядок дня поставить обсуждение вопроса о создании в Германии и Америке, как двух для нас наиболее интересных странах, таких институтов, которые бы преследовали вышеуказанную цель. По началу такие институты, конечно, будут учреждениями опытного характера, относительно небольших, ограниченных задач и скромных размеров. Они могут быть, скажем, чем либо вроде семинаров, обрабатывающих и изучающих определенную группу вопросов. Нам думается, что поскольку путем такой организации обеспечивается систематическое изучение интересующих нас вопросов — польза для советского потребителя западно-европейских технических успехов будет ощутительнее, глубже и больше. Намеченный нами институт (семинар) должен состоять при Торгпредстве или, соответственно — Амторге. С другой стороны, ему следует придать тот общественный характер, который обеспечил бы ему постоянную крепкую связь с нашими основными общественно-техническими организациями (ВАИ, Техмас, конечно, НТУ и т. д.). Для этого его организацией, наблюдением за ним и постоянной поддержкой могло бы, как нам кажется, заняться русско-германское общество „Культура и техника“, имеющее свое правление в Москве и постоянное представительство в Берлине. Это общество связано в своей работе с V. D. I. (Общество немецких инженеров) — одним из интереснейших для нас учреждений Запада. Московское правление его, кроме того, работает в тесной связи (персональной унии) с ВАИ, Техмассом и НТУ.

Мы будем очень рады, если наше письмо послужит толчком к обсуждению задачи, разрешение которой представляется нам и реальным, и крайне желательным.

К. Финкель, Г. Фрид, С. В. Громан, А. Галлоп, Е. Гаврилов, А. Наловский.

Берлин, 8 мая 1928 г.

От редакции. *Помещая настоящее письмо, являющееся откликом группы читателей журнала „Плановое Хозяйство“ — работников Торпредства СССР в Берлине, редакция считает, что авторы письма затрагивают вопрос, заслуживающий общественного внимания, в особенности инженерно-технического актива нашего Союза. Редакция охотно предоставит страницы журнала статьям на темы, затрагиваемые авторами письма.*